РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

4(101)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Экономика России в условиях импортозамещения
The Russian Economy in Conditions of Import Substitution

Цифровизация экономики: Проблемы регулирования
The Digitalization of the Economy: Problems of Regulation

Июльский (1928) пленум ЦК ВКП (б): Шанс для советской экономики
The July (1928) Plenum of the Central Committee of the All-UNION Communist Party (b): A Chance for the Soviet Economy

Ядерная безопасность в современном мире
Nuclear Security in the Modern World

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2018

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2018.04.00

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

Р 75

Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: В.С. Мирзеханов (гл. ред.) и др. – М., 2018. – ISSN 1726–5223. – № 4 (101). – 275 с.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА		**RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**
А.А. Терещук *Испанские правые о революции в России*	**7**	*A.A. Tereshchuk* *The Spanish Right about the Revolution in Russia*
В.А. Соболев *Ф.М. Бурлацкий и становление прав и свобод человека в России*	**19**	*V.A. Sobolev* *F.M. Burlatsky and Establishment of the Human Rights and Freedoms in Russia*
Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова *Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения*	**30**	*B.A. Kheyfets, V.Ju. Chernova* *Global TNCs in Russia under Conditions of Import Substitution*
РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ		**RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY**
А.О. Ковалева *Развитие Дальневосточного региона как геостратегическая задача. На примере СССР и современной России*	**46**	*A.O. Kovaleva* *The Development of the Far East as a Geostrategic Challenge. The Case of the USSR and Present-Day Russia*
Н.И. Васильева, И.А. Кашуро *Конкурентные преимущества экспорто- и импорто-ориентированных секторов российской экономики в современных условиях*	**54**	*N.I. Vasilyeva, I.A. Kashuro* *Competitive Advantages of the Export-Oriented and Import-Oriented Sectors of the Russian Economy in the Modern Conditions*
М.А. Положихина *Регулирование процесса цифровизации экономики: Европейский и российский опыт*	**64**	*M.A. Polozhikhina* *State Regulation of Digitalization of the Economy: European and Russian Experience*

Я.В. Мищенко
Стратегическое партнерство России и Вьетнама в области энергетики в аспекте конкуренции с Японией **82**

Ya.V. Mishchenko
Russia's Strategic Partnership with Vietnam in the Field of Energy and Competition with Japan **82**

Е.А. Мосакова
Рождаемость в контексте гендерного неравенства (на примере стран СНГ и БРИКС) **93**

E.A. Mosakova
Birth Rate and Gender Inequality (The Case of CIS and BRICS Countries) **93**

М.А. Ядова
Молодежь в современном мире: Тенденции взросления **104**

M.A. Yadova
Youth in the Contemporary World: Trends of Growing Up **104**

Г.Г. Шаламов
Китайское присутствие в Африке: Уроки для России **112**

G.G. Shalamov
China's Presence in Africa: Lessons for Russia **112**

Ю.Г. Павленко
Социальное государство и инновационная экономика **129**

Yu.G. Pavlenko
Social State and Innovative Economy **129**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF THE SOVIET SOCIETY

М.Л. Федоров, Т.И. Шевченко
«Красная Финляндия» в оценке И.А. Киреева и Демьяна Бедного (По архивным материалам ОР ИМЛИ РАН) **142**

M.L. Fedorov, T.I Shevchenko
«Red Finland» in the Assessment of I.A. Kireyev and Demyan Bedny (Based on Archival Materials of the RI IMLI RAS) **142**

Е.А. Папкова
«Бронепоезд 14–69» Всеволода Иванова: История и вымысел **156**

E.A. Papkova
«Bronepoezd 14–69» by Vsevolod Ivanov: History and Fiction **156**

М.А. Фельдман
Кем была одержана победа? К вопросу о результатах дискуссии на Июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП (б) **169**

M.A. Feldman
Who Won? On the Question about the Results of the Discussion at the July (1928) Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (B) **169**

Р.Т. Нуриев
Особые конструкторские и технические бюро («шарашки») г. Казани в 1940-х гг. По мемуарам и свидетельствам современников **185**

R.T. Nuriev
Special Design and Technical Bureaus («Sharashki») in Kazan in the 1940. According to Memoirs and Testimonies of Contemporaries

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

А.К. Аликберов
Концепции начала и конца истории: Историографический обзор **199**

A.K. Alikberov
Concepts of the Beginning and the End of History: Historiographic Review

О.А. Симонова
Образ Нестора Махно в воспоминаниях А.А. Саксаганской. Впечатление писательницы, слухи, свидетельства очевидцев **214**

O.A. Simonova
The Image of Nestor Makhno in the Memoirs of A.A. Saksaganskaya. Impression of the Writer, Rumors, Eyewitness Accounts

О.А. Хлопов
Концепция сдерживания и проблемы ядерной безопасности в российско-американских отношениях **224**

O.A. Khlopov
Concept of Nuclear Deterrence and Nuclear Security in Russia-American Relations

Е.В. Журавлева, С.В. Фурсов
Популяризация науки в современной России **233**

E.V. Zhuravleva, S.V. Fursov
Promoting Science in Modern Russia

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

REVIEWS. SUMMARIES

В.Н. Бабенко, Т.Г. Биткова, А.В. Манойло, Т.Г. Пархалина, Ф.О. Трунов, Л.Н. Шаншиева
Политические и военно-политические особенности развития ситуации в Восточной Европе. Методический

V.N. Babenko, T.G. Bitkova, A.V. Manoylo, T.G. Parhkalina, Ph.O. Trunov, L.N. Shanshieva
Political and Military-Political Features of the Situation Development in Eastern Europe. Methodical Seminar

семинар Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН **238** *of Center of Scientific Information Studies on Global and Regional Issues INION RAN*

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман «Время великих предчувствий». Рец. на сб.: «Социальные, культурные и политические контексты современных конфликтов: Материалы XVII Международных Лихачёвских научных чтений, 18–20 мая 2017 г.: препринт» (СПб.: СПБГУП, 2017. 102 с.) **261** *O.I. Kiyanskaya, D.M. Feldman «A Time of Great Foreboding». Review on: «Social'nye, Kul'turnye i Politicheskie Kontek-sty Sovremennyh Konfliktov: Materialy XVII Mezhdunarodnyh Lihachevskih Nauchnyh Chtenij, 18–20 Maja 2017 g.: Preprint» (St. Petersburg: SPbGUP, 2017. 102 p.)*

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2018 г. **266** **CONTENTS OF «RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD» FOR 2018**

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.01

А.А. Терещук

ИСПАНСКИЕ ПРАВЫЕ О РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются высказывания о революции 1917 г. в России и о советском государстве пяти крупных испанских мыслителей и общественно-политических деятелей второй половины 30-х годов XX в. (Р. де Маэсту, Х.А. Примо де Риверы, Х.М. Фонтаны, М. де Унамуно, П. Барохи). Объединяющим признаком всех изучаемых персоналий является их критика в адрес Испанской республики и нейтральное либо положительное отношение к «Национальному движению». Вышеупомянутые деятели негативно воспринимали российский революционный опыт и опасались развития аналогичного сценария в Испании. Анализ высказываний испанских правых о революции в России играет важную роль в изучении идеологии франкистского режима.*

Ключевые слова: *гражданская война в Испании, испанская фаланга, Национальное движение, революция 1917 г., иностранцы о России.*

Терещук Андрей Андреевич – PhD, ведущий специалист,
управление по связям с общественностью,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

A.A. Tereshchuk. The Spanish Right about the Revolution in Russia

Abstract. *The article analyzes opinions of five prominent Spanish political and intellectual leaders (R. de Maeztu, J.A. Primo de Rivera, J.M. Fontana, M. de Unamuno, P. Baroja) about the Russian revolution of 1917 and the Soviet state. What was common for them all was their negative attitude towards the Spanish Republic and neutral or positive stance towards the National Movement. The aforementioned thinkers criticized the Russian revolution and were afraid of a possible development of a similar situation in Spain. The study of the opinions of the partisans of the political right in Spain about the revolution in Russia plays an important role in describing the ideology of F. Franco´s regime.*

Keywords: *Spanish Civil War, Spanish Falange, National Movement, revolution of 1917, foreigners about Russia.*

Tereshchuk Andrei Andreevich – PhD, leading specialist, Department of Public Relations, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg. E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

Вступление

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. стала конфликтом, приковавшим к себе внимание всего мира. Раскол испанского общества на две части привел к непримиримой борьбе идеологических противников. На одной стороне оказались приверженцы правительства «Народного фронта», условно называемые «республиканцами»; на другой – противники республиканского режима, которые обычно именуются «националистами» или «франкистами» (по имени Ф. Франко, одного из лидеров восстания против республики в 1936 г.). Линии разделения между враждующими сторонами проходили по многим вопросам устройства общественно-политической жизни. Противники исповедовали разные взгляды на вопрос единства страны (франкисты не допускали возможности разделения Испании, а республиканцы благосклонно смотрели на сепаратистские движения в регионах), на религию (постоянное апеллирование к традиционным христианским ценностям у националистов и резкий антиклерикализм республиканцев, принимавший зачастую формы террора[1]), на государственное устройство Испании (монархия или военная диктатура как идеал франкистов и многочисленные проекты социалистического общества у республиканцев) и др. Одним из важных вопросов, мнения о котором у противоборствующих сторон расходились, было отношение к революции в России в 1917 г. и к советскому режиму.

Для республиканцев, среди которых преобладали сторонники левых взглядов, революция в России была примером для подражания. Именно поэтому в республиканской пропаганде часто используется термин «революция» («revolución») применительно к переменам в испанском обществе после победы «Народного фронта» на выборах в феврале 1936 г. [3]. Оценки республиканцами дальнейшего развития советского государства могли различаться: Коммунистическая партия Испании (PCE) поддерживала курс руководства СССР в середине 30-х годов, Рабочая партия марксистского единства (POUM) придерживалась взглядов троцкистской ориентации и критиковала политику И.В. Сталина, Национальная федерация труда (CNT) была не согласна с ролью, которое играло государство в СССР, и т.д. Тем не менее помощь, оказываемая Советским Союзом республике, способствовала росту симпатий к СССР. Показательным является тот факт, что в Мадриде во время

1. За исключением территорий республики, контролировавшихся Баскской националистической партией (PNV).

гражданской войны тост «Да здравствуют русские!» был одним из самых популярных [8, p. 328].

Франкисты, соответственно, негативно оценивали революционные события в России и советский режим. Для националистов происходящее в Испанской республике было отражением 1917 г. в России. Активное вмешательство СССР в войну 1936–1939 гг. вызывало чувство неприятия у франкистов и способствовало появлению русофобских настроений. Рядовые участники «Национального движения» часто воспринимали любого русского как коммуниста. Вследствие этого русские белые эмигранты, которые отправились добровольцами в армию генерала Франко, в некоторых ситуациях сталкивались с настороженным и подозрительным отношением со стороны испанцев. Например, Г.П. Ламсдорф после перехода франко-испанской границы был арестован франкистами как предполагаемый советский шпион; около месяца ему пришлось провести в тюрьме. Восприятие русских как коммунистов или людей потенциально сочувствующих левой идеологии было обусловлено франкистской пропагандой, часто использовавшей образ русского как врага.

Изучение отношения испанских националистов к революции 1917 г. значимо с нескольких точек зрения. С одной стороны, любое свидетельство зарубежных политиков, мыслителей или общественных деятелей о революции в России помогает понять характер политических и социальных процессов в нашей стране в 1917 г. и в 20-е годы XX в. Многие высказывания испанских националистов на эти темы являются субъективными и основаны на слабом знании реалий жизни в СССР; тем не менее любое оригинальное суждение может позволить взглянуть на революционные события с нового ракурса. С другой стороны, изучение восприятия испанскими правыми революции в России важно для понимания мотивации солдат и офицеров, которые в 1941 г. отправились воевать в СССР в составе 250-й дивизии испанских добровольцев, известной как «голубая» или «синяя» дивизия (исп. *División Azul*, нем. *Blaue Division*). Можно допустить, что некоторые из 18 тыс. испанцев в составе этого формирования вынуждены были вступить в него принудительно, однако, как подчеркивает П. Моа, «подавляющее большинство из них были добровольцами» [11, p. 407]. Очевидно, что идеологическая составляющая (борьба против коммунизма) была далеко не единственным мотивом, побуждавшим испанских солдат и офицеров отправляться воевать в Россию, однако именно идеология выставлялась франкистской пропагандой в качестве оправдания пребывания «голубой дивизии» на Восточном фронте.

Методология исследования

В настоящей статье анализируются суждения о революции в России и о советском режиме испанских общественно-политических деятелей,

оказавших влияние на идеологическое оформление «Испанской фаланги традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления» (*Falange Española Tradicionalista y de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista*), которую в более краткой форме называли «Национальным движением» (*Movimiento Nacional*). «Национальное движение» было образовано по приказу Ф. Франко 19 апреля 1937 г. и объединило все правые политические партии на территории, контролировавшейся националистами. Употребление термина «правые» поотношению к изучаемым персоналиям во многих отношениях условно; идеология некоторых политических деятелей, суждения которых анализируются, не вписывается в традиционную дихотомию *левые* / *правые*. Например, Хосе Антонио Примо де Ривера (далее – Хосе Антонио[2]) – лидер фалангистов, ставших одной из ведущих сил в «Национальном движении» – противопоставлял себя и правым, и левым [12, p. 132–146]; философ М. де Унамуно, поддержавший восстание 1936 г.[3], не может быть определен как представитель правой идеологии. Кроме того, как отмечает С.В. Протасенко, в советской историографии сторонников франкистов часто называли «фашистами», что, конечно, далеко от действительности: «Против правительства Народного фронта в июле 1936 г. выступила широкая коалиция правых сил, из которых только Фаланга, и то с определенными оговорками, может быть рассматриваема как фашистское движение. Остальные же участники этой коалиции: монархисты-карлисты, монархисты-альфонсисты, сторонники партии СЭДА, члены различных католических организаций и пр. – фашистами не были» [1, с. 165]. Использование термина «консерваторы» применительно к изучаемым персоналиям также некорректно, потому что фалангистов Хосе Антонио и Х.М. Фонтану нельзя назвать консерваторами; взгляды писателя и публициста П. Барохи (в том числе и его точка зрения на события гражданской войны в Испании) эволюционировали на протяжении всей жизни, и только на некоторых этапах творчества их можно охарактеризовать как консервативные. Таким образом, использование терминов «фашисты» и «консерваторы» в данной статье представляется некорректным; вместо этого применительно к изучаемым персоналиям с определенной долей условности будет применяться определение «правые», а в качестве объеди-

2. В испанской историографии и публицистике Хосе Антонио Примо де Ривера часто фигурирует как Хосе Антонио. Употребление только имени политика служит для того, чтобы отличать лидера фалангистов от его знаменитого отца – Мигеля Примо де Риверы, диктатора Испании в 1923–1930 гг.

3. Несмотря на конфликт между М. де Унамуно и генералом М. Астраем во время широко известного инцидента в Саламанке 12 октября 1936 г., философ в целом негативно оценивал политику испанских республиканцев и до своей смерти 31 декабря того же года сочувствовал франкистам.

няющего признака упоминаемых общественно-политических деятелей будет рассматриваться их неприятие леворадикальной идеологии «Народного фронта» и поддержка (более или менее активная) франкистов в гражданской войне в Испании.

В настоящем исследовании изучаются высказывания о революции в России следующих представителей испанских правых: Рамиро де Маэсту, Хосе Антонио Примо де Риверы (Хосе Антонио), Хосе Марии Фонтаны, Мигеля де Унамуно и Пио Барохи. Их отношение к революции 1917 г. и к советскому строю анализируется на основании следующих текстов: (1) статья «Испанидад и дух» [10] (Р. де Маэсту); (2) статьи «Испания в дрейфе», «Большевизм», «Листы Фаланги»; интервью «Испанская молодежь»; выступление 14 августа 1934 г. в Сантандере; записка, написанная в тюрьме 14 марта 1936 г. [13; 14; 15; 16; 17; 18] (Хосе Антонио); (3) воспоминания «Каталонцы в испанской войне» [7] (Х.М. Фонтана); (4) статья «О жанре романов» [19] (М. де Унамуно); (5) книга «Интуиция и стиль» [6] (П. Бароха). Во всех вышеперечисленных текстах авторы обращаются к теме революции в России, в первую очередь сравнивая ее с общественно-политическими процессами в Испании.

Испанские правые о революции

Представляется уместным начать рассмотрение отношения испанских правых к революции в России со статьи политика, дипломата и философа Р. де Маэсту «Испанидад и дух». Р. де Маэсту не дожил до конца гражданской войны: 29 октября 1936 г. он был без суда расстрелян республиканцами, однако его идеи оказали значительное влияние на формирование идеологии франкистов (и в определенной степени продолжают влиять на современную внешнюю политику Испании). Статья, опубликованная философом в журнале «Acción española» за несколько месяцев до гибели, посвящена духовному состоянию современной ему Испании, которую автор сопоставляет с Россией в революционные годы.

В качестве главных причин революции 1917 г. Р. де Маэсту отметил отсутствие сильного среднего класса в Российской империи и культурный разрыв между интеллигенцией и народом. Русская интеллигенция («intelligentsia» в кавычках в оригинале) оказалась искусственной промежуточной прослойкой между царем и дворянством, с одной стороны, и остальным народом – с другой[4]; интеллигенция не смогла выполнять роль полноценного среднего класса. Р. де Маэсту замечает, что «случившееся в России не могло застать врасплох тех, кто хорошо знаком с литературой. Каждый,

4. Ср. с идеей Николая II о «средостении» между ним и простым народом [4, с. 152].

кто читал “Бесов” Достоевского, знает, что революционный процесс был предсказан гениальным писателем» [10]. Оценивая последствия революции, Р. де Маэсту усматривает определенную связь между большевизмом и традиционной русской культурой. «Великая Россия воспринимала саму себя как искупительницу всего мира. Именно в этом чувстве коренится эмоциональная сила большевизма… Русские коммунисты преобразовали относительные социальные ценности в ценности абсолютные» [там же], – писал де Маэсту. При этом, рассуждая о связи между идеологией советского режима и религиозной культурой, философ не пытается представить большевиков как ревнителей православия. Речь идет о подмене понятий традиционной культуры: «В отсутствие Бога они (большевики. – *А. Т.*) поклоняются пятилетнему плану, однако делают это так, словно бы этот план и был Богом» [там же]. Возможное спасение России де Маэсту видит в интеллигенции, сыгравшей, по его мнению, столь негативную роль в развитии революционных процессов в Российской империи. «Достоевский заблуждался в одном. Он думал, как и Бердяев, что, хотя русская интеллигенция и была развращена социализмом и атеизмом, народ оставался верен Божьей Правде. В этом Пророк ошибался. Русский народ, святой *mujíc*, предал Христианство; но, напротив, многие интеллектуалы обращают свои взоры к Кресту» [там же], – подводит итог Р. де Маэсту.

Теоретические рассуждения Р. де Маэсту были предназначены для узкого круга испанских интеллектуалов, читавших русскую литературу и интересовавшихся историей России. В то же время тексты другого крупного представителя испанских правых, Хосе Антонио, были рассчитаны на широкие слои населения. Сторонник «диалектики кулаков и пистолетов» («dialéctica de los puños y las pistolas»), лидер испанской Фаланги и один из «идолов» франкистского режима после войны, Хосе Антонио был расстрелян республиканцами 20 ноября 1936 г. в возрасте 33 лет. За свою жизнь он не успел оставить крупных трудов, поэтому о его отношении к революции 1917 г. и к советскому строю можно судить только на основании коротких публицистических статей, интервью, писем и текстов выступлений на митингах и в парламенте.

Может сложиться впечатление, что все те негативные аспекты советского режима, на которые указывает Хосе Антонио, с его точки зрения, являются свойственными самой русской культуре. Например, в 1934 г. он писал, что «в их руках (марксистов. – *А. Т.*) Власть станет дьявольским отображением русской тирании. Без Бога, без Родины, без стыда, без семьи, без индивидуального творчества в искусстве. Как в России» [15]. При этом слова «русский» и «большевик» у Хосе Антонио иногда теряют свой изначальный смысл и приобретают новое значение. В статье «Большевизм», опубликованной в газете «ABC», автор определяет данное явление как «материалистическое восприятие мира», которое «может потерпеть неудачу в коллективиза-

ции крестьян, но не остановится в том, что имеет для него первостепенное значение: в искоренении в народе религиозных чувств» [16, p. 23]. Любопытным является вывод о том, как можно прийти к «большевизму». По мнению Хосе Антонио, путь к этому мировосприятию лежит через «исключительно экономическую интерпретацию истории» [там же].

Несмотря на частое употребление слова «русский» как синонима к «большевик», Хосе Антонио различал эти понятия. В фалангистском журнале «Arriba» он писал: «Не надо прятать голову в песок и говорить: "Ба, здесь не может укорениться коммунизм, мы ведь такие индивидуалисты". Бессмысленная уловка. Русские – тоже индивидуалисты. Русским не нравится коммунизм, но коммунисты – не забывайте этого – придя к власти, удерживаются наверху не за счет поддержки народа, но благодаря силе и репрессиям» [17]. Далее автор подчеркивает роль лояльной советскому правительству армии как фактора, помогающего сохраняться коммунистической партии, которая «с двумя миллионами членов удерживается у власти… и не колеблется в применении самых жестоких мер: за десять лет большевистская власть расстреляла почти два миллиона человек» [там же]. Хосе Антонио был противником как социализма, так и либерализма (и в экономическом, и в идеологическом плане) и считал, что оба эти феномена политической жизни были тесно связаны между собой: «Социализм – это ожесточенная борьба между классами, реакция рабочих масс на экономический либерализм. Социализм связан с идеей разъединения: класс против класса, что приводит к потере восприятия Родины как трансцендентального понятия, стоящего выше индивидуальных или общих судеб» [13].

Торжество идей социализма в России пугало Хосе Антонио, который видел в существовании Советского Союза угрозу для западноевропейской цивилизации. «Либо побеждает духовное, западное, христианское и испанское восприятие бытия <…> либо побеждает русское материалистическое восприятие», – писал лидер фалангистов уже в тюрьме в 1936 г. [18]. Это материалистическое восприятие бытия могло быть принесено на Запад, по мнению политика, военным путем: «Россия со своими 4 миллионами солдат находится достаточно близко, чтобы пройти через Германию и достигнуть западной цивилизации» [14].

Многие из положений Хосе Антонио основаны на слабом знании русской истории и культуры и являются дискуссионными. Тем не менее важно отметить, что, несмотря на то что в ряде текстов политик смешивал понятия «коммунизм» и «Россия», у Хосе Антонио было понимание того факта, что советский режим не является безальтернативным путем развития России и что далеко не все русские сочувствуют марксистско-ленинской идеологии.

В то время как Хосе Антонио рассуждал о революции только теоретически (он не мог полноценно оценить революционный процесс в Испании

в 1936 г., потому что находился уже в тюрьме), один из его сподвижников, Х.М. Фонтана, наблюдал попытки перенесения советской идеологии на испанскую почву. Политик, ставший членом Совета «Национального движения» (*Consejo Nacional de FET y de las JONS*), в своей книге «Каталонцы в испанской войне», основанной в первую очередь на воспоминаниях автора, рассказывает о жизни Барселоны во время гражданской войны. Происходящее в столице Каталонии ужасает фалангиста, который видит в навязывании коммунизма ломку традиционного для своей страны уклада. Х.М. Фонтана, категорически не принимающий советской идеологии, пишет о ее простоте и примитивности: «Будучи знаком с глубокой теоретической, литературной и даже философской составляющей Фаланги, я впадал в ступор перед абсолютной внутренней пустотой красной Революции»[5] [7, p. 93]. Влияние революции в Испании отмечалась Х.М. Фонтаной не только в пропаганде, но и в бытовых деталях. Например, в 1936 г. заметно изменилась одежда людей на улицах Барселоны: «Исчезли галстуки, шляпы и чулки… Из страха или из желания быть, как все, люди стали одеваться, имитируя русскую моду. Комбинезоны, кожаные куртки… балаклавы и пилотки доминировали среди предметов гардероба» [7, p. 191]. Желание республиканцев заимствовать все советское выражалось не только в одежде, но и во многих других сферах. Х.М. Фонтана пишет, что «даже типографии стали использовать шрифты, которые делали испанские символы похожими на буквы русского алфавита» [7, p. 192]. Естественно, что помимо вышеперечисленных мелочей советская пропаганда проявлялась в открытую, с активным использованием визуальных средств воздействия. Повсюду висели «большие портреты красных царей», замечает Х.М. Фонтана и рассказывает случай, характеризующий отношение барселонских сторонников националистов к красной пропаганде: «В отеле “Колумб” повесили три больших портрета, которые представляли, соответственно, лысого Ленина, усатого Сталина и обросшего Маркса. Публика придумала объяснение, что это была реклама средства для роста волос, показывающая человека до, в течение и после курса лечения» [7, p. 200].

Наблюдая жизнь в красной Барселоне, Х.М. Фонтана изучает опыт революции 1917 г. в России и пытается прогнозировать дальнейшее развитие событий в Испании в случае победы республиканцев. Он вспоминает, что политика большевиков по отношению к крестьянам строилась следующим образом: сначала советская власть «использовала их (крестьян. – *А. Т.*) силу,

5. Любопытно, что придерживающийся диаметрально противоположных политических взглядов И.Г. Эренбург в «Испанских репортажах» аналогичным образом оценивал идеологию националистов и их германских союзников: «Его научили стрелять; думать его не научили… он спокойно уничтожал испанцев, не подумав даже, в чем они провинились перед его непогрешимым фюрером» [5, с. 138–139].

подняв против хозяйской собственности, потом выжала их, а затем направила пулеметы против тех, кто не хотел покоряться рабству *колхозов*» [7, p. 109]. Аналогичная судьба ждала, по мнению автора, и испанских крестьян.

Фалангистов Хосе Антонио и Х.М. Фонтану интересовали главным образом политические последствия революции. Для писателей и ученых наибольший интерес представляло изучение влияния революционных изменений на душу человека. Крупнейший испанский философ XX в., ректор университета Саламанки М. де Унамуно часто обращался к теме России и русской культуры в своей публицистике, а произведения русской литературы и книги о России занимали важное место в его личной библиотеке [9, p. 14]. Естественно, такое масштабное событие, как революция 1917 г., не осталось без его внимания. Восприятие М. де Унамуно революции строилось на том аспекте русской культуры, который был знаком ему лучше всего – на литературе. Философ объяснял 1917 год через романы Достоевского: «Русский роман – это не жанр и это не литература. Это не художественный вымысел. Русский роман – это творение, материальная сущность. И это история, прожитая история, а не просто рассказанная. И, как и любая прожитая история, русский роман – это пророчество. Контрреволюционер Достоевский стал пророком нынешней русской революции и отцом Ленина. Ленин вышел из романов Достоевского, а его внутренний мир такой же, как у агонистов этих романов» [19, p. 442–443]. Таким образом, революция в России стала, по мнению М. де Унамуно, слиянием реальности и литературы.

Появление «литературных героев» на российском политическом Олимпе было всего лишь метафорой, никак не означавшей, что русская литература после революции 1917 г. получит новый импульс в своем развитии. Писатель П. Бароха в качестве одного из последствий революции называл упадок литературы: «Какое необыкновенное цветение писателей было в России на протяжении последних 50 лет XIX века! А после установления коммунизма – уже 30 лет как ничего. В фашистской Италии, в гитлеровской Германии – также ничего» [6, p. 88]. Это суждение коррелирует со словами Х.М. Фонтаны о «пустоте революции». При этом для выражения своего отношения к политическим деятелям Советского Союза П. Бароха, как и М. де Унамуно, использует литературные сравнения: «Конечно, господин Молотов никакой не Макиавелли. Он больше похож на одного из этих неуклюжих управленцев, которых Достоевский так великолепно изображает в некоторых своих произведениях, например, в Степанчикове» [6, p. 50]. Сложно сказать, кого именно из героев повести «Село Степанчиково и его обитатели» испанский писатель сравнивал с В.М. Молотовым; возможно, П. Бароха имел в виду другое

произведение, название которого перепутал. Однако несомненной остается тенденция объяснять реалии жизни в России через русскую литературу[6].

Заключение

Проанализировав высказывания пяти представителей испанских правых 30-х годов XX в., можно сделать несколько выводов. Все упомянутые в статье персоналии негативно оценивали последствия революции 1917 г. для России и опасались распространения леворадикальной идеологии в своей стране. При этом их знания о России, русской культуре и советском режиме часто были отрывочными и неточными, а рассуждения о революции 1917 г. строились на литературных произведениях, слухах или на словах и действиях испанских левых. Тем не менее изучение восприятия революции в России рассматриваемыми деятелями дает нам возможность взглянуть на события 1917 г. через призму испанской культуры.

В дискурсе испанских правых понятия «русский» и «коммунист» часто употреблялись как синонимы. Без сомнения, вследствие использования данной терминологии любой русский воспринимался рядовыми бойцами армии националистов как большевик. Это могло стать одной из причин настороженного отношения франкистов к русским белым добровольцам. С другой стороны, более глубокий анализ источников показывает, что испанские правые понимали, что революция 1917 г. стала для России серьезным испытанием и что далеко не все русские сочувствовали советской власти. Изученные авторы не предлагали путей выхода из духовно-нравственного и политического кризиса, в котором оказалась Россия после 1917 г.; единственным исключением является Р. де Маэсту, надеявшийся на то, что ключевым фактором в грядущем возрождении России станет русская интеллигенция.

Библиография

1. Протасенко С.В. Правый радикализм в современной Испании // Вестник МГИМО – Университета. 2011. № 5. С. 165–173.

2. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991. 512 с.

3. Терещук А.А., Вершинин К.В., Игнашов Ю.А. Сравнительный анализ советских и испанских республиканских песен на тему гражданской войны в Испании (1936–1939) // Древняя и Новая Романия (в печати).

4. Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. В 2 т. СПб.: Вита Нова, 2009. Т. 1. 464 с.

6. Ср. с мыслью И.Л. Солоневича о том, что на Западе Россию изучали исключительно по литературным произведениям, что привело к формированию совершенно неверных представлений о нашей стране [2, с. 193–195].

5. Эренбург И.Г. Испанские репортажи 1931–1939. М.: АПН, 1986. 398 с.
6. Baroja P. La intuición y el estilo. Madrid: Caro Raggio, 1983. 370 p.
7. Fontana J.M. Los catalanes en la Guerra de España. Madrid: Samaran, 1951.
8. Jackson G. Spanish Republic and the Civil War, 1931–1939. Princeton: Princeton University Press, 1972. 600 p.
9. Korkonosenko K. Miguél de Unamuno, «un extraño rusófilo» // Cuadernos de la cátedra Miguel de Unamuno. Salamanca, 2000. N 35. P. 13–25.
10. Maeztu R. de La Hispanidad y el espíritu (Acción española. Madrid, 1936. XVI. N 83. P. 144–168) // Filosofía en español [Электронный ресурс]. URL: http://www.filosofia.org/hem/193/acc/e83144.htm (Дата обращения: 11.08.2017.)
11. Moa P. Años de hierro. España en la posguerra 1939–1945. Madrid: La Esfera de los Libros, 2008. 923 p.
12. Moa P. Los mitos de la Guerra civil. Madrid: La Esfera de los Libros, 2014. 621 p.
13. Primo de Rivera J.A. Juventud española. Entrevista (La Noticia. San Sebastián, 1933) // OCJA [Электронный ресурс]. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc2056.html (Дата обращения: 28.11.2017.)
14. Primo de Rivera J.A. Conferencia pronunciada en Santander, en el Ateneo, el miércoles 14 de agosto de 1934 (El Diario montañés. Santander, 1934) // OCJA [Электронный ресурс]. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc2103.html (Дата обращения: 28.11.2017.)
15. Primo de Rivera J.A. España a la deriva // Falange Española. Madrid, 1934. N 13. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0060 (Дата обращения: 27.11.2017.)
16. Primo de Rivera J.A. El bolcheviquismo // ABC. Madrid, 1935. 31 de julio. P. 23.
17. Primo de Rivera J.A. Hojas de la Falange (Arriba. Madrid, 1935. N 22) // OCJA [Электронный ресурс]. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0153 (Дата обращения: 27.11.2017.)
18. Primo de Rivera J.A. Hoja escrita por José Antonio en los sótanos de la Dirección General de Seguridad el 14 de marzo de 1936 // OCJA [Электронный ресурс]. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0186.html (Дата обращения: 28.11.2017.)
19. Unamuno M. de De esto y de aquello. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1953. T. 3. 617 p.

References

Protasenko S.V. Pravyj radikalizm v sovremennoj Ispanii // Vestnik MGIMO – Universiteta. 2011. N 5. P. 165–173.

Solonevich I.L. Narodnaja monarhija. Moscow: Izdatel'skaja i reklamno-informacionnaja firma «Feniks» GASK SK SSSR, 1991. 512 p.

Tereshhuk A.A., Vershinin K.V., Ignashov Ju.A. Sravnitel'nyj analiz sovetskih i ispanskih respublikanskih pesen na temu Grazhdanskoj vojny v Ispanii (1936–1939) // Drevnjaja i Novaja Romanija (v pechati).

Firsov S.L. Nikolaj II: Plennik samoderzhavija. V 2 t. Saint-Petersburg: Vita Nova, 2009. T. 1. 464 p.

Jerenburg I.G. Ispanskie reportazhi 1931–1939. Moscow: APN, 1986. 398 p.

Baroja P. La intuición y el estilo. Madrid: Caro Raggio, 1983. 370 p.

Fontana J.M. Los catalanes en la Guerra de España. Madrid: Samaran, 1951.

Jackson G. Spanish Republic and the Civil War, 1931–1939. Princeton: Princeton University Press, 1972. 600 p.

Korkonosenko K. Miguél de Unamuno, «un extraño rusófilo» // Cuadernos de la cátedra Miguel de Unamuno. Salamanca, 2000. N 35. P. 13–25.

Maeztu R. de La Hispanidad y el espíritu (Acción española. Madrid, 1936. XVI. N 83. P. 144–168) // Filosofía en español [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.filosofia.org/hem/193/acc/e83144.htm (Data obrashhenija: 11.08.2017.)

Moa P. Años de hierro. España en la posguerra 1939–1945. Madrid: La Esfera de los Libros, 2008. 923 p.

Moa P. Los mitos de la Guerra civil. Madrid: La Esfera de los Libros, 2014. 621 p.

Primo de Rivera J.A. Juventud española. Entrevista (La Noticia. San Sebastián, 1933) // OCJA [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc2056.html (Data obrashhenija: 28.11.2017.)

Primo de Rivera J.A. Conferencia pronunciada en Santander, en el Ateneo, el miércoles 14 de agosto de 1934 (El Diario montañés. Santander, 1934) // OCJA [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc2103.html (Data obrashhenija: 28.11.2017.)

Primo de Rivera J.A. España a la deriva // Falange Española. Madrid, 1934. N 13. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0060 (Data obrashhenija: 27.11.2017.)

Primo de Rivera J.A. El bolcheviquismo // ABC. Madrid, 1935. 31 de julio. P. 23.

Primo de Rivera J.A. Hojas de la Falange (Arriba. Madrid, 1935. N 22) // OCJA [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0153 (Data obrashhenija: 27.11.2017.)

Primo de Rivera J.A. Hoja escrita por José Antonio en los sótanos de la Dirección General de Seguridad el 14 de marzo de 1936 // OCJA [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0186.html (Data obrashhenija: 28.11.2017.)

Unamuno M. de De esto y de aquello. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1953. T. 3. 617 p.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.02

В.А. Соболев

Ф.М. БУРЛАЦКИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается деятельность и творчество Федора Михайловича Бурлацкого (1927–2014), посвященные становлению прав и свобод человека в России и в СССР. Обосновывается вывод, что Бурлацкий не просто внес значительный идейный вклад в становление прав и свобод человека в России, но и смог реализовать часть своих предложений на практике.*

Ключевые слова: *Ф.М. Бурлацкий, права и свободы человека в России, политическая история России.*

Соболев Владимир Андреевич – аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: sobvlad1992@yandex.ru

V.A. Sobolev. F.M. Burlatsky and Establishment of the Human Rights and Freedoms in Russia

Abstract. *The author addresses the political activities and scientific works of Fyodor Burlatsky (1927–2014) showing that Burlatsky not only made a significant ideological contribution to the establishment of human rights and freedoms in Russia, but also was able to implement part of his proposals in practice.*

Keywords: *Burlatsky, human rights and freedoms in Russia, political history of Russia.*

Sobolev Vladimir Andreevich – postgraduate student of the Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University. E-mail: sobvlad1992@yandex.ru

Вклад Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) в разработку проблемы прав и свобод человека в России проанализирован во многих исследованиях российских авторов [6, с. 24–29; 7, с. 101–123; 14, с. 191–206; 16, с. 25–42; 17, с. 124–128].

Однако многие положения его работ на эту тему требуют дополнительного изучения.

Исследование Ф.М. Бурлацким процесса становления прав и свобод человека в России

По мнению Бурлацкого, история становления прав и свобод человека в России уходит корнями в XVIII в., когда в «Наказе» Екатерины II впервые были охарактеризованы права и свободы человека [8, с. 9–17; 9, с. 279–299; 10, с. 175–194]: «Парадоксально, но факт, что впервые о неотчуждаемых человеческих правах – о свободе, о равенстве перед законом, о верховенстве закона – русские люди услышали не от кого-нибудь, а от царской власти. Я имею в виду "Наказ" Екатерины II, составленный ею самой и ее сотрудниками и приуроченный к Собору, который должен был собраться для выработки новых законов в европейском духе. "Наказ" изобилует ссылками на французских просветителей, английских, голландских мыслителей XVIII века. Здесь можно найти большие выдержки из произведений Ш. Монтескье, Дж. Локка, Беккариа и многих других представителей школы естественного права, идей равенства и свободы» [3, с. 219].

Далее Бурлацкий отмечает историческую роль преобразований Петра I и Александра II: «Двести лет прошло между двумя взрывами реформаторства – Петра I и Александра II. Но, несмотря на дистанцию, тогда решались сходные задачи: налаживание профессионального управления; установление честного правосудия; повышение эффективности хозяйства; просвещение народа. Это говорит о том, как медленно тащилась политическая телега России по ухабам и весям истории. Страна невероятно расширялась на Запад и, особенно, на Восток, а государство оставалось архаичным, феодальным. Но в отличие от Петра, Александр II уже проявлял интерес к правам человека и освобождению крестьян от крепостного рабства» [3, с. 223].

Бурлацкий подчеркивает, что во времена Петра I именно проблема развития прав и свобод человека не рассматривалась, но было проведено «некоторое уравнение сословий перед лицом абсолютной власти. Купечество и городское мещанство получили доступ к образованию и должностям в аппарате управления. Личные качества обретали не меньшее значение, чем принадлежность к знатным родам. Восточный ритуал двора уступил место западным канонам. В среду аристократии стали проникать либеральные западные идеи. Дочь Петра I Елизавета Петровна не случайно отказалась от применения смертной казни. Это был акт, навеянный просветительскими начинаниями Петра Великого» [3, с. 228]. А уже в XIX в. именно реформы Александра II заложили основу для становления прав и свобод человека в России: «освобождение крестьян – земельная реформа; создание местного самоуправления –

земская (от слова "земля") реформа; реформа печати и образования; учреждение суда присяжных – судебная реформа… Отмена крепостного права явилась первым примером глубокой, социальной реформы "сверху". В сущности, это был *первый исторический шаг к становлению личных прав человека* (здесь и далее выделено мной. – *В. С.*)» [3, с. 228–229].

Бурлацкий отмечает, что проблемы прав и свобод человека: «появились в русской лексике… только в конце XIX и начале XX века. Впервые проблемы правового государства, естественного права рассматриваются в трудах Б.А. Кистяковского, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого [18, с. 39–55; 19, с. 166–186; 20, с. 58–119]» [3, с. 235]. В начале XX в. после обнародования Манифеста 17 октября 1905 г., когда в России была избрана первая Государственная дума, «либеральные идеи отстаивала, пожалуй, только одна партия – конституционных демократов, но она не имела значительного влияния ни в Думе, ни в обществе, а тем более в среде необразованного и, как правило, неграмотного крестьянства, а также рабочего класса. Поэтому общественное сознание было совершенно не подготовлено к восприятию прав человека как основы демократического устройства государства. Самая прогрессивная мысль в период революций 1917 года фактически останавливалась перед дверью Учредительного собрания, которое должно было выработать конституцию и заложить основы демократического республиканского строя» [3, с. 236].

По мнению Бурлацкого, самым выдающимся реформатором дореволюционной России был П.А. Столыпин (1862–1911). Занимая сначала пост губернатора, затем председателя Совета министров и министра внутренних дел в начале XX в., Столыпин начал осуществление реформ, которые, «по его словам, ставили целью превращение России в правовое государство. Основой переустройства самодержавия в конституционную монархию Столыпин считал коренное изменение положения крестьянства. Главная его мысль состояла в создании условий для выхода крестьянина из общины и обретения частной собственности на землю, что должно было стать основой его свободы, а затем и конституционного строя в целом. Он провел ряд установлений, которые подготовляли почву для коренной реформы положения крестьянства. В их числе был Указ от 5 октября 1906 года о равноправии крестьян, от 9 ноября о выходе из общины, от 12 августа, 27 августа, 19 сентября, 21 октября о передаче земель крестьянам и т.д. По инициативе Столыпина в Государственную думу правительство внесло более 200 законопроектов, направленных на формирование правового порядка, укрепление частной собственности, местного самоуправления и защиты прав человека» [там же].

События 1917 г. и последующих годов [4, с. 78–89; 5, с. 182–185; 11, с. 35–55; 12, с. 7–47; 13, с. 94–103] затормозили процесс становления прав и свобод человека в России: «Октябрьская революция, приход к власти партии

большевиков, разгон Учредительного собрания надолго отложили саму возможность пропаганды и осуществления идей прав человека в России, в их общепринятом истолковании» [3, с. 237].

Возвращение к идеям прав человека произошло в Советском Союзе только в 1930-е годы. И следующим значимым событием на пути становления прав и свобод человека Бурлацкий называет принятие Конституции СССР 1936 г. Данная конституция закрепляла целый ряд правовых норм, «направленных внешним образом на защиту права на физическую неприкосновенность, социальных прав, а также политических прав и свобод, которые даровались, однако, на условиях "укрепления коммунистического строя"» [там же]. Бурлацкий подчеркивает, что «включение в так называемую сталинскую конституцию большого блока, повторяю, внешне направленного на охрану человеческих прав, произошло под влиянием Запада и заинтересованности Сталина в нормализации отношений с демократическими государствами» [там же].

В тот период начали складываться основные отличительные черты «советской доктрины прав человека, которую представители СССР стремились проводить при заключении и принятии основных документов по этим проблемам на международной арене. Первая ее особенность заключалась в том, что *полностью отрицалась идея естественных и неотчуждаемых прав личности*. Эти права рассматривались, как нечто даруемое государством, при этом каждое государство могло устанавливать те нормы, которые отвечали его идеологии и интересам. Второе: *претензия на "превосходство" социалистических представлений о правах человека*, якобы дающих реальные гарантии их осуществления в силу характера самой системы, где нет деления на господствующие и подчиненные классы. С этих позиций подвергались критике так называемые буржуазные представления, взгляды, нормы, политическая культура, которые носят будто бы формальный характер и не обеспечиваются ни материальными условиями, ни государством.

Третье: *утверждение о приоритете социальных прав над политическими и личными правами*. Четвертое: *трактовка прав человека* не из универсального принципа гуманизма, не из человеческой природы, не из системы отношений между странами и государствами, а *как суверенного внутригосударственного права, исключающего какое-либо международное вмешательство*. Пятое: *отрицание частной собственности* как важнейшего права, дающего реальные гарантии независимости личности от государства и свободы инициативы и предпринимательской деятельности, как важнейшего принципа, который обеспечивает развитие личности» [3, с. 237–238].

Следующим этапом в процессе становления прав и свобод человека в России Бурлацкий называет период управления СССР Н.С. Хрущёвым: «Первый прорыв к правам человека от сталинского режима был осуществлен

по инициативе Никиты Хрущёва, хотя он сам являлся органическим продуктом тоталитарной системы… Священное право человека на жизнь – вот главное, что гарантировали реформы Никиты Хрущёва» [3, с. 239]. Бурлацкий отмечает, что секретный доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС о И.В. Сталине, осудивший массовые репрессии, был «крупным шагом для утверждения права на жизнь и физическую неприкосновенность советского человека. За этим последовала реабилитация и освобождение из ГУЛАГа сотен тысяч людей. В программе КПСС 1961 года были закреплены некоторые принципы, направленные на преодоление сталинской системы власти» [3, с. 240].

Активное участие в работе над этой программой принимал сам Бурлацкий. Он внес в программу положение о «*переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству и советской демократии и о гарантиях против рецидива культа личности*. Эти идеи встретили решительное сопротивление догматиков в Президиуме ЦК. О. Куусинен убедил Хрущёва в необходимости отмены стереотипа диктатуры пролетариата, что служило идеологическим обоснованием практики массовых репрессий. Затем мне было поручено возглавить рабочую группу по подготовке новой Конституции СССР. Мы проделали большую работу со специалистами и подготовили предложения по демократизации страны, учреждению президентской республики с постоянно работающим советским парламентом и либерализации внутри КПСС. Одним из боковых следствий явилось учреждение в регионах двух параллельных партийных организаций – промышленной и сельскохозяйственной. Эта идея принадлежала лично Хрущёву и означала робкий шаг к двухпартийной системе. Отстранение Хрущёва в октябре 1964 года положило конец этому этапу реформ» [3, с. 240–241].

Бурлацкий считает, что на тот момент им удалось провозгласить и частично осуществить принцип: «*Не подлежат уголовному наказанию люди, высказывающие свое несогласие с властью*. Хрущёв даже похвалялся: у нас нет ни одного человека, осужденного за политические преступления. Это оказалось полуправдой, но само провозглашение принципа было чрезвычайно благотворно. Второе: *закончилась практика уголовных наказаний без суда*. И третье: *целый слой населения – крестьянство – получил права на передвижение по стране и переселение в город или другие регионы*. Началось законотворчество, которое порывало со сталинской традицией и создавало базу для становления законности. Эта деятельность, однако, осталась незавершенной, поскольку Хрущёв был отстранен от власти» [3, с. 241].

Отдельно Бурлацким охарактеризовано влияние Запада на процесс становления прав и свобод человека в Советском Союзе: «В начале 1970-х годов начался процесс улучшения отношений между СССР и США и странами Западной Европы, который привел к существенным договоренностям и сдвигам

в области прав человека в Советском Союзе. У истоков этого процесса были соглашения, достигнутые на встречах на высшем уровне во Франции (1970, 1971 гг.), ФРГ (1971 г.) и США (1972 г.). Во время этих переговоров было согласовано решение о созыве Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)» [3, с. 241]. Третий этап этого совещания проходил с 30 июня по 1 августа 1975 г. в Хельсинки: «На нем был принят Заключительный акт, который сыграл большую роль в укреплении мира на континенте и развитии сотрудничества, в том числе в гуманитарной сфере. В совещании принимали участие 33 страны Европы, а также США и Канада» [там же].

Бурлацкий рисует следующую картину тех событий: «СССР и Запад стремились к несовпадающим целям: первый стремился закрепить границы в Европе, начать ограничение гонки вооружений; второй, кроме безопасности, был озабочен вопросом о либерализации в СССР и решением проблем прав человека, свободного передвижения товаров, людей и идей между Востоком и Западом. После успешного завершения Совещания в Хельсинки процесс был продолжен на белградской встрече (1977–1978 гг.), мадридской встрече (1980–1983 гг.)… Заключительный акт Хельсинки сыграл важную роль в ходе разрушения сталинского наследия, тоталитарного режима. Правда, происходило это больше всего в сфере идеологии, куда все шире стали проникать западные ценности относительно чести, достоинства и свободы личности» [3, с. 241–242].

Период управления СССР М.С. Горбачёвым, по мнению Бурлацкого, – следующий этап в процессе становления прав и свобод человека в России: «Приход к власти Михаила Горбачёва в апреле 1985 года ознаменовал начало крутого перелома в развитии страны, в демократизации и становлении прав человека. Его деятельность отразила тенденции, объективно созревшие внутри СССР, и в то же время личные устремления Горбачёва… Первый исторический шаг – создание советского полупарламента… Это был поворот России к современной цивилизации. Тогда началось становление политики гласности, политических прав и свобод» [3, с. 243]. Бурлацкий подчеркивает, что большое значение имела «женевская встреча Горбачёва с Р. Рейганом (я [Бурлацкий] сопровождал делегации), точнее, серия встреч с западными лидерами, в особенности в Вашингтоне и Москве. Верный своей тактике, Горбачёв не делал внешне радикальных шагов и крутых поворотов. Но он последовательно шел к формированию совершенно нового типа отношений с Западом. Горбачёв все больше проникался пониманием значения прав человека для СССР» [3, с. 244].

В целом становление прав и свобод человека в Советском Союзе, по мнению Бурлацкого, можно представить как составную часть разрушения «тоталитарной системы, ее сталинской модели и утверждения демократии,

права частной собственности и рынка. В отличие, например, от Германии, где тоталитарный режим был взорван вместе с нацистской элитой в результате поражения в войне, в СССР, а позднее в России этот процесс осуществляется сверху, представителями самой коммунистической номенклатуры и растянулся на многие десятилетия. Тоталитаризм как бы отрубался по частям, как хвост ящерицы. Этим определяется мучительный, долгий и прерывистый характер демократизации, извращение ее сущности во многих отношениях, декларативность заявленных принципов и негарантированность провозглашенных прав гражданина. Прежняя номенклатура, ее более молодая часть, осознав неизбежность все большего отставания от Запада в технологии, военном деле, экономике, вступила на зыбкую дорогу демократизации, но при этом добивалась сохранения своей власти в новых формах. Общественное движение в защиту человека едва зародилось и не могло оказать решающего влияния на этот процесс» [3, с. 215].

Бурлацкий резюмирует: «Главным фактором становления прав человека в СССР, а затем и России были внутренние изменения в стране, прежде всего разложение коммунистической идеологии и довольно бурное развитие либеральных тенденций в рамках самой политической элиты. С некоторой долей преувеличения можно было бы сказать, что духовную революцию в интересах личной свободы произвели советники в рамках МИДа, ЦК КПСС, науки и искусства. Движение диссидентов и отказников опосредовано влияло на этот процесс именно через советников» [2, с. 235]. Далее Бурлацкий отмечает, что «решающее значение имел приход к руководству страной М. Горбачёва, который отчасти был подготовлен к восприятию демократических идей своей биографией и контактами, а в значительной мере эволюционировал к пониманию ценности человека… То же самое можно сказать о Б. Ельцине в ранний период его руководства страной» [там же].

В то же время Бурлацкий подчеркивает значение западного фактора: «России и ее деятелям негде было взять пример, юридическую и правовую культуру кроме как на Западе и в международном праве, которое также формулировалось под влиянием западных идей. Этот фактор сыграл решающую роль в просвещении и советников, и вождей…» [2, с. 235]. Бурлацкий добавляет, что международный фактор сыграл «огромную роль в эпоху реформации в России. Наступила внутренняя эрозия коммунизма, его идеологии. Коммунистическая номенклатура, вернее, ее продвинутая культурно часть, стала задумываться над преимуществами западной экономики и системы ценностей. Началась революция сверху, выплеснувшая таких новых деятелей, как Горбачёв и Ельцин» [2, с. 236].

Бурлацкий считает, что схожими причинами объясняются и «все ошибки, и извращения демократических реформ. Старая партийная и молодая комсомольская номенклатура повернула их в сторону личного обогащения, сохранив

в значительной степени бесправие народа и попутно раздавив демократическую интеллигенцию. Провал молодых радикальных демократов, которые привели экономику к тяжелейшему кризису летом 1998 года, создал предпосылки для движения политического маятника в другую сторону. Центристское правительство Е. Примакова попыталось укрепить политическую стабильность и сохранить завоевания прав человека. Однако преодолеть глубокий экономический кризис не смогло» [2, с. 236–237].

Практическая реализация идей и предложений Ф.М. Бурлацкого

Уникальность личного опыта Бурлацкого состоит в том, что ему удалось реализовать часть своих идей и предложений на практике. В 1987 г. под руководством Бурлацкого была создана Комиссия по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество. В состав Комиссии вошли ученые, деятели культуры и представители религиозных конфессий, впоследствии внесшие значительный вклад в развитие доктрины обеспечения прав и свобод человека и формирование правозащитных институтов.

Комиссия занималась разрешением различного рода вопросов, касающихся защиты прав и свобод человека, проводила разного формата конференции, встречи, семинары. Поэтому ее можно считать предтечей различных правозащитных организаций России [2, с. 89]. Далее на основе этой комиссии была создана международная правозащитная организация – «Дебургское движение по правам человека», позже оно получило название «Восточно-Западная конференция по правам человека». Сопредседателями конференции были: от СССР – Бурлацкий и от США – Р. Картер. Наибольшую известность Дебургскому движению принесло отстаивание прав и требование освобождения осужденных за так называемые религиозные преступления.

В этот период Бурлацким была подготовлена аналитическая записка в адрес члена Политбюро ЦК КПСС, Секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева, в которой обосновывалась необходимость поднятия статуса Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека, приравняв ее к имеющимся общественным Комитетам (мира, за европейскую безопасность и др.); возложить на Комиссию осуществление ряда мероприятий вместе с представителями партийных и правоохранительных органов; возложить на Комиссию осуществление целенаправленных мероприятий на международной арене, имеющих целью перехватить инициативу и перейти в наступление в этой области и др. [1, л. 8–9].

В 1989 г. Бурлацкий был избран народным депутатом и стал членом Комитета Верховного Совета СССР по международным делам. В рамках коми-

тета, по его инициативе, был создан подкомитет по гуманитарному, научному и культурному сотрудничеству, руководство которым было поручено самому Бурлацкому. Результатом деятельности Бурлацкого в направлении обеспечения гарантий прав и свобод человека стали подготовленные под его руководством и вступившие в силу законы: о свободе передвижения, о свободе средств массовой информации и о свободе совести и религиозных организациях, а также «Декларация прав и свобод человека» [15]. 22 ноября 1991 г. Верховный Совет РСФСР утвердил Декларацию прав и свобод человека и гражданина. Многие положения данной декларации были внесены в проект Конституции РФ 1993 г.

Таким образом, Бурлацкий вел активную деятельность, направленную на становление прав и свобод человека: способствовал созданию Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество. Работая депутатом Верховного Совета СССР, Бурлацкий участвовал в подготовке и принятии законов, гарантирующих права и свободы человека в Советском Союзе.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что Бурлацкий не только исследовал процесс становления прав и свобод человека в России, но и внес идейный вклад в него, а также смог реализовать часть своих предложений на практике.

Библиография

1. Бурлацкий Ф.М. Записка члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву // ОРКиР НБ МГУ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9.

2. Бурлацкий Ф.М. Проблемы прав человека в СССР и России. (1970–80-е и начало 90-х годов). М.: Научная книга, 1999. 279 с.

3. Бурлацкий Ф.М. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. М.: Собрание, 2008. 319 с.

4. Гуторов В.А. О некоторых тенденциях современной теоретической интерпретации революционного насилия // Философия политики и права. 2017. № 8. С. 78–89.

5. Ильин М.В. Язык революции – язык улицы // Полис: Политические исследования. 2010. № 6. С. 182–185.

6. Карташкин В.А. Опыт разработки и принятия пактов о правах человека и современные международные отношения // Образование и право. 2016. № 11. С. 24–29.

7. Кудрявцев М.А. Институт парламентского уполномоченного по правам человека в России: Проблемы становления и развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 3. С. 101–123.

8. Перевезенцев С.В. Основные направления русской социально-политической мысли XVIII в. // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. Астрахань, 2016. № 3. С. 9–17.

9. Перевезенцев С.В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М.: Издательство «ФИВ», 2015. 456 с.

10. Перевезенцев С.В. Русский выбор: Очерки национального самосознания. М.: Русский мир, 2007. 416 с.

11. Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции // Полис: Политические исследования. 2007. № 5. С. 35–55.

12. Пивоваров Ю.С. Русская литература – русская революция // Литературоведческий журнал. 2017. № 41. С. 7–47.

13. Пляйс Я.А. Два подхода к российским революциям 1917 года: Какой из них верен? Концептуальные размышления о судьбах российских революций 1917 года // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2017. № 9 (332). С. 94–103.

14. Понизова Е.В. Институт правового статуса личности в период перестройки // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 6 (58). С. 191–206.

15. Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий и перестройка в СССР // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. № 2. URL: http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/875 (Дата обращения: 17.04.2018.)

16. Соболев В.А., Ширинянц А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42.

17. Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю. Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 3. С. 124–128.

18. Ширинянц А.А. Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 4. С. 39–55.

19. Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. 563 с.

20. Ширинянц А.А., Ширинянц С.А. Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М.: Изд-во Московского университета, 1997. 160 с.

References

Burlackij F.M. Problemy prav cheloveka v SSSR i Rossii. (1970–80-e i nachalo 90-h godov). Moscow: Nauchnaja kniga, 1999. 279 p.

Burlackij F.M. Reformy i reformatory: Nadezhdy i illjuzii. Moscow: Sobranie, 2008. 319 p.

Burlackij F.M. Zapiska chlenu Politbjuro CK KPSS, Sekretarju CK KPSS A.N. Jakovlevu // ORKiR NB MGU. F. 61. Op. 1. D. 3. L. 1–9.

Gutorov V.A. O nekotoryh tendencijah sovremennoj teoreticheskoj interpretacii revoljucionnogo nasilija // Filosofija politiki i prava. 2017. N 8. P. 78–89.

Il'in M.V. Jazyk revoljucii – jazyk ulicy // Polis: Politicheskie issledovanija. 2010. N 6. P. 182–185.

Kartashkin V.A. Opyt razrabotki i prinjatija paktov o pravah cheloveka i sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija // Obrazovanie i pravo. 2016. N 11. P. 24–29.

Kudrjavcev M.A. Institut parlamentskogo upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossii: Problemy stanovlenija i razvitija // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2017. Vol. 12. N 3. P. 101–123.

Perevezencev S.V. Osnovnye napravlenija russkoj social'no-politicheskoj mysli XVIII v. // Kaspijskij region: Politika, jekonomika, kul'tura. Astrahan', 2016. N 3. P. 9–17.

Perevezencev S.V. Rodstvo po istorii: Stat'i. Ocherki. Besedy. Moscow: Izda-tel'stvo «FIV», 2015. 456 p.

Perevezencev S.V. Russkij vybor: Ocherki nacional'nogo samosoznanija. Moscow: Russkij mir, 2007. 416 p.

Pivovarov Ju.S. Istoki i smysl russkoj revoljucii // Polis: Politicheskie issledovanija. 2007. N 5. P. 35–55.

Pivovarov Ju.S. Russkaja literatura – russkaja revoljucija // Literaturovedcheskij zhurnal. 2017. N 41. P. 7–47.

Pljajs Ja.A. Dva podhoda k rossijskim revoljucijam 1917 goda: Kakoj iz nih veren? Konceptual'nye razmyshlenija o sud'bah rossijskih revoljucij 1917 goda // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer. 2017. N 9 (332). P. 94–103.

Ponizova E.V. Institut pravovogo statusa lichnosti v period perestrojki // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2016. N 6 (58). P. 191–206.

Shestopal E.B., Shutov A.Ju. Pamjati F.M. Burlackogo (1927–2014) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki. 2014. N 3. P. 124–128.

Shirinjanc A.A. Intelligencija v politicheskoj istorii XIX veka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki. 2012. N 4. P. 39–55.

Shirinjanc A.A. Nigilizm ili konservatizm? (Russkaja intelligencija v istorii politiki i mysli). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 563 p.

Shirinjanc A.A., Shirinjanc S.A. Rossijskaja intelligencija na rubezhe vekov: zametki o politicheskoj kul'ture. Moscow: Izd-vo Moskovskogo univer-siteta, 1997. 160 p.

Sobolev V.A. F.M. Burlackij i perestrojka v SSSR // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Jelektronnyj zhurnal). 2018. N 2. URL: http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/875 (Data obrashhenija: 17.04.2018.)

Sobolev V.A., Shirinjanc A.A. F.M. Burlackij i stanovlenie politicheskoj nauki v USSR // Politicheskaja nauka. 2016. N 5. P. 25–42.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.03

Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТНК В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Аннотация. *В статье проведен анализ интеграции ТНК в политику российского импортозамещения, выявлена их роль в развитии отраслей промышленности и сельского хозяйства. Показано, что стратегии ТНК характеризуются большой гибкостью, которая позволила им снизить негативное воздействие санкций и геополитической напряженности и успешно встроиться в политику импортозамещения.*

Ключевые слова: *транснациональные корпорации, инвестиционные стратегии, прямые иностранные инвестиции, импортозамещение, локализация производства.*

Хейфец Борис Аронович – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
профессор Финансового университета при Правительстве РФ,
Москва. E-mail: bah412@rambler.ru

Чернова Вероника Юрьевна – кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры маркетинга
Российского университета Дружбы народов, Москва.
E-mail: veronika_urievna@mail.ru

B.A. Kheyfets, V. Ju. Chernova. Global TNCs in Russia under Conditions of Import Substitution

Abstract. *The paper addresses the issue of TNC in the Russian import substitution, their role in the development of Russian industries and agriculture. It is demonstrated that TNCs' strategies are characterized by great flexibility which allowed them to reduce the negative impact of sanctions and geopolitical tensions and was instrumental in the successful integration into the import substitution.*

Keywords: *transnational corporations, investment strategies, foreign direct investment, import substitution, production localization.*

Kheyfets Boris Aronovich – Doctor of Economic Sciences,
a Chief Researcher of the Institute of Economics,

RAS (Moscow, Russia); professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: bah412@rambler.ru

Chernova Veronica Jurievna – Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: veronika_urievna@mail.ru

Курс на импортозамещение

В настоящее время на российском рынке присутствуют многие ведущие ТНК, которые локализуют здесь свое производство, используя российское сырье и трудовые ресурсы. Введенные странами ЕС и США санкции, повлекшие за собой ограничение доступа к финансовым ресурсам и передовым технологиям, ответные мероприятия России в виде продовольственного эмбарго и курс на импортозамещение оказали влияние на условия деятельности ТНК на российском рынке. Часть из них ушла из России в связи с ухудшением макроэкономической ситуации, снижением суверенного и инвестиционного рейтинга страны, неблагоприятными геополитическими факторами, западными санкциями и ответными мерами России. Но большая доля ТНК остались работать на российском рынке.

Основные проблемы глобальных ТНК в России – это ограниченность их инновационной деятельности в российских подразделениях, недостаточные возможности экспорта продукции за пределы СНГ, ограничение импорта некоторых промежуточных товаров в производственной цепочке ТНК, а также падение покупательной способности населения [3, с. 25].

Ухудшение макроэкономической ситуации, санкции и ответное эмбарго вынудили российские подразделения ТНК вырабатывать новую парадигму развития. Несмотря на многочисленные публикации по проблемам, факторам и условиям привлечения ПИИ в российскую экономику, указанные подразделения как носители этих инвестиций изучены недостаточно. Занимая значительную часть рынка производства продуктов питания, ТНК неизбежно вовлечены в политику импортозамещения. Но какова их роль в этой политике, какой вклад они вносят в развитие российской промышленности и сельского хозяйства, какие возможности дает им эта политика – остается пока неисследованным. Необходим поэтому анализ современных тенденций функционирования ТНК на российском рынке в условиях импортозамещения, переосмысление их роли в этих условиях и вклада ТНК в развитие национальной промышленности и сельского хозяйства.

Импортозамещение, ставшее одним из важнейших направлений российской промышленной политики в 2014–2015 гг., было воспринято научным сообществом неоднозначно. С точки зрения одних ученых, импортозаме-

щающая индустриализация стала неизбежной для страны экспортно-сырьевой ориентации. Преодоление технологической отсталости национальной экономики и выход на траекторию ее уверенного роста невозможен без поддержки развивающихся отраслей мерами протекционистской политики, ограничения или запрета импорта продукции, составляющей конкуренцию местным товарам. Политика импортозамещения стала рассматриваться в качестве драйвера развития экономики России [1] за счет локализации национальных производств, замены импорта готовой продукции импортом промежуточных товаров. При этом на импортозамещение была возложена задача модернизации промышленности и ее технологической переоснащенности, что должно привести к росту добавленной стоимости и создать условия для диверсификации российского экспорта.

С позиции других авторов [13], поспешная активизация политики импортозамещения под влиянием политических факторов, пришедшая на смену планомерной и последовательной политики импортозамещения, проводимой в предыдущие годы, может привести к снижению ее эффективности. Причиной неэффективности поспешной и скомканной политики импортозамещения может стать отсутствие необходимых институциональных условий: одни институты развития, такие как Фонд развития промышленности, только создавались, другие, потенциально способные оказывать поддержку проектам по импортозамещению, не были готовы ее оказывать, не существовало общеотраслевых и специализированных инструментов поддержки [там же].

Третьи авторы высказывались принципиально против импртозамещения и политики протекционизма [1]. Н. Волчкова полагает, что глубокая интеграция в мировую экономику помогла бы избежать санкций, поскольку деловые интересы бизнеса всегда опережают политику. По нашему мнению, эта позиция ошибочна дважды: во-первых, Россия очень глубоко вовлечена в мировую экономику [21] – правда, характер этой вовлеченности оставляет желать лучшего ввиду его сырьевой направленности. Во-вторых, не вызывает сомнения, что «слишком видимая рука политики» в последние годы стала оказывать определяющее влияние на экономическую политику, игнорируя интересы бизнеса. По мнению Н. Волчковой, в России не было и нет причин проводить политику импортозамещения и ее провал станет благом для экономики страны. По ее расчетам, в случае успеха импортозамещения в выигрыше оказались бы только отдельные отрасли при замедлении роста экономики в целом. Проводя знак равенства между политикой импортозамещения и политикой протекционизма, Н. Волчкова полагает, что первая не может привести к модернизации экономики и ускорению темпов экономического роста по причине ее негативного влияния на конкуренцию и производительность [2].

По мнению Г. Идрисова, политика импортозамещения скорее является ответом на сложившуюся макроэкономическую и геополитическую ситуацию. Ее реализация в некоторых импортозависимых отраслях будет способствовать появлению новых товаров и, возможно, возникновению новых отраслей, что не гарантирует достижения ими мирового уровня конкурентоспособности и даже рентабельности [6].

Макроэкономическая ситуация

Резкое падение доходов от экспорта углеводородов и введение западных санкций – два главных фактора, способствующих девальвации рубля и ускоривших экономический спад, первые признаки которого проявились еще в 2009 г., привели к негативным последствиям на уровне домашних хозяйств. Падение реальных располагаемых денежных доходов населения началось в 2014 г. – 99% от уровня 2013 г. и продолжилось в 2015 (97%) и 2016 г. (94%). Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума выросла в 2015 г. на 3,4 млн человек, в 2016 – еще на 0,3 млн человек и составила в 2016 г. 13,5% от общей численности населения, что на 2,8% больше, чем в 2012 г. [19]. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств начало сокращаться еще в 2012 г., заметное его сокращение произошло в 2015 г. Снижение реального располагаемого дохода домашних хозяйств и значительный рост цен на продукты питания способствовали изменению стратегии поведения российских потребителей. Среди наиболее популярных стратегий стали выбор магазина с низкими ценами, поиск промоакций и приобретение только самых необходимых продуктов, а также приобретение продуктов в больших упаковках, позволяющее снизить общие затраты.

По некоторым данным, популярность низкоценовых магазинов у российских потребителей в марте 2016 г. достигала 63%, а интерес к «большим» покупкам как к средству снижения затрат в 2016 г. проявляли 15% респондентов [20]. Переход россиян в режим экономии при покупке продуктов питания отмечается и в других исследованиях [10], где также подчеркиваются отличительные черты экономного поведения российских потребителей: повышенное внимание к акциям, приобретение продуктов исключительно со скидками, планирование маршрута по торговым точкам, переключение потребителей на магазины с низкими ценами, с супермаркетов на дискаунтеры, рациональный подход к планированию расходов и покупка продуктов по заранее составленному списку, отказ от импульсных покупок. Первые признаки восстановления розничной торговли продуктами питания появились весной 2017 г. и уже в июне рост составил 1,2% в сравнении с аналогичным периодом 2016 г. Это объясняется снижением инфляции и, как следствие, некоторой стабилизацией спроса, что демонстрирует рост индекса потреби-

тельского доверия. Тем не менее значение индекса потребительского доверия в первой половине 2017 г. ниже, чем в 2014 и 2015 гг., и это не позволяет говорить о возвращении спроса к докризисному уровню. Российский покупатель по-прежнему демонстрирует экономное потребление. Более того, по результатам опроса российских потребителей, 86% из них намерены продолжать следовать стратегии экономии даже в случае улучшения экономической ситуации, а 77% не считают настоящее время подходящим для совершения покупок [17].

Модернизация стратегий ТНК

Ухудшение макроэкономической ситуации, западные санкции и ответное эмбарго вынудили российские подразделения ТНК вырабатывать новую парадигму развития, основными направлениями которой стали:

– частичная балансировка производственных мощностей – вывод избыточных неэффективных мощностей (продажа и / или закрытие отдельных заводов) с целью их приведения к долгосрочным условиям спроса;

– поддержание технической эффективности российских подразделений на уровне средних стандартов материнской компании;

– повышение уровня локализации производства, инновационной деятельности и технологических решений;

– повышенное внимание к подготовке кадров;

– точечные инвестиции в определенные сферы деятельности;

– форсирование экспорта.

С середины 2014 г. в бизнес-моделях ТНК в России появился новый тип инвестиционного проекта, получившего название «проекты огороженной территории» («fenced field»). Они представляют собой инвестиции в новые производственные мощности на существующих промышленных площадках успешных российских компаний, что особенно привлекательно для ТНК в отрасли машиностроения и химической промышленности. «Fenced field» могут либо полностью принадлежать дочерней компании, либо быть совместным предприятием. Основной особенностью таких инвестиционных проектов является активное использование развитой инфраструктуры «принимающей» российской компании. Это резко отличает их от использовавшейся ранее практики инвестирования в заброшенные предприятия и значительно снижает стоимость инвестиционного проекта.

Широкое распространение ТНК оказывает влияние на экономики как развитых, так и развивающихся стран, а также стран с переходной экономикой. Роль и влияние ТНК на экономику стран с переходной экономикой достаточно полно освещены в научной литературе. В частности, исследовано разнообразие факторов, которые привлекают ТНК к определенным рынкам

[24; 27], институциональные условия привлечения ПИИ [22], причины привлекательности России для ТНК [30], а также риски ведения бизнеса в России для зарубежных компаний [28], влияние санкций на западные компании [29]. В исследовании Гуркова и соавторов [26], проведенном с использованием серии интервью с руководителями дочерних предприятий западных ТНК в России, показаны управленческая практика и опыт ведения бизнеса успешных компаний. Вопросы деятельности ТНК с позиции экономической безопасности принимающих стран рассматриваются такими отечественным учеными, как В. Белошапка, В. Рокоча, В. Плотников, В. Новицкий, С. Якубовский и др.

Влияние политики импортозамещения на конкурентоспособность российских предприятий и динамика развития российских отраслей в начальный период импортозамещения освещены в работах Г. Идрисова [6; 7; 8; 9].

Механизмы стратегического импортозамещения изложены в работе О. Березинской и А. Ведева [1], политика импортозамещения с позиции государственного планирования – в статье Д. Мантурова и соавторов [13]. Уроки для России на основе опыта зарубежных стран проанализированы в статье В.С. Загашвили [5].

Экономический кризис и санкции оказали влияние на все предприятия, работающие в России, как с российской собственностью, так и предприятия иностранной и совместной российско-иностранной форм собственности. Ухудшившиеся условия ведения бизнеса и геополитические риски замедлили темп роста вновь зарегистрированных предприятий российской и совместной формы собственности в большей степени, чем иностранной формы собственности (рис. 1). Причина таких диспропорций кроется в худших условиях доступа к финансовым ресурсам для отечественных предпринимателей.

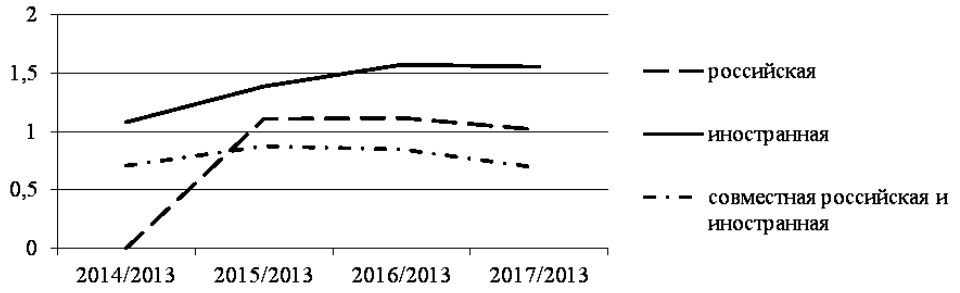

Рис. 1. Количество зарегистрированных организаций разных форм собственности в период с 2014 по 2017 г. по отношению к 2013 г., %

Источник: Составлено и рассчитано авторами на основе [19].

И если в 2015–2016 гг. отмечен резкий рост закрываемых предприятий всех форм собственности, то в 2017 г. произошло такое же значительное сокращение числа ликвидированных предприятий всех форм собственности (рис. 2).

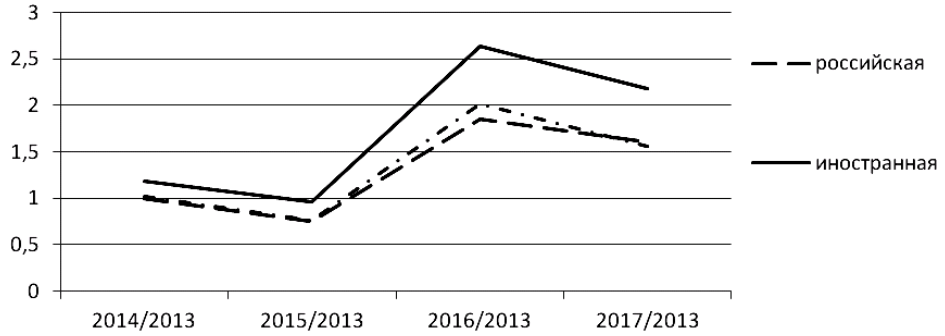

Рис. 2. Количество ликвидированных организаций разных форм собственности по отношению к 2013 г., %

Источник: Составлено и рассчитано авторами на основе [19].

Наиболее привлекательными для иностранного капитала в 2016 г. стали отрасли энергетики (+375%), оптовая и розничная торговля (+70), добыча полезных ископаемых (+23%), а значительное сокращение количества действующих предприятий с иностранным капиталом наблюдается в сельском хозяйстве (-55%) и строительстве (-57%).

В тех отраслях, где количество организаций сокращалось (сельское хозяйство, гостиницы и рестораны, операции с недвижимостью), оборот вырос. В то же время он упал в отраслях, в которых отмечен приток новых предприятий (добыча полезных ископаемых, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь). Наибольшее сокращение среднесписочной численности работников произошло в обрабатывающих отраслях промышленности (-23%), рост численности – в секторе гостиниц и ресторанов (+14) и строительстве (+11%).

В целом за период активизации политики импортозамещения в условиях санкций в экономике Российской Федерации наблюдается приток ПИИ, с заметным повышающимся трендом в отрасли реального сектора экономики (добывающие и обрабатывающие отрасли) при сокращении притока ПИИ в финансовый сектор, наиболее сильно затронутый санкциями ЕС и США.

Неблагоприятные геополитические условия в виде эскалации вокруг Сирии и нового напряжения двусторонних отношений России и США, а также Великобритании в марте-апреле 2018 г. и крайне эмоциональная реакция на эти условия на финансовом рынке вносят повышенную неопределенность в прогнозирование притока ПИИ в российскую экономику на ближайшую перспективу.

Таблица 1

ВЫРУЧКА КРУПНЕЙШИХ ТНК В РОССИИ В 2016 г. в % к 2015 г.

Отрасль	*ТНК, страна*	*Выручка*
Машиностроение	Toyota Motor, Япония	121
	Volkswagen Group, Германия	112
	Daimler, Германия	106
	Kia Motors, Корея	119
	Hyundai Motor, Корея	110
	Nissan, Япония	100
	Renault, Франция	112
	BMW Group, Германия	117
	Ford Motor, США	129
	Jaguar Land Rover	100
Пищевая промышленность	PepsiCo, США	103
	Nestle, Швейцария	118
	Mars, США	110
	Danone, Франция	107
	Carlsberg Group, Дания	105
	Coca-Cola Hellenic Bottling, Швейцария	119
	McDonald's, США	108
	Mondelez International, США	97
	Anheuser-Busch InBev, Бельгия	108
Торговля	Sanofi, Германия	108
	REWE Group, Германия	93
	Cargill, США	109
	Globus Group, Германия	116
	Leroy Merlin, Франция	124
	IKEA, Швеция	99
	Groupe Auchan, Франция	98
	Metro Group, Германия	102
Товары массового спроса	Procter & Gamble, США	102
	Unilever, Нидерланды – Великобритания	108
	Henkel Group, Германия	112
	Johnson & Johnson, США	109
	Schneider Electric, Франция	100
Производство и продажа табачных изделий	Japan Tobacco International, Япония	113
	LG Electronics, Корея	101
	МУМТ, Великобритания	131
	Anheuser-Busch InBev, Бельгия	112
Бытовая техника и электроника	Apple, США	165
	LG Electronics, Корея	101
	Samsung Electronics, Корея	104
Электроэнергетика	Uniper, Германия	101
	Fotrum, Финляндия	106
	Enel, Италия	101

Источник: Составлено и рассчитано авторами на основе [18].

В 2016 г. среди 50 крупнейших по версии Форбс [18] ТНК на российском рынке, десять компаний работают в отрасли автомобилестроения, девять компаний – в пищевой промышленности, восемь – в торговле, пять компаний производят товары массового спроса, три – бытовую технику и электронику, действуют четыре табачных компании и три – работают в секторе энергетики (табл. 1).

В 2016 г. падение выручки у ТОП-50 ТНК на российском рынке отмечено только у трех торговых компаний: REWE Group (Германия), IKEA (Швеция), Groupe Auchan (Франция) и одной компании пищевой промышленности – Mondelez International (США). При этом в рамках каждой отрасли части компаний удалось повысить выручку, другие компании отметили ее снижение, что, скорее всего, связано как с внешними конъюнктурными условиями на рынке и усилением конкуренции между самими ТНК, так и с факторами внутреннего характера. В пищевой промышленности крупные ТНК достигли умеренных темпов роста выручки после некоторого снижения объема продаж в 2014–2015 гг. Частично это связано с восстановлением покупательной способности населения, частично с гибкостью стратегий ТНК.

Основными стратегиями глобальных ТНК, позволившими снизить негативное влияние макроэкономических факторов стали:

– *расширение линейки продуктов и эффективное управление ассортиментом;*

– *выпуск продукции разной ценовой категории* (пример: Danone произвела улучшение качества и обогащение линейки продуктов приобретенной ею компании Юнимилк), компания Bunge, один из ведущих мировых агрохолдингов, производитель подсолнечного масла под торговой маркой Ideal, приобретенной у аргентинской компании Molinos, с 2015 г. в низкоценовом сегменте наладила выпуск подсолнечных масел Семеновна и Сказка;

– *сокращение производства продукции, на которой российский потребитель экономит, и рост производства продукции, на которую россияне продолжают тратить свой сократившийся бюджет*. В условиях экономии российских потребителей на продуктах, не относящихся к товарам первой необходимости, к примеру кондитерских изделиях, компания Mars сделала акцент на производстве продуктов питания для животных, где наблюдается рост как в стоимостном выражении, так и в объемах, и на сегменте соусов для приготовления блюд (россияне стали меньше посещать рестораны и кафе и больше готовить дома);

– *выпуск продукции в соответствии с рекомендуемыми нормами потребления и пищевой ценности*: концерн Danone внедряет новые стандарты, основанные на официально рекомендованных нормах потребления пищевых веществ (ВОЗ, Европейское агентство по безопасности продуктов питания и пр.), современных научных рекомендациях о полезных пищевых привычках,

нацеленных прежде всего на улучшение пищевой ценности продуктов для ежедневного потребления;

– *повышение эффективности поставщиков*, помощь технологиями и улучшением практики, защита всей цепочки поставок (пример: Danone организовала проект «Молочная академия», в результате которого по прогнозу эффективность российских ферм в среднем возрастает на 6%, надои – на 8, а себестоимость производства снизится на 6–7%);

– *оптимизация организации логистики* (Coca-Cola осуществила передачу функции доставки в удаленных филиалах аутсорсинговой компании).

Локализация производства

Особо следует сказать о ведущем тренде модернизации стратегий ТНК в России – усилении локализации производства. Так, в таблице 2 показаны производственные площадки ТНК в пищевой промышленности.

Таблица 2

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПЛОЩАДКИ ТНК,
РАБОТАЮЩИЕ НА РОССИЙСКОМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ РЫНКЕ**

ТНК, страна, год основания	*Сегменты рынка*	*Начало работы в России*	*Количество производственных объектов в России*
Danon, Франция, 1919	Кисломолочные продукты, детское питание, бутилированная питьевая вода, медицинское питание	1992	20
PepsiCo, США, 1890	Продукты питания и напитки	1974	20
The Coca-Cola Company, США, 1892	Концентраты, сиропы, безалкогольные напитки	1980	12
Unilever, Великобритания, 1929	Продукты питания и напитки; средства личной гигиены, бытовая химия	1991	8
Nestle, Швейцария, 1866 (2015 слияние Kraft Foods и Heinz **KraftHeinz**)	Продукты питания, напитки	1971	11
Heinz, США, 1844 (2015 слияние Kraft Foods и Heinz **KraftHeinz**)	Напитки и продукты питания	1995	2
Fazer, Финляндия, 1891	Продукты питания, хлебобулочные и кондитерские изделия	1997	4
Bonduelle, Франция, 1853	Консервированные и замороженные овощи	1995	2
Bunge, США, 1818	Растительные масла, маргарин, майонез, мука, смеси	2004	5
Mars, США, 1911	Продукты питания, питание для домашних животных, шоколад, жевательная резинка	1991	10

Источник: Составлено авторами на основе открытых источников.

Санкции и падение курса рубля привели к снижению стоимости труда в России ниже уровня Китая, что не могли не учитывать зарубежные инвесторы. В 2016 г. решения о локализации производств реализованы ТНК во многих отраслях промышленности:

- в станкостроении – немецко-японский производитель режущих и токарных станков DMG MORI в сентябре 2016 г. стал владельцем собственного завода в городе Ульяновске;
- в автомобилестроении – немецкая автомобильная корпорация Daimler также решила локализовать производство одного из своих брендов в России, вложив 279 млн долл. на строительство новой фабрики «Мерседес», которая будет производить более 20 тыс. автомобилей в год; китайский Haval Great Wall Motors строит завод полного цикла в Тульской области, который будет открыт в 2018 г., создав 2500 рабочих мест и производя до 150 тыс. автомобилей в год. Инвестиции в проект в размере 500 млн долл. США могут вызвать вторичные эффекты и дать толчок развитию химической промышленности и металлургическим предприятиям региона, которые станут поставщиками Great Wall; в фармацевтической промышленности: крупнейший в Индии производитель медикаментов Sun Pharma в 2016 г. приобрел российскую фармацевтическую компанию Biosintez за 60 млн долл. [31].

О стремлении к локализации производства свидетельствует то, что в условиях сложной экономической и политической обстановки ТНК, решившие остаться на российском рынке, продолжают осуществлять крупные инвестиционные проекты (табл. 3).

Важным аспектом локализации является стремление ТНК, пришедших на российский рынок в начале 1990-х годов, локализировать закупки сырья и упаковки. Так, компания Coca-Cola в течение последних 18 лет увеличила долю локальных закупок сырья и упаковки с 10 до 95%, компания Mars 85% ингредиентов покупает у локальных поставщиков, которые находятся либо в непосредственной близости от фабрик, либо у крупных поставщиков, таких как «Черкизово» и «Мираторг» [14], компания Danone планирует в течение пяти лет приобретать продукцию нового завода шоковой заморозки ягод и фруктов «Фрагария» для своих производств в России. Завод PepsiCo в Омске закупает 10% всего производимого в регионе молока [16].

Coca-Cola более 90% всех закупок осуществляет у локальных поставщиков, доля которых с 1998 г. выросла в 9 раз, закупает 3% производимого в стране сахара для своего мирового производства и около 12% сырья для производства соков (которое выращивается в России по природно-климатическим условиям), 100% упаковочных материалов [11].

Таблица 3

ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТЫ КРУПНЕЙШИХ ТНК В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В 2017 г.

ТНК	*Инвестиционные проекты 2017 – начало 2018 г.*
PepsiCo, США	Новая линия по производству детского питания на заводе «Манрос-М» в Омске; комплекс очистных сооружений на заводе «Сибирское молоко» в Новосибирске; строительство комплекса локальных очистных сооружений на заводе по производству безалкогольных напитков в Домодедове; комплекс очистных сооружений на заводе PepsiCo по производству снеков в Азове, Ростовская область; инвестиционный проект по расширению мощностей завода в Московской области; инвестиционный проект по расширению производственных мощностей Нижегородского молочного комбината, входящего в состав АО «Вимм-Билль-Данн»; новая линия по производству творога «Веселый молочник» на заводе «Бишкексут»; объявлено о намерении реализовать проект по строительству завода детского питания на территории Тимашевского молочного комбината [16]
Nestle, Швейцария	Инвестиции в проект по расширению производственных мощностей фабрики в поселке Ворсино Калужской области в период с 2017 по 2019 г. 10 млрд руб. [15]
Mars, США	Новая производственная площадка в Ростовской области; инвестиционный проект по модернизации производства жевательной резинки; анонсирован проект по строительству новых и модернизации существующих очистных сооружений на фабриках в Московской, Ульяновской и Новосибирской областях с общим объемом инвестиций в течение двух лет около 1 млрд руб. [14]
Danone, Франция	Модернизация молочного комбината «Владимирский», г. Владимир с объемом инвестиций 300 млн руб. ежегодно в течение двух лет; модернизация самарского молочного комбината, с объемом инвестиций более 1 млрд руб.; открытие передовой производственной площадки по розливу бутилированной воды Evian; запуск собственного интернет-магазина с доставкой продуктов в Москве и через год – в других городах-миллионниках; компания выступила соинвестором в строительство молочно-товарного комплекса в Тюмени группы компаний «Дамате» (проект стоимостью 5,6 млрд руб. профинансирован за счет собственных средств ГК «Дамате», банковского финансирования со стороны АО «Россельхозбанк» и инвестиций компании Danone) [4]

Источник: Составлено авторами на основе открытых источников.

Компания «Макдоналдс» с первых лет своего присутствия в России в качестве одного из своих приоритетов рассматривала создание и развитие

локальной сети поставщиков пищевой, сельскохозяйственной и другой продукции. В настоящее время компания приступила к следующему этапу импортозамещения – вертикальной интеграции поставщиков от выращивания сырья до его переработки, упаковки, хранения и транспортировки уже готовой продукции, расширяет круг своих стратегических партнеров среди локальных производителей мясной промышленности (производитель бекона «Марр Руссия») и российских рыболовных компаний (ООО «А. Эсперсен». «Питер Босс»).

Таким образом, гибкость стратегии ТНК позволила им снизить негативное воздействие санкций и геополитической напряженности.

Приобретение популярных локальных брендов в условиях патриотичных настроений российских потребителей «покупай российское» позволила ТНК в пищевой промышленности занимать значительную долю российского рынка по отдельным товарным группам.

Введенное Россией эмбарго на поставки многих видов пищевых продуктов и сельскохозяйственного сырья стимулировало дальнейшую локализацию производств ТНК и трансформацию их закупочной политики путем поддержания и развития локальных производств. Тем самым ТНК пищевой промышленности вносят значительный вклад в развитие отечественного сельского хозяйства. Кроме создания новых рабочих мест на своих производственных площадках, ТНК способствуют появлению вторичной занятости на предприятиях – поставщиках промежуточных товаров, развитию инфраструктуры и сырьевой базы. Таким образом, деятельность ТНК создает добавленную стоимость для экономики России как напрямую, за счет собственного производства, так и косвенно – через поддержку широкой сети поставщиков и клиентов по всей стране.

Библиография

1. Березинская О.Б., Ведев А.Л. Динамика производственной зависимости экономики России // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 103–115.

2. Волчкова Н.А., Турдыева Н.А. Микроэкономика российского импортозамещения // Журнал НЭА. 2016. № 4 (32). С. 140–146.

3. Гурков И. Российские производственные подразделения зарубежных корпораций: Предварительные итоги развития и ближайшие перспективы // Актуальные социально-экономические проблемы России: Материалы научной сессии Секции экономики РАН (22–23 сентября 2016 г.). М.: Изд-во Перо, 2016. 108 с.

4. Данон: Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: http://www.danone.ru/ (Дата обращения: 5.05.2018.)

5. Загашвили В.С. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 137–148.

6. Идрисов Г., Каукин А., Моргунова О., Турунцева М. Российская промышленность отталкивается от дна // ОМЭС. 2015. № 15. С. 42–46.

7. Идрисов Г.И., Пономарева Е.А. Политика импортозамещения и конкурентоспособность российской экономики // Экономическое развитие России. 2015. № 10. С. 64–66.

8. Идрисов Г.И. Выигравшие и проигравшие: Последствия изменения условий торговли для российской промышленности // Экономическое развитие России. 2015. № 4. С. 26–29.

9. Идрисов Г.И. Промышленная трансформация при ухудшении условий торговли // Экономическое развитие России. 2016. № 3. С. 40–44.

10. Кисин М.В. Тенденции потребительского поведения на рынке молочных продуктов // Молочная река. М.: ООО «Журнал “Мясной ряд”», 2016. № 1. С. 32–35.

11. Coca-Cola HBC Russia: Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: https://ru.coca-colahellenic.com/ru/operations-in-russia/ (Дата обращения: 5.05.2018.)

12. McDonalds в России: Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: https://mcdonalds.ru/companies (Дата обращения: 5.05.2018.)

13. Мантуров Д.В., Никитин Г.С., Осьмаков В.С. Планирование импортозамещения в российской промышленности: Практика российского государственного управления // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 67–69.

14. Mars: Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: http://international.mars.com/cis/ru/press-center/press-list.aspx (Дата обращения: 5.05.2018.)

15. Nestle: Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: https://www.nestle.ru/ (Дата обращения: 5.05.2018.)

16. PepsiCo: Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: http://www.pepsico.ru/live/content/type/pressrelease (Дата обращения: 5.05.2018.)

17. Первые признаки восстановления уверенности российских потребителей // Nielsen [Электронный ресурс]. 2017. 17 августа. URL: http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2017/q2-2017-Russian-consumer-confidence-index.html (Дата обращения: 15.04.2018.)

18. 50 крупнейших иностранных компаний в России. 2017 // Forbes.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.forbes.ru/rating/350867-50-krupneyshih-inostrannyh-kompaniy-v-rossii-2017#all_rating (Дата обращения: 15.05.2018.)

19. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. М.: Росстат. 2017. 511 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (Дата обращения: 20.05.2018.)

20. Россияне приободрились в отношении своих доходов // Nielsen [Электронный ресурс]. 2016. 17 августа. URL: http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2016/june-2016-crisis-shopper.html (Дата обращения: 15.04.2018.)

21. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Влияние глобальных стоимостных цепочек на национальные экономические системы и вызовы для российской экономической политики // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 27–33.

22. Хейфец Б.А. Политика «Открытых дверей» и экономической интеграции – ответ Вьетнама на вызовы глобальной экономики XXI века // Общество и экономика. 2017. № 12. С. 92–10.

23. Центральный Банк Российской Федерации. Статистика внешнего сектора // Центральный Банк Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs (Дата обращения: 25.04.2018.)

24. Dunning J.H. Multinational Enterprises and the Global Economy. Wokingham: Addison-Wesley Publishing Company, 1992. 687 p.

25. Gurkov I. Against the wind – new factories of Russian manufacturing subsidiaries of Western multinational corporations // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57. N 2. P. 161–179.

26. Gurkov I., Saidov Z. Current Strategic Actions of Russian Manufacturing Subsidiaries of Western Multinational Corporations // Journal of East-West Business. 2017. N 23:2. P. 171–193.

27. Hennart J.F. Emerging market multinationals and the theory of the multinational enterprise // Global Strategy Journal. 2012. N 2. P. 168–187.

28. Irwin, G., Gratowski, T., Smotrov, A. Multinationals in Russia in 2015 // Global Counsel: Official Website [Электронный ресурс]. URL: https://www.global-counsel.co.uk/sites/default/files/special-reports/downloads/Global_Counsel_Multinationals_in_Russia_in-2015.pdf (Дата обращения: 01.04.2018.)

29. Johnston M. How Russian sanctions impact Western companies // Investopedia [Электронный ресурс]. URL: http://www.investopedia.com/articles/investing/080515/how-russian-sanctions-impact-western-companies.asp (Дата обращения: 15.04.2018.)

30. Zvirgzde D., Schiller D., Diez J.R. Location choices of multinational companies in transition economies: A literature review. January 2013 // Universitat de Barcelona [Электронный ресурс]. URL: http://www.ub.edu/searchproject/wp-content/uploads/2013/01/WP-2.5.pdf (Дата обращения: 15.04.2018.)

31. Zubacheva K. Why do foreign companies still invest in Russia? // Russia Beyond [Электронный ресурс]. 2017. 16 августа. URL: https://www.rbth.com/business/2017/08/16/why-do-foreign-companies-still-invest-in-russia_823324 (Дата обращения: 15.04.2018.)

References

Berezinskaja O.B., Vedev A.L. Dinamika proizvodstvennoj zavisimosti jekonomiki Rossii // Voprosy jekonomiki. 2015. N 1. P. 103–115.

Central'nyj Bank Rossijskoj Federacii. Statistika vneshnego sektora // Central'nyj Bank Rossijskoj Federacii: Oficial'nyj sajt [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs (Data obrashhenija: 25.04.2018.)

Coca-Cola HBC Russia: Official Website [Jelektronnyj resurs] // URL: https://ru.coca-colahellenic.com/ru/operations-in-russia/ (Data obrashhenija: 5.05.2018.)

Danon: Official Website [Jelektronnyj resurs] // URL: http://www.danone.ru/ (Data obrashhenija: 5.05.2018.)

Dunning J.H. Multinational Enterprises and the Global Economy. Wokingham: Addison-Wesley Publishing Company, 1992. 687 p.

Gurkov I. Against the wind – new factories of Russian manufacturing subsidiaries of Western multinational corporations // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57. N 2. P. 161–179.

Gurkov I. Rossijskie proizvodstvennye podrazdelenija zarubezhnyh korporacij: Predvaritel'nye itogi razvitija i blizhajshie perspektivy // Aktual'nye social'no-jekonomicheskie problemy Rossii: Materialy nauchnoj sessii Sekcii jekonomiki RAN (22–23 sentjabrja 2016 g.). Mosvow: Izd-vo Pero, 2016. 108 p.

Gurkov I., Saidov Z. Current Strategic Actions of Russian Manufacturing Subsidiaries of Western Multinational Corporations // Journal of East-West Business. 2017. N 23:2. P. 171–193.

Hejfec B.A. Politika «Otkrytyh dverej» i jekonomicheskoj integracii – otvet V'etnama na vyzovy global'noj jekonomiki XXI veka // Obshhestvo i jekonomika. 2017. N 12. P. 92–10.

Hennart J.F. Emerging market multinationals and the theory of the multinational enterprise // Global Strategy Journal. 2012. N 2. P. 168–187.

Idrisov G., Kaukin A., Morgunova O., Turunceva M. Rossijskaja promyshlennost' ottalkivaetsja ot dna // OMJeS. 2015. N 15. P. 42–46.

Idrisov G.I. Promyshlennaja transformacija pri uhudshenii uslovij torgovli // Jekonomicheskoe razvitie Rossii. 2016. N 3. P. 40–44.

Idrisov G.I. Vyigravshie i proigravshie: Posledstvija izmenenija uslovij torgovli dlja rossijskoj promyshlennosti // Jekonomicheskoe razvitie Rossii. 2015. N 4. P. 26–29.

Idrisov G.I., Ponomareva E.A. Politika importozameshhenija i konkurentosposobnost' rossijskoj jekonomiki // Jekonomicheskoe razvitie Rossii. 2015. N 10. P. 64–66.

Irwin, G., Gratowski, T., Smotrov, A. Multinationals in Russia in 2015 // Global Counsel: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.global-counsel.co.uk/sites/default/files/special-reports/downloads/Global_Counsel_Multinationals_in_Russia_in-2015.pdf (Data obrashhenija: 01.04.2018.)

Johnston M. How Russian sanctions impact Western companies // Investopedia [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.investopedia.com/articles/investing/080515/how-russian-sanctions-impact-western-companies.asp (Дата обращения: 15.04.2018.)

Kisin M.V. Tendencii potrebitel'skogo povedenija na rynke molochnyh produktov // Molochnaja reka. Moscow: OOO «Zhurnal "Mjasnoj rjad"», 2016. N 1. P. 32–35.

Manturov D.V., Nikitin G.S., Os'makov V.S. Planirovanie importozameshhenija v rossijskoj promyshlennosti: Praktika rossijskogo gosudarstvennogo upravlenija // Voprosy jekonomiki. 2016. N 9. P. 67–69.

Mars: Official Website [Jelektronnyj resurs] // URL: http://international.mars.com/cis/ru/press-center/press-list.aspx (Data obrashhenija: 5.05.2018.)

McDonalds v Rossii: Official Website [Jelektronnyj resurs] // URL: https://mcdonalds.ru/companies (Data obrashhenija: 5.05.2018.)

Nestle: Official Website [Jelektronnyj resurs] // URL: https://www.nestle.ru/ (Data obrashhenija: 5.05.2018.)

PepsiCo: Official Website [Jelektronnyj resurs] // URL: http://www.pepsico.ru/live/content/type/pressrelease (Data obrashhenija: 5.05.2018.)

Pervye priznaki vosstanovlenija uverennosti rossijskih potrebitelej // Nielsen [Jelektronnyj resurs]. 2017. Aug. 17. URL: http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2017/q2-2017-Russian-consumer-confidence-index.html (Data obrashhenija: 15.04.2018.)

50 krupnejshih inostrannyh kompanij v Rossii. 2017 // Forbes.ru [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.forbes.ru/rating/350867-50-krupneyshih-inostrannyh-kompaniy-v-rossii-2017#all_rating (Data obrashhenija: 15.05.2018.)

Rossija v cifrah. Krat. stat. sb. Moscow: Rosstat. 2017. 511 p. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (Data obrashhenija: 20.05.2018.)

Rossijane priobodrilis' v otnoshenii svoih dohodov // Nielsen [Jelektronnyj resurs]. 2016. Aug. 17. URL: http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2016/june-2016-crisis-shopper.html (Data obrashhenija: 15.04.2018.)

Smorodinskaja N.V., Katukov D.D. Vlijanie global'nyh stoimostnyh cepochek na nacional'nye jekonomicheskie sistemy i vyzovy dlja rossijskoj jekonomicheskoj politiki // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2017. N 5. P. 27–33.

Volchkova, N.A., Turdyeva, N.A. Mikrojekonomika rossijskogo importozameshhenija // Zhurnal NJeA. 2016. N 4 (32). P. 140–146.

Zagashvili V.S. Zarubezhnyj opyt importozameshhenija i vozmozhnye vyvody dlja Rossii // Voprosy jekonomiki. 2016. N 8. P. 137–148.

Zubacheva K. Why do foreign companies still invest in Russia? // Russia Beyond [Jelektronnyj resurs]. 2017. 16 августа. URL: https://www.rbth.com/business/2017/08/16/why-do-foreign-companies-still-invest-in-russia_823324 (Data obrashhenija: 15.04.2018.)

Zvirgzde D., Schiller D., Diez J.R. Location choices of multinational companies in transition economies: A literature review. January 2013 // Universitat de Barcelona [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.ub.edu/searchproject/wp-content/uploads/2013/01/WP-2.5.pdf (Data obrashhenija: 15.04.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.04

А.О. Ковалева

РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА КАК ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА. НА ПРИМЕРЕ СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье сопоставляется промышленное развитие Дальнего Востока в эпоху СССР и в современной России с точки зрения геостратегии. Геостратегия понимается как совокупность способов реализации геополитических интересов. Советская программа индустриализации вписывается в историческую логику действий России в Тихоокеанском регионе. Дальний Восток остается стратегически значимым и для современной России. Тем не менее современное промышленное и демографическое состояние региона является кризисным. Улучшение ситуации возможно только при условии системных изменений в сфере экономического развития.*

Ключевые слова: *геополитические интересы, геостратегия, Дальний Восток, Тихоокеанский регион, промышленное развитие, экономика.*

Ковалева Анастасия Олеговна – аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: ndm-88@mail.ru

A.O. Kovaleva. The Development of the Far East as a Geostrategic Challenge. The Case of the USSR and Present-Day Russia

Abstract. *The article explores the Soviet and modern Russia's geostrategy in the Russian Far East. The decisions of the Soviet authorities aimed at the development of the region followed the geopolitical logic of the Russian civilization. The Far East maintains the strategic importance for modern Russia too. Nevertheless, the current industrial and demographic situation in the region presents a serious problem. The article concludes that the improvement of the economic situation in the Far East depends on systemic changes in the sphere of economic regulation.*

Keywords: *Geopolitical interests, geostrategy, the Far East, the Pacific region, industrial development, economics.*

**Kovaleva Anastasiya Olegovna – postgraduate student
of the Department of Sociology of International relations,
Sociological faculty of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: ndm-88@mail.ru**

Геостратегия производна от геополитики и обусловлена ее особенностями. Геополитическая стратегия есть совокупность способов реализации геополитических интересов, она определяется исторически сложившимся геополитическим кодом, с учетом многих факторов, влияющих на интересы данного государства. Геостратегия «включает государственные интересы, идентификацию внешних угроз и технологию их устранения или нейтрализации» [4, с. 438] и имеет следующие составляющие: политическую, военную, экономическую, религиозную, культурную, демографическую. В статье сделан акцент на экономической составляющей, которая предполагает различные виды экономической экспансии – хозяйственной, торговой, промышленной, технологической (модернизационной).

Россия является тихоокеанской державой – к экспансии в этот регион страна тяготела последние четыре столетия своего существования. Активное освоение Сибири, предшествовавшее продвижению в Тихоокеанский регион, вписывается в геостратегическую логику расширения континентальной державы по периметру больших сопредельных пространств [7, с. 502].

Соответственно, действия советской власти, направленные на развитие региона, следовали из геополитической логики, сложившейся на протяжении нескольких веков существования «большой системы России» [15, с. 34]. 1920-е годы стали периодом нового собирания российских земель после революционного распада. Собирание осуществлялось одновременно с постепенным движением от идеи осуществления мировой революции к идее построения социализма в одной отдельно взятой стране. Уже в конце 1920-х годов главной задачей советского руководства становится индустриализация страны и модернизация отдельных ее регионов: «Проведения форсированной социалистической модернизации и создания на советском Дальнем Востоке военно-промышленной базы требовала и обострившаяся международная обстановка в Дальневосточном регионе» [5]. Индустриализация продолжает геополитическую логику включенной экспансии (т.е. экспансии, направленной не вовне, а на территорию самого государства), развивая инфраструктуру присоединенных территорий и встраивая их в единое пространство континентальной державы.

Экономическая программа развития Дальневосточного региона имела политическое значение. Индустриализация стала заявкой на политический суверенитет страны. Путем модернизации предполагалось сделать Советский Союз полноправным субъектом мировой политики. Особое значение придавалось укреплению и развитию Дальнего Востока как аванпоста СССР в Тихо-

океанском регионе. Создание мощной материально-технической базы – тяжелой индустрии и машиностроения – вписывалось в стратегию оборонной модернизации.

Индустриализация входит в повестку дня советской власти в 1925 г. XIV конференция РКП (б) приняла решение о развитии металлопромышленности как основы индустриализации страны [10].

В дальнейшем курс на индустриализацию был взят на вооружение Сталиным, сделавшись основой внутренней политики. С геоэкономической точки зрения сталинский подход представлял собой автаркию большого пространства, когда независимая экономика видится залогом политического суверенитета.

Отдельные исследователи указывают на преемственность «движения на Восток» Советского Союза по отношению к царской России: «Существенно и то, что преемственно перетекавшая из России царской в Россию советскую идея “восточного сдвига” находилась под мощным влиянием крепнущего “оборонного сознания”, переплетающегося с экономическим национализмом. <…> После Русско-японской войны и в свете обостряющейся ситуации на Балканах усиление удаленной от западных и восточных границ “срединной базы” русской промышленности должно было служить наилучшей гарантией сохранения позиций России как великой державы в условиях нараставших международных угроз» [6, с. 26]. В работах неолиберальных авторов можно встретить термин «авторитарная модернизация», так как она проводилась в государственных интересах [18, p. 20].

В итоге в предвоенные пятилетки была создана мощная советская индустрия, совершенствовались военная техника и вооружения. В Дальневосточном крае активно осваивались территории Камчатки и Северного Сахалина, там велось капитальное строительство, развивалась рыбная, нефтяная, угольная, лесная промышленность (экспортные отрасли), создавались новые предприятия, строились электростанции: «Быстрая индустриализация сделала край более промышленным. В 1927/28 г. удельный вес валовой продукции промышленности (с рыболовством и лесозаготовками) составлял 56,6%, а в 1932 г. он поднялся до 70,7%. В индустриализации края заметно росло производство средств производства, металлообработка, машиностроение» [13, с. 279–280], темпы промышленного развития региона опережали аналогичные по стране [14, с. 209]. Этот факт свидетельствует о политической воле советского руководства к освоению отдаленного региона, которое должно было обеспечить военную и экономическую безопасность страны.

В процессе индустриализации непрерывно возрастало число квалифицированных руководящих и инженерных кадров, нехватка которых остро ощущалась в первую пятилетку. Для этого потребовалось развитие в крае высшего и среднего специального образования, материально-технической базы, идео-

логической работы. Наряду с промышленным развитием повышенное внимание уделялось культурному строительству, народному образованию.

В 1932 г. создается Тихоокеанский флот для защиты морских границ страны в регионе [3, с. 199]. Затем он сыграет важную роль в разгроме Квантунской армии Японии в 1945 г. и возвращении Южного Сахалина, Курильских островов, а также овладении корейскими портами. Все это было результатом усиленного внимания к экономическому и культурному развитию Дальнего Востока, обеспечению его военной безопасности.

Россия и сегодня остается крупнейшей тихоокеанской державой, имеющей в Дальневосточном регионе обширные политические, экономические, культурные интересы. Однако на общегосударственном уровне существует ряд серьезных структурных проблем, которые отражаются на состоянии региона. В отличие от советского периода, в постперестроечную эпоху Дальний Восток (и Сибирь) стали восприниматься исключительно как сырьевая периферия по отношению к европейской части России. Потребительское отношение постсоветских элит и привело регион к системному кризису.

В настоящее время Россия особенно заинтересована в укреплении своих геополитических позиций в Тихоокеанском регионе, куда на протяжении последних десятилетий смещаются центры мирового влияния [16, с. 227]. Современная эпоха оценивается рядом исследователей как эпоха глубокой, системной трансформации всей сферы международных отношений, обусловленной глобализацией, нехваткой природных ресурсов, регионализацией и постепенным формированием многополярной системы. Глобальная трансформация мира происходит через регионализацию и отход от однополярной модели [1, с. 79]. Эпоха трансформации характеризуется ослаблением роли глобального гегемона (США), а также кризисом евроцентричной модели мира в целом, усилением региональных держав, особой значимостью интеграционных проектов.

Поэтому российское руководство придает большое значение развитию Дальнего Востока в контексте формирования многополярного мира. В Послании Федеральному Собранию в 2015 г. Президент Владимир Путин уделил особое внимание именно Азиатско-Тихоокеанскому региону как приоритетному вектору российской внешней политики [8]. На значение региона указывали и другие представители политического руководства [9; 11]. Но для того чтобы играть во взаимоотношениях с партнерами по региональному сотрудничеству значимую роль, Россия должна представлять собой экономически сильную, промышленно развитую державу. В сфере внешней геостратегии нашей страной уже достигнуты определенные успехи. Россия последние годы проводит суверенную внешнюю политику. Развиваются взаимоотношения с такими субъектами Тихоокеанского региона, как Китай и Вьетнам.

Но в сфере внутренней геостратегии в АТР Россия сталкивается с серьезными проблемами: стремительно сокращается население Дальневосточного региона, остро не хватает квалифицированных специалистов, в упадке промышленность и хозяйственная сфера, изношена инфраструктура. Необходим новый промышленный рывок, но он невозможен без кардинальной перестройки на государственном уровне всей сферы экономического регулирования, которая в настоящее время является частью и инструментом глобальной финансовой системы. Локальные решения по развитию региона не могут устранить структурного кризиса. Если в ближайшее время ситуация не будет изменена кардинально, сфера внешней геостратегии также стремительно деградирует, подобно внутренней.

Сегодня в числе хозяйственных, социальных, инфраструктурных приоритетов такие крупные города региона, как Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре. Потенциал, заложенный в эти геостратегические центры еще в советскую эпоху, стремительно иссякает. Для новой индустриализации и реализации национальных интересов России требуется не просто наличие народонаселения на данной территории, но и большое количество специалистов, отвечающих высоким профессиональным требованиям.

Помимо внешнеполитических приоритетов в регионе, налаживания равноправного сотрудничества с крупнейшими региональными державами, в частности с Китаем, перед нашей страной стоят проблемы развития дальневосточных территорий. Новая конфигурация региональной безопасности должна выстраиваться на основе многополярности (внешняя геостратегия) и всестороннего инфраструктурного и промышленного развития региона (внутренняя геостратегия).

Однако сегодня российский Дальний Восток в экономическом отношении проигрывает мощным соседним державам, прежде всего США и Китаю [2, с. 281]. В такой ситуации равноправное партнерство невозможно, наоборот, возникает угроза децентрализации региона, превращения его в сырьевой придаток соседних стран.

Если рассматривать Тихоокеанский регион как одно из направлений локальной геостратегии, то цели и задачи России в рамках внешней геостратегии будут следующие: укрепление системы многополярного мира, налаживание партнерских взаимоотношений с региональными субъектами, участие в обеспечении региональной безопасности, участие в международных региональных форматах. Цели внутренней геостратегии – хозяйственное развитие региона, его модернизация, улучшение демографической ситуации, привлечение высококлассных специалистов, развитие инфраструктуры региона, транспортных и логистических узлов. Реализация этих принципов во многом еще только предстоит.

Сегодня Россия последовательно выступает как один из гарантов многополярности, что отражено, в частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [12]. При этом у современной России задачи масштабнее и сложнее, чем у Советского Союза. На современном этапе она сталкивается с гораздо более существенными угрозами, так как отвечать на внешнеполитические вызовы приходится на фоне внутренних структурных проблем.

Библиография

1. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: Контуры нового миропорядка. М.: Экономика, 2007. 751 с.

2. Гончарук И.В. Экономика стран АТР: учебное пособие. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. 320 с.

3. Горшков С.Г. Морская мощь государства. М.: Воениздат, 1979. 416 с.

4. Дергачев В.А. Геополитика: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 526 с.

5. Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке СССР в период индустриализации // Центр изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Электронный ресурс]. 2015. 14 мая. URL: http://ru.apircenter.org/archives/3710 (Дата обращения: 19.04.2018.)

6. Зубков К.И. Пробуждение Евразии: Развитие Урала и Сибири в мировой геополитике первой половины XX века // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: Проблемы индустриализации и урбанизации. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 22–31.

7. Макиндер Х. Географическая ось истории // Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. С. 491–506.

8. Послание Президента Федеральному Собранию, 3 декабря 2015 г. // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864 (Дата обращения: 30.04.2018.)

9. Рогозин объяснил предложение переименовать Дальний Восток // РИА Новости. 2015. 13 ноября. URL: http://ria.ru/politics/20131115/977142756.html (Дата обращения: 24.04.2018.)

10. Соловьев А.А. Съезды и конференции КПСС: Справочник. М.: Политиздат, 1986. 335 с.

11. Статья министра иностранных дел России С.В. Лаврова «К миру, стабильности и устойчивому экономическому развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе» // Министерство иностранных дел Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. 2013. 5 октября. URL: http://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/93642 (Дата обращения: 23.04.2018.)

12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. 2009. 12 мая. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/294430 (Дата обращения: 10.04.18.)

13. Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1972. 296 с.

14. Унпелев Г.А. Завершение социалистической реконструкции промышленности Дальнего Востока. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1975. 254 с.

15. Фурсов А.И. Новая опричнина, или «Стрельба по-македонски» из будущего // Холодный восточный ветер русской весны. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015. С. 5–74.

16. Цыганков А.П. Внешняя политика России от Горбачёва до Путина: Формирование национального интереса. М.: Научная книга, 2008. 272 с.

17. Щербаков Д. Неостановленное бегство // East Russia: Информационно-аналитическое агентство «Восток России» [Электронный ресурс]. 2018. 24 января. URL: https://www.eastrussia.ru/material/neostanovlennoe-begstvo/ (Дата обращения: 07.05.2018.)

18. Lo B., Shevtsova L. A 21 st Centure Myth – Autoritarian Modernization in Russia and China. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2012. 62 p.

References

Cygankov A.P. Vneshnjaja politika Rossii ot Gorbacheva do Putina: Formirovanie nacional'nogo interesa. Moscow: Nauchnaja kniga, 2008. 272 p.

Dergachev V.A. Geopolitika: Uchebnik dlja vuzov. Moscow: JuNITI-DANA, 2004. 526 p.

Fursov A.I. Novaja oprichnina, ili «Strel'ba po-makedonski» iz budushhego // Holodnyj vostochnyj veter russkoj vesny. M.: Izborskij klub, Knizhnyj mir, 2015. P. 5–74.

Gadzhiev K.S. Geopoliticheskie gorizonty Rossii: Kontury novogo miroporjadka. Moscow: Jekonomika, 2007. 751 p.

Goncharuk I.V. Jekonomika stran ATR: uchebnoe posobie. Vladivostok: Izdatel'skij dom Dal'nevost. federal. un-ta, 2012. 320 p.

Gorshkov S.G. Morskaja moshh' gosudarstva. Moscow: Voenizdat, 1979. 416 p.

Lo B., Shevtsova L. A 21 st Centure Myth – Autoritarian Modernization in Russia and China. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2012. 62 p.

Makinder H. Geograficheskaja os' istorii // Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushhee Rossii. Moscow: Arktogeja, 1997. P. 491–506.

Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju, 3 dekabrja 2015 g. // Prezident Rossii [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864 (Data obrashhenija: 30.04.2018.)

Rogozin ob#jasnil predlozhenie pereimenovat' Dal'nij Vostok // RIA Novosti. 2015. Nov. 13. URL: http://ria.ru/politics/20131115/977142756.html (Data obrashhenija: 24.04.2018.)

Shherbakov D. Neostanovlennoe begstvo // East Russia: Informacionno-analiticheskoe agentstvo «Vostok Rossii» [Jelektronnyj resurs]. 2018. Jan. 24. URL: https://www.eastrussia.ru/material/neostanovlennoe-begstvo/ (Data obrashhenija: 07.05.2018.)

Solov'ev A.A. S'ezdy i konferencii KPSS: Spravochnik. Moscow: Politizdat, 1986. 335 p.

Stat'ja ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova «K miru, stabil'nosti i ustojchivomu jekonomicheskomu razvitiju v Aziatsko-Tihookeanskom regione» // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii: Oficial'nyj sajt [Jelektronnyj resurs]. 2013. Oct. 5. URL: http://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/93642 (Data obrashhenija: 23.04.2018.)

Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii: Oficial'nyj sajt [Jelektronnyj resurs]. 2009. May 12. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/294430 (Data obrashhenija: 10.04.18.)

Unpelev G.A. Socialisticheskaja industrializacija Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. 296 p.

Unpelev G.A. Zavershenie socialisticheskoj rekonstrukcii promyshlennosti Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 254 p.

Zalesskaja O.V. Kitajskie migranty na Dal'nem Vostoke SSSR v period industrializacii // Centr izuchenija mezhdunarodnyh otnoshenij v Aziatsko-Tihookeanskom regione [Jelektronnyj resurs]. 2015. May 14. URL: http://ru.apircenter.org/archives/3710 (Data obrashhenija: 19.04.2018.)

Zubkov K.I. Probuzhdenie Evrazii: razvitie Urala i Sibiri v mirovoj geopolitike pervoj poloviny XX veka // Regional'nye aspekty civilizacionnogo razvitija rossijskogo obshhestva v XX stoletii: Problemy industrializacii i urbanizacii. Novosibirsk: Parallel', 2013. P. 22–31.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.05

Н.И. Васильева, И.А. Кашуро

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ЭКСПОРТО- И ИМПОРТООРИЕНТИРОВАННЫХ СЕКТОРОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Авторы статьи анализирует конкурентные преимущества экспорто- и импортоориентированных секторов российской экономики в условиях усиления макроэкономической и политической нестабильности мирового хозяйства. На основе сценарных условий и параметров среднесрочного прогноза Министерства экономического развития России проанализирован федеральный бюджет страны на 2018 г. и на плановый период 2019–2020 гг. в условиях проведения правительством курса на бюджетную консолидацию и введения в действие в 2019 г. нового бюджетного правила.*

Ключевые слова: *конкурентные преимущества, бюджетная консолидация, новое бюджетное правило, конкурентоспособность экспортоориентированного и импортоориентированного секторов российской экономики.*

Васильева Нина Ивановна – кандидат экономических наук, доцент факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

Кашуро Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук, старший преподаватель факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kashuro@fgp.msu.ru

N.I. Vasilyeva, I.A. Kashuro. Competitive Advantages of the Export-Oriented and Import-Oriented Sectors of the Russian Economy in the Modern Conditions

Abstract. *The authors analyze the competitive advantages of the export-oriented and import-oriented sectors of the Russian economy in the context of increasing macroeconomic and political instability of the world economy. On the basis of scenario conditions and medium-term forecast parameters by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the authors conduct an analysis of the country's federal budget for 2018 and for the planning period 2019–2020 in the context of the governmental fiscal consolidation policy and the enactment of the new budget rule in 2019.*

Keywords: *competitive advantages, fiscal consolidation, new budget rule, competitiveness of the export-oriented and import-oriented sectors of the Russian economy.*

Vasilyeva Nina Ivanovna – Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University, the Russian Federation.
E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

Kashuro Irina Anatolievna – Candidate of Economic Sciences,
Assistant Professor of the Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University, the Russian Federation.
E-mail: kashuro@fgp.msu.ru

Еще 20 лет назад в мейнстриме была идея о том, что экономика идет по пути глобализации и унификации в мировом масштабе. Однако кризис 2008–2009 гг. поменял привычную картину: об этом, в частности, повествует исследование «Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности». Эта работа подготовлена российско-американским авторским коллективом ИМЭМО РАН и Группой стратегического прогнозирования Центра международной безопасности им. Брента Скоукрофта (Атлантический совет) [3]. Авторы приходят к выводу, что единая мировая политическая система эволюционирует, мир становится полицентричным, экономическая глобализация идет через постепенное вовлечение в мировую хозяйственную систему всех основных регионов планеты, однако набирает силу процесс специализации отдельных национальных хозяйств в рамках системы глобального разделения труда. Авторы описывают, как постепенно складывается глобальное интеллектуально-целостное пространство. Подверженное сильному влиянию современных медиа, пропаганде и манипуляции, это пространство неоднородно, его развитие отстает от процессов политической и экономической глобализации.

В такой неоднозначной и неодномерной системе мировых отношений велика роль России. Несмотря на имеющиеся серьезные проблемы, ее экономический потенциал и внутренний рынок дают ей возможность претендовать на значимую роль в процессах международной экономической интеграции. Россия – привлекательная страна для образовательной и трудовой миграции, хотя этот потенциал и требует серьезного развития.

Сегодня при относительно низких ценах на мировом рынке нефти, скудеющих месторождениях ее традиционной добычи, в условиях санкций России необходимо рассчитывать на эффективное импортозамещение за счет производства конкурентоспособной продукции обрабатывающей промышленности. Конкурентоспособность зависит от многих внешних и внутриэкономических факторов. В их числе – наличие соответствующих производственных мощностей и квалифицированных кадров, обеспечение благоприятного

инвестиционного и предпринимательского климата, хорошая маркетинговая подготовка, политическая стабильность [10, с. 59].

Учитывая высокую неопределенность воздействия этих факторов, вряд ли корректно давать обобщающие количественные оценки развития внешнеэкономической деятельности России, особенно на длительную перспективу. Считаем возможным ограничиться оценкой конкурентных преимуществ отдельных видов продукции и экономической деятельности. Российское производство, по мнению специалистов, условно можно разделить на два сектора: а) экспортоориентированный, конкурентоспособность продукции которого уже подтверждена мировым рынком; в) импортоориентированный, продукция которого проигрывает импорту, но имеет достаточный потенциал [там же].

В настоящее время к числу товаров с преобладающей экспортной ориентацией относятся: сырая нефть, нефтепродукты и природный газ, формирующие почти 70% российского экспорта; черные и цветные металлы (свыше 10% экспорта); продукция атомной промышленности; вооружения; минеральные удобрения (около 2% экспорта). В совокупности на эти пять групп товаров, длительное время пользующихся устойчивым спросом на мировом рынке, приходится более 90% российского экспорта. Однако ограничения на их экспорт накладывает мировая экономика, в частности замедление экономического роста в Китае и других странах, а также геополитическая нестабильность [10, с. 59; 5].

Преобладающая импортная ориентация характерна для четырех групп товаров: машины, оборудование и транспортные средства (48% российского импорта и 5% экспорта); продовольствие (14% импорта и 4% экспорта); продукция химической промышленности (16% импорта и 6% экспорта); текстиль, одежда, обувь (6% импорта). В совокупности на них приходится свыше 80% российского товарного импорта. Следует учитывать также импорт услуг, среди которых преобладают зарубежные туристические поездки и транспортные услуги [там же].

Нефть и газ российского производства характеризуется низкими издержками добычи и высокой устойчивостью к колебаниям мировых цен. Почти 3/4 добываемой в стране нефти в сыром или переработанном виде направляется на продажу за рубеж. По объемам экспорта углеводородного сырья РФ занимает одно из первых мест в мире. Дальнейшее увеличение его вывоза сдерживается оскудением западносибирских и других традиционных месторождений. По мнению В. Фальцмана, Россия может расширить сырьевую базу за счет углеводородов шельфа Ледовитого океана, а также добычи трудноизвлекаемого сырья на традиционных месторождениях и использования достижений сланцевой революции. Но это требует значительных затрат

и заимствования инноваций. В перспективе же тормозом может стать конкуренция со стороны нетрадиционных источников энергии [10, с. 59; 1].

Конкурентные преимущества России в развитии энергоемких и материалоемких металлургических производств обусловлены прежде всего наличием собственных сырьевой и энергетической баз. Наши производственные достижения в добыче и обогащении руд, производстве агломерата и кокса, выплавке и обработке металлов базируются на передовых научных технологиях. Располагая самой большой территорией, Россия имеет преимущества перед Европой и другими странами в размещении металлургических производств. Модернизация производственных мощностей позволила в последние годы осуществить импортозамещение и увеличить экспорт продукции черной металлургии. Россия стала крупнейшим поставщиком алюминия, титана, никеля, меди и других цветных металлов, а также жаропрочных вольфрамово-молибденовых сплавов [10, с. 60].

Аналогичные конкурентные преимущества характерны для производства продукции химической промышленности. РФ располагает первоклассной сырьевой базой и необходимыми компетенциями для импортозамещения, а в перспективе и экспорта полимерной продукции, пластмасс и других конструкционных материалов. Экспорт азотных, калийных и комплексных минеральных удобрений уже достиг уровня 8 млрд долл. Основные конкурентные преимущества России здесь связаны с большими запасами сырья и значительными объемами производства [там же].

Россия является крупнейшим поставщиком продукции атомной промышленности по всему циклу ее производства. Конкурентные преимущества отечественной атомной отрасли обеспечиваются не столько наличием собственной сырьевой базы, сколько крупными достижениями отечественных физиков-теоретиков, огромным опытом строительства и эксплуатации атомных энергетических установок в России, а также во многих развивающихся и развитых странах [там же].

Россия занимает второе место в мире по экспорту вооружений – истребителей, бомбардировщиков, вертолетов, субмарин, ракет, стрелкового и другого оружия. Портфель заказов на вооружения российского производства достигает почти 50 млрд долл., а ежегодный экспорт растет год от года и приближается к 15 млрд долл. [там же].

1 марта 2018 г. Президент России В.В. Путин обратился с Посланием к Федеральному собранию, в котором обратил внимание на то, что в России сформирована новая макроэкономическая реальность – с низкой инфляцией и устойчивой экономикой. Теперь мы должны:

– закрепиться в пятерке крупнейших экономик мира;

– добиться, чтобы производительность труда на средних и крупных предприятиях росла темпами не ниже 5% в год;

– снять все барьеры для разработки и применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли, технологий обработки больших данных;

– к середине следующего десятилетия вклад малого предпринимательства в ВВП должен приблизиться к 40%, а число занятых здесь вырасти с 19 до 25 млн человек;

– за шесть лет мы должны удвоить объем несырьевого экспорта до 250 млрд долл., в том числе довести поставки продукции машиностроения до 50 млрд долл. До 100 млрд долл. должен вырасти ежегодный экспорт услуг (образование, медицина, туризм, транспорт);

– через четыре года мы планируем поставлять на мировые рынки больше продовольствия, чем ввозить в страну. Нужно нарастить экспорт мясной продукции, а также повысить самообеспеченность страны говядиной, молоком, овощами [8].

По словам директора аналитического департамента «Альпари» А. Разуваева, для реализации этих амбициозных планов нужны не только политическая воля, квалифицированные кадры, но и финансы [9]. Первый раз, в начале 2000-х годов, экономическая модернизация В.В. Путину удалась. Из бедствующей страны он создал первую экономику Европы и пятую экономику мира (2013). Однако тогда проблем с финансами не было. Нефть превысила 100 долл. за баррель, активно росла добыча сырья, на страну обрушился дождь из иностранных инвестиций из США и Европы. Например, одна только «Роснефть» привлекла на IPO более 10 млрд долл. Вся сотовая связь в России была в значительной степени создана на западные деньги. Теперь, считает Разуваев, на иностранные инвестиции особой надежды нет: санкции надолго [9].

В новых условиях Правительство Российской Федерации придерживается курса на консолидацию бюджета и планирует ввести с 2019 г. новое бюджетное правило, согласно которому часть денег от продажи нефти, которое сможет израсходовать правительство, будет рассчитываться исходя из цены 40 долл. за баррель. Если цена будет выше – разницу направят в Фонд национального благосостояния (ФНБ), если ниже – правительство сможет взять недостающие деньги из ФНБ.

Проект федерального закона о федеральном бюджете на 2018–2020 гг. одобрен Государственной думой в третьем чтении в декабре 2017 г. [7]. В основу лег прогноз роста ВВП на уровне 2,1%, 2,2 и 2,3% соответственно в 2018, 2019 и 2020 гг., а также консервативные оценки цены на нефть в размере 43,8 долл. США, 41,6 долл. и 42,4 долл. за баррель на соответствующие годы [2, с. 28].

Таблица

**ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
О ФЕДЕРАЛЬНОМ БЮДЖЕТЕ НА 2018–2020 гг. ПРЕДУСМАТРИВАЕТ
СУЩЕСТВЕННОЕ СОКРАЩЕНИЕ РАСХОДОВ (в % от ВВП) [2, с. 29]**

	2017	*2018*	*2019*	*2020*
	Итоги	*Ожидаемый прогноз*		
Доходы	16,0	15,7	15,1	14,8
Расходы	18,1	17	15,9	15,6
Дефицит / профицит	-2,2	-1,3	-0,8	-0,8
Первичные расходы	17,3	16,2	14,8	14,8
Первичный дефицит / профицит	-1,3	-0,5	0,0	0,0
Нефтегазовые доходы	6,3	5,6	5,1	4,9
Ненефтегазовые доходы	9,7	10	10	9,8
Ненефтегазовый дефицит / профицит	-8,5	-6,9	-5,9	-5,7
Ненефтегазовый первичный дефицит / профицит	-7,6	-6,2	-5,1	-5,0

Согласно прогнозам, доходы федерального бюджета должны сократиться с 16% ВВП в 2017 г. до 14,8% ВВП в 2020 г. При этом нефтегазовые доходы должны вырасти с 9,7% ВВП в 2017 г. до 10%, 10 и 9,8% соответственно в 2018, 2019 и 2020 гг. Прогнозируется, что рост ненефтегазовых доходов будет обеспечен, в частности, расширением налоговой базы. Первичные расходы федерального бюджета сократятся приблизительно с 17,5% ВВП в 2017 г. до 14,8% ВВП в 2020 г. В 2018 г. первичные расходы федерального бюджета должны сократиться на 1,3% ВВП или на 6,6% в реальном выражении. Расходы по всем категориям, за исключением образования, национальной безопасности и межбюджетных трансфертов, сократятся в 2018 г. в реальном выражении [см. табл.; 2, с. 28–29].

В 2016 г. расходы бюджета расширенного правительства на образование сократились на 19,6% в реальном выражении по сравнению с уровнем 2013 г. Расходы на здравоохранение за период 2014–2016 гг. увеличились лишь на 0,9% в реальном выражении. Уровень расходов на здравоохранение и образование в России относительно низок по сравнению с другими странами [2, с. 29].

Введение бюджетного правила и подготовка к нему предполагают снижение чувствительности роста ВВП к колебаниям нефтяных цен в будущем [2, с. 38].

Единственным способом выхода на положительную траекторию развития с учетом современных показателей состояния российской экономики в условиях современного мирового кризиса может стать переход к новой, промышленной и наукоориентированной экономической модели. Серьезный анализ факторов макроэкономической нестабильности сквозь призму развития промышленных кризисов сделан в монографии И.А. Назаровой «Проблемы

промышленных кризисов (экономико-исторический опыт анализа)» [6]. Автор исследует особенности инфляции в чрезвычайных экономических ситуациях и показывает, что расширение кредитных операций за границы реального промышленного капитала предвосхищает наступление очередного кризиса.

По мнению ряда ученых Института прикладных экономических исследований (ИПЭИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, устойчивый рост возможен по следующим основным направлениям через выявление точек экономического роста.

1. Достигнутые конкурентные преимущества в оборонной промышленности, топливно-энергетических отраслях, включая атомную промышленность, а также потенциальные конкурентные возможности для импортоориентированных секторов предопределяют точки потенциального роста производства российской продукции, ее импортозамещения и развития несырьевого экспорта. Точки роста базируются на накопленных научно-технических достижениях ОПК и ТЭК и возможности их конверсии, наличии сырьевой и энергетической базы, высококвалифицированных кадров, потенциала для расширения производственных мощностей и компетенций.

2. Развитие агропродовольственной сферы. Перспективы роста здесь определяют уникальные ресурсы земли, воды, удобрений, кормов, возможности производства экологически чистых продуктов, опыт успешного импортозамещения и развития экспорта (зерно, мясо птицы, многие продукты питания).

3. Повышение эффективности производства нефти и нефтепродуктов как источника экспортных поступлений. Рост добычи сегодня ограничен оскудением традиционных месторождений и международными соглашениями. Предстоит переход к разработке трудноизвлекаемых запасов, в том числе на океанском шельфе. Возможен рост экспортной выручки за счет углубленной переработки сырой нефти и нефтехимии.

4. Расширение производства конструкционных материалов металлургического и химического происхождения, пользующихся устойчивым спросом на мировом рынке. Потенциал роста их производства в России определяется наличием сырьевой и энергетической базы, модернизированных мощностей и передовых компетенций.

5. Стимулирование импортозамещения и экспорта высокотехнологичной продукции (электроника, лекарства, медтехника, оборудование связи, вычислительная техника, программное обеспечение). Здесь возможности пока ограничены достижениями отдельных компаний. В обозримом будущем можно ожидать сохранения высокой импортозависимости в этой сфере [10, с. 64–65].

Сейчас при всем богатстве ресурсов Россия практически не извлекает никаких плодов из четвертой промышленной революции, связанной с компьютерными технологиями. У отечественных ученых А.М. Прохорова

и Н.Г. Басова две Нобелевские премии в области лазерных технологий, но на мировых рынках лазерных продуктов нет ни одной российской компании. С.А. Лебедев создал первый в Европе цифровой мини-компьютер, но российские компьютеры мало кому интересны.

В январе 2018 г. агентство *Moody's* опубликовало прогноз на 2018 г. по суверенным рейтингам России и некоторым странам СНГ. Прогноз рейтингов на 2018 г. для России и Украины позитивный, у остальных восьми обозреваемых агентством стран – стабильный (Moody's включает в эту группу Грузию, покинувшую Содружество в 2009 г., и не включает Туркмению и Узбекистан). На фоне сохраняющегося высокого уровня госдолга (а также долга в иностранной валюте) и слабости банковских систем страны СНГ, за исключением РФ, могут быть уязвимы в случае резкого повышения рыночных ставок или обесценивания национальных валют. Среднее соотношение госдолга к ВВП в странах Содружества в 2018 г. составит 55% (в РФ – 20%) против 32% в 2013 г. Недавнее повышение прогноза суверенного рейтинга РФ и прошлогоднее – Казахстана отражает эффективность мер правительств этих государств по снижению зависимости от колебаний цен на нефть. Позитивный же прогноз по Украине Moody's объясняют улучшением ситуации с ликвидностью – благодаря программе поддержки МВФ и «потенциалу для дальнейшего прогресса попыток реформ» [цит. по: 4]. Восстановление российской экономики и повышение цен на нефть (эксперты *Moody's* полагают, что до 2021 г. они должны колебаться в коридоре 40–60 долл. США за баррель) будут способствовать росту ВВП региона в среднем на 3,2% в 2018 г. и 3,5% в 2019–2021 гг., однако возврата к докризисным темпам пока не ожидается. Рост реального ВВП в РФ составит порядка 1,5%. Кроме того, нефтяные цены ослабят давление на условия внешней торговли, ожидается рост ненефтяного экспорта, уровня занятости и заработной платы. Рост ВВП РФ окажет благоприятное влияние на экономику всего региона, поскольку Россия остается центром притяжения трудовых мигрантов из соседних государств. Однако санкционные «войны» могут помешать дальнейшей диверсификации экономики РФ и привести к углублению противостояния с Западом, подрывая перспективы интеграции других стран СНГ (особенно членов ЕАЭС) в глобальные цепочки поставок [4].

С 1970-х годов ИМЭМО РАН готовит долгосрочные и краткосрочные прогнозы глобального экономического и политического развития. В советские годы они носили закрытый характер, а в 1990-х годах стали доступны научной общественности. Из последних исследований следует отметить помимо ежегодных прогнозов «Россия и мир: экономика и внешняя политика» стратегические глобальные прогнозы до 2030 и 2035 гг., которые получили международное признание и переведены на английский, китайский и корейский языки. В этих работах исследуются грядущие возможные изменения

в глобальной политике, экономике, структуре миропорядка и их возможное влияние на развитие России в рамках концепции полицентрического мира, который должен опираться на взаимодействие ведущих центров силы в интересах совместного решения глобальных проблем.

Глобальная финансовая система также будет эволюционировать в сторону полицентризма в условиях роста эффективности управления финансовыми рисками на макро- и микроуровне. Это наиболее вероятный благоприятный сценарий развития событий. Но существует и второй менее вероятный сценарий, когда концентрация рисков в глобальных финансах настолько увеличится, что возможно устойчивость глобальной финансовой системы окажется под угрозой. В результате банковского, долгового и валютного кризисов крупные риски могут распространиться на реальную экономику, что вызовет обострение структурных и социальных проблем. При данном сценарии может быть запущен длительный процесс усиления нестабильности глобальной экономики.

Библиография

1. Алешковский И.А., Мищенко Я.В. Место и роль России на глобальном рынке энергоресурсов // Вестник Московского университета. 2018. Серия 27: Глобалистика и геополитика. № 3. С. 7–19.

2. Восстановление экономики России: Насколько устойчивы признаки роста? Доклад Всемирного банка. № 38. Ноябрь 2017. 56 с.

3. Глобальная система на переломе: Пути к новой нормальности / Пер. с англ.; под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 32 с.

4. Краснушкина Н. Кредитоспособность СНГ растет рискованно. Мониторинг рейтингов. 01.02.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3535365 (Дата обращения: 05.10.2018.)

5. Министерство экономики и развития: Официальный сайт // URL: http://economy.gov.ru (Дата обращения: 14.01.2018.)

6. Назарова И.А. Проблемы промышленных кризисов (экономико-исторический опыт анализа). М.: ИНФРА-М, 2018. 167 с.

7. О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. ФЗ от 05.12.2017 № 362-ФЗ. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/42574/page/1 (Дата обращения: 05.10.2018.)

8. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию от 1 марта 2018 года // Президент России: Официальный сайт [Электронный ресурс]. http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957 (Дата обращения: 15.03.2018.)

9. Разуваев А. Как модернизировать экономику? // Еженедельник «Аргументы и Факты». № 10. 2018. 7 марта. URL: http://www.aif.ru/money/opinion/kak_modernizirovat_ekonomiku

10. Фальцман В. Кризис ВЭД России: Пути преодоления // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 5. С. 57–66.

References

Aleshkovskij I.A., Mishhenko Ja.V. Mesto i rol' Rossii na global'nom rynke jenergoresursov // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2018. Serija 27: Globalistika i geopolitika. N 3. P. 7–19.

Fal'cman V. Krizis VJeD Rossii: Puti preodolenija // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2017. Vol. 61. N 5. P. 57–66.

Global'naja sistema na perelome: Puti k novoj normal'nosti / Per. s angl.; pod red. A. Dynkina, M. Barrouza. M.: IMJeMO RAN, 2016. 32 p.

Krasnushkina N. Kreditosposobnost' SNG rastet riskovanno. Monitoring rejtingov. 01.02.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3535365 (Data obrashheniya: 05.10.2018.)

Ministerstvo jekonomiki i razvitija: Official Website // URL: http://economy.gov.ru (Data obrashhenija: 14.01.2018).

Nazarova I.A. Problemy promyshlennyh krizisov (jekonomiko-istoricheskij opyt analiza). M.: INFRA-M, 2018. 167 p.

O federal'nom byudzhete na 2018 god i na planovyj period 2019 i 2020 godov. FZ ot 05.12.2017 № 362-FZ. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/42574/page/1 (Data obrashheniya: 05.10.2018.)

Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina Federal'nomu sobraniju ot 1 marta 2018 goda // Prezident Rossii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957 (Data obrashhenija: 15.03.2018.)

Razuvaev A. Kak modernizirovat' ehkonomiku? // Ezhenedel'nik «Argumenty i Fakty». N 10. 2018. 7 marta. URL: http://www.aif.ru/money/opinion/kak_modernizirovat_ekonomiku

Vosstanovlenie ehkonomiki Rossii: Naskol'ko ustojchivy priznaki rosta? Doklad Vsemirnogo banka. N 38. Noyabr' 2017. 56 p.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.06

М.А. Положихина

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Аннотация. *В статье обсуждаются возможности государственного регулирования цифровизации экономики России в целях нивелирования рисков и использования возникающих преимуществ, а также с учетом опыта разных стран по решению внутренних социально-экономических проблем и достижению геоэкономических результатов за счет внедрения новых технологий.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровая экономика, Индустрия 4.0, государственные программы, Великобритания, Германия, Китай, Россия.*

Положихина Мария Анатольевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.
E-mail: polozhihina2@mail.ru

M.A. Polozhikhina. State Regulation of Digitalization of the Economy: European and Russian Experience

Abstract. *The article discusses the possibilities of state regulation of digitalization of the Russian economy in order to reduce the risks and use the emerging advantages. What is important, states the author, is to take into account the experience of other countries developing new technologies in order to solve internal socio-economic problems and achieve geo-economic results.*

Keywords: *digitalization, digital economy, Industrie 4.0, state programs, United Kingdom, Germany, China, Russia.*

Polozhikhina Maria Anatolievna – Candidate of Geographic Sciences, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: polozhihina2@mail.ru

Введение

Ускорение преобразований, происходящих в настоящее время в обществе из-за внедрения новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), позволяет говорить о развитии процесса цифровизации (диджитализации либо дигитализации, в зависимости от перевода) или цифровой трансформации социума. Это не просто оцифровка, т.е. перевод информации в цифровую форму, а качественные изменения в способах коммуникации, получении и передачи данных, технологиях и организации человеческой деятельности. По своей глубине и масштабу они сопоставимы с процессами индустриализации и электрификации конца XIX – начала XX в.

Тенденция цифровизации различных общественных сфер в глобальном масштабе очевидна. При этом можно говорить о двух параллельных (хотя и взаимосвязанных) направлениях трансформации. Первое является в большей степени социальным и выражается в формировании новой социальной среды за счет развития новых способов коммуникаций и конструкций виртуального мира – так называемого Интернета людей (IoP – Internet of people). В него входит цифровизация научного и культурного наследия (создание электронных библиотек, музеев и изданий), проведение общественных мероприятий онлайн (онлайн-трансляции, веб-конференции и пр.), электронные СМИ, наконец электронное государство. Подключившись к сети Интернет, сегодня можно получить сведения практически по любому вопросу или связаться с партнером почти независимо от места его нахождения. Никогда раньше отдельный человек не имел доступа к таким объемам информации и таких широких возможностей для коммуникаций.

В этом контексте можно говорить об искусственном создании ноосферы, о которой писал еще В.И. Вернадский. Новая социальная (цифровая) среда неизбежно ведет к психофизическим изменениям самого человека и к серьезному преобразованию всего общества. Каким оно будет через 30–50 лет? Пока можно строить самые разные футуристические прогнозы, так как это будущее во многом рукотворно и зависит от наших действий в настоящем.

Второе направление трансформации захватывает преимущественно экономическую сферу и заключается в появлении новых видов деятельности, а также в цифровизации традиционных отраслей. Результатом этих процессов является формирование цифровой экономики, представления о которой варьируются от очень узких до чрезвычайно широких.

В узком смысле цифровую экономику считают разновидностью коммерческой деятельности по производству и продаже электронных товаров и услуг. Соответственно, в нее входит, во-первых, электронная торговля, электронный банкинг и электронные деньги. Во-вторых, цифровая экономика – это сервисы по предоставлению онлайн-услуг, информационные сайты, зараба-

тывающие на рекламе, интернетмедиа (звукозапись, кино, пресса, издательская деятельность), развлекательный и деловой контент. В-третьих, в это понятие включается производство соответствующего оборудования и другие обеспечивающие виды деятельности.

В широком смысле цифровая экономика выступает итогом новой индустриализации (обусловленной внедрением ИКТ – информационно-коммуникационных технологий, или четвертой промышленной революцией) и становления нового технологического уклада – Индустрии 4.0 [18]. В основу такой цифровой экономики входит производство оборудования, использующего ИКТ и соответствующего программного обеспечения (ПО). В связи с этим приоритетное значение имеет развитие микроэлектроники и программирования (математического обеспечения), а также различных сетей для коммуникации (прежде всего, широкополосного Интернета).

Разнообразие мнений о том, что такое цифровая экономика, отражает недостаточный уровень научного осмысления этого феномена. Когда не очень точно понимают суть явления, то по-разному его описывают и измеряют. Тем не менее на международном уровне признано, что распространение новых ИКТ и формирование на их основе цифровой экономики открывает широкие перспективы для развития. И одновременно создает новые риски.

Возможности и риски цифровизации экономики

В настоящее время большие надежды связывают с тем, что внедрение новых ИКТ позволяет совершенствовать технологические процессы и повышать качество продукции, оптимизировать организацию различных областей деятельности, наконец, способствуют улучшению здоровья и качества жизни людей. В докладе Всемирного банка о мировом развитии 2016 г. перечислены следующие *дивиденды,* получаемые от цифровой трансформации [4, с. 12]:

- рост производительности труда;
- повышение конкурентоспособности компаний;
- снижение издержек производства;
- создание новых рабочих мест;
- более полное удовлетворение потребностей людей;
- преодоление бедности и социального неравенства.

Существует достаточно много теоретических и эмпирических аргументов, подтверждающих достоверность данных выводов. Еще в 1990-х годах была доказана возможность радикального снижения трансакционных издержек при расширении использования цифровых технологий в бизнесе [14]. Современные исследования показали, что под влиянием цифровизации повышается мобильность в удовлетворении запросов потребителей. Это позволяет преодолеть территориальные ограничения и зависимость производств от

расположения поставщиков. Распространение же сетевых эффектов меняет цепочки создания стоимости и формирует новые модели ведения бизнеса [16, с. 74].

Очевидно снижение материалоемкости производств в результате применения новых технологий (в частности, 3 D-печати), что, безусловно, снижает издержки производства в целом. Благодаря ИКТ, люди могут переложить часть своих служебных заданий и многие рутинные действия на машины, чтобы сосредоточиться на творческой работе. Цифровизация также позволяет уменьшить антропогенное воздействие на природу, улучшить экологическое состояние городов и природных объектов.

Таким образом, новые технологии несут пользу бизнесу, человеку и обществу в целом. Однако уже видны и негативные последствия цифровой трансформации. Всемирный банк в своем докладе выделяет следующие *риски цифровизации*:

- киберопасность;
- возможность массовой безработицы;
- рост «цифрового разрыва» (разрыв в цифровом образовании, в условиях доступа к цифровым услугам и продуктам, и как следствие – разрыв в уровне благосостояния) между гражданами и бизнесом внутри стран, а также между странами [4, с. 18].

Признается, что в ближайшие годы новые технологии радикально изменят рынок труда на планете. Преобразования затронут не только работников низкой и средней квалификации, но и высококвалифицированных специалистов, занятых умственным трудом. Основную массу коллективов придется обучать новым навыкам, что выливается в дополнительные издержки на образовательные программы. Необходимость массового обучения и переобучение людей, по масштабам сопоставимая с эпохой индустриализации, становится главной проблемой цифровой трансформации общества.

Ряд специалистов весьма скептически относятся к перспективам развития цифровой экономики [7]. Эксперты предупреждают, что в связи с распространением новых ИКТ сокращается время для принятия решений, поэтому возможно увеличение управленческих ошибок. Вероятны негативные последствия для добросовестной конкуренции: массовая стандартизация (необходимая для внедрения Интернета вещей – Internet of things или IoT) ведет к чрезмерной однородности производств, а горстка влиятельных компаний может получить неестественные конкурентные преимущества [15, с. 24–26]. К данному перечню следует добавить рост потребления электроэнергии и обострение всех связанных с этим отрицательных явлений.

Ключевым условием развития глобальной цифровой экономики считается уровень цифрового доверия [22]. Чтобы ее рост продолжился, провайдеры

и органы власти должны сделать своим приоритетом обеспечение безопасности цифровых технологий.

Многие исследователи согласны с мнением, что «цифровизацию экономики не следует считать “рецептом” от всех бед, и хорошо развитый цифровой сегмент – это всего лишь часть экономики как таковой… Когда эффект от цифровизации заканчивается (а такое неизбежно происходит), без активизации аналоговой экономики не обойтись» [20]. Главными «аналоговыми дополнениями» процесса цифровизации специалисты Всемирного банка считают нормативно-правовую базу, обеспечивающую высокий уровень конкуренции; навыки населения, позволяющие использовать новую технологию; а также подотчетные институты [4, с. 18, 29].

Цифровые технологии не работают без настройки отношений между субъектами экономики и управления в целом [20]. Цифровые изменения сопряжены не только с массой технологических нововведений и организационных преобразований, но и в корне меняют корпоративную культуру. Наконец развитие цифровой экономики во многом зависит от проводимой государственной политики.

На международном уровне признано, что регулирование цифровизации со стороны государства позволяет нивелировать риски и использовать возможности, открывающиеся благодаря внедрению новых технологий. Можно говорить о новом – цифровом – витке глобальной конкуренции. Страны, которые окажутся в состоянии быстрее остальных воспользоваться преимуществами цифровизации, очевидно, станут лидерами XXI в. Включившись в «цифровую гонку», многие государства стали сознательно стимулировать и регулировать развитие цифровых технологий. Программы по развитию цифровой экономики уже утверждены в Великобритании, Германии, Китае, Японии, Бразилии, США, Эстонии, Нидерландах, Ирландии, Швеции, Сингапуре, Филиппинах, Малайзии, России, Белоруссии, Казахстане и т.д. И количество таких стран растет [16, с. 134]. Причем различные представления о том, что такое цифровая экономика, лежащие в основе этих программ (или стратегий), определяют разные направления действий.

Государственное регулирование цифровизации экономики в разных странах мира

Великобритания. Экономика страны характеризуется высокой долей торговли и финансового сектора, поэтому на нее значительно повлиял мировой кризис 2008 г. Впечатления от этого события привели к тому, что внедрение новых ИКТ стало рассматриваться как предпочтительное направление развития. В 2010 г. в Великобритании был принят Закон «О цифровой экономике» (Digital Economy Act 2010, DEA), была модернизирована инновационная сис-

тема и, главное, выстроены разумные отношения между всеми участниками инновационного процесса и государством. С 2011 г. для реализации отобранных по конкурсам проектов действует система Catapult (организации, созданные государственным инновационным агентством – Innovate UK – для содействия научным исследованиям и разработкам на основе сочетания коммерческого финансирования с грантов из государственных фондов). Создано десять таких центров, в том числе в 2013 г. Digital (Цифровой) и Future Cities (Будущие города), Transport Systems (Транспортные системы) и Energy Systems (Энергетические системы). Государство поддерживает их через TechUK (ассоциация, в которую входит более 850 компаний IT, телекоммуникаций и электроники; охватывает около половины сотрудников этого сектора экономики) и другие уполномоченные организации [13, p. 34].

В 2017 г. был принят новый закон о цифровой экономике, а также представлена стратегия развития цифровых технологий (Digital Strategy). В документе определены направления, по которым страна намерена развивать «ведущую цифровую экономику в мире». Правительство Великобритании объявило, что намерено инвестировать 17,3 млн ф. ст. в научные исследования на базе университетов в области робототехники и искусственного интеллекта (ИИ) [23].

Создание в стране цифровой экономики связывают, прежде всего, с цифровизацией сферы услуг. Электронная коммерция в Великобритании развита лучше, чем в любой другой стране мира. Также значителен уровень цифровизация финансового сектора – Британия считается центром финтеха. Развивается цифровизация и по другим направлениям, в том числе образования (RefMe, eSchools) и здравоохранения (Network Locum) [11].

Большое внимание в стране уделяется цифровой трансформации строительства за счет внедрения технологии информационного моделирования зданий (BIM – Building Information Modelling). В Великобритании надеются сделать полностью компьютеризированное строительство нормой, а страну – мировым лидером в этом секторе, добиться глобального признания британских дизайнеров, подрядчиков и производителей строительных изделий [13, p. 35, 36]. Другим приоритетным направлением является цифровизация железнодорожного транспорта. В данной области особенно выделяется реализация проекта Crossrail – строительства с 2012 г. новой подземной железной дороги в Лондоне, которая связывает запад и восток города. Использование технологий BIM (в продуктах компании Bentley) и уникального оборудования – проходческих комплексов, специально созданных немецкой фирмой Herrenknecht, – позволяет надеяться, что этот крупнейший инфраструктурный проект Европы будет успешно завершен, как планировалось, в 2018 г. [10].

В других отраслях успехи английских IT-компаний менее заметны. Но, например, компания ARM Holdings производит микрочипы для 95% всех смартфонов на мировом рынке [11]. В Великобритании считают, что цифровизация приведет к росту объемов работ, появлению новых рабочих мест, позволит стране занять лидирующие позиции в мире в отдельных областях.

Германия. По международным оценкам уровня цифровизации страна отстает от лидеров – она находится на 12-м месте в Индексе развития Интернета ITU, тогда как, например, Великобритания – на 5-м месте [24]. Но это первое государство в мире, которое оцифровало свои библиотеки в рамках национального проекта «Global info» (с 1998 по 2004 г.), являющегося частью программы «Информация как сырье для инноваций» (Information as raw material for innovation). Удельный вес промышленности в немецком ВВП (23%) выше, чем во многих развитых странах. Германия доминирует в сфере общего машиностроения (особенно, станкостроения) и автомобилестроения, а также в транспортно-логистическом комплексе. В различных индустриальных нишах немецкие фирмы являются мировыми лидерами [3, с. 14; 5; 25].

В Германии исторически сформировалась одна из наиболее развитых и авторитетных в мире научно-инновационных «экосистем». Все ее инструменты и институты задействованы при формировании и реализации государственной политики страны в сфере развития новых ИКТ. Основным документом является Стратегия высоких технологий для Германии (Hightech-Strategie Innovationen für Deutschland – HTS), принятая федеральным правительством в 2006 г. и отредактированная в 2010 г. [3, с. 12].

В 2011 г. представителями научного сообщества страны (Acatech и Центр исследования искусственного интеллекта) и Федерального министерства науки, образования и исследований была выдвинута концепция Индустрия 4.0. Ее поддержали ведущие немецкие союзы предпринимателей (BITCOM e.V. – ИКТ, VDMA e.V. – машиностроение и ZVEI e.V. – электроника), а также научное Общество имени Фраунгофера. Идея состояла в создании «умного производства» (smart manufacturing) за счет интеграции киберфизических систем (CPS – cyber physical systems) в заводские процессы посредством подключения машин, станков, складских помещений к глобальной промышленной сети Интернета вещей и услуг [3, с. 12].

В 2014 г. федеральное правительство приняло обновленную Стратегию высоких технологий для Германии (HTS II), частью которой стали «Цифровая повестка дня 2014–2017» и «Индустрия 4.0». Стимулирование использования цифровых технологий в экономике осуществляется путем разработки и реализации ряда инициатив: «Информационная и коммуникационная технологическая стратегия» (предусматривает расширение необходимой инфраструктуры, ускоренное развитие новых цифровых технологий, в том числе поддержку их повсеместного внедрения в производство), «Стратегия расши-

рения широкополосной сети», проект «Цифровое строительство», программа «Цифровые дивиденды». Особое внимание в стране уделяется обеспечению кибербезопасности и защите от промышленного шпионажа. В 2015 г. федеральные министерства создали сетевую платформу Industrie 4.0 – одну из крупнейших в Германии. Задача платформы состоит в освещении действующих пилотных проектов и их последующего внедрения в бизнес. Наряду с традиционными блоками (архитектура, нормы и стандарты, НИОКР) в ней отдельно выделены такие разделы, как безопасность сетевых систем, правовые вопросы, образование и повышение квалификации, взаимодействие представителей власти, бизнеса, науки и общества [5; 25]. В 2017 г. было объявлено о начале реализации государственной программы поддержки Industrie 4.0 – создания Мира умных сервисов II (Smart service welt II), – открывающего новые возможности для бизнеса и граждан [15, с. 5].

Деятельность в рамках «Индустрии 4.0» направлена на укрепление немецкого технологического лидерства в машиностроении, прежде всего в сфере производства средств производства. Благодаря внедрению этой концепции, шесть отраслей экономики Германии (машиностроение; автомобили и комплектующие; электротехника; химия; ИТ-отрасль; сельское и лесное хозяйство) могут получить до 2025 г. дополнительно 78 млрд евро [3, с. 14–15, 17]. Реализация предусмотренных мероприятий позволит превратить Германию в ведущего мирового поставщика киберфизических производственных систем. Кроме того, планируется продвигать вперед программу цифровизации традиционной промышленности с предусмотренным расширением в области «умных услуг», а также укреплять проекты и деятельность в области «Green IT» [25]. Доля цифровых технологий в производственных процессах в Германии к 2020 г. должна вырасти в среднем в 3,8 раза – до 83% [15, с. 14].

Действия немецкого правительства по стимулированию распространения цифровых технологий получили международное признание: в США и Великобритании пытаются использовать опыт Германии в данной области.

Китай. Началом создания индустрии IT в стране стал запуск двух государственных проектов – «План 863» (принят 3 марта 1986 г.) и «Факел» (1998). В Китае активно клонировались лучшие мировые достижения в сфере ИКТ; использовались практически любые средства для того, чтобы заполучить как можно больше передовых иностранных технологий. Кроме того, была обеспечена открытость рынка для зарубежных компаний при обязательном соблюдении формулы: «иностранные инвестиции – китайская эксплуатация – китайское владение». Осуществлялся поэтапный подход к развертыванию государственных программ поддержки (с перманентной корректировкой на внешние и внутренние факторы воздействия) и жесткий контроль исполнения обязательств. Поощрялись опора на собственные силы бизнеса и его высокие затраты на НИОКР [21, с. 90–91, 93].

В 2010-х годах Китай начал переход к созданию собственной независимой высокотехнологичной индустрии. Была принята директива Госсовета КНР по научному и технологическому развитию страны на 2006–2020 гг. В Плане 12-й пятилетки (2011–2015) сектор «нового поколения телекоммуникационного оборудования» был включен в список приоритетов, которые должны в корне изменить структуру национальной экономики. В 2015 г. была принята программа «Интернет+», ориентированная на построение к 2049 г. (100-летнему юбилею КНР) информационного общества. Планируется, что темпы цифровизации отраслей и сфер китайской экономики в период 2015–2025 гг. составят от 22% (население) до 8% (образование) [21, с. 73]. К 2020 г. доля цифровой экономики должна достичь 35% ВВП, а к 2030 г. – более 50%, тогда как в настоящее время она составляет 6–7% [19, с. 39].

Китайская практика трансфера технологий, получившая название «инновационный меркантилизм», позволила добиться за короткий срок ошеломляющих успехов в создании индустрии IT, начатой с нуля. Китай сегодня – единственное государство, способное построить национальный Интернет. За прошедшие 18 лет объем экспортируемой КНР продукции ИКТ вырос более чем в 16 раз. Особенно значительны достижения в создании электронно-вычислительной техники для авиакосмической промышленности и ИТ-решений для медицины. В стране действуют крупные компании – аналоги американским ИКТ-корпорациям. Есть собственная Кремниевая долина – СЭЗ Шэньчжен, расположенная рядом с Гонконгом. Современные гиганты IT-индустрии Китая имеют разную форму собственности, но одинаково быстро реагируют на «рекомендации» правительства [21, с. 67, 66]. Страна стремится к полной ИКТ-независимости, так как информационная безопасность рассматривается не менее серьезно, чем ядерная угроза. Сейчас доступ к ряду иностранных сайтов с территории КНР ограничивает «Золотой щит» (так называемый Великий китайский файрвол – технологический барьер, предназначенный для предотвращения несанкционированного или нежелательного сообщения между компьютерными сетями или узлами Сети (хостами)).

Нельзя не отметить масштабы достигнутого страной, как и существование серьезных проблем и значительных резервов для дальнейшей цифровизации [21]. Перспективы создания в КНР цифровой экономики связывают с продолжением поддержки инновационных компаний путем дальнейшего совершенствования налогового инструментария, стимулирования банков к кредитованию малых и средних предприятий. Предполагается увеличить затраты на НИОКР частных компаний, укрепить связи науки и производства в рамках государственно-частного партнерства. Ожидается активная цифровизация промышленности, финансов и торговли; внедрение концепции «умного» производства. Кроме того, согласно Стратегии «Сделано в Китае –

2025» (2015), планируется превратить страну из мировой фабрики в мировую лабораторию [21, с. 70–71, 73].

Государственное регулирование цифровизации экономики в России

СССР являлся одним из пионеров в области развития ИКТ. По мнению ряда авторов, процесс компьютеризации страны – это история технических побед и стратегических просчетов.

На начальном этапе разработки компьютеров СССР «шел в ногу» с мировыми тенденциями и практически не отставал от США. К середине 1960-х годов советская промышленность производила разнообразные модели ЭВМ самой разной архитектуры. Требовалось определить приоритеты, но из-за острой конкуренции директора научных институтов не смогли выработать общей стратегии. В этих условиях решать пришлось чиновникам. В качестве единственной архитектуры была выбрана американская платформа IBM 360/370, пользующаяся на Западе огромным спросом и являющаяся во многом универсальной. В качестве генеральной линии для мини- и микро-ЭВМ была утверждена архитектура PDP-11 фирмы DEC. В результате с начала 1970-х годов вместо развития собственной концепции научно-конструкторские кадры страны стали заниматься полузаконным копированием западных образцов [6; 9].

Отставание в области производства компьютерной техники (аппаратного обеспечения или так называемого харда) нарастало. Особенно когда выяснились преимущества персональных компьютеров (ПК) перед машинами совместного (коллективного) пользования. В итоге была признана бесперспективность развития собственного производства. С 1991 г. прекратилось финансирование подавляющего большинства научных проектов в сфере ИКТ. После распада СССР, разорвавшего связи заводов-изготовителей, и роста потока импортной техники производство российской компьютерной техники полностью прекратилось. Единственный экземпляр компьютера «Эльбрус-3» отечественной разработки, в 2 раза более быстрого, чем самая производительная американская супермашина того времени Cray Y-MP, в 1994 г. был разобран и пущен под пресс. Некоторые из создателей советских компьютеров уехали за границу, некоторые перешли в другие области деятельности [там же].

Практически аналогично развивалась ситуация в сфере программного обеспечения (так называемого софта). В конце 1980-х и первой половине 1990-х годов в России был очень популярен «Лексикон» – редактор / текстовый процессор для ПК, созданный в Вычислительном центре Академии наук СССР Е.Н. Веселовым. По некоторым оценкам, он был установлен на 95% всех российских ПК. В то же самое время (с 1987 по 1990 г.) СП

«Диалог» осуществило локализацию MS-DOS 4.01 – самого передового на тот момент продукта Microsoft, оснащенного графической оболочкой (DOS Shell). Презентовать русскую версию MS-DOS 4.01 в Россию приезжал сам Б. Гейтс. Из-за конкуренции со стороны пиратских копий русифицированного Microsoft Word (Windows 3.1 и сменившей ее Windows 95) к концу 1990-х годов использование «Лексикона» прекратилось. Причем государственные органы не только не защитили отечественного производителя от недобросовестной конкуренции, но и сами полностью перешли на «пиратский» продукт. Российский рынок был фактически «подарен» Microsoft и теперь изменить ситуацию крайне сложно. Хотя в стране в значительной степени сохранились компетенции в области программирования, прежде всего благодаря системе образования (математической школе).

В 1990-е годы в России ИКТ-рынки развивались стихийно, преимущественно на импортной технике и импортном ПО. Одновременно возникали и первые отечественные частные компании. В 2000-е годы, под влиянием мировых тенденций, внимание государства к развитию ИКТ-сферы стало постепенно возвращаться.

В 2002 г. в России был принят первый крупный официальный документ, касающийся сферы ИКТ – Федеральная целевая программа «Электронная Россия» на 2002–2010 гг. Программа была нацелена на построение электронного правительства и на этой основе совершенствование деятельности государственных органов. К 2008 г. представления о возможностях использования новых ИКТ расширились. В утвержденной Президентом РФ Стратегии развития информационного общества в РФ (действовала до 2015 г.), помимо совершенствования системы государственного управления, были поставлены уже и другие цели, в том числе повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер общества. Для реализации этой Стратегии была разработана государственная программа «Информационное общество (2011–2020)», рассчитанная на выполнение в два этапа (2011–2014 и 2015–2020).

Стремительно нарастающие изменения, связанные с распространением новых ИКТ, потребовали корректировки утвержденных положений. В 2017 г. принята новая Стратегия развития информационного общества (на 2017–2030 гг.), целью которой декларируется построение в России общества знаний и цифровой экономики как его части. В соответствии с этой Стратегией разработана программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В ней сформулированы задачи на период до 2024 г. по пяти основным направлениям развития: нормативное регулирование, информационная инфраструктура, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов, кадры и образование, информационная безопасность. Программа содержит

«дорожные карты» мероприятий по каждому из направлений, а также показатели достижения целей (к 2024 г.). Программа также будет дополняться соответствующими разделами по отраслям экономики (сферам деятельности). В предварительный список уже вошли энергетика, агропромышленный сектор, «умный город», электронная торговля (e-commerce), транспорт и логистика, финансовые технологии. Для управления программой создана сложная система сдержек и противовесов из различных органов государственной власти. Запущен мониторинг выполнения мероприятий программы.

Однако, по мнению экспертов, собственно экономических задач, связанных с развитием цифровой индустрии (новых способов производства, вывода отечественных технологий на глобальные рынки и т.д.) в программе «Цифровая экономика РФ» недостаточно [17]. Так, для развития цифровой индустрии нужна сильная национальная IT-отрасль. А Россия значительно отстает по производству информационно-коммуникационной техники, особенно – электронно-компонентной базы.

По итогам 2017 г., объем рынка Интернета вещей в России составил 1,7 трлн долл. против 1,4 трлн долл. в 2016 г. Специалисты отмечают рост расходов компаний на внедрение технологии IoT. Но основным драйвером процесса остаются государственные предприятия [12]. Российское государство с 2000-х годов вообще достаточно активно действует в сфере ИКТ. Оно является одним из крупнейших потребителей новых технологий и стимулирует их внедрение как в бизнесе, так и в социальной сфере.

Как считают эксперты, в целом Россия ненамного отстает от лидеров цифровой трансформации – на пять-восемь лет. Согласно разным международным оценкам процесса цифровизации, Россия находится на уровне среднеразвитых стран Европы. Причем наиболее высокие показатели распространения и использования новых ИКТ фиксируются в государственных органах и среди населения [1; 2; 12].

Основные затруднения развития процесса цифровизации в России лежат в бизнес-среде. Отечественный бизнес не только предпочитает использовать иностранную технику и ПО (и для этого у него есть основания). Он вообще не активен в модернизации и внедрении инноваций, мало расходует средств на НИОКР. Однако для успеха цифровой трансформации нужен массовый переход компаний (не только крупных, но и средних и малых предприятий) на использование новых технологий, разнообразные частные инициативы по производству товаров с новыми качествами.

Очередной «виток» внедрения ИКТ обостряет и давнюю российскую проблему – недостаточную связь науки с производством, слабость инновационной системы. Пока инновационный цикл в России разорван: существуют отдельные звенья (венчурное финансирование, стартапы и т.д.) при почти

полном отсутствии опытных производств. Но без законченной инновационной «цепочки» цифровые технологии быстро внедрить не получится.

Развитие цифровой экономики добавило к застарелым (и давно известным) отечественным проблемам новую – необходимость обеспечения специального образования (знаний, компетенций и навыков), точнее масштабной подготовки и переподготовки кадров. И это является серьезным вызовом для национальной системы образования. От того, какие навыки (потребителей-покупателей или креативных созидателей) будут формироваться у подрастающего поколения, во многом зависит траектория и результаты цифровой трансформации.

Кем же – потребителем новых продуктов / услуг / технологий или их производителем – станем мы в глобальном цифровом мире? Представляется, что построение цифровой экономики в России должно быть больше связано с реиндустриализацией и модернизацией традиционных отраслей, способствовать уходу от ресурсозависимой модели социально-экономического развития. Опыт Китая показывает, что даже отставание с элементной базой и производством техники не является фатальным. С этими проблемами можно справиться. Все зависит от качества управления: от правильно выбранных стратегических приоритетов государственной политики, последовательного и разумного администрирования. Но пока цели отечественных официальных документов сформулированы слишком туманно. Следовательно, даже их разработчики не очень ясно представляют, что собираются строить. В отличие от куда более определенных документов современных лидеров «цифровой гонки».

Потенциал для того, чтобы воспользоваться открывающимися возможностями, в стране есть. Прежде всего, это человеческий капитал. Главная задача состоит в рациональном и эффективном его использовании, а также в решении застарелых проблем российской инновационной системы.

Заключение

Развивая цифровую экономику, все страны ставят похожие цели – улучшить внутреннее социально-экономическое положение и позиции в глобальном масштабе и пытаются преодолеть одинаковые риски (прежде всего, обеспечить цифровую безопасность и снизить цифровое неравенство). Тем не менее реализуют разные модели цифровой экономики. Расхождения связаны, во-первых, с разным ви́дением приоритетов развития; во-вторых, со спецификой национальных инновационных систем и методов управления. В качестве крайних полюсов можно рассматривать преимущественную ориентацию на развитие цифровой сферы услуг (Великобритания) или цифрового производства (Германия); преобладание инициативы государственной (Китай) или

частной (США). Представляется, однако, что главными факторами успеха в цифровой трансформации является развитие инновационной системы (способной генерировать и быстро передавать нововведения в массовое производство), а также системы образования (которая должна обеспечить подготовку кадров с соответствующими новым реалиям компетенциями).

Проведение осознанной и успешной государственной политики также требует решения ряда сложных теоретических проблем. Прежде всего касающихся определения и измерения цифровой экономики. Как справедливо отмечают эксперты, методика оценок макроэкономического эффекта цифровой экономики вызывает большое сомнение. Универсальной и надежной методики расчета добавленной стоимости, создаваемой всеми участниками цифровой экономической деятельности, до сих пор нет [7]. Специалисты подчеркивают специфичность проблем ценообразования и капитализации платформенных компаний [8]. В современных условиях определение стоимости разных видов информации превращается в один из главных вопросов экономической науки.

Пока ни одна из концепций, объясняющая изменение общества под воздействием новых ИКТ (формирование постиндустриального общества, общества знаний, новая индустриализация и построение цифровой экономики), не свободна от недостатков и пробелов, обоснованных критических замечаний. Более того, неясно соотношение выдвинутых положений – развивают, дополняют или исключают они друг друга. Теорию цифровой трансформации общества предлагается разрабатывать на основе использования междисциплинарного метода научного исследования, в частности на стыке философии хозяйства, экономической теории, а также прикладной математики, вместе со специалистами в области компьютерных наук [20]. Но для ее создания нужно больше изучать сам феномен. Сейчас, очевидно, идет процесс количественного накопления данных, и поток информации огромен. Безусловно, этот поток требует структурирования.

Повышение уровня теоретических знаний о процессе цифровизации и совершенствование научных основ его регулирования необходимы для достижения стратегических целей социально-экономического развития России. Иначе неизбежны ошибки в управлении, потеря времени и материальные издержки.

Библиография

1. Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств – членов ЕАЭС. Информационно-аналитический отчет. М.: ЕЭК. Департамент промышленности, 2017. 116 с.

2. Аптекман А., Калабин В., Клинцов В. и др. Цифровая Россия: Новая реальность. Июль 2017 // McKinsey & Company [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (Дата обращения: 15.01.2018.)

3. Белов В.Б. Новая парадигма промышленного развития Германии – стратегия Индустрия 4.0 // Современная Европа. 2016. № 5. С. 11–22.

4. Доклад о мировом развитии 2016. Цифровые дивиденды. Обзор. Вашингтон: Всемирный банк, 2016. 58 с. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf (Дата обращения: 15.02.2018.)

5. INDUSTRIE 4.0 – умное производство будущего (Государственная Hi Tech Стратегия 2020, Германия) / Пер. В. Гладкова // Json.TV [Электронный ресурс]. 2016. 27 февраля. URL: http://json.tv/tech_trend_find/industrie-40-umnoe-proizvodstvo-buduschego-gosudarstvennaya-hi-tech-strategiya-2020-germaniya-20160227025801 (Дата обращения: 19.11.2017.)

6. История развития советских ЭВМ до 1980 года // История государства [Электронный ресурс]. URL: http://statehistory.ru/3932/Istoriya-razvitiya-sovetskikh-EVM-do-1980-go-goda/ (Дата обращения: 15.05.2018.)

7. Катасонов В. Цифровая экономика – светлое будущее человечества или биржевой пузырь? // News front: Информационное агентство [Электронный ресурс]. 2017. 08 января. URL: https://news-front.info/2017/01/08/cifrovaya-ekonomika-svetloe-budushhee-chelovechestva-ili-birzhevoj-puzyr-v (Дата обращения: 20.05.2018.)

8. Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе // Цифровая экономика [Электронный ресурс]. 2017. 12 ноября. URL: http://digital-economy.ru/stati/tsifrovaya-ekonomika-i-tsifrovizatsiya-v-istoricheskoj-retrospektive (Дата обращения: 02.04.2018.)

9. Краснов П. Советская вычислительная техника. История взлета и забвения // Русский проект [Электронный ресурс]. 2011. 09 апреля. URL: http://www.rusproject.org/analysis/analysis_2/sovetskie_komputery (Дата обращения: 05.05.2017.)

10. Crossrail – самый крупный инфраструктурный проект в Европе / Пер. с англ. О. Казначеевой // CADmaster [Электронный ресурс]. 2015. № 1 (80). URL: http://www.cadmaster.ru/magazin/articles/cm_80_09.html#hcq=6h9ZmJq (Дата обращения: 19.11.2017.)

11. Ревазде Д. 8 фактов об IT Великобритании // Хайтек [Электронный ресурс]. 2016. 27 сентября. URL: https://hightech.fm/2016/09/27/britain-9things (Дата обращения: 18.02.2017.)

12. Рунет подвел итоги 2017 года // РАЭК [Электронный ресурс]. 2017. 13 декабря. URL: http://raec.ru/live/raec-news/10096/ (Дата обращения: 11.03.2017.)

13. Соколов И.А., Куприяновский В.П., Намиот Д.Е. и др. Государство, инновации, наука и таланты в измерении цифровой экономики (на примере Великобритании) // International journal of open information technologies. 2017. Vol. 5. N 6. P. 33–48.

14. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Пер. с анг. И. Дубинин; под ред. С. Писарева. М.: Релф-бук, 1999. 432 с.

15. Хиллер Б. Индустрия 4.0 – умное производство будущего. Опыт «цифровизации» Германии // Международный форум «Информационное моделирование для инфраструктурных проектов и развития бизнеса Большой Евразии» (7 июня 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://3d-conf.ru/pdf-2017/hiller.pdf (Дата обращения: 12.01.2018.)

16. Цифровая трансформация экономики и промышленности: Проблемы и перспективы. СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2017. 806 с.

17. Цифровая экономика России 2017: Аналитика, цифры, факты // Shopolog [Электронный ресурс]. URL: https://www.shopolog.ru/metodichka/analytics/cifrovaya-ekonomika-rossii-2017-analitika-cifry-fakty/ (Дата обращения: 15.05.2018.)

18. Четвертая промышленная революция. Популярно о главных технологических трендах XXI в. // Tadviser. Государство. Бизнес. ИТ [Электронный ресурс]. 2017. 17 октября. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%3A%D0%A7%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8 E%D1%86%D0%B8%D1%8F_%28 Industry_4.0%29 (Дата обращения: 20.12.2017.)

19. Чжан Д. Современное состояние цифровой экономики Китая и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в данной области // Власть. 2017. № 9. С. 37–43.

20. Что важнее: Реальная или цифровая экономика? // Цифровая экономика: Информационно-аналитический центр [Электронный ресурс]. 2017. 12 сентября. URL: http://inance.ru/2017/09/cifrovaya-ekonomika/ (Дата обращения: 20.12.2017.)

21. Шульцева В. Цифровая экономика Китая // Первая миля. Смоленск; М.: Техносфера, 2015. № 4–5. С. 66–76; 90–94.

22. Chakravorti B., Chaturvedi R. Sh. Digital Planet 2017: How Competitiveness and Trust in Digital Economies Vary Across the World. Medford: The Fletcher school Tufts university, 2017. 70 p. [Электронный ресурс]. URL: https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2017/05/Digital_Planet_2017_FINAL.pdf (Дата обращения: 20.03.2018.)

23. Government Transformation Strategy 2017 to 2020. Policy paper // Gov.UK [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/government-transformation-strategy-2017-to-2020 (Дата обращения: 20.03.2018.)

24. ICT development index 2017 // ITU [Электронный ресурс]. URL: https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html (Дата обращения: 12.04.2018.)

25. Industrie 4.0 // Federal Ministry for Economic Affairs and Energy [Электронный ресурс]. URL: http://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Dossier/industrie-40.html (Дата обращения: 12.02.2018.)

References

Analiz mirovogo opyta razvitija promyshlennosti i podhodov k cifrovoj transformacii promyshlennosti gosudarstv – chlenov EAJeS. Informacionno-analiticheskij otchet. Moscow: EJeK. Departament promyshlennosti, 2017. 116 p.

Aptekman A., Kalabin V., Klincov V. i dr. Cifrovaja Rossija: Novaja real'nost'. 2017, July // McKinsey & Company [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (Data obrashhenija: 15.01.2018.)

Belov V.B. Novaja paradigma promyshlennogo razvitija Germanii – strategija Industrija 4.0 // Sovremennaja Evropa. 2016. N 5. P. 11–22.

Doklad o mirovom razvitii 2016. Cifrovye dividendy. Obzor. Washington: Vsemirnyj bank, 2016. 58 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf (Data obrashhenija: 15.02.2018.)

INDUSTRIE 4.0 – umnoe proizvodstvo budushhego (Gosudarstvennaja Hi Tech Strategija 2020, Germanija) / Per. V. Gladkova // Json.TV [Jelektronnyj resurs]. 2016. Feb. 27. URL: http://json.tv/tech_trend_find/industrie-40-umnoe-proizvodstvo-buduschego-gosudarstvennaya-hi-tech-strategiya-2020-germaniya-20160227025801 (Data obrashhenija: 19.11.2017.)

Istorija razvitija sovetskih EVM do 1980 goda // Istorija gosudarstva [Jelektronnyj resurs]. URL: http://statehistory.ru/3932/Istoriya-razvitiya-sovetskikh-EVM-do-1980-go-goda/ (Data obrashhenija: 15.05.2018.)

Katasonov V. Cifrovaja jekonomika – svetloe budushhee chelovechestva ili birzhevoj puzyr'? // News front: Informacionnoe agentstvo [Jelektronnyj resurs]. 2017. Jan. 8. URL: https://news-front.info/2017/01/08/cifrovaya-ekonomika-svetloe-budushhee-chelovechestva-ili-birzhevoj-puzyr-v (Data obrashhenija: 20.05.2018.)

Kozyrev A.N. Cifrovaja jekonomika i cifrovizacija v istoricheskoj retrospektive // Cifrovaja jekonomika [Jelektronnyj resurs]. 2017. Nov. 12. URL: http://digital-economy.ru/stati/tsifrovaya-ekonomika-i-tsifrovizatsiya-v-istoricheskoj-retrospektive (Data obrashhenija: 02.04.2018.)

Krasnov P. Sovetskaja vychislitel'naja tehnika. Istorija vzleta i zabvenija // Russkij proekt [Jelektronnyj resurs]. 2011. Apr. 9. URL: http://www.rusproject.org/analysis/analysis_2/sovetskie_komputery (Data obrashhenija: 05.05.2017.)

Crossrail – samyj krupnyj infrastrukturnyj proekt v Evrope / Per. s angl. O. Kaznacheevoj // CADmaster [Jelektronnyj resurs]. 2015. N 1 (80). URL: http://www.cadmaster.ru/magazin/articles/cm_80_09.html#hcq=6h9ZmJq (Data obrashhenija: 19.11.2017.)

Revazde D. 8 faktov ob IT Velikobritanii // Hajtek [Jelektronnyj resurs]. 2016. Sept. 27. URL: https://hightech.fm/2016/09/27/britain-9things (Data obrashhenija: 18.02.2017.)

Runet podvel itogi 2017 goda // RAJeK [Jelektronnyj resurs]. 2017. Dec. 13. URL: http://raec.ru/live/raec-news/10096/ (Data obrashhenija: 11.03.2017.)

Sokolov I.A., Kuprijanovskij V.P., Namiot D.E. i dr. Gosudarstvo, innovacii, nauka i talanty v izmerenii cifrovoj jekonomiki (na primere Velikobritanii) // International journal of open information technologies. 2017. Vol. 5. N 6. P. 33–48.

Tapskott D. Jelektronno-cifrovoe obshhestvo: Pljusy i minusy jepohi setevogo intellekta / Per. s ang. I. Dubinin; pod red. S. Pisareva. Moscow: Relf-buk, 1999. 432 p.

Hiller B. Industrija 4.0 – umnoe proizvodstvo budushhego. Opyt «cifrovizacii» Germanii // Mezhdunarodnyj forum «Informacionnoe modelirovanie dlja infrastrukturnyh proektov i razvitija biznesa Bol'shoj Evrazii» (2017, June 7) [Jelektronnyj resurs]. URL: http://3d-conf.ru/pdf-2017/hiller.pdf (Data obrashhenija: 12.01.2018.)

Cifrovaja transformacija jekonomiki i promyshlennosti: problemy i perspektivy. Saint Petersburg: Izd-vo politeh. un-ta, 2017. 806 p.

Cifrovaja jekonomika Rossii 2017: Analitika, cifry, fakty // Shopolog [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.shopolog.ru/metodichka/analytics/cifrovaya-ekonomika-rossii-2017-analitika-cifry-fakty/ (Data obrashhenija: 15.05.2018.)

Chetvertaja promyshlennaja revoljucija. Populjarno o glavnyh tehnologicheskih trendah XXI v. // Tadviser. Gosudarstvo. Biznes. IT [Jelektronnyj resurs]. 2017. Oct. 17. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%3A%D0%A7%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8 E%D1%86%D0%B8%D1%8 F_%28 Industry_4.0%29 (Data obrashhenija: 20.12.2017.)

Chzhan D. Sovremennoe sostojanie cifrovoj jekonomiki Kitaja i perspektivy sotrudnichestva mezhdu Kitaem i Rossiej v dannoj oblasti // Vlast'. 2017. N 9. P. 37–43.

Chto vazhnee: Real'naja ili cifrovaja jekonomika? // Cifrovaja jekonomika: Informacionno-analiticheskij Centr [Jelektronnyj resurs]. 2017. Sept. 12. URL: http://inance.ru/2017/09/cifrovaya-ekonomika/ (Data obrashhenija: 20.12.2017.)

Shul'ceva V. Cifrovaja jekonomika Kitaja // Pervaja milja. Smolensk; Moscow: Tehnosfera, 2015. N 4–5. P. 66–76; 90–94.

Chakravorti B., Chaturvedi R. Sh. Digital Planet 2017: How Competitiveness and Trust in Digital Economies Vary Across the World. Medford: The Fletcher school Tufts university, 2017. 70 p. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2017/05/Digital_Planet_2017_FINAL.pdf (Data obrashhenija: 20.03.2018.)

Government Transformation Strategy 2017 to 2020. Policy paper // Gov.UK [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/government-transformation-strategy-2017-to-2020 (Data obrashhenija: 20.03.2018.)

ICT development index 2017 // ITU [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html (Data obrashhenija: 12.04.2018.)

Industrie 4.0 // Federal Ministry for Economic Affairs and Energy [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Dossier/industrie-40.html (Data obrashhenija: 12.02.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.07

Я.В. Мищенко

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И ВЬЕТНАМА В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ В АСПЕКТЕ КОНКУРЕНЦИИ С ЯПОНИЕЙ

Аннотация. *В статье дан анализ современных тенденций стратегического партнерства России и Вьетнама в сфере энергетики. Рассмотрена современная ситуация в топливно-энергетическом комплексе Вьетнама, выявлены причины заинтересованности Вьетнама в тесном энергетическом сотрудничестве с Россией, равно как и с Японией. В статье также приводится обзор основных целей энергетической политики России и Японии во Вьетнаме и важнейших сфер их взаимодействия в сфере энергетики.*

Ключевые слова: *Россия, Япония, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, Вьетнам, энергетика, энергоресурсы, топливно-энергетический комплекс, энергетическое машиностроение, атомные электростанции.*

Мищенко Яна Вадимовна – кандидат экономических наук, старший преподаватель факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), старший научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН). E-mail: yanamischenko@gmail.com

Ya.V. Mishchenko. Russia's Strategic Partnership with Vietnam in the Field of Energy and Competition with Japan

Abstract. *The article analyzes modern trends in the strategic partnership between Russia and Vietnam in the energy sector. Analyzed is the current situation in the fuel and energy complex of Vietnam, the reasons for the country's interest in close energy cooperation with Russia, as well as with Japan, are explained. The article also provides an overview of the main objectives of the energy policy of Russia and Japan in Vietnam and the most important spheres of their interaction in the energy sector.*

Keywords: *Russia, Japan, South East Asia, ASEAN, Vietnam, energy, energy resources, fuel and energy complex, power machine building, nuclear power plants.*

Mishchenko Yana Vadimovna – PhD in Economic Sciences, Senior Lecturer, faculty of global studies of Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS). Email: yanamischenko@gmail.com

Введение

В статье 90 раздела «Региональные приоритеты внешней политики» Концепции внешней политики РФ от 2016 г. отмечено, что Россия стремится последовательно углублять всеобъемлющее стратегическое партнерство с Социалистической Республикой Вьетнам. «Стратегическое партнерство» – это важнейшая характеристика, которую сегодняшнее руководство России дало многолетнему сотрудничеству с Вьетнамом и той особо значимой роли отношений России именно с этим государством Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона [4].

Во внешнеэкономической стратегии РФ до 2020 г. зафиксировано, что в отношении Вьетнама, чья экономика была создана с участием бывшего СССР и который традиционно был ориентирован на развитие сотрудничества с Россией, приоритетными направлениями взаимодействия будут модернизация совместных предприятий с инвестициями из России, участие российских компаний в разработке месторождений полезных ископаемых, создание транспортно-логистической инфраструктуры, реализация проектов в сфере атомной промышленности Вьетнама [1]. Таким образом, сотрудничество в области энергетики является для Москвы приоритетным в экономическом взаимодействии с Вьетнамом. Однако реализовать эти задачи в полной мере на практике оказалось не так просто. Действительно, СССР и Вьетнам были важнейшими партнерами, Вьетнам был ориентирован в своей внешней политике на СССР. Однако в 1990-е годы, в период распада СССР и первые годы становления новой, демократической России, Москва развернула свою внешнюю политику в сторону стран Запада. При этом Россия не могла продолжать оказывать прежнюю финансовую поддержку странам – традиционным союзникам, как Вьетнам, а также стать новым привлекательным образцом политического и социально-экономического развития. Государства же Азиатско-Тихоокеанского региона не привлекали Россию в качестве модели развития, наоборот, Кремль в тот период стремился дистанцироваться от во многом авторитарных систем, характерных для стран Востока. Спустя некоторое время Россия вновь пришла к пониманию важности поддержки активных связей с соседними азиатскими странами, приступила к целенаправленной активизации этих связей. Безусловно, важное место в этой новой ситуации стало отводиться взаимодействию с Вьетнамом. Активизировать связи удалось, однако пока Россия не проявляла активности на восточном направлении,

ее нишу на рынках Вьетнама заняли другие страны. В сфере энергетики одним из активных, надежных и взаимовыгодных в технологическом и финансовом плане партнеров Вьетнама стала Япония, с чьей конкуренцией сейчас Россия сталкивается во вьетнамском ТЭК и с которой при этом наша страна сотрудничает при реализации некоторых проектов в сфере энергетики во Вьетнаме.

Современная ситуация во вьетнамском ТЭК

За минувшие несколько десятилетий Вьетнам заявил о себе как о крупном производителе нефти и газа в Юго-Восточной Азии. Вьетнам значительно увеличил разработку и добычу энергоресурсов, стал более активно содействовать зарубежным инвестициям в национальный ТЭК, приветствовать различные формы сотрудничества в нефтегазовом секторе, инициировал рыночные реформы в целях поддержания энергетического комплекса. Динамичный экономический рост, индустриализация и углубление экспортной ориентации вьетнамского ТЭК способствовали росту спроса на энергоресурсы, энергопотребление также увеличилось.

Вьетнам обладает 4,4 млрд баррелей доказанных запасов нефти, 600 млрд куб. м (21,8 трлн куб. футов) доказанных запасов природного газа и 150 млн т доказанных запасов угля в 2015 г. (3360 млн т угля по данным на 2017 г.) [10, с. 278; 12, с. 30]. Причем еще в 2011 г. считалось, что доказанные запасы нефти Вьетнама составляют только 0,6 млрд баррелей, однако благодаря преимущественно морской добыче нефти этот показатель удалось значительно повысить. Сейчас Вьетнам считается третьим в Азии обладателем запасов сырой нефти после Китая и Индии [15]. Причем морское дно, входящее в юрисдикцию этой страны, остается еще не до конца разведанным, так что объем запасов нефти Вьетнама может в дальнейшем возрасти еще больше. При этом, разумеется, уже сейчас Вьетнам сталкивается с проблемой истощения разрабатываемых месторождений. Так или иначе, в данный момент Вьетнам является чистым экспортером сырой нефти, преимущественно экспорт направляется в соседние страны региона. Однако при этом Вьетнам остается чистым импортером нефтепродуктов, что косвенно может свидетельствовать о недостаточности собственной инфраструктуры нефтеперерабатывающих мощностей. Действительно НПЗ Dung Quat (Зунгкуат) функционирует в стране с 2009 г. Его пропускная способность составляет 130 тыс. баррелей в день, и PetroVietnam, государственная нефтегазовая корпорация, планирует увеличить его возможности перегонки сырой нефти, а также адаптировать их под работу с нефтью из России, стран Ближнего Востока, Венесуэлы. К 2022 г. планируется увеличить пропускную способность вьетнамского НПЗ на 40 тыс. баррелей в день. В 2018 г. анонсировались планы

построить второй НПЗ в стране – Нгишон (Hghi Son), который обладал бы пропускной способностью 200 тыс. баррелей нефти в день (порядка 10 млн т в год) [8]. Еще несколько проектов строительства нефтеперерабатывающих мощностей находятся на стадии планирования, но иногда им сложно получить инвестиции. Отчасти по этой причине PetroVietnam активно формирует партнерские отношения с зарубежными энергетическими компаниями (например, с ExxonMobil, Chevron, BP, российской «Зарубежнефтью», рядом азиатских нефтяных компаний).

Доказанные запасы вьетнамского природного газа тоже показали значительный прирост по сравнению с 2011 г. Так, если в то время считалось, что Вьетнам располагает только 6,8 трлн куб. футов (порядка 0,19 трлн куб. м) природного газа, то к 2017 г. этот показатель оценивали уже в 24,7 трлн куб. футов (порядка 0,69 трлн куб. м) [15]. Однако половина этих запасов залегает в северной части страны, в глубоководных районах бассейна Хонгха (Song Hong), и характеризуется высоким уровнем содержания диоксида углерода – факторы, которые вкупе делают добычу такого природного газа весьма капиталоемкой и затратной. Отчасти по этой причине зарубежное участие в разработках газовых месторождений Вьетнам тоже в целом приветствует. Вьетнам в настоящее время не является импортером природного газа, но у правительства есть планы начать импорт сжиженного природного газа (СПГ) для южной части страны, чтобы удовлетворить растущий спрос. PetroVietnam Gas занимается строительством СПГ терминалов в стране – на юге, в провинции Вунгтау (Vung Tau), а также Шонми (Son My LNG). Как будет показано ниже, к реализации проектов строительства газоперерабатывающих мощностей Вьетнам также привлекает зарубежных инвесторов.

Вьетнамский сектор электрогенерации, в котором лидирующую роль играет компания Electricity Vietnam (EVN), также приветствует зарубежные инвестиции в развитие национальной электроэнергетической инфраструктуры. Порядка 44% электричества во Вьетнаме обеспечивается за счет гидроэлектростанций [15], к строительству которых Вьетнам активно привлекает в том числе российские компании.

В целом, по прогнозам экспертов, на фоне экономического роста во Вьетнаме, ожидается, что страна окажется перед рядом «вызовов» в сфере энергетики. Прежде всего, эти вызовы будут заключаться в прогнозируемом увеличении спроса на энергоресурсы в электроэнергию во Вьетнаме. При этом следует отметить, что уже сейчас Вьетнам показывает неплохой уровень обеспеченности электроэнергией. Как видно из таблицы 1, уже в 2012 г. 99% населения этой страны имели доступ к электричеству – и это один из высоких показателей среди остальных стран АСЕАН.

Таблица 1

ДОСТУП К ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН АСЕАН, 2012–2016 гг.

Страна	*Доступ населения к электричеству, %, год*
Сингапур	100 (2016)
Таиланд	99,9 (2014)
Бруней	99,8 (2015)
Малайзия	99,8 на полуострове; 93 – в Сабахе и Сараваке (2014)
Вьетнам	**99 (2012)**
Лаос	90,51 (2015)
Индонезия	88,3 (2015)
Филиппины	79,88 (2014)
Камбоджа	48 (2015)
Мьянма	32 (2015)

Источник: Составлено на основе данных ASEAN Centre for Energy [11].

В сфере энергетики Вьетнам активно интегрируется в пространство АСЕАН, участвует в проектах соединения энергосистем страны региона (электроэнергетические линии Вьетнам – Лаос и Вьетнам – Камбоджа; газопроводы Малайзия – Вьетнам), но при этом страна активно привлекает к энергетическому сотрудничеству страны, расположенные вне субрегиона Юго-Восточной Азии, взаимодействие с которыми интересно Ханою в том числе с точки зрения возможностей доступа к их энергетическим технологиям.

Таким образом, в настоящее время во Вьетнаме развивается сложное, многоуровневое, состоящее из многих звеньев и большого количества участников взаимодействие в области энергетики, в котором уже длительное время важную роль играют Россия и Япония.

Основные цели энергетической политики России и Японии во Вьетнаме

Россия – страна, граничащая с Восточной Азией и традиционно выступающая на глобальном энергетическом рынке как экспортер энергетического сырья, энергоресурсов. Международное энергетическое агентство называет Россию крупнейшим в мире чистым экспортером природного газа, вторым крупнейшим в мире чистым экспортером сырой нефти после Саудовской Аравии и третьим крупнейшим в мире чистым экспортером угля после Австралии и Индонезии [13, с. 13–17]. Исторически сложилось так, что наиболее значительные объемы экспорта российских углеводородов поставляются на западные рынки. Так, в 2016 г. порядка 60% экспорта российской сырой нефти и более 75% экспорта российского природного газа было направлено в страны Европы. Однако Россия поставила целью диверсифицировать географию

своего энергетического экспорта; большие надежды возлагаются на расширение энергетических связей в Восточной Азии. Сотрудничество на восточном направлении дает возможность России реализовать себя как поставщика высокотехнологичных энергосистем, оборудования, энергетических услуг. Однако на этом направлении энергетического сотрудничества в Восточной Азии, в частности во Вьетнаме, Россия сталкивается с острой конкуренцией со стороны Японии.

Япония – страна, практически полностью лишенная собственных источников энергии. Она является одним из покупателей российских энергоресурсов. Кроме того, Япония активно импортирует энергоресурсы из ЮВА: так, в 2015 г. Бруней, Индонезия и Малайзия поставили в Японию суммарно 36,2 млрд куб м СПГ, что составило 30,6% суммарного японского импорта этого энергоносителя (для сравнения – Россия поставила в Японию 10,5 млрд куб м СПГ) [12, с. 28].

Однако сотрудничество Японии со странами ЮВА не сводится только к масштабному импорту энергоресурсов. Япония – один из признанных мировых лидеров в области энергетических технологий, крупный поставщик высокотехнологичных, передовых энергосистем. Таким образом, это конкурент России. Рассмотрим подробнее различные аспекты этого сотрудничества в рамках треугольника Россия – Япония – Вьетнам.

Основные направления взаимодействия России, Японии и Вьетнама в сфере энергетики

Связи России и Вьетнама в области энергетики насчитывают не одно десятилетие: так, в 1981 г. было решено учредить СП «Вьетсовпетро» (учредителями были Мингазпром СССР (сейчас ОАО «Зарубежнефть» с советской стороны и корпорация нефти и газа PetroVietnam со стороны Вьетнама), в настоящее время «Вьетсовпетро» добывает более 60% нефти и практически весь газ во Вьетнаме [7]. Качественно новым шагом сотрудничества в нефтегазовой сфере стало создание СП уже на территории России – «Русвьетпетро», в котором корпорация нефти и газа Вьетнама PetroVietnam имеет 49% уставного капитала. Это предприятие имеет лицензию на разработку четырех блоков в Ненецком автономном округе, добыча начата в 2010 г. Функционирует также СП «Газпрома» и PetroVietnam – «Газпромвьет» для работы в России и третьих странах [6, с. 44–50]. В 2015 г. было учреждено еще одно российско-вьетнамское СП с участием Газпрома – PVGAZPROM NGV, в задачу которого входит реализация проекта по использованию природного газа в качестве моторного топлива на территории Вьетнама (Gazprom International) [2].

Сотрудничество Вьетнама с Японией в нефтегазовой сфере тоже развивается. Так, Япония получает порядка 22% всего вьетнамского экспорта нефти;

кроме того, Япония участвует в ряде проектов на территории Вьетнама. Например, японская корпорация Idemitsu Kosan владеет 35,1%, а Mitsui Chemicals владеет 4,7% акций НПЗ Nghi Son [9]. Таким образом, Вьетнам в нефтегазовом секторе сотрудничает и с Россией, и с Японией, но с Россией это сотрудничество происходит в большей степени в сегменте upstream, т.е. геологоразведочные работы и добыча, а с Японией проекты сотрудничества в большей степени сконцентрированы в области downstream (переработка нефти и продажа конечных нефтепродуктов). Однако Япония, в частности совместно с Россией, также обозначила свое присутствие в сегменте upstream вьетнамской нефтяной индустрии. В 2002 г. был создан трехсторонний российско-японско-вьетнамский консорциум VRJ-Petroleum Company для освоения месторождений шельфа Вьетнама. В консорциуме приняли долевое участие российское ОАО «Зарубежнефть» (50%), вьетнамский PetroVietnam (35%) и японская корпорация Idemistu (15%). Таким образом, это пример эффективного и взаимовыгодного партнерства России и Японии на энергетическом рынке Вьетнама [5, с. 50].

Вьетнам также сотрудничает с рассматриваемыми странами в секторе электроэнергетики. Российские компании активно участвуют в строительстве электроэнергетических объектов во Вьетнаме. Несколько примеров: при техническом содействии ОАО «Силовые машины» в последние годы сданы в эксплуатацию ГЭС «Сесан-3», ГЭС «Авыонг», ГЭС «Буонкуоп», ГЭС «Плейкронг» и ТЭЦ «Уонгби». Российский институт Гидропроект, входящий в группу «РусГидро», разработал технический проект гидроузла ЛайЧау на реке Да [7], проект гидроузла Шон Ла с гравитационной плотиной высотой 138 м. Этот проект прошел экспертизу с участием японской инжиниринговой компании Nippon Koei, которая дала высокую оценку российским техническим решениям при строительстве гидроузла. Помимо непосредственной задачи выработки электроэнергии перед гидроузлом стоит задача борьбы с наводнениями во Вьетнаме, снижения угрозы потери урожая в периоды тайфунов и проливных дождей. Институт Гидропроект также готовил проекты для строительства других крупных объектов гидроэнергетики во Вьетнаме (ГЭС Хаобинь, ГЭС Яли, ГЭС Чиан, ГЭС Тхамт Хуан, ГЭС Тхак Ба) [3]. Этот институт также выступает консультантом по строительству объектов энергетики, например в другой стране ЮВА – Лаосе [14]. Это важный и позитивный фактор для будущего продвижения и закрепления России на энергетических рынках других стран Юго-Восточной Азии, начиная с более тесного сотрудничества с Вьетнамом, что в полной мере соответствует стратегическим интересам развития российского энергетического сотрудничества в регионе.

Таким образом, Россия очень обширно и устойчиво присутствует на электроэнергетическом рынке Вьетнама, но и здесь есть примеры сотрудни-

чества с японской стороной. Так, в 2005 г. ОАО «Силовые машины» в консорциуме с японской корпорацией Sumitomo, победив в тендере на участие в двух проектах, заключило контракты с Electricity of Vietnam на строительство ГЭС «Авыонг» и на поставку гидротурбинного и вспомогательного оборудования для двух энергоблоков ГЭС «Буонкуоп». Это еще один пример эффективного и взаимовыгодного российско-японского сотрудничества в сфере энергетики на рынках ЮВА. Россия, выступая как поставщик продукции энергомашиностроения на рынках, на которые традиционно претендовала Япония, сотрудничает с ней, перенимая японский опыт и в этой сфере. Происходит технологический обмен, который выгоден и России, и Вьетнаму. Япония также получает возможность участвовать в интересных ей проектах, вкладывая в реализацию этих проектов довольно значительные капиталы.

Во всех ли сегментах энергетики возможно такое эффективное и взаимовыгодное трехстороннее партнерство? Или оно возможно только в тех сферах, где Россия или Япония уже занимают уверенные и прочные позиции длительное время и не боятся присутствия конкурентов? Рассмотрим пример атомной энергетики, которой во Вьетнаме еще нет и к созданию которой страна только приступает, т.е. это пока свободная ниша. В 2010 г. во Вьетнаме было принято решение развивать атомную генерацию. Здесь сразу же наметилось соперничество России и Японии за получение контракта на строительство АЭС. Конкурируя с консорциумом японских корпораций Toshiba, Mitsubishi HI, Hitachi, Россия получила контракт на сооружение первой АЭС во Вьетнаме и всей Юго-Восточной Азии. Было принято решение, что именно Россия построит первую во Вьетнаме АЭС «Ниньтхуан-1» с реакторами российской конструкции, хотя эта страна также договорилась с Японией о строительстве второй АЭС к 2030 г. Временно решение возводить АЭС заморожено властями страны, но вывод очевиден – Япония, которая наряду с Россией является одним из лидеров мирового атомного машиностроения (японские корпорации Toshiba, Mitsubishi HI, Hitachi представлены в каждом из трех глобальных атомных альянсов), так же как и Россия, заинтересована в получении контрактов на строительство АЭС в ЮВА и борется за эти контракты. То есть в сфере атомного энергомашиностроения Россия и Япония являются конкурентами, в частности, в ЮВА страны конкурируют за доступ к этой пока свободной, никем не занятой нише. Причем для России это отнюдь не простая конкуренция: японские компании характеризуются высокой конкурентоспособностью, с помощью широкой государственной поддержки готовы предлагать Вьетнаму более выгодные финансовые условия кредитования строительства объектов энергетической инфраструктуры.

Россия пока гораздо меньше Японии представлена на энергетических рынках стран Юго-Восточной Азии, к числу которых относится и Вьетнам. Очевидно, что Япония, один из признанных мировых лидеров в области

энергетических технологий, несмотря на отдельные эпизоды сотрудничества с Россией, может не захотеть выступить в роли перманентного партнера нашей страны на энергетических рынках стран региона и Вьетнама. Она может воспринимать и, скорее всего, уже воспринимает Россию как конкурента на этих направлениях.

Заключение

Вьетнам – стратегически важный для России партнер в области энергетики, страна, которая заинтересована в российских энергетических технологиях. Это важный фактор, который позволяет России в сотрудничестве именно с этой страной уже сейчас расширять нишу поставщика энергоресурсов. Ханой в силу давних и устойчивых связей с Москвой охотно идет на развитие партнерства в энергетике. Россия сохраняет свою конкурентоспособность на энергетических рынках Вьетнама, хотя испытывает острую конкуренцию со стороны, например, Японии, являющейся признанным мировым лидером в области экспорта современных энергетических технологий. В настоящее время Россия развивает динамичное и взаимовыгодное сотрудничество с Вьетнамом в нефтегазовом секторе, причем охотно привлекает вьетнамских партнеров к участию в аналогичном сегменте нефтегазовой сферы на территории России, подчеркивая равноправность и взаимовыгодность партнерства. Вместе с тем в сегменте downstream (переработка нефти, продажа конечных нефтепродуктов) пока по технологическим и инвестиционным параметрам во многих случаях оказываются более конкурентоспособными японские компании. В настоящее время уже разворачивается и в ближайшие годы, скорее всего, будет усиливаться острая конкуренция России и Японии за пока еще вакантную и только планирующуюся к созданию атомную индустрию во Вьетнаме.

Библиография

1. Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. 2008. 1 декабря. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/vec2020 (Дата обращения: 25.03.2018.)

2. Вьетнам // Gazprom International [Электронный ресурс]. URL: http://gazprom-international.com/ru/operations/country/vetnam (Дата обращения: 01.05.2018.)

3. ГЭС Шон Ла, спроектированная специалистами института Гидропроект, вышла на полную мощность // РусГидро [Электронный ресурс]. 2012. 3 октября. URL: http://www.rushydro.ru/press/holding-news/80879.html (Дата обращения: 15.12.2017.)

4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. 2016. 1 декабря. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата обращения: 11.03.2018.)

5. Мищенко Я.В. Сотрудничество и конкуренция России и Японии в борьбе за энергетические рынки стран Юго-Восточной Азии // Вестник Московского университета. 2017. Серия 27: Глобалистика и геополитика. № 3. С. 48–52.

6. Мищенко Я.В. Энергетическое сотрудничество России со странами Восточной Азии // Международная экономика. 2012. № 6. С. 44–50.

7. Подоба З.С. Российско-вьетнамское сотрудничество в энергетической сфере // Worldec.ru [Электронный ресурс]. URL: http://worldec.ru/content/conference/october2012/Podoba%20Вьетнам2012.pdf (Дата обращения: 14.04.2018.)

8. Технические проблемы вынуждают Вьетнам отложить запуск в эксплуатацию НПЗ Nghi Son // Neftegas.RU [Электронный ресурс]. 2017. 16 мая. URL: https://neftegaz.ru/news/view/161101-Tehnicheskie-problemy-vynuzhdayut-Vetnam-otlozhit-zapusk-v-ekspluatatsiyu-NPZ-Nghi-Son (Дата обращения: 02.05.2018.)

9. Announcement on the Establishment of a Joint Venture towards the Construction of the Vitnam Nghi Son Refinery & Petrochemical Complex // Mitsui Chemicals [Электронный ресурс]. 2008. March 27. URL: http://www.mitsuichem.com/release/2008/080328e.htm (Дата обращения: 13.04.2018.)

10. APEC Energy Overview 2016. Asia Pacific Energy Research Centre (APERC) [Электронный ресурс]. 2016 // URL: http://aperc.ieej.or.jp/file/2017/6/30/APEC+Overview+2016.pdf (Дата обращения: 16.04.2018.)

11. ASEAN Centre for Energy [Электронный ресурс] // URL: www.aseanenergy.org (Дата обращения: 20.01.2018.)

12. BP Statistical Review of Global Energy 2016 // BP Global [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (Дата обращения: 12.04.2018.)

13. Key World Energy Statistics 2017 // International Energy Agency [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2017.pdf (Дата обращения: 18.07.2018.)

14. Laos Nam Ngiep 1 Hydro Project (Under Construction) // Kansai Electric Power Company [Электронный ресурс]. 2013. May. URL: http://www.kepco.co.jp/english/corporate/info/international/generate/laos.html (Дата обращения: 11.09.2017.)

15. Vietnam // US Energy Information Administration [Электронный ресурс]. 2016. 25 Oct. URL: https://www.eia.gov/beta/international/analysis.php?iso=VNM (Дата обращения: 10.04.2018.)

References

Announcement on the Establishment of a Joint Venture towards the Construction of the Vitnam Nghi Son Refinery & Petrochemical Complex// Mitsui Chemicals [Jelektronnyj resurs]. 2008. March 27. URL: http://www.mitsuichem.com/release/2008/080328e.htm (Data obrashhenija: 13.04.2018.)

APEC Energy Overview 2016. Asia Pacific Energy Research Centre (APERC) [Jelektronnyj resurs]. 2016 // URL: http://aperc.ieej.or.jp/file/2017/6/30/APEC+Overview+2016.pdf (Data obrashhenija: 16.04.2018.)

ASEAN Centre for Energy [Jelektronnyj resurs] // URL: www.aseanenergy.org

BP Statistical Review of Global Energy 2016 // BP Global [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (Data obrashhenija: 12.04.2018.)

GJeS Shon La, sproektirovannaja specialistami instituta Gidroproekt, vyshla na polnuju moshhnost' // RusGidro [Jelektronnyj resurs]. 2012. Oct. 3. URL: http://www.rushydro.ru/press/holding-news/80879.html (Data obrashhenija: 15.12.2017.)

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinym 30 nojabrja 2016 g.) // Ministerstvo inostrannyh del RF [Jelektronnyj resurs]. 2016. Dec. 1. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Data obrashhenija: 11.03.2018.)

Key World Energy Statistics 2017 // International Energy Agency [Jelektronnyj resurs]. 2017. URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2017.pdf (Data obrashhenija: 18.07.2018.)

Laos Nam Ngiep 1 Hydro Project (Under Construction) // Kansai Electric Power Company [Jelektronnyj resurs]. 2013. May. URL: http://www.kepco.co.jp/english/corporate/info/international/generate/laos.html (Data obrashhenija: 11.09.2017.)

Mishhenko Ja.V. Jenergeticheskoe sotrudnichestvo Rossii so stranami Vostochnoj Azii // Mezhdunarodnaja jekonomika. 2012. N 6. P. 44–50.

Mishhenko Ja.V. Sotrudnichestvo i konkurencija Rossii i Japonii v bor'be za jenergeticheskie rynki stran Jugo-Vostochnoj Azii // Vestnik Moskovskogo Universiteta. 2017. Serija 27: Globalistika i geopolitika. N 3. P. 48–52.

Podoba Z.S. Rossijsko-v'etnamskoe sotrudnichestvo v jenergeticheskoj sfere // Worldec.ru [Jelektronnyj resurs]. URL: http://worldec.ru/content/conference/october2012/Podoba%20V'etnam 2012.pdf (Data obrashhenija: 14.04.2018.)

Tehnicheskie problemy vynuzhdajut V'etnam otlozhit' zapusk v jekspluataciju NPZ Nghi Son // Neftegas.RU [Jelektronnyj resurs]. 2017. May 16. URL: https://neftegaz.ru/news/view/161101-Tehnicheskie-problemy-vynuzhdayut-Vetnam-otlozhit-zapusk-v-ekspluatatsiyu-NPZ-Nghi-Son (Data obrashhenija: 02.05.2018.)

Vneshnejekonomicheskaja strategija Rossijskoj Federacii do 2020 goda // Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija RF [Jelektronnyj resurs]. 2008. Dec. 1. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/vec2020 (Data obrashhenija: 25.03.2018.)

V'etnam // Gazprom International [Jelektronnyj resurs]. URL: http://gazprom-international.com/ru/operations/country/vetnam (Data obrashhenija: 01.05.2018.)

Vietnam // US Energy Information Administration [Jelektronnyj resurs]. 2016. Oct. 25. URL: https://www.eia.gov/beta/international/analysis.php?iso=VNM (Data obrashhenija: 10.04.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.08

Е.А. Мосакова

РОЖДАЕМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН СНГ И БРИКС)

Аннотация. *В условиях неравномерного воспроизводства населения проблема повышения уровня рождаемости является одной из глобальных проблем человечества. В статье исследуется только один аспект этой проблемы, а именно – влияние гендерного неравенства на уровень рождаемости на примере стран СНГ и БРИКС, членом которых является Россия.*

Ключевые слова: *рынок труда, рождаемость, женщины, индекс гендерного неравенства, суммарный коэффициент рождаемости, семейная занятость, профессиональная занятость, дискриминация, СНГ, БРИКС.*

Мосакова Елизавета Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: lizavetam@mail.ru

E.A. Mosakova. Birth Rate and Gender Inequality (The Case of CIS and BRICS Countries)

Abstract. *Taking into account that population is reproduced unevenly as a result of significant differences in birth rates in different countries and regions of the global world, the problem of birth rate is one of the global problems. This article focuses on one aspect of this problem – the impact of gender inequality on birth rate in case of CIS and BRICS, where Russia is a member country.*

Keywords: *labor market, fertility, women, global gender gap index, total fertility rate, family employment, occupational employment, discrimination, CIS countries, BRICS.*

Mosakova Elizaveta Alexandrovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Global process, UNESCO chair on global problems and emerging social and ethical challenges for large cities and their population chair. E-mail: lizavetam@mail.ru

В большинстве современных развитых стран мира рождаемость уже не одно десятилетие находится ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. В развивающихся странах в последние десятилетия также сформировалась устойчивая тенденция к снижению рождаемости до уровня простого воспроизводства. Соответственно, проблема повышения уровня рождаемости становится одной из первоочередных в политической повестке государств и мировых сообществ. В исследовании затрагивается только один аспект проблемы повышения уровня рождаемости – рождаемость в контексте гендерной дискриминации на рынке труда.

В современных исследованиях выделяют три основные группы факторов, влияющих на уровень рождаемости, – макроуровень, к факторам которого относится рынок труда, его структурные особенности, гендерное неравенство в экономической сфере, микроуровень (уровень семьи, включающий в себя условия жизни семьи, социально-демографические характеристики женщины, ее доход) и система ценностных ориентаций, отражающая иерархию ценностей, потребностей индивида, степень значимости для женщины детей и работы [1, с. 81; 2, с. 8; 6, с. 75–85]. Однако механизм влияния женской занятости на рынке труда на уровень рождаемости крайне сложен ввиду действия целого комплекса неоднородных факторов.

Впервые исследование влияния профессиональной занятости женщин на уровень рождаемости было проведено в середине XX в. А. Мирдалом и У. Клейном [21]. Однако различия в уровнях рождаемости в зависимости от факта занятости женщины на рынке труда в развитых странах мира эмпирически были доказаны только два десятилетия спустя Р. Андоркой и С. Ллойдом [15, p. 144–161, 20].

Сегодня уже научно доказано, что до начала демографического перехода в области рождаемости (классическая теория демографического перехода, разработанная в 40–50-е годы XX в. Ф. Ноутстайном и описывающая эволюцию демографических процессов в долгосрочной перспективе: переход от традиционного типа воспроизводства, с характерными для него высокими уровнями рождаемости и смертности, к современному типу с низкими уровнями рождаемости и смертности) в большинстве развитых стран мира занятость женщин на рынке труда и уровень рождаемости имели обратную зависимость. Эти уровни изменялись в противоположных направлениях [6, с. 75–85; 13, p. 668; 14, p. 930; 22].

Однако отдельные исследования, посвященные европейским странам, показали, что «высокая занятость соответствует высокой рождаемости. Возникающие трудности (“второй рабочий день”, недостаток времени) определяются как “барьер” рождаемости» [16, p. 65].

После завершения демографического перехода в области рождаемости (по окончании перехода населения к типу воспроизводства населения с низ-

кими уровнями рождаемости и смертности) в развитых странах мира занятость женщин на рынке труда и уровень рождаемости имели уже прямую зависимость – уровни рождаемости и экономической занятости женщин изменялись в одном направлении [6, с. 75–85; 13, p. 668; 14, p. 930; 22].

Аналогичные исследования, проведенные для России в конце XX в., показывают, как правило, отсутствие какой-либо зависимости между рождаемостью и занятостью на рынке труда. В частности, об этом свидетельствуют итоги микропереписи населения России, проведенной в 1994 г. [17, p. 211–233; 18, p. 233–262]. Однако более поздние исследования выявляют наличие прямой зависимости между рождаемостью и занятостью женщин – как это происходит в большинстве развитых стран мира [6, с. 75–85; 7, с. 171–216, с. 421–476].

Важно отметить, что влияние экономической занятости женщин на вероятность рождения ребенка в значительной степени определяется очередностью рожденного ребенка. Современные исследования в области репродуктивного поведения показывают, что первый ребенок в семье рождается при любых обстоятельствах, в том числе и вне зависимости от факта занятости женщины на рынке труда; на рождение второго и каждого последующего ребенка в семье влияет определенный комплекс факторов, строго соответствующих рождению ребенка именно данной очередности.

Об этом пишут в своих исследованиях, например, Г. Андерссон, К. Скотт, Б. Хоем относительно Швеции; Е.А. Мосакова – относительно России [6, с. 75–85; 14, p. 930; 17, p. 101–120].

К числу важнейших факторов рождаемости также относится и гендерная дискриминация на рынке труда. Современные исследования в области рождаемости и репродуктивного поведения, проведенные в европейских странах с низким уровнем рождаемости, выявляют наиболее сильную положительную зависимость между вероятностью рождения второго ребенка и политикой гендерного равенства [5, с. 56–61; 14, p. 668].

Почему же гендерное неравенство в сфере современных трудовых отношений выступает фактором, во многом определяющим уровень рождаемости?

Во многом это объясняется современными условиями занятости на глобальном рынке труда.

Во-первых, ранее занятость на рынке труда выступала средством существования и выживания для человека. Сегодня же в условиях глобального мира сформировалось общество, в котором профессиональная деятельность выступает основной сферой жизни как мужчин, так и женщин [3; 4]. Соответственно, женщины стремятся стать полноценными участниками рынка труда, иметь равные права и возможности с мужчинами, эффективно совмещать семейную и профессиональную занятость.

Во-вторых, произошел значительный рост уровня мобильности работника, под которой понимается не только территориальная мобильность (возможность географической смены места жительства и места работы), но и профессиональная мобильность – возможность смены профессии и характера работы. Это позволяет женщинам находить более комфортные условия и формы занятости.

В-третьих, в результате активного внедрения и развития информационных технологий происходит формирование новой глобальной экономической среды. В частности, появляются такие гибкие формы занятости, как интернет-занятость (удаленная работа), работа на дому, самозанятость и фриланс, которые очень близки по своей сути, однако отличаются характером требований к работнику и оформлением трудовых отношений.

Наиболее ярким примером интернет-занятости является сфера IT-технологий, которая в силу своей специфики дает женщинам возможность работать дистанционно. Кроме того, IT-работники являются преимущественно представителями молодых возрастных групп, как правило, 20–35 лет, которые в наименьшей степени подвержены гендерным стереотипам.

Отметим, что еще в 1980-е годы американский исследователь Э. Тоффлер [12, с. 250–275] в своей книге «Третья волна»[1] в качестве одного из элементов «третьей волны» развития цивилизации выделял структурные изменения, в том числе в сфере трудовых отношений. Автор отмечал, что в силу активного развития информационно-коммуникативных технологий работники во всем мире смогут перейти со своих рабочих мест на заводах и в офисах на более удобные и комфортные рабочие места.

Таким образом, интернет-занятость предоставляет женщинам ряд дополнительных возможностей: во-первых, иметь гибкий рабочий график и выбирать наиболее удобные формы занятости; во-вторых, иметь индивидуальный заработок; в-третьих, совмещать выполнение семейных и профессиональных обязанностей. Другими словами, интернет-занятость позволяет снизить степень гендерного неравенства на рынке труда.

Соответственно, достижение гендерного равенства на современном глобальном рынке труда, в первую очередь в развитых странах мира, предоставляет женщинам дополнительные возможности для совмещения профессиональной и семейной занятости. Так, в странах, в которых достигнут более

1. Исследователь выделял в развитии человечества три волны цивилизации – сельскохозяйственную, индустриальную и третью, которую он называл информационной. У каждой цивилизации есть свой основной ресурс, который во многом определяет ее характер. Приход новой волны сопряжен с войнами и революциями.

Иногда эти волны называют технологическими, потому что в основе каждой из цивилизаций лежат свои особые технологии производства.

высокий уровень гендерного равенства на рынке труда, должны наблюдаться и более высокие показатели уровня рождаемости.

Рассмотрим данную закономерность на примере двух объединений, в состав которых входит и Российская Федерация. Это БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) и СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

Уровень рождаемости будем измерять через суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР), структурной особенностью которого является элиминирование влияния половозрастной структуры населения. Степень гендерного неравенства на рынке труда – через Индекс гендерного неравенства (далее – ИГН), рассчитанный по методологии Всемирного экономического форума. Данный индекс отображает гендерный разрыв в сфере экономики, образования, здоровья, политики по каждой конкретной стране. Этот индекс измеряет именно разницу в показателях (субиндексах) между мужчинами и женщинами, а не уровень каждого из них по отдельности.

Ранжированный ряд стран объединения БРИКС в 2016 г. по значению СКР (по убыванию) выглядит следующим образом: ЮАР, Индия, Россия, Бразилия, Китай. По значению ИГН[2] (по убыванию) – ЮАР, Россия, Бразилия, Индия, Китай (табл. 1).

Таблица 1

ИНДЕКС ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (ИГН) И СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ В СТРАНАХ БРИКС, 2016 г.[3] [8, с. 109; 11; 23]

Страна	*ИГН*	*Рейтинг ИГН*	*ИГН (для экономической сферы)*	*Рейтинг ИГН (для экономической сферы)*	*СКР, детей на 1 женщину*
ЮАР	0,764	15	0,677	63	2,49
Индия	0,683	87	0,408	136	2,45
Россия	0,691	75	0,722	41	1,762
Бразилия	0,687	79	0,640	91	1,760
Китай	0,676	99	0,656	81	1,6

Таким образом, на основании сравнения значений ИГН и СКР для объединения БРИКС в 2016 г. можно заключить, что между степенью гендерного

2. Было бы логично предположить, что аналогичная зависимость должна существовать между ИГН для экономической сферы и СКР. Однако для стран БРИКС в 2016 г. эта зависимость не выявляется (табл. 1).

3. Данные приводятся за 2016 г., так как на момент написания статьи официальные данные за 2017 г. еще не были опубликованы.

равенства в стране и уровнем рождаемости существует прямая зависимость – в странах БРИКС более высокому уровню рождаемости соответствует более высокий уровень гендерного равенства в целом по стране.

Сравнительный анализ значений ИГН и СКР для стран СНГ в 2016 г. показывает отсутствие однозначной зависимости между степенью гендерного равенства в стране и уровнем рождаемости. Во многом это объясняется тем, что в состав СНГ входят страны, неоднородные по социально-экономическому развитию (развитые и развивающиеся), по религиозной принадлежности. Кроме того, регионы России также неоднородны как по социально-экономическому положению, так и по религиозному составу.

В странах СНГ, которые по географическому признаку относятся к Центральной Азии, между степенью гендерного неравенства и уровнем рождаемости выявляется обратная зависимость: более высокому уровню рождаемости соответствует более высокий уровень гендерного равенства в целом по стране (табл. 2) [8, с. 73–77].

Таблица 2

ИНДЕКС ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (ИГН) И СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ СНГ, И ГРАНИЧАЩИХ С НИМИ РЕГИОНАХ РОССИИ[4], 2016 г. [8, с. 109; 11; 23]

Страна	*ИГН*	*Рейтинг ИГН*	*ИГН (для экономической сферы)*	*Рейтинг ИГН (для экономической сферы)*	*СКР, детей на 1 женщину*
Таджикистан	0,679	93	0,711	47	2,67
Кыргызстан	0,687	81	0,651	51	2,64
Казахстан	0,718	51	0,745	31	2,28
Россия (Южный ФО / Сибирский ФО / Приволжский ФО / Уральский ФО)	0,691	75	0,722	41	1,762 / 1,719 / 1,870 / 1,788 / 1,919

К числу наименее благополучных стран в области достижения гендерного равенства относятся, как правило, развивающиеся страны. Исключением не стали и страны СНГ, относящиеся к Центральной Азии. Отметим, что преимущественно это мусульманские страны, в которых в силу исторически сложившихся культурных и религиозных особенностей женщина не обладает личной свободой в семейных, экономических и политических вопросах [9; 10, с. 68–77].

4. Отметим, что для Туркменистана и Узбекистана расчет ИГН Всемирным экономическим форумом не производится, поэтому эти две страны из исследования исключены.

В Южном, Сибирском, Приволжском и Уральском федеральных округах значения СКР выше среднестатистического уровня по стране. Однако сравнительный анализ ИГН и СКР в этих федеральных округах со странами СНГ из Центральной Азии не позволяет выявить однозначную зависимость уровня рождаемости от степени гендерного равенства. Это может быть связано, во-первых, с тем, что в странах Центральной Азии проживают значительно большее количество мусульман, у которых более высокие репродуктивные установки и, соответственно, выше уровень рождаемости. Во-вторых, при проведении сравнительного анализа используются официальные данные регионального Росстата по СКР, а по ИГН официальных региональных данных не существует.

Таблица 3

ИНДЕКС ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (ИГН) И СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ В СТРАНАХ ЗАКАВКАЗЬЯ, ВХОДЯЩИХ В СНГ, И ГРАНИЧАЩИХ С НИМИ РЕГИОНАХ РОССИИ, 2016 г. [8, с. 109; 11; 23]

Страна	*ИГН*	*Рейтинг ИГН*	*ИГН (для экономической сферы)*	*Рейтинг ИГН (для экономической сферы)*	*СКР, детей на 1 женщину*
РФ / Северо-Кавказский ФО	0,691	75	0,722	41	1,762 / 1,936
Азербайджанская Республика	0,684	86	0,728	38	1,9
Республика Армения	0,669	102	0,669	69	1,64

Со странами Закавказья, входящими в СНГ, в России граничит преимущественно Северо-Кавказский федеральный округ, в котором значения СКР одни из самых высоких по стране. В частности, сравнительный анализ СКР (для Северо-Кавказского федерального округа) и ИГН (со странами Закавказья, входящими в СНГ) выявляет прямую зависимость: более высокому уровню рождаемости соответствует более высокий уровень гендерного равенства в целом по стране (табл. 3).

Для стран СНГ, которые по географическому признаку относятся к странам Восточной Европы, между степенью гендерного равенства в стране и уровнем рождаемости выявляется слабая положительная зависимость[5] (табл. 4).

5. При проведении сравнения используется региональное значение СКР, по которому имеются официальные данные. ИГН же рассчитывается для всей страны в целом.

Таблица 4

ИНДЕКС ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА (ИГН) И СУММАРНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, ВХОДЯЩИХ В СНГ, И ГРАНИЧАЩИХ С НИМИ РЕГИОНАХ РОССИИ, 2016 г. [8, с. 109; 11; 23]

Страна	*ИГН (значение)*	*Рейтинг ИГН*	*ИГН (для экономической сферы) (значение)*	*Рейтинг ИГН (для экономической сферы)*	*СКР, детей на 1 женщину*
Молдова	0,741	26	0,795	81	1,56
Беларусь	0,737	30	0,823	5	1,48
РФ (Центральный ФО / Северо-Западный ФО)	0,691	75	0,722	41	1,762 / 1,595 / 1,67

Таким образом, в странах СНГ, относящихся к Закавказью и Восточной Европе, выявляется либо положительное, либо слабоположительное влияние степени гендерного равенства на уровень рождаемости; в странах СНГ, относящихся к Центральной Азии, – гендерное равенство и уровень рождаемости имеют обратную зависимость.

Подводя итог проведенному исследованию, можно заключить, что в однородных по уровню социально-экономического развития и религиозной принадлежности, как правило развитых странах, более высокому уровню рождаемости соответствует и более высокая степень гендерного равенства. Между группами стран (например, между развивающимися или между развитыми и развивающимися) существует обратная зависимость. В странах с наиболее высокими значениями ИГН наблюдаются более низкие значения СКР и наоборот. Так, направление влияния степени гендерного равенства в стране на уровень рождаемости зависит, во-первых, от уровня социально-экономического развития стран; во-вторых, от религиозной принадлежности основной численности населения.

В мусульманских странах гендерное неравенство крайне велико, женщина не имеет прав ни в экономических, ни в политических сферах, равно как и в семье. Религия отводит женщине роль только в рождении и воспитании детей. В европейских странах гендерная ситуация близка к равноправной, религия так не «давит» на женщину, предоставляя ей возможность выбирать самой – семья и / или карьера.

Соответственно, для повышения уровня рождаемости в современных развитых странах мира необходимо проводить комплекс мер в области достижения гендерного равенства во всех сферах жизни общества. Демографическая, экономическая и гендерная политики должны проводиться строго в тесном взаимодействии между собой.

Библиография

1. Антонов А.И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980. 272 с.
2. Борисов В.А. Демография и социальная психология. М.: Мысль, 1970. 248 с.
3. Буньковский Д.В. Иностранные инвестиции и экономическая безопасность России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. № 11. С. 32–33.
4. Буньковский Д.В. Теневая экономика: Анализ развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 107–116.
5. Мосакова Е.А. Динамика занятости женщин и рождаемости в современных развитых странах мира // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. Серия: Экономика и управление. № 2. С. 36–44.
6. Мосакова Е.А. Занятость женщин и рождаемость в современной России // Вестник Московского университета. 2008. Серия 6: Экономика. № 5. С. 75–85.
7. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП, 2007. Вып. 1. 640 с.
8. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М.: Росстат, 2017. 686 с.
9. Сереброва А.М. Террористическая угроза на пространстве ЕАЭС как вызов развитию Евразийской цивилизации // Вестник Московского университета. 2016. Серия 27: Глобалистика и геополитика. № 4. С. 73–77.
10. Султанов Ш. Экономика Таджикистана: Состояние и перспективы развития // Экономист. 2006. № 6. С. 68–77.
11. Суммарный коэффициент рождаемости в странах за 2016 год // Total-rating.ru [Электронный ресурс]. 2016. Ноябрь. URL: http://total-rating.ru/1841-summarnyy-koefficient-rozhdaemosti-v-stranah-za-2016-god.html (Дата обращения: 25.04.2018.)
12. Тоффлер Э. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 250–275.
13. Ahn N., Mira P. Anoteonchanging relationship between fertility and female employment rates in developed countries // Journal of Population economics. 2002. N 15. P. 667–682.
14. Anderson G., Scott K. Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labour – market status, country of origin, and gender // Demographic research. 2007 (December). N 17 (30). P. 897–938.
15. Andorka R. Determinantsof Fertility and Advanced Societies. New York: Free Press, 1978. 431 p.
16. Fawcett J.T. Psychological perspectives on population. New York: Basic Books, 1973. P. 451–510.
17. Hoem B. The Compatibility of Employment and Childbearing in Contemporary Sweden // Acta Sociologica. 1993. N 36. P. 101–120.
18. Kharkova T.L., Andreev E.M. Did the economic crisis cause the fertility decline in Russia: Evidence from the 1995 microcensus // European journal population. 2000. N 16. P. 211–233.
19. Kohler H.P., Kohler I. Fertility decline in Russia in the early and mid 1990 s: The role of economic uncertainty and labor market crisis // European Journal population. 2001. N 18. P. 233–262.
20. Lloyd C. The Contribution of the World Fertility Surveys to an Understanding of the Relationship between Women's Work and Fertility // Studies in Family Planning. 1991. N 22 (3). P. 144–161.
21. Myrdal A., Klein У. Womens Two Roles: Home and Work. London: Routledge, Kegan Paul, 1956. 208 p.
22. Tevenon O. Family policies in developed countries: contrasting models // Population & Societies [Электронный ресурс]. 2008. N 448. URL: https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/19116/pesa448.en.pdf (Дата обращения: 25.04.2018.)

23. World Economic Forum (Official web-site) // The Global Competitiveness Report [Электронный ресурс]. 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2016.pdf (Дата обращения: 25.04.2018.)

References

Ahn N., Mira P. Anoteonchanging relationship between fertility and female employment rates in developed countries // Journal of Population economics. 2002. N 15. P. 667–682.

Anderson G., Scott K. Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labour – market status, country of origin, and gender // Demographic research. 2007 (December). N 17 (30). P. 897–938.

Andorka R. Determinantsof Fertility and Advanced Societies. New York: Free Press, 1978. 431 p.

Antonov A.I. Sociologiya rozhdaemosti. Moscow: Statistika, 1980. 272 p.

Borisov V.A. Demografiya i social`naya psixologiya. Moscow: My`sl`, 1970. 248 p.

Bun`kovskij D.V. Inostranny`e investicii i e`konomicheskaya bezopasnost` Rossii // Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i social`no-e`konomicheskix nauk. 2017. N 11. P. 32–33.

Bun`kovskij D.V. Tenevaya e`konomika: analiz razvitiya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2015. N 4 (75). P. 107–116.

Fawcett J.T. Psychological perspectives on population. New York: Basic Books, 1973. P. 451–510.

Hoem B. The Compatibility of Employment and Childbearing in Contemporary Sweden // Acta Sociologica. 1993. N 36. P. 101–120.

Kharkova T.L., Andreev E.M. Did the economic crisis cause the fertility decline in Russia: Evidence from the 1995 microcensus // European journal population. 2000. N 16. P. 211–233.

Kohler H.P., Kohler I. Fertility decline in Russia in the early and mid 1990 s: The role of economic uncertainty and labor market crisis // European Journal population. 2001. N 18. P. 233–262.

Lloyd S. The Contribution of the World Fertility Surveys to an Understanding of the Relationship between Women's Work and Fertility // Studies in Family Planning. 1991. N 22 (3). P. 144–161.

Mosakova E.A. Dinamika zanyatosti zhenshhin i rozhdaemosti v sovremenny`x razvity`x stranax mira // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. Seriya: E`konomika i upravlenie. N 2. P. 36–44.

Mosakova E.A. Zanyatost` zhenshhin i rozhdaemost` v sovremennoj Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2008. Seriya 6: E`konomika. N 5. P. 75–85.

Myrdal A., Klein U. Womens Two Roles: Nome and Work. London: Routledge, Kegan Paul, 1956. 208 p.

Roditeli i deti, muzhchiny` i zhenshhiny` v sem`e i obshhestve. Moscow: NISP, 2007. Vy`p. 1. 640 p.

Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2017: Stat. Sb. M.: Rosstat, 2017. 686 p.

Serebrova A.M. Terroristicheskaya ugroza na prostranstve EAE`S kak vy`zov razvitiyu Evrazijskoj civilizacii // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2016. Seriya 27: Globalistika i geopolitika. N 4. P. 73–77.

Sultanov Sh. E`konomika Tadzhikistana: sostoyanie i perspektivy` razvitiya // E`konomist. 2006. N 6. P. 68–77.

Summarny`j koe`fficient rozhdaemosti v stranax za 2016 god // Total-rating.ru [E`lektronny`j resurs]. 2016. November. URL: http://total-rating.ru/1841-summarnyy-koefficient-rozhdaemosti-v-stranah-za-2016-god.html (Data obrashheniya: 25.04.2018.)

Tevenon O. Family policies in developed countries: contrasting models // Population & Societies [E`lektronny`j resurs]. 2008. N 448. URL: https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/19116/pesa448.en.pdf (Data obrashheniya: 25.04.2018.)

Toffler E`. Budushhee truda // Novaya texnokraticheskaya volna na Zapade. Moscow: Progress, 1986. P. 250–275.

World Economic Forum (Official web-site) // The Global Competitiveness Report [E`lektronny`j resurs]. 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2016.pdf (Data obrashheniya: 25.04.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.09

М.А. Ядова

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕНДЕНЦИИ ВЗРОСЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье анализируются проблемы взросления в эпоху поздней современности. Особое внимание уделяется таким ключевым факторам этого процесса, как: удлинение границ молодости, нелинейность и диверсификация жизненных траекторий молодежи. Также рассматриваются особенности синдрома кидалтизма как нового социокультурного феномена.*

Ключевые слова: *молодежь, взросление, эпоха поздней современности, жизненные траектории, кидалт.*

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: m.yadova@mail.ru

M.A. Yadova. Youth in the Contemporary World: Trends of Growing Up

Abstract. *The article analyzes problems of growing up in the postmodern era. Special attention is given to such key parameters of the given process as prolongation of the limits of youth, nonlinearity and diversification of young people's life trajectories. The paper also considers specific features of kidultism syndrome as a new sociocultural phenomenon.*

Keywords: *youth, trends of growing up, late modernity, life trajectories, kidult.*

Yadova Maya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). E-mail: m.yadova@mail.ru

Ключевым понятием, приближающим исследователей к категории «молодежь», является возраст. Однако необходимо признать, что любые возрастные границы достаточно условны и, как правило, социально обусловлены. Например, во времена Цицерона молодостью считался возраст от 17 до 46 лет,

а старость начиналась с 60 лет [2, с. 111]; у первобытных народов Сибири дети взрослели очень рано, к 10–12 годам овладевая «техникой обиходных работ – стрельбой из лука, греблей, рыболовством» и «становясь практически равноправными работниками» [4].

Нижняя граница молодежного возраста, как правило, связана со временем полового созревания, окончания школы, начала профессионального обучения, а верхняя – с юридическим совершеннолетием, завершением профессионального обучения, вступлением в брак, достижением экономической независимости, высокого профессионального уровня и личностной зрелости [7, с. 15]. Поскольку эти процессы завершаются в разные периоды времени, хронологические рамки молодости могут существенно варьировать. В современном мире нижняя возрастная граница молодости обычно устанавливается на уровне 14–16 лет, верхняя – охватывает период между 25 и 35 годами.

Существует множество определений молодежи. Прежде всего исследователей разделяют различные подходы к предмету изучения – с позиции социологии, педагогики, психологии, истории, политологии, социальной антропологии и т.п. В социологии под молодежью принято понимать «социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств» [3].

Социология молодежи как самостоятельная отрасль социального знания в нашей стране и за рубежом возникла во второй половине прошлого века и институционально оформилась к 1970-м годам. Социологи первыми среди обществоведов увидели в молодежи особую социальную группу с присущими только ей чертами, ценностями и нормами. Кроме того, они заговорили о специфических молодежных проблемах и их причинах.

Интерес исследователей к молодежной теме неразрывно связан с процессом социальной модернизации. В традиционных обществах, где, по словам американского антрополога М. Мид, «прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения» [6, с. 322], о выделении особого положения молодежи не могло идти и речи. После успешного освоения необходимых для полноценной жизни навыков вчерашние дети наделялись социальным статусом взрослого равноправного члена общины. Тогда как в эпоху поздней современности существует множество факторов, осложняющих процесс взросления: нестабильная ситуация на рынке труда, расширение возможностей получения образования, трудности, связанные с приобретением жилья и т.п.

Несмотря на то что на Западе и в СССР внимание к «молодежному вопросу» было обусловлено схожими причинами, подходы к этой теме в обоих «мирах» заметно различались. Впрочем, это неудивительно, если учесть, что советские и западные молодежные концепции «развивались внутри практически не пересекающихся дискурсов» [8, с. 25]. Единственным объединяющим

эти дискурсы фактором было «объектно-эксплуататорское» [8, с. 25] отношение к молодежи со стороны тогдашнего исследовательского сообщества. Кратко рассмотрим различия так называемых советского и западного подходов.

Широко распространенные на Западе теории субкультуры и контркультуры были своеобразным ответом ученых на моральную панику добропорядочных обывателей, встревоженных проявлениями различных форм молодежной культуры [8, с. 18]. Долгое время западных социологов отличал однобокий – «проблематизированный» – взгляд на молодежь: в своих работах они уделяли особое внимание молодежным девиациям и другим «опасностям», исходящим от представителей новых поколений [15; 16]. В итоге стремление изучать только «проблемную» молодежь привело к тому, что вне исследовательского интереса оказалось большинство молодых людей, чье поведение не выходило за рамки закона и не нарушало общепринятых нравственных устоев. Советские социологи, напротив, фокусировались преимущественно на социально одобряемой деятельности молодежи, воспринимая юношей и девушек как потенциальных созидателей «светлого будущего и строителей коммунизма» [8, с. 25]. Характерная для советского общества цензура, создавая многочисленные информационные барьеры, делала сложным, а подчас и невозможным, серьезное исследование действительно проблемных сторон жизни советской молодежи. К тому же, по словам российского социолога Е.Л. Омельченко, западные теории в большинстве своем выросли из биосоциальных, психологических и культурологических концепций развития личности, а советские базировались на доктрине «марксистско-ленинской идеологии» [там же].

Сегодня различия между отечественными и западными подходами постепенно сглаживаются. Очевидно, что такое сближение – результат сходных процессов, происходящих во многих странах мира. Реалии современной жизни заставляют социологов пересмотреть привычные «объективированные» концепции и увидеть в молодых людях полноправных социальных акторов, способных на качественное преобразование окружающей реальности. Причем некоторые исследователи призывают рассматривать индивида в качестве самостоятельного субъекта уже с детства [20; 21].

В эпоху Постмодерна привычные взгляды о едином, унифицированном пути социального развития сменяются представлениями о его неопределенности и вариативности. Стремительно меняющиеся социальные реалии и усиление процессов «хаотизации» общественного порядка позволяют говорить об особых тенденциях взросления сегодня.

По словам психолога К.Н. Поливановой, среда развития, в которой происходит становление современного человека, находится под влиянием следующих общемировых процессов [9].

1. Экономическая глобализация (транснациональность капитала, иностранные инвестиции, дерегуляция рынков труда, управления, либерализация торговли, появление электронных денег).

2. Политическая (демократизация, открытие и закрытие границ, всевозможные формы трудовой миграции, рост разного рода политических движений, в том числе неолиберализм, правые движения, фундаментализм).

3. Культурная (вестернизация, обретение английским языком статуса универсального языка, распространение поп-культуры).

4. Коммуникационная (усиление роли массмедиа, Интернета, появление возможности моментально связаться с необходимой персоной, прямые включения, увеличение скорости передвижения по миру).

Сегодня происходит сложная трансформация социокультурных пространств, которые еще несколько десятилетий назад казались незыблемыми. Среди этих изменений выделяют экономическую нестабильность, сужение вертикально-иерархических способов управления, распространение информационных технологий, ориентацию на индивидуализацию [9].

Как правило, в западной социологической литературе в числе основных факторов, сопровождающих процесс взросления современной молодежи, выделяют следующие: удлинение периода юности, нелинейность и разнообразие вариантов жизненных «сценариев», определенная цикличность происходящих в жизни индивида событий [11; 12; 14].

Из-за характерных для современных обществ длительного периода обучения, экономической нестабильности молодые люди откладывают на более поздний срок момент начала профессиональной деятельности, создание семьи и рождение детей. Нередко обретение молодежью финансовой и жилищной самостоятельности становится затяжным и мучительным процессом. Нелинейный характер жизни приводит к нарушениям в очередности этапов, свойственных традиционной модели взросления: получение образования – работа – достижение материальной независимости – создание семьи [22; 10]. Зачастую юноши и девушки совмещают либо чередуют учебу и работу; нередки случаи, когда повзрослевший сын или дочь возвращается в отчий дом после нескольких лет самостоятельной жизни либо создает семью, будучи экономически зависимым от старших родственников. Тенденция цикличности подразумевает повторение событий, уже имевших место в жизни молодого человека (например, неоднократные «возвращения» в статус студента, периодические изменения – не всегда официальные – семейного положения) [23]. Наконец, в условиях социальной неопределенности особую актуальность приобретает вопрос индивидуализации образа жизни и принципиальной открытости выбора жизненного пути. По мнению ученых, современное общество не предлагает молодежи готовых социальных сценариев, вынуждая их «создавать свои собственные биографии и идентичности» [5, с. 37].

Ряд исследователей считает, что паттерны взросления зависят не только от социально-культурных особенностей и традиций той или иной страны, но и от свойственных этим государствам режимов социального обеспечения [13; 19; 23; 24].

Так, в Северной Европе с ее мощной системой социальной защиты населения поощряется длительный поиск себя. Молодые жители континентальной Европы с юности стремятся к получению достойного образования и стабильной карьере: их жизненные траектории достаточно линейны и предсказуемы. В либеральных англосаксонских странах юноши и девушки ориентированы на интенсивную трудовую деятельность, что предполагает раннее отделение от родителей. Вместе с тем в страдающих от безработицы и слабости социальной политики государствах Южной Европы молодежь очень долго нуждается в поддержке родителей, с трудом накапливая необходимые для самостоятельной жизни ресурсы [23, p. 41–42].

Примечательно, что, по результатам исследований отечественных социологов, процесс взросления российской молодежи обнаруживает схожие тенденции. Начиная с 90-х годов, выявляется «существенное обновление общей траекторной картины процесса социализации молодежи» [1, с. 115]. В жизненных траекториях молодежи «проявляются … преждевременное или запаздывающее освоение социальных норм и культурных ценностей, обретение социальных ролей, а также затяжные кризисы социализации в молодежном возрасте, для которой рассогласовываются пути, сроки и способы становления» [там же].

Помимо этого, для современного мира характерна ориентация на «вечную молодость», которая охватывает все сферы жизни социума, формируя инфантильный этос поведения. В целом темпы «омоложения» человечества таковы, что еще в 2003 г. Национальная академия наук США предложила считать 30-летний возраст временем окончания подросткового периода в жизни среднестатистического человека, а, по мнению экспертов Американского общества подросткового здоровья и медицины, по-настоящему взрослым человек становится лишь после 34 лет [17].

По словам украинского социального психолога М. Дворник, постмодернистская реальность формирует особый тип личности – кидалта [18]. Словом «кидалт» (от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый) принято обозначать взрослого, сохраняющего детские увлечения. Впервые это понятие было употреблено в 1980-е годы обозревателем газеты «The New York Times» П. Мартином для описания мужчин старше 30 лет, на первый взгляд, вполне состоявшихся, но продолжающих получать удовольствие от детских игр, просмотра мультфильмов и пр. Кидалтам, отмечает М. Дворник, свойственны психологический и социальный инфантилизм, избегание ответственности, неприятие идентичности взрослого, а также высокий уровень суггестивности

и ориентация на анахроничное выстраивание собственной жизни. Бегство от биологического возраста – закономерный процесс в обществе потребления, где молодежный стиль жизни считается признаком успеха. В «невзрослеющем» социуме становится нормой желание одеваться в подростковые вещи, искать острых ощущений и не стремиться к стабильности ни в чем.

Не будет преувеличением сказать, что феномен кидалтизма – следствие дестандартизации «биографических маршрутов» современного человека. Еще несколько десятков лет назад вступление во взрослую жизнь традиционно связывалось с достижением финансовой самостоятельности, получением стабильной работы, браком и рождением детей. Однако гибкие условия постмодернистской реальности больше не вынуждают индивида «маркировать» свою жизнь многими атрибутами «взрослого» статуса. Эти обстоятельства, подчеркивает исследовательница, породили новое – ориентированное на игру – отношение к окружающему миру, что делает кидалта как особый тип *homo ludens* центральной фигурой постмодернистского пространства [18].

Подводя итоги, отметим, что социальные трансформации, сопровождающие XXI в., существенно усложнили и удлинили период «транзита» от юности к взрослости. Жизнь в «обществе риска» значительным образом влияет на взгляды и поведение юношей и девушек, заставляя их выбирать наиболее эффективные стратегии адаптации к перманентной социальной нестабильности. В свою очередь стремительность происходящих изменений, необходимость преодоления глобальных угроз требуют от обществоведов выработки новых исследовательских подходов к изучению проблем современной молодежи, рисков и тенденций взросления.

Библиография

1. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: Норма, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109–115.

2. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.

3. Кон И.С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 375.

4. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. URL: http://static.iea.ras.ru/books/Kon_psihologiya_yunosti.pdf (Дата обращения: 30.07.2018.)

5. Кузьминых В.Н. Жизненный путь в контексте эволюции социальной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия «Социальные науки». Н.Н., 2008. Т. 4. № 12. С. 37–41.

6. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.

7. Молодежь России: Тенденции, перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.В. Шаронова. М.: Молодая гвардия, 1993. 224 с.

8. Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. 184 с.

9. Поливанова К.Н. Практики развития: Взросление в современном мире // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». Портал психологических изданий PsyJournals.ru. 2012. URL: http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292_full.shtml (Дата обращения: 30.07.2018.)

10. Baizan P., Michielin F., Billari F.C. Political economy and life course patterns: The heterogeneity of occupational, family and household trajectories of young Spaniards // Demographic research. Norderstedt, 2002. Vol. 6. N 8. P. 190–240.

11. Bauman Z. Intimations of postmodernity. L.: Routledge, 1992. 264 p.

12. Beck U. Risk society: Towards a new modernity. L.: Sage, 1992. 260 p.

13. Blossfeld H.P., Klijzing E., Mills M., Kurz K. Globalization, uncertainty and youth in society. L., N.Y.: Routledge, 2005. 452 p.

14. Castells M. The rise of the network society. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell, 2012. 597 p.

15. Cohen A.K. Delinquent boys: The culture of the gang. Glencoe (IL): Free press, 1955. 202 p.

16. Cohen A.K. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers. L.: Paladin, 1973. 224 p.

17. Danesi M. Forever young: The teen-aging of modern culture. Toronto: Univ. of Toronto press, 2003. 144 p.

18. Dvornyk M. Postmodern rejuvenation of grown-ups: Who are kidults? // Психологічні науки: Проблеми і здобутки: Зб. наук. пр. Київ, 2016. № 9. С. 56–71. URL: http://lib.iitta.gov.ua/705695/1/Postmodern%20Rejuvenation%20of%20Grown-Ups%20Who%20KIdults%20Are.pdf (Дата обращения: 30.07.2018.)

19. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press, 2015. 248 p.

20. James A., Jenks C., Prout A. Theorizing childhood. Oxford: Polity, 2015. 247 p.

21. Lee N. Childhood and society: Growing up in an age of uncertainty. Buckingham: OUP, 2001. 157 p.

22. Pollock G. Youth transitions: Debates over the social context of becoming an adult // Sociology compass. Oxford, 2008. Vol. 2. N 2. P. 467–484.

23. Serracant P. The impact of the economic crisis on youth trajec-tories: A case study from Southern Europe // Young. L., 2015. Vol. 23. N 1. P. 39–58.

24. Walther A. Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young peoples experiences across different European contexts // Young. L., 2006. Vol. 2. N 14. P. 119–139.

References

Baizan P., Michielin F., Billari F.C. Political economy and life course patterns: The heterogeneity of occupational, family and household trajectories of young Spaniards // Demographic research. Norderstedt, 2002. Vol. 6. N 8. P. 190–240.

Bauman Z. Intimations of postmodernity. L.: Routledge, 1992. 264 p.

Beck U. Risk society: Towards a new modernity. L.: Sage, 1992. 260 p.

Blossfeld H.P., Klijzing E., Mills M., Kurz K. Globalization, uncertainty and youth in society. L., N.Y.: Routledge, 2005. 452 p.

Castells M. The rise of the network society. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell, 2012. 597 p.

Cohen A.K. Delinquent boys: The culture of the gang. Glencoe (IL): Free press, 1955. 202 p.

Cohen A.K. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers. L.: Paladin, 1973. 224 p.

Danesi M. Forever young: The teen-aging of modern culture. Toronto: Univ. of Toronto press, 2003. 144 p.

Dvornyk M. Postmodern rejuvenation of grown-ups: Who are kidults? // Psikhologichni nauki: Problemi i zdobutki: Zb. nauk. pr. Kiïv, 2016. N 9. P. 56–71. URL: http://lib.iitta.gov.ua/705695/1/Postmodern%20Rejuvenation%20of%20Grown-Ups%20Who%20KIdults%20Are.pdf (Data obrashheniya: 30.07.2018.)

Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press, 2015. 248 p.

James A., Jenks C., Prout A. Theorizing childhood. Oxford: Polity, 2015. 247 p.

Kovaleva A.I. Kontseptsiya sotsializatsii molodezhi: Norma, otkloneniya, sotsializatsionnaya traektoriya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2003. N 1. P. 109–115.

Kovaleva A.I., Lukov V.A. Sotsiologiya molodezhi: Teoreticheskie voprosy. M.: Sotsium, 1999. 351 p.

Kon I.S. Molodezh' // Filosofskij ehntsiklopedicheskij slovar'. 2-e izd. M.: Sov. ehntsiklopediya, 1989. P. 375.

Kon I.S. Psikhologiya rannej yunosti. M.: Prosveshhenie, 1989. URL: http://static.iea.ras.ru/books/Kon_psihologiya_yunosti.pdf (Data obrashheniya: 30.07.2018.)

Kuz'minykh V.N. Zhiznennyj put' v kontekste ehvolyutsii sotsial'noj teorii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo: Seriya «Sotsial'nye nauki». N.N., 2008. T. 4. N 12. P. 37–41.

Lee N. Childhood and society: Growing up in an age of uncertainty. Buckingham: OUP, 2001. 157 p.

Mid M. Kul'tura i mir detstva: Izbrannye proizvedeniya. M.: Nauka, 1988. 429 p.

Molodezh' Rossii: Tendentsii, perspektivy / Pod red. I.M. Il'inskogo, A.V. Sharonova. – M.: Molodaya gvardiya, 1993. 224 p.

Omel'chenko E.L. Molodezh': Otkrytyj vopros. Ul'yanovsk: Simbirskaya kniga, 2004. 184 p.

Polivanova K.N. Praktiki razvitiya: Vzroslenie v sovremennom mire // Materialy nauchno-ehkspertnogo seminara «Novoe detstvo». Portal psikhologicheskikh izdanij PsyJournals.ru. 2012. URL: http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292_full.shtml (Data obrashheniya: 30.07.2018.)

Pollock G. Youth transitions: Debates over the social context of becoming an adult // Sociology compass. Oxford, 2008. Vol. 2. N 2. P. 467–484.

Serracant P. The impact of the economic crisis on youth trajec-tories: A case study from Southern Europe // Young. L., 2015. Vol. 23. N 1. P. 39–58.

Walther A. Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young peoples experiences across different European contexts // Young. L., 2006. Vol. 2. N 14. P. 119–139.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.10

Г.Г. Шаламов

КИТАЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В АФРИКЕ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. *Китай и Россия – две страны, претендующие на значимые позиции в современной геополитике. В то время как Африканский континент постепенно становится центром борьбы за политическое и экономическое влияние мировых держав, Россия отстает с возвращением в Африку. В этом контексте анализ инструментов экономического взаимодействия африканских государств и Китая, добившегося в регионе заметных успехов, может быть ценным для России.*

Ключевые слова: *страны АЮС, китайско-африканское экономическое сотрудничество, российско-африканские отношения.*

Шаламов Григорий Григорьевич – аспирант кафедры ЮНЕСКО факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова).
E-mail: gr-shalamov@mail.ru

G.G. Shalamov. China's Presence in Africa: Lessons for Russia

Abstract. *China and Russia are two powers of the modern multipolar world seeking significant positions in modern geopolitics. While the African continent is gradually becoming the center of the struggle for the political and economic influence of world powers, Russia is in no hurry to regain its former positions in Africa. In this context, an analysis of a wide range of instruments for economic interaction between African states and China, which was quite successful, can be valuable for Russia.*

Keywords: *SSA countries, Syno-African economic cooperation, Russian-African relations.*

Shalamov Grigorii Grigorievich – postgraduate student, the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: gr-shalamov@mail.ru

Определение формата взаимодействия с регионом Африки к югу от Сахары (АЮС) имеет принципиальное значение для всех государств, претендующих на ведущие места в архитектуре современного миропорядка. Это обусловлено целым перечнем известных фактов: 1) наличие в регионе АЮС значительных минеральных ресурсов; 2) колоссальный потенциал прироста рабочей силы, а также расширения потребительского спроса (по имеющимся оценкам, к 2050 г. число жителей региона превысит 2 млрд человек) [8]; 3) вовлечение в систему международного разделения труда и цепочку создания стоимости, организованные западными корпорациями; 4) рост инвестиционной привлекательности африканских экономик [1, с. 352].

В условиях, когда на мировой арене разворачивается борьба за установление наилучших связей со странами региона в политической и экономической сферах, а Россия в этой борьбе не занимает лидирующих позиций, имеет смысл рассмотреть африканский вектор экономики государства, добившегося наибольших успехов на Африканском континенте – Китая. И Россию, и Китай в регионе АЮС сближают стартовые позиции – в отличие от европейских государств, ни у России, ни у Китая нет колониального прошлого в Африке. Исторические, культурные связи, спустя более чем полвека после завершения колониальной эпохи, можно рассматривать, скорее, как преимущество. Так, языковое и культурное наследие, оставленное Францией и Великобританией в своих зонах влияния, сыграло роль одного из ведущих факторов развития сотрудничества со странами региона. Великобритания, к примеру, активно использует механизмы организации Содружества наций, в которое входит 17 государств Африки к югу от Сахары. К механизмам развития сотрудничества следует отнести Деловой совет Содружества наций, а также Фонд содружества наций [1, с. 280].

Франция сохранила культурное, языковое и экономическое влияние в Западной Африке – в так называемой зоне франкофонии. Важным инструментом влияния является франк КФА, которым пользуются 14 стран Западной и Центральной Африки [1, с. 298]. Кредитно-денежную политику центральных банков зоны КФА обеспечивает казначейство Франции, при этом курс валюты изначально был жестко привязан к французскому франку, а теперь – к курсу евро. Перечисленные факторы определяют взаимодействие на политическом уровне, а также стартовые позиции бизнеса бывших метрополий в странах региона АЮС.

О позициях Китая в АЮС

Стремительная индустриализация Китая повлекла за собой ускорение экономического роста стран АЮС, прежде богатых природными ресурсами. Расширение китайского экспорта в АЮС принесло выгоду африканским

потребителям, но также оказало значительное давление на местных производителей. В 2000-х годах фирмы в АЮС столкнулись со значительной конкуренцией со стороны китайского импорта. Снижение конкурентоспособности африканских товаропроизводителей было частично обусловлено повышением реального обменного курса валют в странах АЮС. Последнее было результатом привязки обменного курса к другим валютам (в частности, к евро), роста экспорта природных ресурсов и сырьевых материалов и увеличения финансовой помощи со стороны международных доноров, включая Китай.

Китай зарекомендовал себя в Африке как крупный инвестор. Несмотря на снижение потоков иностранных инвестиций после финансового кризиса, объем накопленных китайских инвестиций в АЮС с 2000-х годов увеличивается, и на конец 2015 г. составляет около 35 млрд долл. [15]. После глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. многие иностранные инвесторы вышли из Африки, в то время как китайские фирмы расширили свое присутствие на континенте.

В последние годы китайские ПИИ претерпели заметную диверсификацию в сторону финансовых услуг, строительства и производства, однако металлы и другие добывающие отрасли остаются объектами наибольшего интереса китайских инвесторов [11]. В последнее десятилетие китайские инвестиции в АЮС активнее направляются в обрабатывающую промышленность. Все более значительным становится вклад китайских ПИИ в создание рабочих мест в странах континента.

В последнее десятилетие резко выросли торговые потоки между Китаем и АЮС. С 2009 г. Китай является основным торговым партнером Африканского континента. Двусторонняя торговля росла на 26% в год начиная с 1995 г., достигнув общего объема 220 млрд долл. в 2014 г., однако потом начала сокращаться в стоимостном выражении ввиду снижения цен на сырье и ресурсы и в 2016 г. достигла 127 млрд долл. [10]. На Китай к 2015 г. приходилось примерно 16,5% общего объема торговли в АЮС [7]. Несмотря на значение Китая в регионе, его экономические отношения с АЮС не симметричны. Так, в 2013 г. доля АЮС в китайской торговле достигла менее 3% [21]. Экспорт АЮС в Китай рос до 2015 г. быстрее, чем импорт. В результате для африканских стран сформировалось положительное сальдо торгового баланса в торговле с Китаем [10]. Экспорт АЮС сконцентрирован в сырьевых товарах (90% всего экспорта АЮС в Китай [14]). Прежде всего это невозобновляемые ресурсы, такие как нефть, уран, алюминий, цинк, фосфаты, медь, никель и золото. Не менее важную роль во внешних торговых потоках из АЮС играют возобновляемые ресурсы и сельскохозяйственные товары, такие как древесина, каучук, кофе, хлопок, какао, рыба и орехи кешью. Хотя экспорт из АЮС в Китай узко ориентирован на первичный сектор, импорт из Китая в АЮС, напротив, существенно диверсифицирован. Потребительские

товары в импорте из Китая представляют самую большую долю, особенно текстиль и одежда, обувь и потребительская электроника. Капитальные товары, такие как машины, коммерческая электроника и транспортное оборудование, также имеют существенный удельный вес. Китайские товары зачастую дешевле, чем аналоги, импортируемые из Европейского союза и Соединенных Штатов Америки, что делает продукцию привлекательной для фирм и индивидуальных потребителей. Следует заметить, что импорт китайских средств производства связан с реализацией крупных финансируемых китайцами инфраструктурных проектов, которые часто включают в себя правила закупок капитальных товаров из страны происхождения инвестиций.

У стран АЮС существует естественное сравнительное преимущество в аграрном секторе, однако в торговле с Китаем оно не реализуется. Тревожащим фактом является заметное сокращение доли сельскохозяйственных продуктов в экспорте стран АЮС в Китай. Ее величина снизилась с 22% в 2001 г. до 5% в 2013 г. По мнению аналитиков, это связано со структурной неэффективностью и логистическими проблемами в Африке. Однако свой негативный вклад внесли и относительно высокие тарифы на импорт сельскохозяйственной продукции в Китае (18,1% в 2002 г. и 15,1% в 2014 г.) [20, p. 6].

По итогам 2015 и 2016 гг. сальдо торгового баланса стран АЮС в торговле с Китаем достигло отрицательной величины 112 и 48 млрд долл. [10] после многолетнего периода положительной динамики (рис. 1). Помимо прочих факторов, в числе которых негативная динамика цен на экспортные сырьевые товары, подобный сдвиг может объясняться активностью торгово-экономической экспансии КНР в макрорегионе.

Так, негативной стороной опыта двусторонних отношений является то, что африканские фирмы практически не вовлекаются китайскими партнерами в глобальные производственные цепочки. Как следствие, торговля с Китаем оказывает ограниченное воздействие на экономические преобразования и диверсификацию экспорта. Импорт материалов и компонентов для обработки и монтажа традиционно являлся важным каналом передачи технологий. В стандартной модели международного разделения труда экспорт материалов или компонентов осуществляется компаниями из развитых стран в менее развитые страны с низким уровнем заработной платы, где местные фирмы используют эти материалы в производстве готового продукта для экспорта на рынки третьих стран или даже в страну происхождения. Для многих стран эта структура торговли имеет весьма позитивные экономические последствия, содействуя передаче технологий и стимулируя развитие конкурентоспособности.

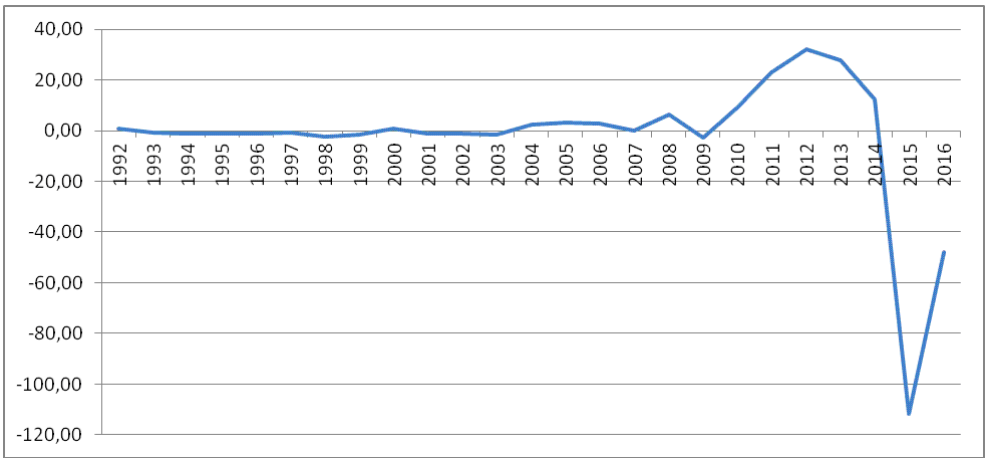

Рис. 1. Сальдо торгового баланса АЮС с Китаем, млрд долл. США

Источник: Составлено автором по материалам China-Africa Research Initiative [10].

Причины расширения китайского присутствия в Африке обусловлены потребностями и возможностями КНР использовать в целях собственного развития ресурсный потенциал континента. Под последним подразумевается наличие запасов минеральных ресурсов и необрабатываемых земель, пригодных для сельского хозяйства (более 60% от мировых) [1, с. 40]. За последние 30 лет африканские разведанные запасы нефти увеличились на 120% до 124 млрд баррелей в 2012 г. Также сообщается, что число неразведанных запасов составляет около 100 млрд баррелей у берегов Африки. Значительно возросли и доказанные запасы природного газа до 509 трлн в 2012 г., более чем на 140%, и ожидается, что показатели будут только расти ввиду интенсивной разведки. В Мозамбике не так давно было обнаружено 127 трлн куб. футов газа, а дополнительные недоказанные запасы оцениваются еще в 152 трлн [2].

Велик и демографический потенциал региона АЮС: по оценкам Всемирного банка, к 2050 г. его население достигнет 2 млрд человек [8]. Это является предпосылкой формирования емкого потребительского рынка, но также и рынка рабочей силы, преимущественно дешевой. Для Китая эти перспективы интересны с позиций реализации стратегических целей по повышению уровня и качества собственного экономического роста.

Таким образом, Китай прилагает усилия по обеспечению собственной растущей экономики рынками сбыта и выступает организатором поставок африканских сырьевых ресурсов на национальный рынок. Кроме того, развитие

экономических взаимосвязей с АЮС позволяет снижать внешнеэкономические риски за счет диверсификации международных направлений сотрудничества, так как в достижении целей национальной энергетической и промышленной политики Китай не делает ставку на одну лишь Россию.

Китайская модель и успехи сотрудничества

Китай начал наращивать экономическое влияние на Африканском континенте после распада СССР, однако объем торговли и экономического сотрудничества оставался на низком уровне вплоть до конца 1990-х годов. Быстрый рост китайской экономики требовал новых рынков сбыта и диверсификации источников сырья, что и мог дать Африканский континент. В 2000 г. была предложена новая модель китайско-африканского взаимодействия в виде Форума сотрудничества Китая и Африки, первоначальной целью которого было определение пути развития нового международного политического и экономического порядка в XXI в., а также выявление потенциальных сфер сотрудничества между КНР и Африкой в новых условиях. Первый форум посетили главы нескольких стран: Того, Замбии, Алжира, Танзании, глава Африканского союза и более 80 министров из африканских стран и Китая. Этот форум придал импульс сотрудничеству государств и стал вехой в отношениях Китая и Африки [23]. С этого момента Китай начинает уделять более пристальное внимание Африке и развивать различные способы взаимодействия, способствующие росту китайско-африканских связей и наращиванию влияния КНР в Африке. Эти формы укрепления отношений Китая и АЮС интересны для проработки российских инициатив по возрождению сотрудничества со странами Африканского континента.

Необходимо рассмотреть деятельность экономических представительств Китая в других странах, в том числе в Африке, так как именно они являются проводниками китайских зарубежных экономических инициатив. Официально они именуются Канцелярией советника по торгово-экономическим вопросам и напрямую подчиняются Министерству коммерции КНР, несмотря на то что являются составной частью посольств. Канцелярия занимается всеми вопросами, связанными с экономической деятельностью и защитой экономических интересов Китая за рубежом. Важно отметить, что такие отделы существуют во всех посольствах в тех странах, с которыми Китай имеет дипломатические связи. Главным условием наличия дипломатических связей является признание принципа «одного Китая». В регионе АЮС таких государств 46 и, соответственно, во всех этих странах есть экономические представительства [28]. В Свазиленде, Буркина-Фасо, которые поддерживают отношения с Тайванем, и Сан-Томе и Принсипи, стране, которая признала КНР только в 2016 г., таких представительств нет.

Одна из наиболее активных форм сотрудничества – проведение Межправительственных комиссий (МПК) с отдельными странами региона АЮС, целью которых является стимулирование связей бизнеса Китая и стран Африканского континента. Партнерами Китая по МПК в Африке являются 45 стран: Ангола, Чад, Зимбабве, Уганда, ЮАР, Танзания, Эритрея, Мадагаскар, Мали, Конго, Камерун, Мозамбик, Кабо-Верде, Кения, Бурунди, Эфиопия и др. [25; 27]. Таким образом, можно выделить как существенные особенности китайской экономической политики в АЮС всеобъемлющее присутствие китайских экономических представительств на территории макрорегиона, так и участие значительного числа африканских государств в МПК.

Важно отметить, что с 2013 г. Китай рассматривает Африку через призму своего масштабного проекта «Один пояс – один путь», который стимулирует торговое и инфраструктурное развитие стран-участниц. Этот проект предполагает огромные финансовые вливания в страны Африки, а также наращивание сотрудничества во всех сферах. В основном проект затрагивает страны, располагающиеся на восточном побережье Африки, и учитывает идеи, заложенные в Стратегии развития африканской экономики в Agenda 2063, принятой Африканским союзом. Для финансирования инфраструктурных проектов был учрежден специальный инвестиционный Фонд Шёлкового пути. Фонд частично инвестировал в строительство железной дороги Найроби-Момбаса, которое было завершено в 2017 г. Некоторые эксперты называют событие эпохальным, поскольку это первый крупный инфраструктурный проект в Кении со времен обретения ею независимости [6]. Эта железная дорога – важная часть проекта «Один пояс – один путь», который позволит углубить торговое сотрудничество Китая и стран Африки. Более того, предполагается, что впоследствии Южный Судан, Бурунди, Руанда и Демократическая Республика Конго смогут получить доступ к Индийскому океану, что позволит активизировать экономическое развитие этих стран. Это лишь одна из немногих инициатив китайского правительства в рамках проекта. Предполагается также строительство железных дорог, реконструкция портов, открытие ГЭС и логистических хабов на территории других африканских стран. Поэтому все последующие планы сотрудничества непременно рассматриваются в контексте инициативы «Один пояс – один путь».

Главной площадкой совместной работы Китая и Африки продолжает оставаться Форум сотрудничества этих стран, который состоит из Саммита и Министерской Конференции, проходящих каждые три года поочередно то в африканской столице, то в Китае. С африканской стороны в форуме участвуют все 46 стран АЮС и четыре страны Северной Африки: Марокко, Алжир, Египет, Тунис. По итогам работы Форума принимается Декларация, провозглашающая принципы совместной деятельности, а также План действий на три года, в котором содержатся конкретные меры и предложения по

улучшению сотрудничества стран Африканского континента и Китая. Последний Форум проходил в Йоханнесбурге в 2015 г., по результатам которого также были приняты Декларация и План действий на 2016–2018 гг. Важно отметить, что теперь переговоры в рамках Форума направлены и на реализацию инициативы «Один пояс – один путь».

В Декларации 2015 г., как обычно, подчеркивается значимость отношений Китая и Африки, которые основываются на мире, стабильности и развитии экономического потенциала стран Африки и Китая, а также значимость укрепления сотрудничества и его стремление к новому типу – всестороннему стратегическому и кооперативному партнерству, в том числе посредством инициативы «Один пояс – один путь». Страны вновь подтверждают свою приверженность принципам и Уставу ООН, однако, как и в более ранних Декларациях (начиная с первого Форума), упоминают о необходимой реформе ООН с целью расширения представительства африканских стран в Совете Безопасности. Партнеры выступают против протекционизма и призывают продолжать торговые переговоры в рамках Дохийского раунда ВТО, реформировать существующую мировую финансовую систему и повысить степень представительства в ней развивающихся стран. Декларация призывает наращивать сотрудничество во всех сферах жизни – от здравоохранения до вопросов безопасности и защищать общие интересы [17]. План действий, как понятно из названия, дает более широкий спектр инициатив и шагов сотрудничества в политической, экономической, социальной, культурной областях, а также в области безопасности [24].

Мы рассмотрим интересующий нас аспект экономического сотрудничества. Согласно Плану действий на 2016–2018 гг., в рамках проектов сотрудничества между Китаем и странами Африки особое внимание должно уделяться модернизации сельского хозяйства. Китай обязывается оказывать поддержку в осуществлении Комплексной программы развития сельского хозяйства в Африке путем оказания помощи в создании демонстрационных центров сельскохозяйственной технологии, отправке специалистов для технического сотрудничества и подготовки работников сельского хозяйства. В Плане указывается, сколько специалистов обязана отправить китайская сторона, а также количество африканских деревень, которым должен помочь Китай в разработке проектов водного хозяйства. Описываются также конкретные меры сотрудничества в энергетике, туризме, в промышленной сфере, где африканская сторона приветствует передачу трудоемких конкурентоспособных промышленных технологий Китая в Африку. Это поможет Африке увеличить занятость, налогообложение и приток иностранной валюты. В инфраструктурных проектах приоритет отдается увеличению количества инвестиций в строительство железных дорог, автомагистралей, региональной

авиации, портов, электроснабжения, водоснабжения, информационно-коммуникационных и других инфраструктурных объектов.

Наращивается инвестиционное сотрудничество, планируется увеличить участие Китая в накопленных прямых инвестициях в Африку до 100 млрд долл. к 2020 г. Помимо этого страны обязуются вести переговоры и заключать соглашения о недопущении двойного налогообложения и разрешать трансграничные налоговые споры в целях содействия благоприятной налоговой среде для инвестиций в Китай и Африку.

Партнеры намерены расширить товарооборот до 400 млрд долл. к 2020 г., создать логистические центры в Африке, предоставить нулевой импортный тариф на продукты, составляющие 97% тарифных позиций, экспортируемые наименее развитыми странами Африки, имеющими дипломатические отношения с Китаем.

Главным итогом Форума стало предоставление пакета финансовой помощи Китая странам Африки в размере 60 млрд долл. в течение трех лет через Китайско-Африканский фонд развития, специальные кредиты для поддержки малых и средних предприятий в Африке, займы льготного характера и экспортные кредитные линии.

Важно отметить, что параллельно с Форумом проходит и Бизнес-форум стран Африки и Китая, в рамках которого не только обсуждаются проблемы и перспективы двустороннего сотрудничества фирм, но и заключаются контракты. Так, на последнем Форуме в Йоханнесбурге в 2015 г. было заключено 25 соглашений общей стоимостью 16,5 млн долл. [12].

Таким образом, мы можем отметить, что Форум задает векторы развития сотрудничества между Китаем и странами АЮС практически во всех сферах жизнедеятельности, которые актуализируются каждые три года. Имея в своем арсенале развитую нормативную базу, Китай не только наращивает потенциал экономического взаимодействия с регионом АЮС, но и диверсифицирует его.

Мощным инструментом взаимодействия стран Африки и Китая являются займы китайских банков и китайского правительства китайским компаниям, осуществляющим свою деятельность на Африканском континенте, и их партнерам в Африке. Основные заимодавцы [9]:

1. Министерство коммерции КНР в лице Департамента по предоставлению помощи за рубежом, которое выдает беспроцентные займы и предоставляет гранты.

2. Китайский экспортно-импортный банк (The Export-Import Bank of China), который предоставляет четыре вида финансовой помощи: гарантии китайским компаниям по краткосрочному финансированию для уменьшения рисков операционной деятельности в Африке; кредиты для финансирования контрактов, экспорта и инвестиций китайских компаний, которые, в свою очередь, могут предоставлять эти кредиты поставщикам товаров и услуг

стран Африканского континента; кредиты для африканских правительств для покупки китайских товаров и услуг; льготные займы иностранной помощи. Банк является основным источником выделения кредитных средств. Он также курирует Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества (China-Africa Industrial Cooperation Fund), созданный в соответствии с решениями Форума сотрудничества Китая и Африки 2015 г. в Йоханнесбурге и направленный на финансирование строительства транспортных проектов, в особенности высокоскоростных железных дорог и магистральных дорог, региональной сети авиаперевозок, а также на финансирование производственной деятельности высокотехнологичных предприятий. Объем средств фонда был утвержден по итогам форума и составляет 10 млрд долл.

3. Китайский банк развития (China Development Bank), который предоставляет коммерческие кредиты китайским и африканским фирмам, а также африканским правительствам по обычным ставкам. Этот банк курирует и Китайско-африканский фонд развития (China-Africa Development Fund), созданный в 2007 г., целью которого стало стимулирование китайских инвестиций в Африке. Фонд был создан по итогам Форума сотрудничества Китая и Африки 2006 г. Предполагается, что объем средств фонда должен быть увеличен до 10 млрд долл.

4. Остальные банки Китая, среди которых выделяются Bank of China, China Construction Bank и Industrial and Commercial Bank of China, финансируют инфраструктурные проекты китайских компаний в Африке, а также предоставляют займы африканским банкам.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что существует огромное количество способов для предоставления займов китайским компаниям, ведущим свою деятельность в Африке, а также африканским фирмам и правительствам. В 2000–2015 гг. общая сумма займов достигла 94 млрд долл. Главными реципиентами китайских займов за рассматриваемый период стали Ангола, Эфиопия, Кения, Судан, Нигерия, Гана. В 2015 г. большой объем средств был выделен также Уганде, Сенегалу и Джибути [16].

За 2000–2015 гг. только 10% займов шли в нефтедобывающий сектор, в то время как займы транспортного, энергетического секторов и телекома составили 56% от общего объема выделенных средств. Кения и Эфиопия лидируют как получатели займов в транспортном секторе, что объясняется строительством железных дорог в этих странах.

Китай использует различные площадки для укрепления сотрудничества с африканским бизнесом. В конце 2017 г. состоялся II Китайско-африканский инвестиционный форум, где собралось свыше 500 предпринимателей и чиновников. Основные темы дискуссий и пленарных заседаний мероприятия были посвящены оценке последствий реализации инициативы «Один пояс – один путь» для Африканского континента, а также перспективам индустриа-

лизации Африки [19]. В середине декабря того же года состоялась I Выставка китайско-африканского сотрудничества в области развития производственного потенциала в Найроби, главной темой которой стали проекты инвестирования малых и средних предприятий Китая в экономику континента [26].

И это лишь некоторые из инициатив, которые реализуются Китаем и регионом АЮС. Они иллюстрируют широту диверсификации сотрудничества Китая и Африки. Мы показали, что существует множество способов и каналов инвестирования китайских предприятий в африканскую экономику. Создано и успешно функционирует множество коммуникационных площадок и каналов, посредством которых лидеры стран и представители бизнес-сообщества могут обсуждать проблемы, находить общие интересы и развивать как на двусторонней, так и на многосторонней основе связи между странами. Главной площадкой выступает Форум сотрудничества Китая и Африки, а центральной идеей взаимодействия – проект «Один пояс – один путь».

Однако реализация африканской политики Китая приводит к неоднозначным последствиям для региона АЮС. Бывший руководитель нигерийского Центрального банка Л. Сануси считает, что африканцам следует прагматично относиться к контактам с Китаем [22]. По его мнению, существующий формат отношений – это колониализм XXI в. Так, в Нигерии Китай закупает сырую нефть, а в Нигерию поставляет товары собственного производства, которые нигерийская экономика вполне может производить самостоятельно. С одной стороны, Китай участвует в развитии инфраструктуры африканских государств, с другой – вытесняет местных производителей с национальных рынков.

Еще одна особенность китайской модели – готовность следовать сложившейся в африканских странах деловой практике, в которой заметную роль играет коррупция, что ведет к усугублению проблем действующей системы управления, незаслуженному обогащению политических элит, увеличению разрыва между богатыми и бедными слоями населения.

Китайскую экономическую политику в странах АЮС на современном этапе характеризует заметный дисбаланс интересов в пользу более сильного партнера: в большинстве китайских проектов объемы привлечения китайской рабочей силы завышены в сравнении с потребностью в ней, экспорт дешевых китайских товаров приводит к вытеснению с национальных рынков местных производителей. Хотя развитие инфраструктуры, в том числе транспортной, приносит пользу африканским странам, но оно не является результатом благотворительности китайцев – без инфраструктуры поставки африканского сырья в Китай просто невозможны.

Перечисленные факты объясняют причины противоречивого отношения к китайскому предпринимательству в Африке. Следует отметить, что китайское руководство информировано о существующих проблемах и работает над

их решением. На высоком государственном уровне было заявлено о намерении снизить роль природных ресурсов в китайско-африканских отношениях и переориентировать их на другие сферы – инфраструктурное строительство, обрабатывающую промышленность и медицину.

Выводы для России

Объемы российского экономического сотрудничества со странами АЮС куда более скромные, поэтому анализ опыта китайско-африканского партнерства позволяет определить возможные отправные точки для России в Африке.

Объемы российской торговли со странами Африканского континента в несколько раз меньше так же, как и потоки, и объемы российских инвестиций в страны АЮС. Так, уровень двусторонней торговли в 2016 г. достиг общего объема в размере 3,8 млрд долл. США [4] (почти в 34 раза меньше китайско-африканской торговли [10]), среди импорта и экспорта преобладают продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (около 71,5% и 31,6% соответственно) [5]. Динамика значений российских инвестиционных потоков в регион нестабильна. Колебания наблюдаются в диапазоне от отрицательных значений в 2013 г., вызванных снижением стоимости российских активов в АЮС, до рекордных 158 млн долл. США в 2014 г., что на 99% было вызвано существенным объемом инвестиций в Зимбабве. В основном потоки российских инвестиций колеблются в размере от 1 до 9 млн долл. [3].

Важно отметить, что организация деятельности российских экономических представительств заметно отличается от китайской. Китайские представительства инкорпорированы в структуру посольств, но при этом подчиняются Министерству коммерции. Российские экономические представительства функционируют либо как экономические отделы в посольствах, подчиняясь Министерству иностранных дел РФ, либо как торговые представительства, которые подчинены Министерству экономического развития РФ и занимаются более широким перечнем вопросов экономического характера. Таким образом, отсутствует унифицированный подход к экономическому представительству. К тому же география торговых представительств России в регионе АЮС ограничивается ЮАР, хотя потребность в них шире. В МПК участвует существенно более узкий круг стран, чем у китайцев, а именно: Ангола, Гана, Гвинея, Зимбабве, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Уганда, Эфиопия и ЮАР.

Важно также отметить, что у России нет полноценной стратегии в отношении Африки, как, например, у Китая [13], а присутствие Африки в концепции внешней политики РФ ограничено одним пунктом. В нем в качестве основных задач указаны совершенствование внешнеполитического диалога, урегулирование конфликтов и развитие торгово-экономического сотрудниче-

ства, а также сотрудничество с Африканским союзом и субрегиональными организациями.

Встречи представителей России и стран АЮС на высоком уровне случаются, но не так часто. Регулярность встреч иногда определяется наличием проблем крупного бизнеса, которые необходимо решать на государственном уровне. Целенаправленная стратегия по развитию двустороннего сотрудничества отсутствует, а механизмы привлечения российских компаний к участию в инвестиционных проектах региона АЮС нельзя назвать эффективными. Тем не менее Россия продолжает развивать инструменты взаимодействия, и примером тому является недавнее решение Правительства РФ о финансовом участии в капитале Афроэксимбанка, целью которого является стимулирование континентальной и международной торговли африканских государств на сумму в размере 2 млрд долл. [18].

Таким образом, российским усилиям по развитию сотрудничества с Африкой на текущем этапе не хватает китайской систематичности и масштаба. Очевидно, что для оказания поддержки африканским партнерам Россия не располагает тем объемом средств, который есть у Китая. Однако ограниченность финансовых и материальных ресурсов не является препятствием для развития отношений. Для активизации российско-африканского взаимодействия как минимум требуется: 1) на высоком государственном уровне сформулировать задачи российско-африканского сотрудничества; 2) нарастить количество содержательных официальных контактов. Это стимулирует органы государственной власти к усилению работы на африканском направлении и сформирует доверие к региону в деловой среде. Необходимо развивать государственную поддержку российскому бизнесу, который сталкивается в АЮС с высокими рисками. Значительная часть этих рисков может быть нейтрализована за счет активизации двусторонних государственных контактов и оперативного решения возникающих проблем. Российскому бизнесу было бы целесообразно подвергнуть тщательному изучению опыт китайско-африканского экономического взаимодействия, сделать выводы на базе его неоднозначных результатов и предпринять шаги по внедрению в практику перспективных форматов международной экономической кооперации, основанной на балансе интересов всех участников.

Библиография

1. Африка: современные стратегии экономического развития. М.: Институт Африки РАН, 2016. 432 с.

2. Ирисова О. Гуманный империализм: Как Китай завоевывает Африку // Forbes.ru [Электронный ресурс]. 2015. 15 марта. URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyi-imperializm-kak-kitai-zavoevyvaet-afriku (Дата обращения: 09.03.2018.)

3. Статистика внешнего сектора. Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж. Операции по инструментам и странам-партнерам // Центральный банк Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/direct_investment/18-dir_inv.xls (Дата обращения: 20.01.2018.)

4. Товарная структура экспорта и импорта Российской Федерации в торговле со всеми странами // Федеральная таможенная служба России: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:1107836169159314:print_me:::P7_NODE:17468 (Дата обращения: 10.07.2018.)

5. Экспорт и импорт Российской Федерации по странам и товарным группам // Федеральная таможенная служба России: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:1107836169159314:print_me:::P7_NODE:17479 (Дата обращения: 10.07.2018.)

6. 2017 China-AfricaYearin Review // The China-Africa project [Электронный ресурс]. 2017. 17 Dec. URL: http://www.chinaafricaproject.com/podcast-2017-china-africa-year-review/ (Дата обращения: 17.02.2018.)

7. Aderinokun K. IMF: Trade Between Sub-Saharan Africa, China Jumps 40-fold in 20 yrs // Thisdaylive.com [Электронный ресурс]. 2017. 8 Oct. URL: https://www.thisdaylive.com/index.php/2017/10/08/imf-trade-between-sub-saharan-africa-china-jumps-40-fold-in-20yrs/ (Дата обращения: 01.03.2018.)

8. Bish Joseph J. Population growth in Africa: Grasping the scale of the challenge // The Guardian [Электронный ресурс]. 2016. 11 Jan. URL: https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2016/jan/11/population-growth-in-africa-grasping-the-scale-of-the-challenge (Дата обращения: 04.03.2018.)

9. Brautigam D., Hwang J. China-Africa Loan Database Research Guidebook. China-Africa Research Initiative. Washington, SAIS-CARI, 2016. 60 p. [Электронный ресурс] // URL: http://www.sais-cari.org/s/guidebook-draft-v26.pdf (Дата обращения: 09.03.2018.)

10. China – Africa Trade // China-Africa Research Initiative [Электронный ресурс]. URL: http://www.sais-cari.org/s/TradeData_01292018-hrbw.xlsx (Дата обращения: 09.03.2018.)

11. China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute [Электронный ресурс]. URL: https://www.aei.org/data/China-Global-Investment-Tracker (Дата обращения: 09.03.2018.)

12. China-African Business Forum: Agreements worth a value of $16,5 billion have been signed // Awrambatimes.com [Электронный ресурс]. 2015. Dec. 25. URL: http://www.awrambatimes.com/?p=14159 (Дата обращения: 17.02.2018.)

13. China's African Policy // Forum on China-Africa Cooperation [Электронный ресурс]. 2006. Jan. 12. URL: http://www.fmprc.gov.cn/zflt/eng/zt/zgdfzzcwj/t230479.htm (Дата обращения: 09.03.2018.)

14. China's ambitions in Sub-Saharan Africa: Efforts to rebalance bi-lateral relations still needed // Coface for Trade [Электронный ресурс]. 2017. 11 Jul. URL: http://www.coface.com/News-Publications/News/China-s-ambitions-in-sub-Saharan-Africa-efforts-to-rebalance-bi-lateral-relations-still-needed (Дата обращения: 09.03.2018.)

15. Chinese FDI Stock in African Countries // China-Africa Research Initiative [Электронный ресурс]. URL: http://www.sais-cari.org/s/FDIData-lgkb.xlsx (Дата обращения: 17.07.2018.)

16. Chinese loans to Africa // China-Africa Research Initiative [Электронный ресурс]. URL: http://www.sais-cari.org/s/Upload_LoanData_v13_May2017.xlsx (Дата обращения: 09.03.2018.)

17. Declaration of the Johannesburg Summit of the Forum on China-Africa Cooperation // Forum on China-Africa Cooperation [Электронный ресурс]. 2015. 25 Dec. URL: http://www.focac.org/eng/ltda/dwjbzjjhys_1/hywj/t1327960.htm (Дата обращения: 17.02.2018.)

18. JSC Russian Export Centre Joins Afreximbank as Shareholder // Afreximbank.com [Электронный ресурс]. 2018. 22 Jan. URL: https://afreximbank.com/jsc-russian-export-centre-joins-afreximbank-as-shareholder/ (Дата обращения: 11.03.2018.)

19. Mutethya E. 2 nd China-Africa Investment Forum begins in Morocco // Chinadaily.com.cn [Электронный ресурс]. 2017. 28 Nov. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-11/28/content_35108213.htm (Дата обращения: 09.03.2018.)

20. Pigato M., Tang W. China and Africa: Expanding Economic Ties in an Evolving Global Context. World Bank, Washington, 2015. 40 p. [Электронный ресурс] // URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/241321468024314010/95161-REPLACEMENT-FILE-PUBLIC-China-FDI-Africa-conference-Final-1-May-2015-Final.pdf

21. Rakotoarisoa M., Fang C. Trade between China and Sub-Saharan Africa: Can the reliance on raw materials be reversed? // Intertnational Centre for Trade and Sustainable Development [Электронный ресурс]. 2015. Sep. 1. URL: https://www.ictsd.org/bridges-news/bridges-africa/news/trade-between-china-and-sub-saharan-africa-can-the-reliance-on-raw (Дата обращения: 09.03.2018.)

22. Sanusi L. Africa must get real about Chinese ties // Financial Times [Электронный ресурс]. 2013. 11 Mar. URL: https://www.ft.com/content/562692b0-898c-11e2-ad3f-00144feabdc0 (Дата обращения: 09.03.2017.)

23. The First Ministerial Conference of FOCAC // Forum on China-Africa Cooperation [Электронный ресурс]. URL: http://www.focac.org/eng/ltda/dyjbzjhy/CI12009/t157577.htm (Дата обращения: 01.03.2018.)

24. The Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan (2016–2018) // Forum on China-Africa Cooperation [Электронный ресурс]. 2015. 25 Dec. URL: http://www.focac.org/eng/ltda/dwjbzjjhys_1/hywj/t1327961.htm (Дата обращения: 17.02.2018.)

25. 经贸新闻. 西亚非洲 (Деловые новости. Западная Азия и Африка) // 中华人民共和国商务部 (Министерство коммерции КНР) [Электронный ресурс]. URL: www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/k/ (Дата обращения: 10.07.2018.)

26. 中非产能合作展年底将在内罗毕举行搭建中非投资贸易新平台 (В конце года в Найроби состоится выставка по сотрудничеству в области китайско-африканского сотрудничества в целях создания новой платформы для инвестиций и торговли в Китае и Африке) // 163.com [Электронный ресурс]. 2017. 14 Nov. URL: http://news.163.com/17/1114/09/D36O5F7T00018AOQ.html (Дата обращения: 17.02.2018.)

27. 中国与非洲的经贸合作(2013)白皮书发布 (Белая Книга о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и странами Африки (2013)) // 中华人民共和国商务部 (Министерство коммерции КНР) [Электронный ресурс]. 2013. 30 Aug. URL: http://images.mofcom.gov.cn/rw/201308/20130830175423899.pdf (Дата обращения: 10.07.2018.)

28. 驻外经商机构 (Зарубежные торговые представительства) // 中华人民共和国商务部 (Министерство коммерции КНР) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofcom.gov.cn/mofcom/guobiebaogao.shtml (Дата обращения: 17.02.2018.)

References

Aderinokun K. IMF: Trade Between Sub-Saharan Africa, China Jumps 40-fold in 20 yrs // Thisdaylive.com [Jelektronnyj resurs]. 2017. Oct. 8. URL: https://www.thisdaylive.com/index.php/2017/10/08/imf-trade-between-sub-saharan-africa-china-jumps-40-fold-in-20yrs/ (Data obrashhenija: 01.03.2018.)

Afrika: Sovremennye strategii jekonomicheskogo razvitija. Moscow: Institut Afriki RAN, 2016. 432 s.

Bish Joseph J. Population growth in Africa: Grasping the scale of the challenge // The Guardian [Jelektronnyj resurs]. 2016. Jan. 11. URL: https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2016/jan/11/population-growth-in-africa-grasping-the-scale-of-the-challenge (Data obrashhenija: 04.03.2018.)

Brautigam D., Hwang J. China-Africa Loan Database Research Guidebook. China-Africa Research Initiative. Washington, SAIS-CARI, 2016. 60 p. [Jelektronnyj resurs] // URL: http://www.sais-cari.org/s/guidebook-draft-v26.pdf (Data obrashhenija: 09.03.2018.)

2017 China-AfricaYearin Review // The China-Africa project [Jelektronnyj resurs]. 2017. Dec. 17. URL: http://www.chinaafricaproject.com/podcast- 2017-china-africa-year-review/ (Data obrashhenija: 17.02.2018.)

China – Africa Trade // China-Africa Research Initiative [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.sais-cari.org/s/TradeData_01292018-hrbw.xlsx (Data obrashhenija: 09.03.2018.)

China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.aei.org/data/China-Global-Investment-Tracker (Data obrashhenija: 09.03.2018.)

China-African Business Forum: Agreements worth a value of $16,5 billion have been signed // Awrambatimes.com [Jelektronnyj resurs]. 2015. Dec. 25. URL: http://www.awrambatimes.com/?p=14159 (Data obrashhenija: 17.02.2018.)

China's African Policy // Forum on China-Africa Cooperation [Jelektronnyj resurs]. 2006. Jan. 12. URL: http://www.fmprc.gov.cn/zflt/eng/zt/zgdfzzcwj/t230479.htm (Data obrashhenija: 09.03.2018.)

China's ambitions in Sub-Saharan Africa: Efforts to rebalance bi-lateral relations still needed // Coface for Trade [Jelektronnyj resurs]. 2017. 11 Jul. URL: http://www.coface.com/News-Publications/News/China-s-ambitions-in-sub-Saharan-Africa-efforts-to-rebalance-bi-lateral-relations-still-needed (Data obrashhenija: 09.03.2018.)

Chinese FDI Stock in African Countries // China-Africa Research Initiative [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.sais-cari.org/s/FDIData-lgkb.xlsx (Data obrashhenija: 17.07.2018.)

Chinese loans to Africa // China-Africa Research Initiative [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.sais-cari.org/s/Upload_LoanData_v13_May2017.xlsx (Data obrashhenija: 09.03.2018.)

Declaration of the Johannesburg Summit of the Forum on China-Africa Cooperation // Forum on China-Africa Cooperation [Jelektronnyj resurs]. 2015. 25 Dec. URL: http://www.focac.org/eng/ltda/dwjbzjjhys_1/hywj/t1327960.htm (Data obrashhenija: 17.02.2018.)

Irisova O. Gumannyj imperializm: Kak Kitaj zavoevyvaet Afriku // Forbes.ru [Jelektronnyj resurs]. 2015. March 15. URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyi-imperializm-kak-kitai-zavoevyvaet-afriku (Data obrashhenija: 09.03.2018.)

Jeksport i import Rossijskoj Federacii po stranam i tovarnym gruppam // Federal'naja tamozhennaja sluzhba Rossii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:1107836169159314:print_me:::P7_NODE:17479 (Data obrashhenija: 10.07.2018.)

Jīngmàoxīnwén. Xīyǎfēizhōu // Zhōnghuárénmíngònghéguóshāngwùbù [Jelektronnyj resurs]. URL: www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/k/ (Data obrashhenija: 10.07.2018.)

JSC Russian Export Centre Joins Afreximbank as Shareholder // Afreximbank.com [Jelektronnyj resurs]. 2018. 22 Jan. URL: https://afreximbank.com/jsc-russian-export-centre-joins-afreximbank-as-shareholder/ (Data obrashhenija: 11.03.2018.)

Mutethya E. 2 nd China-Africa Investment Forum begins in Morocco // Chinadaily.com.cn [Jelektronnyj resurs]. 2017. 28 Nov. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-11/28/content_35108213.htm (Data obrashhenija: 09.03.2018.)

Pigato M., Tang W. China and Africa: Expanding Economic Ties in an Evolving Global Context. World Bank, Washington, 2015. 40 p. [Jelektronnyj resurs] // URL: http://documents.

worldbank.org/curated/en/241321468024314010/95161-REPLACEMENT-FILE-PUBLIC-China-FDI-Africa-conference-Final-1-May-2015-Final.pdf

Rakotoarisoa M., Fang C. Trade between China and Sub-Saharan Africa: Can the reliance on raw materials be reversed? // Intertnational Centre for Trade and Sustainable Development [Jelektronnyj resurs]. 2015. Sep. 1. URL: https://www.ictsd.org/bridges-news/bridges-africa/news/trade-between-china-and-sub-saharan-africa-can-the-reliance-on-raw (Data obrashhenija: 09.03.2018.)

Sanusi L. Africa must get real about Chinese ties // Financial Times [Jelektronnyj resurs]. 2013. 11 Mar. URL: https://www.ft.com/content/562692b0-898c-11e2-ad3f-00144feabdc0 (Data obrashhenija: 09.03.2017.)

Statistika vneshnego sektora. Prjamye investicii iz Rossijskoj Federacii za rubezh. Operacii po instrumentam i stranam-partneram // Central'nyj bank Rossijskoj Federacii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/direct_investment/18-dir_inv.xls (Data obrashhenija: 20.01.2018.)

The First Ministerial Conference of FOCAC // Forum on China-Africa Cooperation [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.focac.org/eng/ltda/dyjbzjhy/CI12009/t157577.htm (Data obrashhenija: 01.03.2018.)

The Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan (2016–2018) // Forum on China-Africa Cooperation [Jelektronnyj resurs]. 2015. 25 Dec. URL: http://www.focac.org/eng/ltda/dwjbzjjhys_1/hywj/t1327961.htm (Data obrashhenija: 17.02.2018.)

Tovarnaja struktura jeksporta i importa Rossijskoj Federacii v torgovle so vsemi stranami // Federal'naja tamozhennaja sluzhba Rossii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:1107836169159314:print_me:::P7_NODE:17468 (Data obrashhenija: 10.07.2018.)

Zhōngfēichǎnnénghézuòzhǎnniándǐjiàngzàinèiluóbìjǔxíngdājiànzhōngfēitóuzīmàoyìxīnpíngtái // 163.com [Jelektronnyj resurs]. 2017. Nov. 14. URL: http://news.163.com/17/1114/09/D36O5F7T00018AOQ.html (Data obrashhenija: 17.02.2018.)

Zhōngguóyǔfēizhōu de jīngmàohézuò (2013) báipíshūfābù // Zhōnghuárénmíngònghéguó shāngwùbù [Jelektronnyj resurs]. 2013. Aug. 30. URL: http://images. mofcom.gov.cn/rw/201308/20130830175423899.pdf (Data obrashhenija: 10.07.2018.)

Zhùwàijīngshāngjīgòu // Zhōnghuárénmíngònghéguóshāngwùbù [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.mofcom.gov.cn/mofcom/guobiebaogao.shtml (Data obrashhenija: 17.02.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.11

Ю.Г. Павленко

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Аннотация. *В статье рассматривается состояние и эволюция социального государства в его взаимосвязи с развитием инновационной экономики. Инновационная экономика – необходимое условие сохранения и развития социального государства, преодоления неравенства и бедности. Закономерности возникновение новых экономических отношений анализируются с политико-экономических позиций.*

Ключевые слова: *социальное государство, инновационная экономика, экономические отношения, научно-технический потенциал, корпорации.*

Павленко Юрий Григорьевич – доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук (ИЭ РАН), Москва. E-mail: yupavl83@mail.ru

Yu.G. Pavlenko. Social State and Innovative Economy

Abstract. *The article examines the condition and evolution of social state in its interrelations with the development of innovative economy. The innovative economy is examined as the necessary condition for maintenance and development of social state as well as for social equality and poverty overcoming. The regularities of new economic, property relations in the subjects of the innovative economy appearance are analyzed from the political and economic points of view.*

Keywords: *social state, innovative economy, economic relations, scientific and technological potential, corporations.*

Pavlenko Yuri Grigorievich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: yupavl83@mail.ru

Выделим две важнейшие социальные и экономические проблемы, перед которыми стоит современное Российское государство. Первая проблема заключается в широком распространении бедности и связанном с ней высоком

уровне неравенства в нашей стране. На проблему бедности обратил внимание на съезде партии «Единая Россия» в декабре 2017 г. Президент В.В. Путин. По его словам, бедность «представляет угрозу для стабильности и единства нашего общества, это просто унижает людей. Нетерпимой должна быть ситуация, когда человек с востребованной профессией и квалификацией за свой труд получает мизерную зарплату, буквально сводит концы с концами» [14]. Второй важнейшей проблемой, с нашей точки зрения, является недостаточные темпы развития научно-технического потенциала страны. Социальное и инновационное развитие страны и ее экономики взаимозависимы. Более того, такая связь является объективным процессом и отмеченные выше проблемы должны решаться в комплексе.

Проблема бедности и справедливого распределения произведенного совокупного дохода в развитых странах решается социальным государством. Говоря о современном состоянии социального государства и тех вызовах, перед которыми оно предстает, следует вспомнить о его несомненных достижениях и положительном вкладе в развитие общества. В экономической области речь идет о внедрении и отстаивании ценностей и стандартов, связанных с воспроизводством рабочей силы. Это позволило обеспечить резкое повышение качества трудового потенциала и в целом роли труда, как важнейшего условия устойчивого социально-экономического развития. В социальной сфере социальное государство способствовало ограничению чрезмерного неравенства в области распределения доходов, доступности здравоохранения и образования, что в конечном счете послужило основой для повышения человеческого потенциала экономического развития. Социальное государство сыграло важнейшую роль в преобразовании некогда ограниченной элитарной, цензовой демократии и превращения ее в современную массовую демократию, основанную на всеобщем, равном и тайном избирательном праве [3, с. 26–28].

Примечательно, что само существование социально ответственного государства привело к ситуации, когда к отказу от его фундаментальных основ не готовы сегодня не только простые граждане, но и значительная часть бизнеса и соответствующие органы власти. Такое относительное единодушие неудивительно, так как выполняемые социальным государством многообразные функции обеспечивают долгосрочные интересы устойчивого существования и развития всего общества. Основанное на взаимообусловленности социального и экономического развития, а также на политической стабильности, социальное государство сегодня довольно устойчивый феномен. Одним из ярких примеров такого социального государства служит Германия, где, по некоторым оценкам, 41% граждан, имеющих на выборах право голоса, получают преобладающую часть своего дохода в форме трансфертов от государства [19, S. 192]. При этом, согласно опросам, большая часть населения ФРГ

(причем далеко не только среди упомянутых выше 41%) довольна существующей системой социального рыночного хозяйства и не склонна к радикальным переменам в сторону ее выхолащивания, даже если такие перемены смогут поднять страну на несколько ступенек в мировом рейтинге конкурентоспособности [4, с. 528–529].

Несмотря на популярность и относительную устойчивость социального государства, оно оказалось перед вызовами. Одним из таких вызовов выступают процессы глобализации экономической жизни, диктующие развитым странам принятие более или менее унифицированной модели социально-экономической политики. Ее характер во многом определяется привилегированным положением США, обладающих соответствующими рычагами влияния (доминирующее положение американских транснациональных корпораций и банков на мировых рынках, ключевые позиции в МВФ и Всемирном банке, способность навязывать свою позицию странам ОЭСР и т.д.). Когда в Соединенных Штатах у власти стояли неоконсерваторы, приверженцы свободного рынка и сокращения роли государства в экономике (в первую очередь, за счет свертывания социальных программ), остальные страны Запада начали двигаться сходным курсом – хотя курс этот и претерпел определенную модификацию [10, с. 21]. Сюда же следует отнести фактор усиления конкуренции на мировых рынках, связанный с появлением новых игроков в лице, прежде всего, Китая, а также других стран Восточной Азии.

Новые острые проблемы поставил перед социальным государством мировой экономический кризис 2008–2010 гг. По сути, с ним связывают сразу несколько, наложившихся друг на друга кризисов. Во-первых, это очередной циклический кризис, который назревал уже длительное время и несколько задержался ввиду ряда обстоятельств. Во-вторых, кризис, отражающий экономические перемены более фундаментального характера, обусловленные назревшей сменой технологической базы производства, порожденной научно-технологическим прогрессом. Такие перемены обычно связывают с кондратьевскими циклами. В-третьих, кризис, обусловленный специфическим развитием мировой экономики в русле ее финансиализации и всемирного использования информационных технологий. Последние обстоятельства способствовали тому, что финансовый сегмент мировой экономической системы, призванный в первую очередь обслуживать реальное производство, оторвался от ее материальной основы. Иными словами, наряду с реальной возникла иная, виртуальная, экономика, которая не только частично работает на реальную экономику, но и вступает с ней в отношения конкуренции и доминирования. Описанная ситуация не могла не вызвать череды кризисов, что и произошло, в частности, в рассматриваемый период.

Некоторые специалисты указывают также на наличие назревавшего на протяжении ряда послевоенных десятилетий ценностного кризиса и связы-

вают его со сменой глубинной парадигмы развития общества, при которой материальные факторы, при всей их значимости, отступают на второй план по сравнению с нематериальными [3, с. 35]. Представляется, что ценностный кризис выступает как составная часть системного кризиса современного капитализма и находит свое проявление в сферах за пределами собственно экономики. Это, во-первых, сфера идеологии, где господствует потребительство и гедонизм, архаичные формы потребления, не соответствующие современным условиям и вызовам развития. Во-вторых, сфера политики, где, в рамках так называемого общества спектакля, на первое место выступают пиар и видимость, а вместо реагирования на долгосрочные вызовы все внимание акцентируется на решении текущих, зачастую конъюнктурных задач. Наконец, сфера культуры и науки, которые воспринимаются «обществом спектакля» как «неэффективные», финансируются по остаточному принципу, а занятые в них работники не пользуются должным престижем в глазах общества [7].

Примечательно, что системный кризис, объективно несущий вызовы и угрозы современному социальному государству, развивается противоречиво с точки зрения реакции на него политических субъектов. С одной стороны, он сопровождается процессом размывания политической идентичности партий. Суть в том, что в политическом спектре развитых стран Европы все труднее отличить политические установки и практику. Например, практическая деятельность социал-демократических и центристских партий мало чем отличается [17]. Причина такого положения нам видится в следующих обстоятельствах. Социальное государство и социально рыночная экономика в целом приняты западным обществом как необходимая данность и сохраняются в качестве идеологемы в независимости от пребывания у власти той или иной партии. Одним из условий такого положения явилась своеобразная конвергенция, состоящая в постепенном сближении позиций социал-демократического и традиционного правоцентристского реформизмов и послужившая одной из основ теории и практики социального государства. Такой конвергентный процесс, по мнению многих специалистов, создал сложное образование, не являющееся ни классическим капитализмом, ни ортодоксальным социализмом, но впитавшее в себя все лучшее из идейного багажа обеих социальных систем [15, с. 68]. Здесь, возможно, следует согласиться с мнением, высказанным французскими экономистами, сторонниками институциональной политэкономии, о том, что хорошей реформой следует считать ту реформу, которую никто (включая даже политических противников, выигравших очередные выборы) не хочет ликвидировать после ее воплощения [1, с. 17]. Однако сформировавшееся на протяжении нескольких послевоенных десятилетий социальное государство в западных странах не только не смогло предотвратить возникновение отмеченных выше кризисных явлений, но и все чаще подвергается ослаблению и эрозии.

По мнению немецкого социолога Р. Курца, вызовы, перед которыми стоит современное социальное государство сегодня, связаны с особенностями периода позднего капитализма или, пользуясь социально-культурной терминологией, с эпохой Постмодерна. Современная ситуация, по его мнению, заключается в том, что при позднем капитализме оказалась утраченной способность к производству новой прибавочной стоимости или, иными словами, способность к модернизации в классическом смысле с помощью индустриализации и капиталовложений, как это было в предыдущий период. Капитализм сталкивается, с одной стороны, с головокружительными денежными спекуляциями, а с другой – с новыми формами «обнищания» в виде структурной безработицы и вечной непроизводительности большей части экономик третьего мира. Если дело обстоит именно так, то необходима другая стратегия, отличная от той, что строилась на оптимистической оценке состояния и возможностей индустриального капитализма периода модерна [8, с. 214].

Что касается России и ее экономики, то, с одной стороны, ей присущи все перечисленные выше атрибуты глубокого системного кризиса, но с другой – социальное государство в России по множеству параметров значительно слабее, чем на Западе. Речь идет об уровнях неравенства и бедности в стране. При этом используемые показатели величины минимальной потребительской корзины явно занижены. Привязка величины МРОТ к заниженному показателю минимальной потребительской корзины создает искаженную картину масштабов бедности в России. В этом же направлении работает и показатель средней, вместо медианной, зарплаты и доходов.

Международные сопоставления близких по уровню экономического развития постсоциалистических стран также говорят не в пользу российской модели социального государства. Так, в Польше, в отличие от российской плоской шкалы подоходного налога, законодательно установлена прогрессивная шкала налогообложения, составляющая соответственно 18 и 32%. Кроме того, если средняя зарплата в Польше в сопоставимой валюте выше российской примерно в 2 раза, то минимальная зарплата выше почти в 4 раза. Это свидетельствует о существенно более низкой дифференциации доходов польских трудящихся по сравнению с российскими. По словам известного польского экономиста, бывшего министра финансов страны Г. Колодко, положение с неравенством в Польше не так плохо, как в России, где в результате посткоммунистической революции вернулось крайне высокое неравенство собственности и доходов, типичное для царских времен[1]. По его мнению,

1. Отметим, что, по оценкам некоторых российских историков, различия в доходах директоров предприятий и рядовых рабочих в постсоветской России выше, чем это было на предприятиях в царской России.

современные различия в доходах уже не только не принимаются обществом, но и начинают действовать против экономической динамики. Г. Колодко определяет справедливым такое распределение доходов, которое одобряется обществом, не дестабилизирует политическую ситуацию и способствует гармоническому функционированию народного хозяйства [18, p. 137–138].

Перейдем ко второй из заявленных проблем, к проблеме развития научно-технического потенциала страны. Опирающаяся на этот потенциал инновационная экономика нуждается в соответствующей стратегии развития. Можно выделить по меньшей мере два направления, концептуальных подхода к такой стратегии. Это имитационный подход, суть которого в том, чтобы в максимальной степени задействовать институциональные и организационно-управленческие механизмы, используемые в развитых рыночных экономиках. При этом следует опираться на механизмы так называемого Вашингтонского консенсуса, предназначенные для стран третьего мира. Такой подход довольно широко использовался в период так называемых радикальных реформ в начале 90-х годов прошлого века. Опыт показал, что он не привел к удовлетворяющим общество результатам. Впрочем, зарубежными советниками и кураторами «радикальных реформ» их результаты могли быть восприняты с удовлетворением.

Наиболее перспективным представляется подход, который может быть определен как креативно-инновационный. Этот подход опирается на поиск новых форм социально-экономических, производственных отношений, учитывающих объективные условия кардинальных изменений в материально-технической базе современной экономики и опирающийся на всестороннее развитие уже имеющегося научно-технического потенциала. Суть данных изменений все чаще определяется понятием «экономика знаний». Термин «экономика знаний» ввел в оборот Фриц Махлуп (Fritz Machlup) в 1962 г. Первоначально это понятие относилось к соответствующему сектору экономики. Сегодня под ним подразумевается «экономика, базирующаяся на знаниях» или инновационная экономика в целом [13].

Выбор креативно-инновационного направления обусловлен, прежде всего, теми вызовами, которые определяются местом России на геополитической карте мира. Положение страны диктует необходимый уровень ее политической и экономической независимости и самостоятельности. В то же время существенное отставание России в экономическом плане требует поиска и нахождения прорывных решений как социально-экономического, так и технологического характера, опирающихся на понимание глубинных закономерностей развития, перспективных трендов. Россия обладает значительным опытом социальных инноваций – как положительным, так и отрицательным, она накопила научно-технический потенциал и вполне способна, как нам представляется, ответить на стоящие перед нею вызовы.

Способность обеспечивать экономический рост в рамках креативно-инновационного подхода, реализуемого в современной экономике знаний, определяется, прежде всего, состоянием научного потенциала и наличием механизмов его эффективного использования. Для оценки состояния научного потенциала с точки зрения его финансовой и кадровой составляющих используются показатели наукоемкости, представленные в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

ЗАТРАТЫ НА ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ (НИОКР) В % К ВАЛОВОМУ ВНУТРЕННЕМУ ПРОДУКТУ: 2015 г.

Республика Корея	4,29
Израиль	4,11
Япония	3,59
США	2,74
Китай	2,05
Россия	1,13
Турция	1,10
Польша	0,94
Украина	0,66

Источник: [9, с. 255].

Данные таблицы 1 позволяют сделать вывод о наличии определенной положительной корреляции между уровнем наукоемкости и уровнем экономического развития страны. В самой верхней части таблицы располагаются высокоразвитые страны (Корея и Израиль), демонстрирующие в последние годы ускоренные темпы развития и делающие ставку на интенсивное использование научных достижений в условиях отсутствия природных ресурсов. Следует также отметить, что в наиболее крупных высокоразвитых странах показатели наукоемкости, как правило, не достигают наибольших величин в силу масштабов экономики и наличия уже накопленного научного потенциала. На фоне других стран тревожно выглядит скромный показатель наукоемкости в России, учитывая то обстоятельство, что в Советском Союзе наукоемкость ВВП была одной из самых высоких в мире. В период радикальных реформ величина этого показателя в России снизилась почти в 3 раза.

Об определенной инерционности в развитии кадровой составляющей научного потенциала России свидетельствуют данные таблицы 2. Эти диспропорции указывают, в частности, на низкий уровень финансирования оплаты труда в российской науке.

Таблица 2

ЧИСЛЕННОСТЬ ПЕРСОНАЛА, ЗАНЯТОГО ИССЛЕДОВАНИЯМИ И РАЗРАБОТКАМИ, В РАСЧЕТЕ НА 10 тыс. ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ: 2015 г.

Израиль	174
Республика Корея	135
США	89
Россия	66
Китай	20
Польша	50

Источник: [9, с. 272].

Приведенные в таблице 3 сравнительные данные по экспорту и импорту технологий свидетельствуют о значительном отставания России в научно-технологической сфере. Кроме того, они свидетельствуют о малой эффективности использования научного потенциала России, что отражается на показателях экспорта технологий. Данные таблицы, наконец, свидетельствуют о низкой востребованности передовых технологий со стороны российских предприятий. Проблемы с внедрением научных разработок, инноваций в российской экономике, к сожалению, сохранились и в рыночных условиях, «перекочевав» из «директивного» советского прошлого. Все это указывает на наличие дисфункций системного характера в процессе формирования в России современной экономики знаний.

Таблица 3

ПОСТУПЛЕНИЯ ОТ ЭКСПОРТА ТЕХНОЛОГИЙ И ВЫПЛАТЫ ПО ИМПОРТУ ТЕХНОЛОГИЙ: 2015 г. (млрд долл. США)

	Экспорт	*Импорт*
Россия	1,65	2,21
Япония	34,55	48,43
США	136,27	89,42
Польша	6,0	5,7

Источник: [9, с. 298].

Системный характер проблем формирования инновационной экономики в России требует их политико-экономического осмысления, исследования глубинных закономерностей развития, роли и места государства в экономике. При этом мы исходим из того обстоятельства, что социальные отношения в широком смысле все чаще рассматриваются как факторы, влияющие на экономическое развитие. Представляется плодотворным обратиться к работам некоторых выдающихся экономистов институционального или близких к нему направлений, к работам, в которых определяются перспективные пути

и формы эволюции системы экономических отношений, включая государство как субъект этих отношений. К таким экономистам мы относим, прежде всего, Т. Веблена. Дж.М. Кейнса и Дж.К. Гэлбрейта.

Т. Веблен в своей знаменитой работе «Теория праздного класса» большое внимание уделил разработке проблемы консерватизма «праздного класса», т.е. слоя богатых граждан, не нуждающихся в заработках и ведущих особый образ жизни, ориентированный на «престижное» потребление. Речь идет о том, что, с одной стороны, «праздный класс», не испытывая на себе давления экономических условий, выдвигаемых борьбой за средства существования, находится в исключительно выгодном, независимом положении. Этому «классу» безразлично общественное развитие, включая изменения институтов. Вследствие чего представители «праздного класса» выступают как консерваторы. С другой стороны, люди бедные, чьи силы поглощает повседневная борьба за существование, консервативны потому, что не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне. «Праздный класс» сдерживает развитие общества, способствует консервации существующих социальных институтов, что может привести к архаизации общества. Таким образом Т. Веблен показывает, что поляризация общества по уровню доходов служит мощным антистимулом развития [2, с. 207].

Хотелось бы обратить внимание и на другие аспекты проблемы «праздного класса». Речь идет как о судьбе этого класса, так и о перспективах изменения всей социальной структуры, структуры собственности, вытекающих из потребностей успешного экономического развития. Т. Веблен отмечает, что участие самого денежного класса становится излишним, поскольку без «капитана» можно обойтись. По его словам, сложившиеся в современных институтах усовершенствования, выгодные для денежного интереса, имеют тенденцию к замене «капитана» на «бездушную» акционерную корпорацию и таким образом способствуют тому, чтобы без важнейшей функции «праздного класса», функции обладания собственностью, можно было обойтись. Т. Веблен делает вывод, что такое развитие экономических институтов под влиянием «праздного класса» может иметь большое производственное значение – правда, пока лишь в неопределенном будущем [2, с. 218].

Представляется, что «неопределенное будущее», о котором писал Т. Веблен, сегодня, возможно, становится более определенным. В своей наиболее известной книге «Новое индустриальное общество», вышедшей в 1967 г., т.е. через 68 лет после работы К. Веблена, Дж.К. Гэлбрейт, принадлежащий, как и Веблен, к американским институционалистам, вводит понятие «техноструктура». По его мнению, «на промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения. В развитом предприятии власть эта перешла окончательно и бесповоротно от индивидуума к группе. Произошло это потому, что только группа обладает необходимой для принятия решений

информацией. И хотя, согласно уставу корпорации, власть в ней принадлежит владельцам, требования, диктуемые развитием техники и планированием, обусловили переход власти в руки техноструктуры» [5, с. 154]. Анализируя взаимоотношение частного и государственного секторов, бизнеса и государства, Дж.К. Гэлбрейт отмечает их интеграцию, взаимное проникновение. По его словам, «на деле же в индустриальной системе граница между частной и государственной сферами компетенции неразличима и в значительной степени условна, ненавистный союз между государственными и частными организациями нормален» [5, с. 422]**.** В последней опубликованной работе Дж.К. Гэлбрейт уточняет свою позицию. Он определяет современную экономическую систему как «корпоративную систему», подчеркивая ее господствующую роль, и называет корпорации господствующей силой [6, с. 26].

Как же ведет себя «господствующая сила» в современной экономике? По словам Гэлбрейта, «размер и состав ВВП в значительной мере навязываются производителями. Желаемый размер ВВП измеряется суммой показателей производства материальных объектов и услуг – не размерами образования, литературы или искусства, а производством автомобилей, включая и роскошные внедорожники. Именно таков современный критерий измерения экономических и связанных с ними общественных достижений» [6, с. 31]. Далее Гэлбрейт уточняет: «Я не веду речь об абсолютных ценностях. Мы поощряем и прославляем искусство и науку за их содействие развитию общества, приумножению богатства и радостей жизни. И измерение прогресса общества показателями объема производства навязанной производителем продукции, ростом ВВП вовсе не безобидное заблуждение» [6, с. 32]. Иными словами, корпоративная система формирует общество потребления. Любопытно, что Дж.М. Кейнс в своей работе, вышедшей в 1931 г., высказывает сходную мысль, утверждая, что «не надо переоценивать важность экономической проблемы и приносить в жертву предполагаемой экономической необходимости другие, более значимые вещи. Это должно быть уделом специалистов, как стоматология» [12, с. 67]. Иными словами, Кейнс рассматривал экономику как часть более общей и более сложной социальной системы, включающей ценности более высокого порядка и подчиняющей себе экономику. Хотелось бы верить, что в будущем общество сможет достичь такого состояния, о котором писал Дж.М. Кейнс.

Дж.К. Гэлбрейт разбирает в своих работах также и внутрикорпоративные отношения, отмечая, что «как и любая бюрократия, корпоративная бюрократия обладает ярко выраженным стремлением к увеличению своих размеров. Зарплата бюрократа в значительной степени зависит от количества подчиненных, а его жизнь становится более приятной и успешной, если функции обдумывания и принятия решений возложены на нижнее звено» [6, с. 40]. Что касается отношений с обществом, то, по мнению Гэлбрейта, современная

корпорация, стремясь создать благоприятный образ в глазах общества, не признает термин «бюрократия», считая, что бюрократия – это удел государства. Она предпочитает использовать устоявшийся термин «корпоративный менеджмент», который кажется исследователю более прогрессивным [6, с. 40]. По его словам, необходимо «признание обществом и государственной властью того факта, что власть менеджмента создает основания для социально нежелательного поведения. Именно поэтому деятельность предприятий должна строго контролироваться, а размер вознаграждения, которое определяют для себя менеджеры, должен стать тем вопросом, которому общество будет уделять особое внимание» [6, с. 74]. Наконец, Дж.К. Гэлбрейт делает жесткое, но, как нам представляется, не лишенное оснований заключение: «Общество, в котором правит бал экономика корпоративных злоключений и преступлений, не способно приносить пользу, и в конечном итоге оно прекратит свое существование» [там же].

Развивая анализ внутрикорпоративных отношений, предложенный Дж.К. Гэлбрейтом, российский экономист К.А. Хубиев рассматривает эти отношения с точки зрения вызовов инновационной экономики. Последняя предъявляет повышенные квалификационные и образовательные требования к работникам. Поскольку такая деятельность создает новые источники доходов для работодателей, возникает вопрос о справедливом распределении доходов, являющихся результатом инновационной деятельности агентов, состоящих в положении наемных работников. Но инновационная деятельность, результатом которой является приобретение конкурентных преимуществ и получение дополнительных источников дохода, не может вместиться в социальные рамки наемного труда. Ее природа требует принципиально иных отношений, предусматривающих соучастие в процессе и распределении результатов со стороны участников экономических отношений [16, с. 128–130]. Данные отношения вытекают из тезиса Дж.К. Гэлбрейта о том, что «власть переходит к тому фактору производства, который наименее доступен и который труднее всего заменить» [5, с. 95]. По мнению К.А. Хубиева, на смену отношениям экономической власти и зависимости могут прийти отношения партнерства, когда добавочно получаемый доход от инновационной деятельности агента делится в определенных пропорциях теперь уже не между принципалом и агентом, а между партнерами. Модернизация экономики на основе инноваций способна привести к утверждению новых отношений соучастия в общественном производстве [16, с. 133–134].

Сходную аргументацию использует в своем анализе современной экономики знаний известный экономист и теоретик менеджмента П. Друкер (P. Drucker). «Знания, в отличие от денег, тесно связаны с конкретной личностью. Именно человек всегда остается носителем знания, он создает, наращивает и совершенствует знания, а также применяет, преподает и передает их.

Следовательно, с переходом к обществу знаний человек становится ключевой фигурой в этом новом мире» [9, с. 347]. П. Друкер утверждает, возможно, слишком оптимистично, «что все чаще отношения между работником умственного труда и организацией носят характер взаимной зависимости» [9, с. 372].

Развитие экономики и общества знаний, новая роль и положение труда как субъекта инновационной деятельности объективно закладывают институциональные основы интеграции социального государства и инновационной экономики. Инновационная экономика (общество знаний), опираясь на новые производственные отношения, создает тем самым более прочные экономические основания для развития социального государства. В свою очередь, эволюция современных корпораций в условиях вызовов экономики знаний должна идти по пути большего контроля со стороны государства, а также установления новых партнерских отношений как внутри корпораций, так и в отношениях между государством, корпорациями и инновационной сферой внутри корпораций.

Библиография

1. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология [Электронный ресурс]. 2008. Т. 9. № 3. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204978/ecsoc_t9_n3.pdf#page=17 (Дата обращения: 20.04.2018.)

2. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.

3. Галкин А.А. Социал-демократия у развилки // Социал-демократия в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С, 2010. С. 26–36.

4. Германия. Вызовы XXI века. М.: Весь Мир, 2009. 792 с.

5. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. 602 с.

6. Гэлбрейт Дж.К. Экономика невинного обмана. М.: Европа, 2009. 88 с.

7. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.

8. Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3. С. 208–246.

9. Друкер П.Ф. Энциклопедия менеджмента. М.: Вильямс, 2004. 432 с.

10. Загладин Н.В. Кризис социал-демократии или политических идеологий современности? // Социал-демократия в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С, 2010. С. 21–25.

11. Индикаторы науки: 2017: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 304 с.

12. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–69.

13. Макаров В.Л. Экономика знаний: Уроки для России // Наука и жизнь [Электронный ресурс]. 2003. № 5. URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/2874/ (Дата обращения: 05.04.2018.)

14. Путин назвал унизительными масштабы бедности в России // РИА Новости [Электронный ресурс]. 2017. 23 декабря. URL: https://ria.ru/society/20171223/1511575868.html (Дата обращения: 07.04.2018.)

15. Храмцов А.Ф. Социальное государство и кризис социал-демократии // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конферен-

ции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления». М.: Ключ-С, 2010. С. 66–74.

16. Хубиев К.А. Тенденции и перспективы современного экономического развития: интегративный тренд? // Гэлбрейт: возвращение. М.: Культурная революция, 2017. С. 114–156.

17. Gluckstein D. The rebirth of social democracy // International Socialism [Электронный ресурс]. N 151. 2016. 22 June. URL: http://isj.org.uk/the-rebirth-of-social-democracy/ (Дата обращения: 11.04.2018.)

18. Kolodko G.W. Swiat na wyciagniesie mysli. Warszawa, 2010. 320 p.

19. Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? Berlin, 2005. 579 S.

References

Buaje R., Brusso Je., Kaje A., Favro O. K sozdaniju institucional'noj politicheskoj jekonomii // Jekonomicheskaja sociologija [Jelektronnyj resurs]. 2008. Vol. 9. N 3. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204978/ecsoc_t9_n3.pdf#page=17 (Data obrashhenija: 20.04.2018.)

Debor G. Obshhestvo spektaklja. Moscow: Logos, 2000. 184 p.

Druker P.F. Jenciklopedija menedzhmenta. Moscow: Vil'jams, 2004. 432 p.

Dzhejmison F. Real'no sushhestvujushhij marksizm // Logos. 2005. N 3. P. 208–246.

Galkin A.A. Social-demokratija u razvilki // Social-demokratija v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Krizis evropejskoj social-demokratii: prichiny, formy projavlenija, puti preodolenija». Moscow: Kljuch-S, 2010. P. 26–36.

Germanija. Vyzovy XXI veka. Moscow: Ves' Mir, 2009. 792 p.

Gjelbrejt Dzh.K. Jekonomika nevinnogo obmana. Moscow: Evropa, 2009. 88 p.

Gjelbrejt Dzh.K. Novoe industrial'noe obshhestvo. Moscow: AST, 2004. 602 p.

Gluckstein D. The rebirth of social democracy // International Socialism [Jelektronnyj resurs]. N 151. 2016. 22 June. URL: http://isj.org.uk/the-rebirth-of-social-democracy/ (Data obrashhenija: 11.04.2018.)

Hramcov A.F. Social'noe gosudarstvo i krizis social-demokratii // Social-demokratija v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Krizis evropejskoj social-demokratii: prichiny, formy projavlenija, puti preodolenija». Moscow: Kljuch-S, 2010. P. 66–74.

Hubiev K.A. Tendencii i perspektivy sovremennogo jekonomicheskogo razvitija: Integrativnyj trend? // Gjelbrejt: vozvrashhenie. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2017. P. 114–156.

Indikatory nauki: 2017: statisticheskij sbornik. Moscow: NIU VShE, 2017. 304 p.

Kejns Dzh.M. Jekonomicheskie vozmozhnosti nashih vnukov // Voprosy jekonomiki. 2009. N 6. P. 60–69.

Kolodko G.W. Swiat na wyciagniesie mysli. Warszawa, 2010. 320 p.

Makarov V.L. Jekonomika znanij: Uroki dlja Rossii // Nauka i zhizn' [Jelektronnyj resurs]. 2003. N 5. URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/2874/ (Data obrashhenija: 05.04.2018.)

Putin nazval unizitel'nymi masshtaby bednosti v Rossii // RIA Novosti [Jelektronnyj resurs]. 2017. Dec. 23. URL: https://ria.ru/society/20171223/1511575868.html (Data obrashhenija: 07.04. 2018.)

Sinn H.-W. Ist Deutschland noch zu retten? Berlin, 2005. 579 S.

Veblen T. Teorija prazdnogo klassa. Moscow: Progress, 1984. 368 p.

Zagladin N.V. Krizis social-demokratii ili politicheskih ideologij sovremennosti? // Social-demokratija v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Krizis evropejskoj social-demokratii: prichiny, formy projavlenija, puti preodolenija». Moscow: Kljuch-S, 2010. P. 21–25.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.12

М.Л. Федоров, Т.И. Шевченко

«КРАСНАЯ ФИНЛЯНДИЯ» В ОЦЕНКЕ И.А. КИРЕЕВА И ДЕМЬЯНА БЕДНОГО (По архивным материалам ОР ИМЛИ РАН)*

Аннотация. *В статье представлены воспоминания русского офицера Балтийского флота И.А. Киреева о «красной революции» в Финляндии 1918 г. Документ был обнаружен в фонде Демьяна Бедного в ОР ИМЛИ РАН. Поэт собирал сведения с фронтов гражданской войны. В их числе оказалась и присланная рукопись из 600 страниц, в которой Киреев не только подробно изложил ход рабочей революции и гражданской войны в Финляндии первой половины 1918 г., но и высказал свой взгляд на причины поражения красных финнов, а также сравнил рабочее движение в Финляндии и России. Объективность и прямолинейность автора рукописи не была одобрена Д. Бедным и вызвала ряд замечаний, в результате которых не состоялась ее публикация. Авторы статьи впервые вводят в научный оборот отрывки текста воспоминаний И.А. Киреева и дают предварительную оценку его взглядам и позиции.*

Ключевые слова: *Финляндия, Финляндская революция 1918 г., гражданская война, Иван Алексеевич Киреев, Демьян Бедный, Балтийский флот, рабочее движение в Финляндии, белофинны, Красная гвардия, Гельсингфорс.*

Федоров Максим Львович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН). E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

Шевченко Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. E-mail: tatyana_valaam@mail.ru

** Исследование выполнено в рамках гранта № 17-84-01005 РФФИ «Историография Гражданской войны в России в памятниках литературы, дневниках писателей, переписке с читателями. Исследования и публикации архивных материалов Отдела рукописей ИМЛИ РАН».*

M.L. Fedorov, T.I Shevchenko. «Red Finland» in the Assessment of I.A. Kireyev and Demyan Bedny (Based on Archival Materials of the RI IMLI RAS)

Abstract. *The article presents the memories of I.A. Kireev, the Russian officer of the Baltic fleet, about the workers' revolution in Finland in 1918. The document was discovered in the archive of Demyan Bedny in the IMLI. The poet collected information from the fronts of the civil war. Among them was the manuscript of 600 pages, in which Kireev not only described in detail the course of the revolution and the civil war in Finland in the first half of 1918, but also presents his views on the causes of the defeat of the workers' movement in Finland.*

Keywords: *Finland, Finnish workers' revolution of 1918, the civil war, Ivan Alekseevich Kireev, Demyan Bedny, the Baltic fleet, the labor movement in Finland, the Finns, the Red guard, Helsinki.*

Fedorov Maxim Lvovich – Candidate of Philological Sciences,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAN),
Senior Researcher. E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

Shevchenko Tatyana Ivanovna – Candidate of Historical Sciences,
St. Tikhon's Orthodox humanitarian University, Senior Researcher.
E-mail: tatyana_valaam@mail.ru

Тема «Красной Финляндии» включает революцию и последовавшую за ней гражданскую войну в бывшем Великом Княжестве Финляндском, провозгласившем 6 декабря[1] 1917 г. независимость. Независимость была признана Советом Народных Комиссаров Российской Советской Республики, возглавляемым Лениным, 31 декабря. Дарованная «вождем мирового пролетариата» свобода, предполагалось, должна была вызвать симпатии и доверие финского общества, за чем последовала бы «помощь» финским революционерам и, как полагали лидеры финского белого движения, обратное присоединение Финляндии к Советской России и объединение их в одну «революционную федерацию» [11, с. 85].

Скорой победы социалистической революции в Финляндии, однако, не последовало. «Красная революция» в Суоми потерпела поражение и вызвала первую послереволюционную гражданскую войну, предварившую своими ужасами кровопролитную войну между красными и белыми в Советской России. Финляндская революция была первой после Октябрьской и единственной в Скандинавии социалистической революцией. О причинах ее поражения

1. Эта дата сегодня – День независимости Финляндии.

очень красочно и объективно в 1918 г. высказался автор представленного ниже труда, Иван Александрович Киреев.

Как современники или участники о происшедших в Финляндии событиях писали О.В. Куусинен [10], Э. Торниайнен [18], подполковник М.С. Свечников [14], советский дипломат В.М. Смирнов [15], возглавивший финские белые войска К.Г. Маннергейм [11] и др. В советское время тема также не была забыта [8; 17; 20], и современные авторы тоже не остались в стороне [7; 22; 6; 19; 21; 23]. За последние годы в Финляндии опубликовано около 30 монографий, посвященных местной гражданской войне 1918 г., не считая научно-популярных и художественных произведений. Внимание современных финских исследователей привлекают такие вопросы, как участие в гражданской войне женщин, позиция и роль церкви, коллективная память, а также традиционные вопросы – ход боевых действий, террор, егерское движение [12].

В советской историографии считалось, что финскую гражданскую войну развязали белофинны, пытавшиеся с помощью Германии подавить «пролетарскую революцию». Современные отечественные исследователи склонны видеть в ней либо неудачную попытку большевистского «экспорта» русской революции, либо общее отражение национального и социального брожения в Европе, вызванного Первой мировой войной.

В самой Финляндии долгие годы тема была болезненной и табуированной. К ней стали обращаться постепенно в 1950–1970-х и, особенно, в 1990–2010-х годах, чтобы ввести в научный и культурный оборот новые данные и новые оценки, связанные с постепенной либерализацией и плюрализацией общественного мнения. Причем в Финляндии долгое время упомянутые события старались не называть гражданской войной. Официальная идеология подчеркивала «освободительный» характер войны, а сама она связывалась с сопротивлением русификации начала XX в. До сих пор бытует точка зрения, что виновником кровопролития в Финляндии в 1918 г. было советское правительство.

Ныне под термином гражданская война 1918 г. в Финляндии понимают военные действия между радикальными левыми (левое крыло социал-демократов), возглавляемыми Советом Народных Уполномоченных Финляндии – «красными» и буржуазно-демократическими силами финляндского Сената – «белыми». Красных поддерживали большевики Российской Советской Республики, тогда как белые получали военную помощь от Германской империи и – неофициально – от Швеции.

События «красной революции» и гражданской войны в Финляндии пришлись на январь–май 1918 г. Началось все с выступления рабочих, а закончилось кровавыми расправами в Выборге и других городах. Террор был как со стороны красных, так и со стороны белых, однако жертв белого террора было все же гораздо больше [13]. Жертвами террора там стали не только

красные финны и красноармейцы, но и русское гражданское население, даже симпатизировавшие белым русские и симпатизировавшие русским белые, не связанные с революцией. Как отмечают финские исследователи П. Хаапала и М. Тикка, за шесть месяцев в той войне погибли более 36 тыс. человек, т.е. более 1% населения Финляндии. Остатки разбитой финской Красной гвардии и деятели Совета Народных Уполномоченных эмигрировали в Советскую Россию, где в августе 1918 г. была основана Коммунистическая партия Финляндии.

Разобраться во многих неясных вопросах, и в том числе в причинах гражданской войны в Финляндии, помогают такие находки, как рукопись участника военных событий офицера русского Балтийского флота Ивана Алексеевича Киреева, хранящаяся в фонде Демьяна Бедного в Отделе рукописей ИМЛИ РАН.

И.А. Киреев родился в 1888 г. в Варшаве в семье пехотного офицера, учился в Суворовском кадетском корпусе. Военный путь Киреев начал еще в царском флоте. Он участвовал в русско-турецкой и русско-японской кампаниях. Во время учебного плавания в составе русской эскадры помогал жителям сицилийского города Мессина, пострадавшим от разрушительного землетрясения 1908 г. Был награжден итальянской серебряной медалью. В период 1908–1911 гг. Киреев занимал штурманские должности на кораблях Балтийского флота. В 1911 г. был переведен на Черноморский флот, но через год вернулся на Балтику.

В период Первой мировой войны Киреев служил флагманским штурманом дивизии траления и принял участие в ряде боевых операций, в том числе в знаменитом Моонзундском сражении (1915), а также в Ледовом переходе кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса (ныне Хельсинки) в Кронштадт в 1918 г. В то время он был помощником по делам траления, старшим лейтенантом Штаба заведования тральным и заградительным делом Балтийского флота. Не симпатизировавшие красным офицеры и моряки покинули корабли и при переходе из Гельсингфорса в Кронштадт недокомплектация команд доходила до 70%. Старший лейтенант Киреев, видимо, остался на службе, несмотря на невероятные трудности предстоящего перехода и идеологическое давление.

Каким образом он оказался связан с пролетарским поэтом, другом Ленина Демьяном Бедным, и почему отправил ему свою рукопись?

Период Гражданской войны в Советской России – время творческой активности Демьяна Бедного и пик его популярности. В 1920-е годы тиражи его произведений были огромны: их общее количество достигало 2 млн, что значительно превосходило тиражи самых популярных писателей того времени Маяковского и Горького. Только за три года Гражданской войны было напечатано 45 книг Демьяна Бедного. Журналист Л. Сосновский утверждал:

«Сочинения Пушкина… за время с 1855 до 1922 г. включительно вышли в свет в количестве 1 500 000 экземпляров… Мы подсчитали, что произведения Демьяна Бедного только за пять лет (1917–1922) вышли в 5 000 000 экземпляров, не считая… газет. Если же сосчитать №№ газет… то получится цифра, измеряемая десятками миллионов, ибо он печатался одновременно во всех столичных газетах и перепечатывался провинциальными. Такая читаемость басен сама по себе является фактором огромного интереса» [16, с. XIV].

Во время Гражданской войны Демьян Бедный в собственном, подаренном ему партией, вагоне много ездил по стране, читал солдатам свои агитки. Он пытался откликнуться стихами на все значимые события Гражданской войны. Так, когда в 1918 г. одни из первых формирований белых войск на Востоке России захватили Казань, поэт едет на этот участок фронта и сочиняет марш «Красноармейская звезда». Когда Казань была отвоевана красными, Демьян Бедный написал два стихотворения: «Казань» («Товарищи! С победой!») и былину «Рассказанское положение» («Как во славном было городе – Казани»). К этому времени относится и его знаменитое стихотворение «Манифест барона фон Врангеля», написанное им в штабном вагоне командующего Южным фронтом М.В. Фрунзе. Это произведение было настолько популярно, что его инсценировали в одесском цирке в 1920 г.

К периоду Гражданской войны 1918 г. относится и знаменитая, ставшая по-настоящему народной, песня «Проводы», написанная Д. Бедным во время пребывания на Восточном фронте. Положенная на музыку композитором Д.С. Васильевым-Буглаем, она звучала на фронте и в тылу, в городах и деревнях.

Агитационные стихи Д. Бедного помогали красным одерживать верх над противником. Так, хорошо знавший поэта В.Д. Бонч-Бруевич писал: «Творчество его дало возможность в гражданскую войну перековывать целые дивизии Врангеля, которые, после прочтения посланий Демьяна Бедного, переходили на сторону Красной Армии и лупили всех предателей, помещиков и капиталистов самым лучшим образом, за что Демьян Бедный получил от нашего Правительства и партии высокие знаки орденских наград. Это никогда никому не надо забывать» [3, л. 32–33].

Его популярность была столь велика и результативна, что враги пытались пустить в ход подделки, т.е. сочинения своих наемных авторов, выдаваемые за стихи Демьяна. В связи с этим поэт вынужден был опубликовать во фронтовой печати специальное стихотворение «Правда-матка» с подзаголовком «Как отличить на фронтах подлинные листовки Демьяна Бедного от белогвардейских подделок под них».

К периоду Гражданской войны относится обширная переписка поэта с читателями. «Его почта – это канонада, смерч, потоп… Письма приходят

тысячами, пудами» [4, с. 231], – свидетельствовал друг поэта профессор А.В. Ефремин. Он утверждал, что поэт получал больше почты, чем любой наркомат, чем даже редакция крупных газет. Письма шли на разные адреса: «Москва», «Кремль», «Совет Народных Комиссаров». Московский архив поэта подтверждает эти слова: читатели присылали поэту для его будущих сочинений множество материалов, часть которых касалась истории Гражданской войны.

Среди присланных материалов сохранилась вышеупомянутая рукопись И.А. Киреева «Очерк финляндской революции 1918 года и взаимоотношений между Финляндией и Россией». Она представляет собой обширное сочинение, объем которого 616 листов. По большей части это рукописный текст, часть глав представляет собой машинопись. Ценность документа определяется тем, что автор был непосредственным участником описываемых событий. Оценка происходившему давалась по горячим следам: «Большая часть книги написана летом и зимой 1918 г. с намерением осветить ход революции и состояние реакционной Финляндии непосредственно после подавления революции» [9, л. 5].

Научная добросовестность труда определяется источниковедческой базой, о которой автор говорит в предисловии: «Источниками для составления настоящего труда послужили все периодические издания (русские, шведские и финские), выходившие в Гельсингфорсе в период от начала русской революции до конца мая 1918 г., военные реляции обеих сторон и корреспонденции с театра гражданской войны» [9, л. 6].

Демьян Бедный рукопись Киреева прочитал, она хранит его пометы, выполненные карандашом. Их характер дает возможность увидеть, в чем авторская позиция в оценке событий не совпадала с точкой зрения «кремлевского баснописца». По всей видимости, эти расхождения и стали причиной того, что рукопись не была опубликована. Причем разница в позициях обнаруживается уже с первых страниц, где в предисловии Киреев, определяя основную задачу своего исследования, прозрачно намекает на ошибки и перегибы большевистской революции в России: «История финляндской революции поучительна как в смысле изучения условий, благоприятствующих возникновению революции, так и в отношении исследования ошибок, которых не следует повторять, чтобы избежать слишком затяжной революции, компрометирующей ее идеи в глазах большинства населения, бедствия которого увеличиваются с каждым лишним днем революционной борьбы. Процесс социальной революции мучительнее и тягостнее, чем гнет, испытываемый рабочими массами в буржуазном государстве, и лишь плодами успешной социальной революции оправдываются предварительные опустошения и расстройство хозяйственной жизни. Как гроза очищает воздух, но удар молнии может быть смертельным, как после дождя оживает растительность,

но ливень может послужить причиной наводнения, так и социальная революция, сметая буржуазные устои, разрушает и многие материальные ценности прежде, чем воссоздает их на коммунистических началах» [9, л. 3–4]. Против этих строк Демьян Бедный ожидаемо поставил знак вопроса.

Богатая фактическим материалом, добросовестно написанная рукопись представляла определенный интерес для поэта и была им сохранена в архиве. Но если, например, образ белого поляка и буржуазной Польши намеренно и в оскорбительной форме создавался в текстах поэта неоднократно[2], то история «Красной Финляндии» и образ белофинна не нашли отражение в литературном творчестве Демьяна Бедного. Лишь генералу Н.Н. Юденичу, ведшему переговоры с Маннергеймом о походе на красный Петроград, посвящено большое количество произведений, в которых белогвардейский лидер получил прозвище «Иуденич». Тем значимее, что в одном из стихотворений 1918 г. появилось имя председателя Сената Финляндии П.Э. Свинхувуда (1861–1944), обратившегося к Германии и Швеции за военной помощью в подавлении революции. Д. Бедный использовал его имя как обобщенный символ предательства:

Знаком злой ужас всем Иудам –
Знаком и нашим Свинхувудам.
К народу злобою дыша,
Дрожит их подлая душа [1, с. 150].

Образ финского премьер-министра понадобился поэту для того, чтобы заклеймить «предательскую сущность» «врагов революции».

Присланный Д. Бедному труд Киреева состоит из 12 глав и разделен на три части. В оглавлении указаны темы каждой главы и их краткое содержание.

Первая часть (гл. 1–6) – «Ход военных действий» – начинается с описания событий в Западной Финляндии и Карелии 17 января – 14 февраля 1918 г. Автор не только подробно описывает события, но и высказывает свою точку зрения на их внутренние причины – в аннотации присутствует заголовок «Смысл борьбы» (ч. 1; гл. 1). Киреев с объективностью непредвзятого историка описывает «мероприятия обеих сторон» и их пошаговые действия в войне друг с другом.

2. Напр., о поляках в одном из стихотворений:
Их мало гнать, шляхетских гадин,
Их надо брать и надо бить,
Им мало морды бить до ссадин,
Их надо с корнем истребить. («А ну!») [2, с. 96].

Глава вторая посвящена образованию линии фронта между «красной» и «белой» Финляндией 14 февраля и 15 марта. Глава третья – «наступлению Маннергейма» и «падению Таммерфорса», боям 16 марта – 4 апреля. Глава четвертая – «военным действиям в Красной Финляндии 27 января – 4 апреля», в ней упоминаются «разоружение русских укреплений» и захват финнами двух ледоколов Балтийского флота, в результате которого линкору «Андрей Первозванный» самому пришлось пробивать путь во льдах для кораблей, идущих в Кронштадт. Киреев, как упоминалось выше, был участником этого перехода.

Глава пятая охватывает бои на севере Финляндии и в русской Карелии. Глава шестая – «Вмешательство Германии» и «Конец войны» – помимо фактографии содержит упоминание о «признаках деморализации» в рядах Красной гвардии. Указанное словосочетание было Демьяном Бедным взято в скобки, как нежелательное. Далее в оглавлении следует описание боев 24 апреля – 2 мая, в результате которых красные финны потерпели поражение, русские части покинули страну и наступило «торжество белой Финляндии» (ч. 1; гл. 6).

Часть вторая (гл. 7–8) называется «Красная Финляндия». Преимущественно эти главы представляют собой объект внимания авторов данной публикации. Начинается она пунктом «Возникновение революции» и описывает «влияние русской революции, общие причины и поводы» рабочего движения в Финляндии. Киреев сосредоточивается на событиях в Гельсингфорсе и Выборге. Глава восьмая – «Внешняя политика» – касается взаимоотношений России и Финляндии зимой 1917–1918 гг., отношений Финляндии с Англией, Францией, США, Швецией и др. В ней автор анализирует общественное мнение в Европе по поводу «Финляндской революции».

И заключительная, третья, часть (гл. 9–12) называется «Белая Финляндия». В ней описаны «ликвидация рабочей революции», «вопросы внутренней политики», выбор новой «формы правления» и «белый террор» в Финляндии (гл. 9), а также внимательно проанализированы состояние ее «финансов» и «промышленности» (гл. 10), подробно освещена роль «германского вмешательства». Далее автор размышлял над «историческим генезисом» совместной судьбы России и Финляндии, над причинами «национальной вражды» финляндцев к русским с «древнейших времен» и Средних веков до периода русской революции. Как добросовестный исследователь, Киреев не преминул высказать свой «взгляд на будущее» двух стран (гл. 11).

Заканчивает записки Киреева тема «милитаризации Финляндии» после победы белых и обзор ее внешней политики, взгляд на фигуру Маннергейма, которого автор явно недооценивал, обзор «политико-стратегического положения» Финляндии и вывод о ее «истинной ориентации» (гл. 12).

Как упоминалось выше, И.А. Киреев описывал события не как сторонний наблюдатель, он делал выводы и высказывал свою позицию. Так, не отрицая,

что «русская революция» оказала огромное влияние на «финляндскую», он делает заключение, что свойственное финнам отвращение к «преступлению закона» и «уважение» ими права собственности не дали революции развиться в полную силу: «По масштабу и времени возникновения первые вспышки революции в Финляндии значительно отстали от общей картины развития русской революции. Искры, полетевшие в Финляндию, потребовалось раздувать, чтобы они не загасли в море буржуазного мировоззрения. В стране, в которой преступления против права собственности карались заключением в каторжной тюрьме, слишком окрепли буржуазные основы жизни для того, чтобы рабочие могли убедить собственника в том, что его стремление оградить собственность равносильны захвату, а неимущему доказать, что результаты его труда должны быть достоянием всего государства, а не средством приобретения все той же собственности.

В Финляндии каждый собственник с детства привык уважать свое и чужое право владения. А всякий неимущий, располагая национальным богатством – неутомимым трудолюбием – стремился использовать его в целях приобретения жизненных благ в соответствии со своими личными качествами и способностями. Шовинизм финляндских патриотов являлся не столь грозным врагом для целей революции, каким послужило всеобщее тяготение к укреплению права собственности» [9, л. 15]. Это красочное описание национальных черт финнов невольно вызывает сомнения в справедливости революции вообще.

Причиной поражения финляндской Красной революции Киреев считает то, что 90% населения Финляндии видели в революционном движении «врагов, посягнувших на устои государственного благополучия», и симпатии к «буржуазным основам жизни» оказались у финнов «слишком прочными»: рабочие не нашли союзников, а своих сил для диктатуры оказалось недостаточно [9, л. 16].

Не оставил вниманием автор и причин «хаотичного характера русской революции». В частности, он описал печальные постфевральские события в России: «Смелая проповедь коммунизма с огромным трудом проникала в толщу народного сознания, затемненного сперва царским режимом, а теперь борьбой партий и классов, борьбой, в которой русский народ не успевал разобраться. Пропаганда слева и справа сбивала его с толку... В городах раздавались нескончаемые требования о повышении заработной платы.., в деревнях происходили бессмысленные поджоги помещичьих имений и разграбление культурных хозяйств, на фронте одна часть образовывала ударные батальоны, требовала войны до победы.., другая часть браталась с немцами, а третья убивала офицеров, громила склады и уходила по домам, в столице происходили бурные столкновения между представителями старого и нового мира.

Капиталистические основы усиленно подтачивались идеями большевизма, правительство металось из стороны в сторону, ища поддержки у вчерашних врагов и не находя опоры в народных массах; калейдоскоп министров, резолюций и воззваний, вооруженные столкновения.., повсеместные грабежи и убийства – вот картина, вдохновляемая так называемой "керенщиной", идеи которой не удовлетворяли буржуазные круги России и еще менее подходили к просыпающемуся сознанию трудовых масс, русского народа» [9, л. 184–185].

Вызванный русской революцией хаос породил сомнения финляндцев в ее справедливости, считал Киреев: «Для Финляндии с ее глубоко буржуазным укладом жизни и с присущим ей отвращением к самым малейшим преступлениям, хаотический беспорядок, который проник из России в среду русских войск, расположенных на территории Финляндии, показался явлением настолько несовместимым с возвещенными принципами о гражданской свободе, равенстве и братстве, что в сердцах ее населения невольно возникли опасения за будущее своей страны» [9, л. 186]. Киреев не смог скрыть симпатии к разумному стремлению финнов провести «бескровную» революцию путем законодательных реформ и уступок правительства, хотя и нигде не высказал этого открыто. В тексте присутствует некое противоречие авторской позиции: с одной стороны, Киреев на стороне большевиков (он называет октябрьские события «величайшим с сотворения мира государственным переворотом», когда большевики с «геройской решимостью взяли в свои руки верховную власть»), с другой – он явно не чувствует симпатии к насилию, кровопролитию и нищете, сопровождавшим революцию, хотя и пишет об их исторической неизбежности. Все это больше похоже на попытку убедить себя самого.

В какой-то мере, утверждал Киреев, в недоверии красных финнов к русским была виновата «вражеская пропаганда». Однако упоминание о связях большевиков с германской разведкой, которые раскрывала эта «пропаганда», скорее оправдывает опасения финнов: «Не менее убедительным аргументом в руках противников большевизма являлись обстоятельства проезда ЛЕНИНА через Германию. Почему германское правительство так предупредительно доставило ему возможность прибыть в Россию? Разве это не служит явным доказательством того, что ЛЕНИН – союзник германцев?» Здесь же автор указывает на германские корни и самой русской революции: «Но разве мог кто-либо предвидеть, что Германия, которая из страха проиграть войну всеми мерами способствовала развитию русской революции и насаждению большевизма, сама будет принуждена напрягать нечеловеческие усилия, чтобы не свалиться в ту яму, которую она рыла для русского империализма?» [9, л. 245].

Позицию И.А. Киреева можно определить как идеалистическо-романтическую по отношению к революции. Русский офицер, патриот, он прельстился красивыми обещаниями большевиков о прекращении войны, отмене смертной казни, равенстве, братстве, гражданских свободах и справедливом воздаянии за труд: «Мы считали, что защищаем правое дело и жаждали заключить мир в Берлине. Большевики первые указали нам, что мы все ошибаемся, и что война порождается массовым хищническим стремлением к грабежу и захвату, прикрываемым лживой маской патриотизма. Честный труд, не преследующий цели личной наживы, больше согласуется с евангельским учением, чем молебны о даровании побед христолюбивому воинству» [9, л. 246], – написал в конце главы «Красная Финляндия» автор. Отсылка к христианским и евангельским принципам, конечно, никак не укладывалась в социалистическую идеологию. Одновременно, он сочувствовал тяготам жизни простого народа и неясной будущей судьбе Отечества.

Все это, однако, не помешало Кирееву остаться в Советской России, стать ее полноценным гражданином, трудиться на благо народа и государства, доблестно защищать Родину во время Великой Отечественной войны. Так и не вступив в партию большевиков, он тем не менее смог избежать печальной и страшной участи многих высокообразованных и мыслящих соотечественников в годы сталинского террора, и оставил своими трудами светлую о себе память.

Помимо сохраненной в архиве рукописи И.А. Киреев – автор нескольких фундаментальных исследований, посвященных гидрографии: «Восточно-Сибирское и Чукотское моря» (1936), «Гидрологические наблюдения морских экспедиций 2-го МПГ 1932–1933 гг.» (1936), «Общие сведения о работах морских экспедиций» (1937), «Траление в Балтийском море в войну 1914–1917», «Гидросамолет и его применение» (1933), «Гидрографические работы на озере Севан» (1933). Им был разработан комплекс технических и технологических приемов боевого траления. Личное мужество Киреева отмечено пятью наградами (Орден «Красная Звезда» 1944, Орден Ленина 1944, медаль «За оборону Ленинграда» 1944, медаль «За трудовое отличие» 1940, медаль «За боевые заслуги» 1945). В советском Военно-морском флоте он был главным штурманом Балтийского флота.

Уйдя в отставку, он стал заниматься наукой. Работал в Главной геофизической обсерватории, где разработал методы ледовых прогнозов для Финского залива. В 1928–1932 гг. руководил гидрометеорологическими исследованиями и гидрографическими работами на оз. Севан. Затем, два года возглавлял Зеравшанскую ледниковую экспедицию. Киреев участвовал в четырех арктических экспедициях. Накануне Великой Отечественной войны вернулся на военную службу на Балтийском флоте, командовал дивизионом, работал

в одном из НИИ, занимаясь вопросами противоминной обороны, затем служил в Генеральном штабе.

Его имя и сегодня памятно в истории Военно-морского флота России и в летописи военной науки. За научно-исследовательскую деятельность Кирееву была присуждена степень доктора военно-морских наук, а свою военную карьеру он закончил в звании капитана I ранга. Сегодня его именем назван один из кораблей, и в его честь в 1936 г. был назван мыс в Карском море, в архипелаге Новая Земля.

Скончался И.А. Киреев в Москве в 1958 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Библиография

1. Бедный Д. Собрание сочинений в 8 т. М.: Худ. лит., 1964. Т. 3. 567 с.
2. Бедный Д. Собрание сочинений в 8 т. М.: Худ. лит., 1965. Т 4. 440 с.
3. Бонч-Бруевич В.Д. Письмо Матюшиной О.К. от 8.07.1954 г. // Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки. Ф. 1059. Оп. 2. Ед. хр. 183. 44 л.
4. Бразуль И.Д. Демьян Бедный. М.: Молодая гвардия, 1967. 302 с.
5. Валь Э.Г. Война Белых и Красных в Финляндии в 1918 году. Таллин: «Аврора», 1936. 98 с.
6. Вестерлунд Л. «Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть». СПб.: Аврора-Дизайн, 2013. 128 с.
7. Голдин В.И. Белый север и Финляндия в российской гражданской войне // Белая гвардия. 2006. № 9. С. 137–140.
8. Кийскинен А.И. За десятилетиями: воспоминания / Пер. с фин. А. Кийскинен. Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1958. 264 с.
9. Киреев И.А. Очерк финляндской революции 1918 года и взаимоотношений между Финляндией и Россией // Отдел рукописей Института мировой литературы им. М. Горького РАН. Ф. 42. Инв. ном. 3017. 636 лл.
10. Куусинен О.В. Революция в Финляндии (самокритика). Пг.: Издательство Коминтерна, 1919. 64 с.
11. Маннергейм К.Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2006. 507 с.
12. Осипов А.Ю. Рец. на кн.: The Finnish Civil War 1918: History, Memory, Legacy / Ed. T. Tepora, A. Roselius. Leiden: Brill, 2014 // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2. С. 154.
13. Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2006. 286 с.
14. Свечников М.С. Революция и гражданская война в Финляндии, 1917–1918 гг.: Воспоминания и материалы. М.; Пг.: Гос. издательство, 1923. 112 с.
15. Смирнов В.М. Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918 гг. Л.: Ленинградское областное издательство, 1933. 232 с.
16. Сосновский Л. Вступительная статья // Демьян Бедный. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. II. С. III–XX.
17. Сюкияйнен И.И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1962. 312 с.
18. Торниайнен Э. Рабочая революция в Финляндии: Краткий очерк развития революции и взгляд на причины ее крушения. М., Пг.: Коммунист, 1919. 72 с.

19. Хаапала П., Тикка М. Революция, гражданская война и террор в Финляндии 1918 г. // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917–1923 гг.: Сб. статей / Ред. Р. Герварт, Д. Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 109–126.

20. Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 386 с.

21. Шевченко Т.И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М.: ПСТГУ, 2013. 502 с.

22. Payne S.G. Civil War in Europe, 1905–1949. New York: Cambridge University Press, 2011. 245 p.

23. The Finnish Civil War 1918: History, Memory, Legacy / Ed. T. Tepora, A. Roselius. Leiden: Brill, 2014. 454 p.

References

Bednyj D. Sobranie sochinenij v 8 t. M.: KHud. Lit., 1965. Vol. 4. 440 p.

Bednyj D. Sobranie sochinenij v 8 t. Moscow: KHud. Lit., 1964. Vol. 3. 567 p.

Bonch-Bruevich V.D. Pis'mo Matiushinoi O.K. ot 8.07.1954 g. // Rukopisnyi otdel Rossiiskoi Natsional'noi biblioteki. F. 1059. Op. 2. Ed. khr. 183. 44 ll.

Brazul' I.D. Dem'yan Bednyj. Moscow: Molodaya gvardiya, 1967. 302 p.

Goldin V.I. Belyj sever i Finlyandiya v rossijskoj grazhdanskoj vojne // Belaya gvardiya. 2006. N 9. P. 137–140.

Khaapala P., Tikka M. Revolyutsiya, grazhdanskaya vojna i terror v Finlyandii 1918 g. // Vojna vo vremya mira: Voenizirovannye konflikty posle Pervoj mirovoj vojny 1917–1923 gg.: Sbornik statej / Red. R. Gervart, D. Khorn. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. P. 109–126.

Kholodkovskij V.M. Revolyutsiya 1918 g. v Finlyandii i germanskaya interventsiya. Moscow: Nauka, 1967. 386 p.

Kijskinen A.I. Za desyatiletiyami: Vospominaniya / Per. s fin. A. Kijskinen. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karel'skoj ASSR, 1958. 264 p.

Kireev I.A. Ocherk finliandskoi revoliutsii 1918 goda i vzaimootnoshenii mezhdu Finliandiei i Rossiei // Otdel rukopisei Instituta mirovoi literatury im. M. Gor'kogo RAN. F. 42. Inv. nomer 3017. 636 ll.

Kuusinen O.V. Revolyutsiya v Finlyandii (samokritika). Petrograd: Izdatel'stvo Kominterna, 1919. 64 p.

Mannergejm K.G. Memuary. Moscow: Vagrius, 2006. 507 p.

Osipov A.Yu. Rets. na kn.: The Finnish Civil War 1918: History, Memory, Legacy / Ed. T. Tepora, A. Roselius. Leiden: Brill, 2014 // Al'manakh severoevropejskikh i baltijskikh issledovanij. 2017. Vyp. 2. P. 154.

Payne S.G. Civil War in Europe, 1905–1949. New York: Cambridge University Press, 2011. 245 p.

Rat'kovskij I.S. Krasnyj terror i deyatel'nost' VCHK v 1918 g. Saint Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterb. un-ta, 2006. 286 p.

Rukopisnyj otdel Rossijskoj Natsional'noj biblioteki. F. 1059. Op. 2.

Shevchenko T.I. Valaamskij monastyr' i stanovlenie Finlyandskoj Pravoslavnoj TSerkvi (1917–1957). Moscow: PSTGU, 2013. 502 p.

Smirnov V.M. Iz revolyutsionnoj istorii Finlyandii. 1905, 1917, 1918 gg. Leningrad: Leningradskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1933. 232 p.

Sosnovskij L. Vstupitel'naya stat'ya // Dem'yan Bednyj. Polnoe sobranie sochinenij. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. Vol. II. C. III–XX.

Svechnikov M.S. Revolyutsiya i grazhdanskaya vojna v Finlyandii, 1917–1918 gg.: Vospominaniya i materialy. Moscow; Petrograd: Gos. izdatel'stvo, 1923. 112 p.

Syukiyajnen I.I. Revolyutsionnye sobytiya 1917–1918 gg. v Finlyandii. Petrozavodsk: Karel'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 312 p.

The Finnish Civil War 1918: History, Memory, Legacy / Ed. T. Tepora, A. Roselius. Leiden: Brill, 2014. 454 p.

Torniajnen EH. Rabochaya revolyutsiya v Finlyandii: Kratkij ocherk razvitiya revolyutsii i vzglyad na prichiny ee krusheniya. Moscow; Petrograd: Kommunist, 1919. 72 p.

Val' EH.G. Vojna Belykh i Krasnykh v Finlyandii v 1918 godu. Tallin: Avrora, 1936. 98 p.

Vesterlund L. «My zhdali vas kak osvoboditelej, a vy prinesli nam smert'». Saint Petersburg: Avrora-Dizajn, 2013. 128 p.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.13

Е.А. Папкова

«БРОНЕПОЕЗД 14–69» ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА: ИСТОРИЯ И ВЫМЫСЕЛ*

Аннотация. *В статье исследуется соотношение исторических фактов и вымысла в произведении Вс. Иванова «Бронепоезд 14–69». В результате сопоставления повести «Бронепоезд 14–69» 1921 г., одноименной пьесы 1927 г., сценариев 1955 и 1963 гг. и их редакций сделан вывод о том, что в основу сюжета легли не события 1922 г., как об этом в 1950-е годы писал автор, а два антиколчаковских восстания во Владивостоке осенью 1919 г. и в январе 1920 г. Выявленные в процессе работы материалы углубляют понимание как самого произведения Вс. Иванова, так и событий Гражданской войны в целом.*

Ключевые слова: *«Бронепоезд 14–69», историческая основа, события 1922 г., антиколчаковские восстания 1919 и 1920 гг., газета «Вперед», авторская датировка, характеристика персонажей.*

Папкова Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН).
E-mail: elena.iv@bk.ru

E.A. Papkova. «Bronepoezd 14–69» by Vsevolod Ivanov: History and Fiction

Abstract. *The story «Armored train 14–69» by Vsevolod Ivanov is analyzed in the article from the point of view of the correlation in it of historical facts and fiction. As a result of the comparison of texts of different genres: the story «Armored train 14–69» of 1921, the play of 1927 and the scenarios of 1955 and 1963, as well as their editions, the article concludes that the plot is based not on the events of 1922, as the author wrote about it in the 1950 s, but on two anti-Kolchak revolts in Vladivostok – in the autumn of 1919 and*

* *Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 17-84-01002-ОГН «Классическое произведение о Гражданской войне – "Бронепоезд 14–69" Всеволода Иванова: исторический и литературный контексты».*

in January 1920. The materials presented in the article deepen our understanding of both this classic work of Russian literature of the 20 th century and the events of the Civil War as a whole.

Keywords: *«Bronepoezd 14–69», historical basis, events of 1922, anti-Kolchak revolts of 1919 and 1920, newspaper «Forward», author's dating, characteristics of characters.*

Papkova Elena Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAN), Moscow. E-mail: elena.iv@bk.ru

На протяжении практически всего XX в. «Бронепоезд 14–69» Вс. Иванова трактовался исключительно как революционное произведение, а его тексты, искаженные цензурной редакторской и режиссерской правкой, представляли историю Гражданской войны в Сибири односторонне, только с точки зрения победившей «красной» стороны. Столь же односторонне современникам и исследователям виделся ранний сибирский период жизни Вс. Иванова: «участие в коммунистических заговорах» (автобиография 1922), служба в Красной армии (так рассказывал о нем В.И. Ленину в 1922 г. А.К. Воронский), партизанщина.

Выявленные лишь в последние несколько лет факты биографии молодого Иванова 1917 – начала 1921 г., нашедшие отражение в «Бронепоезде 14–69», разнородны. Член партий эсеров, социал-демократов, меньшевиков-интернационалистов, боец Красной гвардии в Омске летом 1918 г., типографский наборщик и военный корреспондент передвижной фронтовой газеты «Вперед» (выходила с 4 марта 1919 г. под девизами: «Верьте в Россию!», «Все для спасения Родины!» и по основным политическим вопросам поддерживала А.В. Колчака).

В течение нескольких лет в жизни начинающего писателя были «красный» и «белый» фронты, встречи и общение с представителями различных социальных слоев (мужиками-солдатами, казаками, интеллигенцией), партий и политических направлений – от большевиков-подпольщиков до областников и убежденных сторонников «белой идеи». Иванов был не только свидетелем и участником Гражданской войны, он видел «правду» и заблуждения разных противостоящих друг другу сил и постарался передать их в «Бронепоезде 14–69».

В то же время «Бронепоезд 14–69» – это художественное произведение. Исторический материал соседствует с творческим вымыслом автора, историческая правда с художественной. Одному из аспектов соотношения истории и вымысла в «Бронепоезде 14–69» Иванова и посвящена эта статья.

Для рассмотрения взяты тексты разных жанров, написанные в разное время: первые, созданные в 1920-е годы, а также более поздние, искаженные цензурной, редакторской, режиссерской и вынужденной авторской правкой. Над «Бронепоездом» Иванов работал более 40 лет, потому так непросто разобраться в большом количестве текстов, опубликованных и оставшихся в архивах. Прежде всего назовем повесть, впервые напечатанную в начале 1922 г. в журнале «Красная новь» (№ 1), и ее вариант, отредактированный автором для отдельного издания 1922 г. Повесть стала одним из первых произведений русской литературы о Гражданской войне, получившим признание и у советских критиков, и, что немаловажно, у критиков русской эмиграции, среди которых были и участники этой войны на стороне «белых». Текст повести послужил основой для пьесы, написанной Ивановым в 1927 г. В пьесе отражается видение автором Гражданской войны через десять лет после революции; этот вариант пьесы никогда не ставился на сцене и печатался только один раз – в 1931 г. Существуют также два сценария «Бронепоезд 14–69», написанные Ивановым для киностудий им. А.М. Горького (1955) и Мосфильм (1963). Ни на одной из киностудий фильм «Бронепоезд 14–69» снят не был, тексты сценариев хранятся в РГАЛИ.

Вспоминая в 1950-е годы в «Истории моих книг» о работе над повестью «Бронепоезд 14–69», Иванов описывал момент своей биографии, послуживший творческим толчком для ее написания: «Однажды весной 1921 года я приехал на пригородную станцию, чтобы прочитать очередную лекцию о Льве Толстом команде бронепоезда. Не знаю, видел ли я прежде когда-либо бронепоезд. Во всяком случае, эта громада, окрашенная в защитный цвет и стоявшая в тупике, поразила меня. …Когда лекция окончилась, командир завел речь …о том, как действовал на Украине бронепоезд во время Гражданской войны. …Вспомнился номер сибирской дивизионной красноармейской газеты. …Здесь я впервые прочел о бронепоезде 14–69. …Не помню, было ли в газете официальное сообщение о подвиге партизан, очерк или просто отчет о митинге – помню, было что-то короткое и вместе с тем потрясающе героическое! …Вдруг говорят: “Бронепоезд получил назначение на Дальний Восток”» [12, с. 144].

Из дальнейшего текста мемуаров следует, что все остальные события были придуманы автором: «Уход бронепоезда окрылил мою фантазию. Ведь война с интервентами-белогвардейцами, оконченная в Западной Сибири, еще продолжалась на Дальнем Востоке. Вот туда-то и следует перенести действие!

Пусть оно задумано происходящим в Западной Сибири, где-то возле Красноярска, – не беда! Действие проиграет в точности, рождаемой личными наблюдениями, – я никогда не был на Дальнем Востоке, – зато выиграет,

во-первых, в ширине и размахе: море, корабли интервентов, полный разгром белогвардейщины, во-вторых, в актуальности» [12, с. 144].

Сейчас, когда в нашем распоряжении находятся материалы сибирских архивов и региональной публицистики, прежде всего военная газета «Вперед», где сотрудничал Вс. Иванов, очевидно, что, даже если эти факты соответствуют истине, не они стояли у истоков произведения. Можно с уверенностью утверждать, что в основе «Бронепоезда 14–69» лежит биографический опыт писателя, в 1919 г. находившегося в колчаковской столице и на «белом» фронте [см.: 16; 17].

В центре внимания автора повести два события: первое и главное – захват партизанской армией Вершинина белого бронепоезда, второе – восстание в некоем городе. В «Истории моих книг» Иванов рассказывал о восстании так: «Захват бронепоезда партизанами решал судьбу приморского города и порта, помогал восстанию рабочих, руководимых большевистской партией, восстанию, благодаря успеху которого свалилось белогвардейское правительство, а интервенты, поддерживающие это правительство, покинули пределы Советской страны!» [12, с. 144].

С первой публикации «Бронепоезда 14–69» в журнале «Красная новь» в тексте можно было заметить нарушение хронологии исторических событий, лежащих в его основе. В первых строках четко обозначалось историческое время повествования: отступление «остатков колчаковской армии» от Байкала могло проходить только после середины ноября 1919 г., когда Верховный Правитель покинул Омск, и действительно началось отступление «остатков» армии. Вместе с тем в тексте дано и другое указание на время. В подглавке XXIII шестой главы председатель ревкома Пеклеванов читает следующий текст: «По постановлению Совета народных Комиссаров Сибири восстание назначено на 12 часов дня 16 сентября 1919 года» ([6, с. 105]. Номер бронепоезда вплоть до начала 1930-х годов печатался через запятую: 14,69). Реально в течение сентября 1919 г. происходит контрнаступление белых (как оказалось, последнее) на Восточном фронте, власть, армия и жители Третьей столицы полны мечтами о Москве, поэтому ни о каких «остатках» армии Колчака не может быть и речи. В тексте отдельного издания повести упоминание об «остатках колчаковской армии» автором снято и оставлена только дата 16 сентября 1919 г.

Рукописи 1920-х годов не сохранились. О работе писателя над «Бронепоездом» при подготовке первой журнальной публикации и отдельного издания 1922 г. мы можем судить только на основании сопоставления этих двух текстов. Обратим внимание на правку начального фрагмента.

В «Красной нови»: «Бронепоезд “Полярный” под № 14–69 охранял железнодорожную линию от партизан. Остатки колчаковской армии отступали от Байкала: в Маньчжурию, по Амуру, на Владивосток» [6, с. 75].

В издании 1922 г.: «Цифры блестели перед глазом: 85,64 и еще 000… как снежные четки… На дверях купе, на рамах окна, на ремне – кобуре револьвера. И точно огромная мясистая цифра – 8, на койке, упадая коротко-стриженой головой в огромные, как степные дороги, плечи: прапорщик Обаб, помощник капитана Незеласова» [7, с. 3].

Исследователи неоднократно писали о работе Иванова над первыми фразами повести: «…снимая повествовательность, он боролся за экспрессивность стиля, образную насыщенность слова» [13, с. 611], указывала Е.А. Краснощекова. Но, возможно, дело было не в стилевой, а в смысловой правке. Легко заметить, что присутствовавшие в начале журнального варианта некоторые сухость и упрощенность речи совершенно исчезают после нескольких первых абзацев текста, для которого в целом характерны и образность, и экспрессия. Поэтому можно высказать предположение, что начало повести было, возможно, по согласованию с автором, сознательно изменено главным редактором журнала известным критиком и видным партийцем А.К. Воронским, чтобы с первых строк ввести актуальную тему борьбы партизан с белой армией. Так, скорее всего, и появились «остатки колчаковской армии».

Можно, казалось бы, утверждать, что изначально хронология реальных событий не была нарушена Ивановым, и все действие повести происходит осенью 1919 г. На это время года есть конкретные указания в тексте: «Между выкрашенных под золото и красную медь осенних деревьев натянулось грязное, пахнущее землей полотно из мужицких тел» [7, с. 47]; «Пахнет земля – из-за стали слышно, хоть и двери настежь, душа настежь. Пахнет она травами осенними, тонко, радостно и благословляюще» [7, с. 73]. Эту определенность ставит под сомнение место действия произведения. В третьей главе «В городе» описан крупный приморский город-порт, где стоят иностранные корабли: «Опрятно одетые канадцы проходили с громким смехом. Молчаливо шли японцы… В гранит устало упиралось море. …В бухте, как цветы, тканные на ситце, пестрели серо-лиловые корабли…» [7, с. 24–25]. В отредактированной повести, которая была опубликована в 1932 г., город будет назван прямо – Владивосток [9, с. 65]. Однако если действие событий «Бронепоезда» происходит во Владивостоке, то победоносное антиколчаковское восстание не могло случиться в 1919 г.: реальное восстание в городе датируется концом января 1920 г.

В пьесе «Бронепоезд 14–69» (1927) временная разноголосица будет продолжаться. Дата начала восстания 16 сентября 1919 г. сохранится, но появятся слова Пеклеванова о смерти в паровозной топке товарища С. Лазо [10, с. 33], а это случится лишь в апреле 1920 г. Описанный же в тексте пьесы город станет некоторыми историческими деталями напоминать Омск, где в 1919 г. находился Иванов. Будут, например, названы созданные в Омске

дружины Святого Креста и Полумесяца, в одну из которых вступит юный Сережа – брат невесты Незеласова Вари.

Правда, в пьесе, в отличие от одноименной повести, есть четкое авторское указание на то, что восстание еще не завершено, и, строго говоря, неизвестно, станет ли оно победоносным. Картина вторая четвертого действия представляет «Предместье города. Костры» [10, с. 69], и матрос Знобов говорит Вершинину: «Никита Егорыч, генералы и юнкера вдоль моря пошли! Распорядись на Ольгинскую бухту. Подле бухты будет главный бой…» [там же]. Время действия «Эпилога» – «Ночь перед сражением в Ольгинской бухте» [10, с. 70]. Ольгинской бухтой (в действительности она находится в Краснодарском крае), вероятно, назван здесь залив Святой Ольги в Японском море на юго-востоке Приморского края, на расстоянии около 300 км от Владивостока. Партизанская армия еще только направляется туда: «Артиллерии прикажи через горы выйти, а кавалеристам – в эшелоны» [10, с. 69].

В 1932 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел «Бронепоезд 14–69» Вс. Иванова с подзаголовком: «Повесть переработана автором для юношества». Насколько правка в повести действительно была авторской, судить трудно: ни рукописи, ни машинописи не сохранились. Советской молодежи предлагался текст, упрощенный и стилистически, и идеологически. Приведем финал этой редакции:

«А к концу 1920 года вся, за исключением южной части, Приморская область была очищена от белогвардейцев и японцев. Почетную роль в этом сыграл бронепоезд “Полярный” 14–69 под командой Никиты Вершинина, и по настоящее время стоит он, всегда приготовленный к бою и защите СССР» [9, с. 103].

В этом издании из текста «Бронепоезда» уходит временная несогласованность: восстание во Владивостоке назначается на 16 апреля 1920 г. [9, с. 67]. Отметим, что еще в издании 1931 г. дата начала восстания была 16 сентября 1919 г. [8, с. 68], что дало основание Г.Ю. Феддерсу в сопроводительной статье датировать события следующим образом: «Действие повести “Бронепоезд 14–69” происходит в конце лета 1919 года, в приморской дальневосточной области. В это время вся Сибирь была под властью “верховного правителя России” адмирала Колчака и его приверженцев и помощников…» [8, с. 104].

В тексте пьесы, отредактированном режиссерами К.С. Станиславским и И.Я. Судаковым (Иванов в это время находился за границей) летом и осенью 1927 г. по требованиям Главреперткома, дата восстания 16 сентября 1919 г. сохранена, но снят авторский «Эпилог», и события в последнем действии происходят в городе: «Ребята штаб захватили. Офицеры из штаба в крепость кинулись. Броневик, Никита Егорыч, необходимо к крепости катить» [10, с. 39]. Последние слова Вершинина: «Ну, вали, мужики, к крепости. Хватай, пахота, беднота, все крепости на земле…» [5, с. 40] и пение

«Интернационала», которым завершался спектакль, не давали возможности усомниться в том, что восстание победило.

В «новой редакции» пьесы (1952) дата начала восстания и «Эпилог» отсутствуют и финал указывает четко на окончательную победу:

«Второй помощник (с окна). Товарищи, корабли интервентов от наших орудий в океан повернули!..

Вершинин. Ура-а!..

Партизаны подхватывают.

Добивай врага! Бронепоезд, к бою, вперед!..

Музыка. Бронепоезд отходит.

Занавес» [11, с. 64].

Через три года Иванов в письме на киностудию имени А.М. Горького, датированном 7 декабря 1954 г., так определит время действия будущего сценария: «1921–22 годы на Д/Востоке, американская интервенция и яростная борьба советского народа с интервентами – вот тема “Бронепоезда”, вот та общественно-политическая почва, на которой мог проявиться подвиг крестьян и рабочих, чрезвычайно плохо вооруженных, голодных, босых, и, однако же, можно сказать, “голой рукой” взявших бронепоезд белых, снабженный всеми техническими средствами вооружения, которыми мог снабдить его заморский враг – интервент» [1, л. 3–4].

Написанный в 1963 г. для киностудии «Мосфильм» еще один сценарий имеет сходный с пьесой 1952 г. финал: «Продолговатые, темно-серые, тускло поблескивающие суда интервентов медленно, один за другим, покидают порт. Почему покидают порт корабли интервентов? Советские войска и партизанские отряды так потрепали их, что им невмоготу стало на захваченной земле» [2, л. 124].

Писатель широко ввел в этот сценарий автобиографические моменты: сотрудничество во фронтовой газете, стихи известного ему по Омску 1919 г. поэта Г. Маслова и др., укрупнил исторические проблемы, звучавшие в повести и пьесе приглушенно. В частности, включил свои размышления о роли иностранных государств – «союзников» России в Гражданской войне, роли и вине интеллигенции в революционных событиях, религиозном факторе во время войны (создание «дружин Святого Креста»). Однако так же, как и в пьесе, только один факт – уход из порта иностранных кораблей – четко указывал на 1922 г.

Какова же реальная датировка событий, описанных в «Бронепоезде 14–69» Всеволода Иванова? 1919, 1920 или 1922 год?

Японские войска покинули Владивосток 24 октября 1922 г., на следующий день части Народной революционной армии (НРА) Дальневосточной республики (ДВР) вступили в город. 14 ноября Народное собрание ДВР приняло решение о самоликвидации республики, а 15 октября ВЦИК РСФСР

включил территорию Дальнего Востока в состав Советской России [19, с. 367]. В пьесе 1952 г. и двух сценариях Иванова речь, казалось бы, идет именно о событиях осени 1922 г. При этом, как уже было отмечено, здесь нет исторических реалий того времени (за исключением упоминания о взрыве адских машин в порту, которым угрожает некий Комитет содействия американо-японских войск; в финале эта угроза осуществляется). Действительно, в октябре 1922 г. «перед эвакуацией японцы взорвали часть крепостных сооружений во Владивостоке…» [18, с. 233]. Напротив, в фильме «И на Тихом океане…» (режиссер Ю. Чулюкин, авторы сценария А. Горохов, Т. Иванова, Ю. Чулюкин), снятом на киностудии «Мосфильм» по мотивам пьесы «Бронепоезд 14–69» уже после смерти Иванова в 1973 г., реалии того времени присутствуют. Упоминаются «буферное государство» ДВР, низложенное правительство братьев Меркуловых, пришедший им на смену генерал М.К. Дитерихс, бои под Спасском и др.

Однако в конце 1921 – начале 1922 г., когда готовилась к публикации в «Красной нови» повесть «Бронепоезд 14–69», Иванов еще ничего об этом знать не мог. В феврале шли ожесточенные бои НРА ДВР и белых под Волочаевкой (знаменитые «Волочаевские дни»), в марте началось повстанческое восстание в Якутии [19, с. 366]. Гражданская война продолжалась.

Писателю могли быть известны более ранние события Гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1920 г., который назван в повести 1932 г., здесь произошло восстание против Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака. 26 января 1920 г. восстал егерский батальон, который охранял генерала С.Н. Розанова, командующего войсками и главного начальника Приамурского края. Однако Военно-революционный штаб во главе с большевиком С.Г. Лазо посчитал выступление преждевременным и не поддержал его. В ночь с 30 на 21 января 1920 г. власть во Владивостоке почти бескровно перешла в руки Приморской областной земской управы, которую поддержали большевики, чехи и американцы. Порядок обеспечивали революционные войска и международная милиция под американским контролем. Японцы объявили нейтралитет, но не ушли из Приморья, а новая власть, коалиция просоветских и земско-эсеровских сил, не имела возможности изгнать их [18, с. 144]. Эта победа была неокончательной.

На Учредительном съезде трудящихся и партизан Прибайкалья, который проходил с 28 марта по 8 апреля 1920 г., был образован «розовый буфер» – Дальневосточная буржуазно-демократическая республика. А 4–5 апреля произошло нападение японских интервентов на революционные войска и организации Приморья в разных городах, в том числе и во Владивостоке. В результате зверской расправы над советскими лидерами погибли С.Г. Лазо, А.Н. Луцкий и В.М. Сибирцев (сожжены живыми в паровозной топке) [19, с. 359–360].

На это восстание, казалось бы, указывают авторские характеристики его организаторов, сохранившиеся только в повести и пьесе «Бронепоезд 14–69» 1920-х годов. В подглавке XXIII повести идет спор между ревкомом во главе с Пеклевановым и «бритым коротконогим человеком», который говорит от имени некоего «Совета Союзов», называет «выступление преждевременным», обвиняет Пеклеванова в том, что ревком «не считается с моментом» [7, с. 49], но при этом выражает готовность действовать сообща: «Совет Союзов, товарищи, зла не желает, можно бы обождать…». В ответ Пеклеванов читает «Постановление Совета Народных Комиссаров Сибири» [7, с. 50], этот же Совет присутствует и в одноименной пьесе 1927 г. Пеклеванов говорит о нем иронически, но является именно его членом: «Совет народных комиссаров Сибири! Что за декламация! Еще бы Верховный Совет! Пышнее бы получилось… А в Совете-то всего три человека, да к тому же один из них – я» [7, с. 35]. В реальной истории Гражданской войны на Дальнем Востоке организации с такими названиями неизвестны, но Иванов вполне мог назвать «Советом Союзов» представителей земско-эсеровской оппозиции, действовавших вместе с большевиками, а «Советом народных комиссаров Сибири» – объединенный Совет социалистических партий.

Правда, во время реального восстания в январе 1920 г. все было наоборот, и как раз большевистский Военно-революционный штаб сначала не поддерживал восстание. Но Иванов, готовя повесть к публикации в первом советском «толстом» литературном журнале в конце 1921 г., не стал делать такие акценты.

Думается, однако, что и об этом восстании Иванов мог знать очень немного. В декабре 1919 – январе 1920 г. он находился в одном из типографских вагонов поезда газеты «Вперед», отступавшего вслед за армией Колчака на восток. Болел тифом. После того как части Красной армии повернули поезд к Новониколаевску, служил в уездном Отделе народного образования в небольшом городе Татарске. Мечтал уехать в Петроград, что и сделал в январе 1921 г. при помощи А.М. Горького.

Конечно, писатель не мог не слышать о создании ДВР, но в «Бронепоезде» это никак не отразилось. Во всех публикациях повести вплоть до 1932 г., а пьесы – до начала 1950-х годов Иванов сохраняет дату 16 сентября 1919 г. Выскажем предположение, что писатель имел в виду еще одно восстание, о котором знал осенью 1919 г. В это время молодой типографский рабочий и начинающий писатель и журналист спасался от колчаковской мобилизации в газете «Вперед». Газета занимала целый поезд, в разных вагонах которого помещалась типография и жили редактор В.Г. Янчевецкий (будущий известный писатель В. Ян) с семьей, сотрудники, военные корреспонденты и наборщики, в том числе и Вс. Иванов с женой. Газета печаталась, как явствует из издания, то в Омске, то в Екатеринбурге, то в Петропавловске. Сохранив-

шиеся в Библиотеке ГАРФ номера «Вперед» за сентябрь 1919 г. набирались в Омске. Там же в сентябре находился и Иванов. Он внимательно следил за политическими событиями и вполне мог знать о слухах, по поводу которых 17 сентября 1919 г. В.Н. Пепеляев, последний премьер правительства Колчака, записывал в дневнике: «В городе чешские и казачьи круги распространяют слухи о свершившемся будто бы во Владивостоке образовании нового Правительства. Слухи эти смакуются любителями. Я отправил ген[ералу] Розанову телеграмму с требованием [доклада] обстановки…» [14, с. 103]. Попытка переворота была предпринята «в ночь на 19 сентября, но расстроена вводом во Владивосток верных войск» (запись от 23 сентября) [14, с. 104].

Антиправительственному «заговору во Владивостоке» во второй половине сентября, организатором которого стала находящаяся в подполье партия социал-революционеров при поддержке «таинственных иностранных сил», посвящен практически весь номер газеты «Вперед» от 17 октября 1919 г. Как утверждалось в передовой статье, выдвинутая эсерами формула «против реакции большевиков и против реакции Колчака и Деникина» косвенно работала на большевиков, во власть которым, по плану заговорщиков, образованное «правительство эсеров» собиралось впоследствии «передать Сибирь». Газета писала о «заграничной агентуре» с центром в Париже, называла имена А.Ф. Керенского, Н.Д. Авксентьева – бывшего главы Директории и др. Упоминался «руководитель заговора – Сибирский комитет членов Учредительного Собрания», в июле выпустивший «воззвание, в котором заключался призыв к вооруженной борьбе с существующим законным Правительством». Сообщалось также, что «содействие иностранцев этой авантюре предполагалось купить путем отказа от прав России на Владивосток и превращения последнего в международный город». Восстание намечалось на 19 сентября, но планы заговорщиков «были опрокинуты командующим войсками Приамурского военного округа генералом С.Н. Розановым». В газете с возмущением описывались произошедшие «столкновения между военнослужащими союзными и нашими», которые «дали повод» 26 сентября общесоюзному Комитету военных представителей «в ультимативной форме потребовать» от Розанова, чтобы «русские войска были выведены из русской крепости Владивосток к 12 часам дня 28 сентября». Розанов отправил телеграмму Верховному Правителю, «приказавшему <…> сохранять честь и национальное достоинство России, не останавливаясь ни перед чем». «С глубокой печалью, – писал автор статьи, – мы слышали в числе особенно активно действующих в этом инциденте представителей родственного нам народа и американского командования» [4, с. 1]. Среди авторов безымянных заметок в номере газеты вполне мог быть и сотрудник Иванов.

О заговоре много написано и в мемуарах участников Белого движения, и в трудах историков Гражданской войны. Эсеры делали ставку на чешского

генерала Р. Гайду, летом 1919 г. отстраненного от командования Сибирской армией, собирались прекратить Гражданскую войну, провозгласить автономию Сибири, вывести войска интервентов, создать буферное государство на принципах демократии с рыночной экономикой, ориентированное на США [3, с. 124–127]. Фоном восстания стало активизировавшееся в Приморье партизанское движение, которое заговорщики предполагали использовать. Большевики, Приморский областной комитет РКП (б) действительно поддержали готовящийся переворот, но с оговоркой: «Вместе бить – врозь идти» [18, с. 138]. К сожалению, как комментирует Ю.Н. Ципкин, большевики «не заняли четкой позиции по отношению к выступлению». Обком «не запретил» им принимать участие в восстании, «но и не предусматривал непосредственного участия рабочих в вооруженной борьбе». Со ссылкой на работу историка А.Х. Клеванского Ципкин указывает, что «воззвание Дальневосточного подпольного комитета РКП (б) с призывом способствовать успеху восстания было сфальсифицировано гайдовцами. Этим была введена в заблуждение часть рабочих» [18, с. 140].

Реально восстание произошло не 19 сентября, а 17 ноября под бело-зеленым флагом автономной Сибири, «разделенным узкой красной полосой по диагонали, призванной символизировать не то участие большевиков, не то мир с Советской Россией», и успеха не имело. «Одну из решающих ролей в подавлении выступления» сыграл бронепоезд «Калмыковец» [18, с. 139]. «Согласно информации большевиков, при разгроме выступления было убито около 300 повстанцев, а вместе с расстрелянными контрразведкой число жертв составило почти 1 тыс. человек» [18, с. 140].

Думается, именно эти события многое определили в «Бронепоезде 14–69» Иванова. Прежде всего время восстания – «12 часов 16 сентября 1919 года» и практически полное неучастие рабочих в событиях. Лишь начиная со спектакля во МХАТе в 1927 г. число этих рабочих в списке персонажей пьесы будет увеличиваться, а роль их становиться значительнее. В подготовке реального восстания участвовали разные социальные силы, и в текстах «Бронепоезда» 1920-х годов упоминалось о том, что у большевистского ревкома были союзники из других партий (Совет Союзов). Наконец, подчеркнута незначительность роли большевика Пеклеванова, которую отметили читатели и критики 1920-х годов. Сравнивая «прекрасную повесть Иванова, очень эпичную и революционно стихийную», и мхатовский спектакль, критик В. Павлов недоумевал: «…непонятно, почему председатель ревкома Пеклеванов превращен в вождя?! В то время как в повести Вс. Иванова он только эпизодическая фигура, один из помощников Вершинина» [15, с. 4–6]. После 1930-х годов все эти реалии уйдут из «Бронепоезда», организаторами и деятельными участниками событий останутся только большевики во главе с Пеклевановым.

В год столетия начала Гражданской войны сотрудниками Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН совместно с историками и филологами из Омска и Новосибирска готовится к публикации первое научное издание «Бронепоезда 14–69» Вс. Иванова. Описанным в произведении событиям будет дан реальный исторический комментарий, где найдет свое место и вопрос, касающийся их датировки. Представленные в настоящей статье материалы, думается, будут способствовать не только пониманию этого классического произведения русской литературы XX в., но и углублению знаний о Гражданской войне в крупнейшем регионе России – Сибири.

Библиография

1. «Бронепоезд 14–69». Литературный сценарий Вс.В. Иванова. Вариант 1 // РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2498.

2. «Бронепоезд 14–69». Сценарий Вс. Иванова // РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 1088.

3. Бучко Н.П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: Идеология, программа, политика. Хабаровск: Частная коллекция, 2009. 253 с.

4. Заговор во Владивостоке // Вперед. Омск, 1919. № 149. 17 окт. С. 1.

5. Иванов Вс. Бронепоезд 14–69: в 4 действиях. М.: Цедрам, 1934. 40 с.

6. Иванов Вс. Бронепоезд 14,69: Повесть // Красная новь. 1922. № 1 (5) С. 75–124.

7. Иванов Вс. Бронепоезд 14,69: Повесть. М.: Госиздат, 1922. 80 с.

8. Иванов Вс. Бронепоезд 14,69: Повесть / Ред., примеч. и сопр. статья Г.Ю. Феддерса. Изд. 2-е. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. 110 с.

9. Иванов Вс. Бронепоезд 14,69: Повесть, переработанная для юношества. М.; Л.: Молодая гвардия, 1932. 102 с.

10. Иванов Вс. Бронепоезд 14,69: Пьеса // Иванов Вс. Собр. соч. В 7 т. М.; Л.: Госиздат, 1931. Т. 6. С. 7–74.

11. Иванов Вс. Бронепоезд 14–69: Пьеса в 4 действиях. Новая редакция. М.: Госкультпросветиздат, 1952. 78 с.

12. Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 120–50.

13. Иванов Вс. Собр. соч. в 8 т. М.: Худ. лит., 1973. Т. 1. 624 с.

14. Окрест Колчака: Документы и материалы / Сост. доктор исторических наук, профессор А.В. Квакин. М.: Аграф, 2007. 512 с.

15. Павлов В.А. Два поколения («Бронепоезд 14–69» в МХАТ-1 и «Разлом» в Театре им. Вахтангова // Новый зритель. 1927. № 47 (202). С. 4–6.

16. Папкова Е.А. «Бронепоезд 14–69» Всеволода Иванова: Опыт исторического комментария темы союзников России в Гражданской войне // Studia Litterarum. Литературные исследования. 2017. Т. 2. № 4. С. 230–249.

17. Папкова Е.А. Вс. Иванов «Очерки фронта»: Сибирские источники повести «Бронепоезд 14–69» // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы. М.: ИМЛИРАН, 2017. С. 405–461.

18. Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке: Формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродского, 2012. 245 с.

19. Штырбул А.А. Покушение на Колчака. Историческое расследование. Омск: Издательство ОмГПУ, 2012. 392 с.

References

«Bronepoezd 14–69». Literaturnyj scenarij Vs.V. Ivanova. Variant 1 // RGALI. F. 2453. Op. 4. Ed.hr. 2498.

«Bronepoezd 14–69». Scenarij Vs. Ivanova // RGALI. F. 2468. Op. 2. Ed. hr. 1088.

Buchko N.P. Voennaja jelita Belogo dvizhenija v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: Ideologija, programma, politika. Habarovsk: Chastnaja kollekcija, 2009. 253 p.

Cipkin Ju.N. Grazhdanskaja vojna na Dal'nem Vostoke: Formirovanie antibol'shevistskih rezhimov i ih krushenie (1917–1922). Habarovsk: Habarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodskogo, 2012. 245 p.

Ivanov Vs. Bronepoezd 14,69: P'esa // Ivanov Vs. Sobr. soch. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1931. Vol. 6. P. 7–74.

Ivanov Vs. Bronepoezd 14–69: P'esa v 4 dejstvijah. Moscow: Cedram, 1934. 40 p.

Ivanov Vs. Bronepoezd 14–69: P'esa v 4 dejstvijah. Novaja redakcija. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, 1952. 78 p.

Ivanov Vs. Bronepoezd 14–69: Povest' / Red., primech. i sopr. stat'ja G. Ju. Feddersa. Izd. 2-e. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo hud. lit., 1931. 110 p.

Ivanov Vs. Bronepoezd 14,69: Povest' // Krasnaja nov'. 1922. N 1 (5) P. 75–124.

Ivanov Vs. Bronepoezd 14,69: Povest', pererabotannaja dlja junoshestva. Moscow; Leningrad: Molodaja gvardija, 1932. 102 p.

Ivanov Vs. Bronepoezd 14,69: Povest'. Moscow: Gosizdat, 1922. 80 p.

Ivanov Vs. Istorija moih knig // Nash sovremennik. 1957. N 3. P. 120–50.

Ivanov Vs. Sobr. soch. Moscow: Hud. lit., 1973. Vol. 1. 624 p.

Okrest Kolchaka: Dokumenty i materialy / Sost. doktor istoricheskih nauk, professor A.V. Kvakin. Moscow: Agraf, 2007. 512 p.

Papkova E.A. «Bronepoezd 14–69» Vsevoloda Ivanova: Opyt istoricheskogo kommentarija temy sojuznikov Rossii v grazhdanskoj vojne // StudiaLitterarum. Literaturnye issledovanija. 2017. Vol. 2. N 4. P. 230–249.

Papkova E.A. Vs. Ivanov «Ocherki fronta»: Sibirskie istochniki povesti «Bronepoezd 14–69» // Perelom 1917 goda: Revoljucionnyj kontekst russkoj literatury. Moscow: IMLIRAN, 2017. P. 405–461.

Pavlov V.A. Dva pokolenija («Bronepoezd 14–69» v MHAT-1 i «Razlom» v Teatre im. Vahtangova // Novyj zritel'. 1927. N 47 (202). P. 4–6.

Shtyrbul A.A. Pokushenie na Kolchaka. Istoricheskoe rassledovanie. Omsk: Izdatel'stvo OmGPU, 2012. 392 p.

Zagovor vo Vladivostoke // Vpered. Omsk, 1919. N 149. Oct. 17. P. 1.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.14

М.А. Фельдман

КЕМ БЫЛА ОДЕРЖАНА ПОБЕДА? К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ДИСКУССИИ НА ИЮЛЬСКОМ (1928 г.) ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП (б)

Аннотация. *Критика капиталистических отношений в современной России отразилась и на представлениях историков о НЭПе: налицо нарастание пессимистических выводов об отсутствии альтернатив сталинскому варианту социально-экономического развития СССР. В статье отстаивается иная точка зрения: утверждается, что в работах экономистов и работников Госплана 1927–1928 гг. содержались идеи разумной модернизации страны на основе смешанной экономики. Июльский пленум ЦК ВКП (б) продемонстрировал реальную альтернативу «левому курсу» – проект индустриализации страны и трансформации крестьянского хозяйства на принципах новой экономической политики.*

Ключевые слова: *ВКП (б), июльский пленум, НЭП, СССР, индустриализация, коллективизация.*

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

M.A. Feldman. Who Won? On the Question about the Results of the Discussion at the July (1928) Plenum of the Central Committee of the All-UNION Communist Party (B)

Abstract. *The article argues that the State plan of 1927–1928, prepared by economists and employees, envisioned a substantial modernization of the country on the basis of the mixed economy. The July (1928) Plenum of the CPSU Central Committee (b) demonstrated a real alternative to the «left course» – a variant of the country's industrialization and transformation of the peasant economy on the principles of the new economic policy.*

Keywords: *VKP (b), the July Plenum, the NEP, USSR, industrialization, collectivization.*

Feldman Mihail Arkad'evich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute of management-branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

В исторической литературе Июльский (1928) пленум ЦК ВКП (б) обычно рассматривался в контексте борьбы с «правой оппозицией». Однако уже в самом начале 1990-х годов французский историк Н. Верт в книге «История советского государства» отметил, что участники Апрельского и Июльского (1928) пленумов не подержали курс Сталина на «чрезвычайные меры» по отношению к зажиточным крестьянам. В резолюциях, принятых на пленумах, осуждались перегибы по отношению к частным предпринимателям и середнякам [1, с. 182–183]. Даже с учетом того, что соответствующий раздел книги Верта в духе советской традиции назывался «разгром правой оппозиции», из текста вытекало, что речь идет о столкновении *двух течений в руководстве большевистской партии*.

Насколько глубоко разногласия в трактовках НЭПа и дальнейших путях развития проникли в партийные массы к лету 1928 г.?

Не давая прямого ответа на этот вопрос, Р. Такер, указывая на предельную внутреннюю напряженность полемики на Июльском пленуме, отмечает: апелляция Сталина к антикулацким настроениям в партии, с весьма произвольным использованием ленинских цитат, была с пониманием воспринята частью коммунистов в центральных управленческих ведомствах Советского государства [12, с. 372–373]. О поддержке курса Сталина со стороны части среднего звена партийного аппарата Сибири пишет С.А. Кислицын [6, с. 121].

Однако и взгляды сторонников нэпа имели немалую поддержку в партии, подчеркивает Е.Г. Гимпельсон. Острота дискуссий на пленумах была во многом связана с экономическим кризисом и затруднением экспортной деятельности. Кризис потребовал ответа на жесткие вопросы: «кто в нем виноват и как из него выйти»? [2, с. 153].

Судьба Июльского пленума, по мнению венгерского историка М. Куна, решалась в двух плоскостях. В ходе открытых дискуссий, где А.И. Рыкову и Н.И. Бухарину удалось отстоять курс НЭПа. А вот в другой плоскости – организаторской – противники Сталина, ради ложно понятого единства партии, не решились на развернутую критику Генерального секретаря ЦК, предоставив Сталину возможность осуществления изощренных закулисных действий по удалению оппонентов из управленческого аппарата [5, с. 235–236].

Вышедшее в свет в 2000 г. «Введение» ко второму тому пятитомника «Как ломали НЭП» [3], написанное историками В.П. Даниловым, А.Ю. Ватлиным и О.В. Хлевнюком, и на сегодняшний день представляет собой самый глубокий анализ событий политической полемики на Июльском пленуме.

Авторы «Введения» не признавали хрупкость и формальность победы группы Рыкова–Бухарина по центральному вопросу повестки пленума, но вместе с тем отмечали: его резолюции на сохранение НЭПа, прежде всего установки на подъем мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств, на широкое использование и развитие товарно-рыночных связей в экономике – были поддержаны участниками партийного форума [3, с. 14].

Усиление критических подходов к развитию капиталистических отношений сказалось и на эволюции оценок нэпа историками. В оценках этого явления стал преобладать пессимизм, неверие в возможность альтернативы сталинскому варианту социально-экономического развития. Так, В.В. Кондрашин пишет: «Изучив значительный комплекс архивных источников и опубликованных материалов, я пришел к выводу о невозможности осуществления на практике программы "правой оппозиции" и, таким образом, нереальности "бухаринской альтернативы" сталинской насильственной коллективизации. Именно поэтому победа Сталина в борьбе за власть была вполне закономерной» [7, с. 22].

Следует учесть, что В.В. Кондрашин солидаризуется с лидерами «правой оппозиции» – они «совершенно справедливо критиковали сталинистов за их приверженность методам насилия в обращении с крестьянством». Более того, отмечает историк, «их критика "чрезвычайщины" во время хлебозаготовительных кампаний 1928 и 1929 гг. давала свои результаты, поскольку на официальном уровне осуждались и исправлялись так называемые перегибы на местах». Наконец, ставка группы Рыкова–Бухарина «на развитие индивидуальных крестьянских хозяйств как наиболее перспективных на ближайшее десятилетие с точки зрения обеспечения государственных нужд», вызывает доверие автора [там же].

Нереалистичность позиций правых, по мнению Кондрашина, связана с содержанием их предложений по практическому выходу страны из сложившейся ситуации. К ним историк относит «снижение взятых темпов индустриализации, отказ от проведения индустриализации любой ценой, перераспределение имеющихся у государства средств, прежде всего валютных, на нужды населения, переживающего серьезные продовольственные трудности в городе и на селе» [7, с. 23].

Однако при этом Кондрашин ссылается на выступления сторонников группы Рыкова–Бухарина на более позднем, 1929 г., пленуме ЦК, т.е. на события, происходившие уже в совершенно иной политической ситуации.

* * *

Пленум 4–12 июля 1928 г. стал местом обширной дискуссии, внешне умеренной – по эмоциональному напряжению, однако упорной и ожесточенной – по внутреннему содержанию выступлений.

На экономическую и политическую ситуацию летом 1928 г. влиял ряд весьма разнонаправленных факторов. Во-первых, многие ученые-экономисты на страницах научных журналов [13, с. 26], в ходе дискуссий съездов работников госпланов [10, с. 3–5] пришли к выводу о том, что путь к социализму лежит через «развертывание товарно-денежного оборота, позволяющего мобилизовать все хозяйственные силы», через сохранение многоукладной экономики. Эти мысли легли в основу проектов Первого пятилетнего плана, создавая определенное новаторское научное сознание, оказавшее влияние на выступления участников Апрельского (1928) пленума, на становление течения сторонников сохранения рациональных принципов регулирования экономики. Это означало, что часть большевистской элиты (даже при наличии внутренней цензуры) оказалась способной к эволюции своих взглядов, к восприятию элементов научного ви́дения экономики и социального развития без приоритета насилия.

Во-вторых, резолюции Апрельского пленума нацеливали на продолжение НЭПа как наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны, или, используя выражение В.П. Данилова, – «единственно реальной политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм сельской кооперации от первичных форм сбытовых и закупочных до подлинно производственных» [4, с. 17].

В-третьих, на мировоззрение советского руководства оказывали влияние догмы марксистской идеологии, связанные с отрицанием рыночной экономики и частной собственности, а также курс на «мировую революцию», нашедший выражение в деятельности Коминтерна. Это обусловило своеобразную политику И.В. Сталина и той части партии, которая готова была «сохранить нэп, но без нэпманов» [8, с. 426]. В-четвертых, сказывалась острая необходимость изыскания значительных финансовых средств для закупок импортного промышленного оборудования.

Наконец, обсуждение жизненно важных проблем на пленумах 1928 г. проходило в рамках той партии, которая настороженно относилась к любой дискуссии в принципе, особенно после четырех лет внутрипартийной борьбы с троцкистской оппозицией. Для Сталина, шаг за шагом укреплявшего личную власть, обсуждение острых вопросов было допустимо лишь в пределах поддержки позиции Генерального секретаря ЦК.

Показательный момент: противостояние сторонников и противников НЭПа до и после Апрельского пленума приводило к появлению разного рода циркуляров противоречивого характера, вносящих сумятицу в умы региональных руководителей [3, с. 18, 20]. Одновременно продолжал раскручиваться запущенный в декабре 1927 г. механизм «чрезвычайных мер», демонстрировавший способность авторитарного режима к функционированию вне установленного правового поля.

В такой ситуации Июльский (1928) пленум превращался не только в дискуссионную площадку: сверку позиций сталинцев и приверженцев главы СНК и СТО А.И. Рыкова. Вопрос о самой *допустимости применения системы «чрезвычайных мер»*, в зависимости от ее принципиальной оценки, мог из конкретного и тактического стать стратегическим и судьбоносным для правящей партии.

Обращает на себя внимание выстроенная Сталиным композиция Июльского пленума: если в апреле критический «запал» членов ЦК, осуждающих применение «чрезвычайных мер», по замыслу генерального секретаря, должен был быть «погашен» дружным осуждением «буржуазных специалистов»-«шахтинцев», то в июле 1928 г., уже на первом заседании, обсуждение вопросов Коминтерна должно было зарядить участников пленума леворадикальными настроениями.

В определенной степени Сталину это удалось. Как справедливо отмечают современные историки, в докладе Н.И. Бухарина «Программа Коммунистического интернационала» доминировала жесткая и бескомпромиссная линия по отношению к европейской социал-демократии, на «мерзости» которой списывались все неудачи самих коммунистов. Кроме того, Бухарин настаивал на близости и неизбежности новых войн с участием СССР. Обострение международного положения весной 1927 г. позволило сплотить партийный аппарат в условиях противоборства с «объединенной оппозицией», а в дальнейшем – постоянно эксплуатировать идею военной опасности для поддержания в СССР обстановки «осажденной крепости» [3, с. 14].

Такой организационный маневр (выстраивание порядка проведения пленума) привел к тому, что первые четыре заседания Июльского пленума прошли по сценарию генерального секретаря.

Центральный вопрос – «Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением», – как и на Апрельском пленуме, начинался с постановочного доклада А.И. Микояна. Весь этот доклад пронизывала двойственность [там же]: нарком одновременно и осуждал применение «чрезвычайных мер» («мы должны решительно прекратить практику экстраординарных мер административного произвола и продразверсточных методов заготовки»), и высказывал одобрение применению насилия по отношению к крестьянам в ходе первых месяцев 1928 г. «Принятые Центральным Комитетом меры в январе... предотвратили опасность величайшего кризиса народного хозяйства, который неизбежно вытекал из кризиса хлебозаготовок», – говорил Микоян [8, с. 189, 194].

Двойственность обнаруживалась и в оценках существующего положения в экономике. Вопреки реальности, Микоян утверждал, что «основные рабочие центры более или менее обеспечены хлебом». Более того, по мнению наркома, «фактически мы имеем подъем сельского хозяйства» [8, с. 180–181].

Каким образом внезапно обнаруженный «подъем сельского хозяйства» сочетался с признанием самого Микояна: «Базой наших хлебозаготовительных затруднений является кризис нашего зернового хозяйства. Он выражается в том, что наше крестьянское хозяйство отстало, раздробленно, причем измельчание крестьянского хозяйства продолжается, что отражается не только на урожайности, но и на том, что чем больше раздроблено хозяйство, тем меньше товарность его продукции» [8, с. 187]? С признанием сохранения кризисной ситуации в производстве льна («после провала 1925/26 г. мы вот уже два года еще никак не можем выбраться из затруднений и изжить кризис льна»), ряда других сельскохозяйственных культур, срыва поставок на внутренний рынок и нарушением экспортных обязательств [5, с. 183–185]? Кроме желания приукрасить реальное положение в угоду Сталину, смягчить критику применения «чрезвычайных мер» – других объяснений нет.

Не спасали доклад наркома примеры проявления зимой 1928 г. случаев беззакония (повсеместного закрытия базаров, изъятия части страховых запасов у середняка и т.п.). Микоян признал: «Распространение практики этих мер на середняка … кроет в себе величайшие политические и экономические опасности» [5, с. 192–194]. Однако, судя по выступлениям членов ЦК в прениях, это признание не успокоило присутствующих.

Тезис об обострении классовой борьбы во внешнеполитической сфере, судя по первому, «коминтерновскому», вопросу, сомнений у членов ЦК не вызывал. Однако предполагало ли это автоматическое перенесение подобной идеологической конструкции во внутриполитическую жизнь? В выступлении Сталина на Пленуме 9 июля 1928 г. содержался утвердительный ответ. Генеральный секретарь утверждал, «что по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику подавления сопротивления эксплуататоров…» [5, с. 360].

Само развитие социалистических форм хозяйства для Сталина априори означало вытеснение из экономики «тысяч и тысяч мелких и средних торговцев» и предпринимателей всех видов. Тезис о закономерном обострении классовой борьбы, обосновании неизбежности и необходимости применения административных «чрезвычайных мер» для «подавления сопротивления эксплуататоров», провозглашенный Сталиным на десятом заседании пленума, фактически дезавуировал все неоднократно повторяющиеся слова генсека о «необязательности чрезвычайных мер». Более того, как подчеркивал Сталин, «чрезвычайные меры необходимы и целесообразны при известных, чрезвычайных условиях, когда у нас нет в наличии других мер для маневрирования» [5, с. 361].

Как и на Апрельском пленуме, в июле 1928 г. одним из наиболее значимых стало выступление кандидата в члены Политбюро, Председателя СНК Украины В.Я. Чубаря. Чубарь основную причину недостатка хлеба видел не в сопротивлении кулачества («кулацкой стачке») а в малой товарности крестьянского хозяйства. «Основа – это малая товарность, причина к этому – низкая урожайность… Я хочу здесь со всей решительностью подчеркнуть то положение, что партия, советская власть, местные органы и само крестьянство для повышения урожайности еще не сделали и десятой доли того, что нужно сделать» [5, с. 218].

Повысить урожайность, указывал Чубарь, мог только комплекс государственных мероприятий, включавший «создание семенных фондов чистосортных и улучшенных семян; производство удобрений; машинизацию, тракторизацию, а также кооперативное объединение бедняцких и середняцких хозяйств. Повышение урожайности в миллионах крестьянских хозяйств могло дать сразу дополнительные сотни миллионы пудов зерна». Чубарь критически оценил те положения доклада Микояна, в которых содержалась пренебрежительная оценка роли ценообразования на зерновые культуры, а также не соответствующая действительности картина поставок сельскохозяйственных машин в сельскую местность [5, с. 219–225]. Фактический вывод Чубаря заключался в том, что без повышения урожайности земли на экспорт зерновых культур рассчитывать трудно. «Я лично считаю, что на ближайший период в нашем экспортном плане зерновые продукты большого места не займут» [5, с. 220].

Выступивший вслед за Чубарем управляющий ЦСУ СССР В.В. Осинский (Оболенский) заострил внимание на диспропорции в расчетах между промышленностью и сельским хозяйством, возникшей из-за манипуляций с ценообразованием, выступил с осуждением масштабного перелива капиталов из легкой в тяжелую промышленность. Осинскому, возможно, простилось бы и многословие, и чрезмерное обилие статистических данных, и явная затянутость выступления. Однако, во-первых, управляющий ЦСУ СССР обратил внимание на то, что волюнтаристский подход к ценообразованию предлагался еще сторонниками объединенной оппозиции. Во-вторых, высказал ряд персональных замечаний «вождям» – Сталину и Молотову. В-третьих, осмелился указать на значительные ежегодные траты (несколько сотен миллионов рублей) на оплату поездок советских управленцев на курорты Крыма и Кавказа. В условиях острого дефицита госбюджета, по мнению Осинского, это была непозволительная роскошь [5, с. 225–234].

С учетом небольшого выступления И.И. Лепсе – председателя ЦК Союза металлистов, – заявившего о тяжелом продовольственном положении даже в ряде поселков при ведущих металлургических заводах Украины и Урала

[5, с. 218], обсуждение доклада Микояна явно пошло по незапланированному сценарию.

Характерно, что оба выступивших сторонника Сталина, секретарь Северо-Кавказского крайкома А.А. Андреев и секретарь Нижне-Волжского крайкома Б.П. Шеболдаев, не подвергали критике *фактическое* содержание выступлений Осинского и Чубаря. «Нашей важнейшей задачей, – заявил Андреев, – является повышение товарности сельского хозяйства, а поднимать эту товарность только через одни совхозы, через колхозы, которые мы должны теперь развивать более усиленно, мы не сможем. Вопрос усиленной товарности сельского хозяйства будет решать все же индивидуальное крестьянское хозяйство, а повысить товарность крестьянского хозяйства мы можем только через производственную сельскохозяйственную кооперацию, включая в кооперативный оборот раздробленные крестьянские хозяйства» [5, с. 238]. Шеболдаев отметил недостаточно тщательную проработку вопроса о ценах, нанесшую серьезный вред развитию крестьянского хозяйства [5, с. 240].

Тем не менее Андреев и Шеболдаев обвинили Осинского в некомпетентности и непозволительной для участника пленума вольности – критике партийного руководства. «В ЦК – не дураки сидят», – сообщил пленуму Андреев [5, с. 234, 239].

Шеболдаев в отрицательном отношении Осинского к чрезвычайным мерам в ходе хлебозаготовительной кампании увидел «неприятие курса партии» [5, с. 241]. Собственно говоря, это был первый «выстрел» на фоне кажущегося единства присутствующих: деловая и аргументированная критика руководства приравнивалась к оппозиционности.

Сигнал был услышан: новое, седьмое, заседание началось с выступления секретаря крайкома ВКП (б) Казахстана Ф.И. Голощекина, обвинившего Осинского в «неаргументированности выводов»; оратор заслужил одобрительную реплику Сталина. Голощекин оценил использование практики «чрезвычайных мер» как верное и необходимое, обусловленное «обострением классовой борьбы» [5, с. 243]. После такого признания логичным был следующий шаг: укор (пока без «ярлыков») был брошен *всем* противникам «чрезвычайных мер». «Я отрицательно отношусь к тем товарищам, которые сейчас на почве обострения наших отношений в деревне отрицательно относятся ко всей прошлой кампании», – заявил Голощекин [5, с. 242].

Не вступая в полемику с Голощекиным, А.И. Стецкий, ленинградский партийный работник, подверг критике доклад Микояна, обратив внимание на забвение в докладе резолюций Апрельского пленума, определивших, что «наши теперешние затруднения имеют своим источником нарушение рыночного равновесия между промышленностью и сельским хозяйством, *имеют ошибки планового характера*, которыми воспользовался кулак» [5, с. 245]. По словам Стецкого, явно несостоятельна была попытка Микояна объяснить

применение «чрезвычайных мер» так называемыми объективными причинами. Выпячивание «объективных причин» (техническая и хозяйственная отсталость, и кризис зерновых культур, и раздробленность крестьянского хозяйства, и недостаток товарности сельского хозяйства и т.д.) фактически означало замалчивание ошибок руководства партии в ходе хлебозаготовительной кампании, грозящее не только возвращением к политике времен Гражданской войны, но и потерей доверия к партии не только середняков, но и части бедноты [5, с. 245–248].

Выступление представителя группы сторонников НЭПа не могло не вызвать ответа оппонентов. Сталинский выдвиженец М.М. Хатаевич фактически обвинил Стецкого в защите кулаков и в политической демагогии. Хатаевич обвинил Стецкого в территориальной удаленности от «натурального всамделишнего мужика» [5, с. 249].

Однако поддержка сталинского курса оказалась своеобразной: на примере Поволжья Хатаевич заявил о существующей возможности заготавливать зерно у кулаков «без применения экстраординарных мер» (!). Выдал партийный функционер и секрет Полишинеля: «чрезвычайные меры», повлекшие самые «резкие перегибы», местные партийные органы применяли под «нажимом ЦК». Так, уже после Апрельского пленума аппарат ЦК отправлял телеграммы с требованием усилить нажим на крестьян для обеспечения заготовок зерна [5, с. 250, 252]. Как видно, в июле 1928 г. принадлежность к «команде» еще не мешала переложить ответственность за ошибки на вышестоящие инстанции. Имя главного инициатора подобных телеграмм не прозвучало, но оно подразумевалось.

Седьмое и восьмое заседания Июльского пленума проходили с явным перевесом приверженцев НЭПа. Показательным можно считать выступление руководителя московской партийной организации Н.А. Угланова, указавшего на появление «тревоги и сомнений в рабочем классе на одиннадцатом году нашей революции» не только в силу продовольственного положения, но из-за определенной оторванности аппаратчиков от «партийной массы и широких рабочих масс». Одновременно Угланов отметил, что бюрократизация и излишняя централизация экономической жизни в СССР стали тормозом развития, а гонения на частных предпринимателей обернулись провалами в снабжении столицы [5, с. 254, 256].

Выступления других ораторов только дополняли картину в регионах частными деталями. Примечательной была реплика секретаря ЦК ВКП (б) Украины А.В. Медведева: максимальная концентрация всех сил партии на борьбу с оппозицией («идеологическую борьбу внутри партии») помешала тщательной подготовке хлебозаготовок [5, с. 290].

Выступление первого секретаря ЦК ВКП (б) Украины Л.М. Кагановича должно было переломить ход событий на пленуме. Начав с признания мас-

штабных перебоев в снабжении рабочих центров и широкого недовольства среди крестьян-середняков «чрезвычайными мерами», вызванных объективными причинами – ошибками в планировании и отсутствием должного запаса промышленных товаров для торговли с селом, – Каганович представил «сопротивление кулаков» как главное препятствие на пути развития села в прошлом и настоящем. «Кулацкую стачку» можно было подавить только применением «чрезвычайных мер». Более того, утверждал Каганович, «чрезвычайные меры» вскоре понадобятся вновь: кулачество ведет войну против советской власти [5, с. 280–283]. Выразив в наиболее концентрированной форме позицию сторонников экстраординарных мер, Каганович выступил с прямой угрозой в адрес «инакомыслящих»: «Кто осуждает извращения, кто осуждает безобразия, которые были, не заостряя тут же вопрос о борьбе с кулаком, готовящимся сейчас с нами вступить в борьбу в предстоящую хлебозаготовительную кампанию, тот, по-моему, делает *крупнейшую политическую ошибку, чреватую большими последствиями* (курсив мой. – *М. Ф.)*» [5, с. 285].

Как видно, к концу восьмого заседания пленума сталинцы перешли к политическим обвинениям в адрес большой группы своих коллег. Затруднительной становилось не только «чистое» соревнование двух секторов в экономике, но и беспристрастная дискуссия по проблемам решения финансово-экономического развития.

Ответ на подобную позицию последовал довольно скоро. В своем выступлении глава советского правительства А.И. Рыков прямо заявил: «Мы зашли в применении чрезвычайных мер довольно далеко и теперь можем и должны подвести итоги пройденного. Я не могу похвастаться тем, что, применяя чрезвычайные меры, мы добились большого успеха» [5, с. 312].

Рыков выразил резкое несогласие с курсом на деформацию НЭПа: «Весь смысл речи Кагановича сводился к защите чрезвычайных мер как таковых, во все времена и при всяких обстоятельствах». Формально слова Рыкова были обращены к руководителю компартии Украины: «…из его речи вытекала сплошная апологетика (вместо анализа) этих самых чрезвычайных мер» [5, с. 310–311].

Естественно, все присутствующие на пленуме понимали, к кому в действительности обращены эти слова.

Как бы исследователи ни относились к Сталину, надо признать, что генсек прекрасно умел чувствовать обстановку, расклад сил и, в зависимости от этого, менять собственную тактику. Увидев критические выступления в свой адрес, Сталин предстал в роли мудрого и спокойного судьи, отвечающего на трудные вопросы. Оппоненты не из Политбюро (Осинский, Стецкий и др.) были выставлены Сталиным в качестве путаников («свалили в одну кучу разнообразные причины наших затруднений на хлебном фронте, смешали причины

временные и конъюнктурные (специфические) с причинами длительными и основными»). Оппонентов из состава Политбюро Сталин не упомянул вообще. Сдержанное замечание о потенциальной возможности применения «чрезвычайных мер» в отношении кулаков и спекулянтов не вызвало каких-либо комментариев у слушателей, а заключительная фраза «…нынешние трудности закалят наши большевистские ряды…» [5, с. 362–369] – казалось, устраивала всех.

Чисто внешняя сдержанность Сталина была подхвачена Н.И. Бухариным. В своем выступлении «главный идеолог» партии несколько раз ссылался на слова генсека. Но слушатели могли заметить по меньшей мере три принципиальных отличия.

Рассматривая отношения города и села как преимущественно рыночные, из всех причин, породивших кризис хлебозаготовок, Бухарин на первое место поставил вопрос о ценах (произвольное понижение цен на сельскохозяйственные продукты) [5, с. 376–377]. Со всей определенностью Бухарин определил отказ от практики «чрезвычайных мер» как **главнейшую задачу партии.** Бухарин подчеркивал: «Мы должны снять эти чрезвычайные меры, потому что они переросли самих себя, они изжили себя исторически, они хозяйственно нам больше почти что ничего не дают» [5, с. 379].

Наконец модернизацию сельской экономики Бухарин видел в *одновременном развитии* индивидуального хозяйства, курса на коллективизацию и индустриализацию сельского производства, в дальнейшем «наступлении на кулака»; успехи планирования связывались с уходом от сверхцентрализации и заменой бюрократической инициативы инициативой с мест [5, с. 384, 389].

Судя по количеству реплик во время выступления Бухарина (как правило, поощрительных), участники пленума с одобрением отнеслись к содержанию доклада.

В исторической литературе последних десятилетий прочно утвердилось понятие «бухаринская альтернатива» как особое идейно-политическое направление в 1928–1929 гг., предложившее свой путь построения социализма [4, с. 122]. Тут следует отметить, что взгляды Бухарина переплетались с мнением многих советских экономистов, изложенным в научных статьях и монографиях середины 1920-х годов [13, с. 26–29], в проектах Первого пятилетнего плана на съездах плановых работников [11]. На пленуме же – судя по количеству заданных вопросов и поданных реплик, по остроте выступления – сторонниками нэпа руководил все же не Бухарин, а Рыков.

Выступление В.М. Молотова фактически подводило черту под обсуждением вопроса о хлебозаготовках. Начало его доклада было выдержано в духе поддержки выводов Рыкова и Бухарина. «Из всей обстановки текущего момента вытекает, что ответ на вопрос о том, как кончить хлебозаготовительную кампанию 1927/28 г., должен состоять в решительной ликвидации чрез-

вычайных мер в деревне, и притом ликвидации немедленной», – заявил секретарь ЦК. Совпадала и оценка причин возникших трудностей [5, с. 390–391]. С Углановым Молотов солидаризовался и в том, что сеть «частных мелких предприятий» свертывать не нужно [5, с. 390–391, 404].

Однако пламенный революционер в Молотове не угас. Нужный в конкретный исторический момент слой мелких предпринимателей все-таки должен был быть в итоге уничтоженным: «Нам не приходится надеяться на повышение дохода у частного капитала в городе и деревне, этот слой у нас гибнет, отживает, мы его умерщвляем и загоняем в могилу» [5, с. 397]. Отдавая должное образности слога секретаря ЦК, нельзя не заметить: за все время его пространного выступления ни разу не прозвучало слово «НЭП». Зато соратник Сталина неоднократно подвергал критике противников генсека – за «антимарксизм». Молотов довел градус дискуссии до нужной точки: отличные от сталинских подходы к достижению цели превращались во враждебные.

Обсуждение резолюции не принесло неожиданностей: сторонники НЭПа оказались в большинстве. Пленум подтвердил необходимость его сохранения, установку на подъем мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств, на широкое использование и развитие товарно-рыночных связей в экономике. В резолюции говорилось об «опасности разрыва между городом и деревней», о том, что индивидуальное хозяйство «значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране», признавались ошибки при проведении хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг., провозглашалась недопустимость нового применения чрезвычайных мер [5, с. 588–592]. Вскоре были повышены (хотя и незначительно) заготовительные цены на хлеб [там же].

В предпоследний день работы пленума (11 июля 1928 г.) был заслушан доклад М.И. Калинина «Об организации новых (зерновых) совхозов». «Всесоюзный староста» начал с сообщения о том, что, по инициативе Сталина, 26 апреля 1928 г. было принято постановление Политбюро «об организации в течение 3–4 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба… в расчете на то, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 млн пудов» [5, с. 453].

На организацию новых совхозов государством была выделена огромная сумма – 300 млн руб. О серьезности вопроса говорил и тот факт, что с апреля по июль 1928 г. комиссия Политбюро по организации новых совхозов собиралась 8 раз [5, с. 453–454]. Обсуждала комиссия и проблему машинизации новых совхозов. Однако здесь действительность была неутешительной: при необходимости иметь тракторный парк примерно в 25 тыс. тракторов тракторостроители в год выпускали 100–180 тракторов. Тем не менее отсутствие

необходимых материально-технических предпосылок не должно было остановить создание новых совхозов [5, с. 457–458].

Судя по всему, тревожные мысли все-таки не оставляли Калинина. «Не проще ли, – задал он вопрос, – всю эту сумму денег бросить на уже существующие старые совхозы? Тем паче, защитников этой линии много». Однако старые совхозы, по его мнению, оказались малодейственными организациями с директивными методами управления и внеэкономическими методами хозяйствования [5, с. 463].

Примечательно, что весь доклад «всесоюзный староста» фактически «ёрничал»: постоянно перемежевал речь шутками и задирал присутствующих колкими репликами. В тексте стенограммы выступления Калинина постоянно присутствует слово «смех». Однако «смешные настроения» быстро закончились, и участники пленума обрушились с резкой критикой на «шутника».

Тон задал Н.М. Анцелович, председатель ЦК профсоюза сельских рабочих, заметивший, что проект создания новых совхозов не учитывает очевидные риски: район, предполагаемый для строительства зерновых фабрик (Северный Кавказ), – засушливый; намечаемая система полеводства страдает элементами агроэкономической безграмотности. Все это приведет к нерентабельности совхозов и огромным растратам денег. Более того, продолжал профсоюзный работник: «Всякое крупное хозяйство, если оно не будет машинизировано в наших условиях, когда рабочий или крестьянский труд обходится очень дорого, будет нерентабельным» [5, с. 474]. Выступивший в прениях Осинский заявил, что из доклада Калинина «никаких деловых предложений не видно» [5, с. 482, 484]. Чубарь же утверждал, что Калинин «строит иллюзии», рассказывая о новых совхозах как о методах построения социализма в деревне [5, с. 489, 490].

Мнение Чубаря поддержало большинство выступающих по этому вопросу. О чрезвычайно тяжелом положении, убыточности старых совхозов РСФСР, огромной нехватке управленческих кадров для совхозов говорил заместитель наркома земледелия РСФСР И.Е. Клименко [5, с. 497–498, 509].

Для спасения Постановления Политбюро пришлось незапланированно выступать Сталину [5, с. 513]. В качестве главного объекта критики генсек избрал Осинского, методично доказывая его некомпетентность. Доводы Сталина о необходимости создания новых совхозов, помимо изложения опыта *одного* образцового зернового хозяйства в США, были основаны на лозунге обязательности «систематической поддержки крестьянской бедноты» [5, с. 513–518].

В предельно короткой резолюции пленума «Об организации новых совхозов» говорилось о необходимости тщательно отобрать земельные участки для этого предприятия – «чтобы обеспечить при минимуме риска наибольшую рентабельность этих предприятий». При строительстве новых предпола-

галось максимально изучить опыт старых совхозов [5, с. 597–598]. Таким образом, Сталину удалось отклонить все аргументированные возражения участников пленума. Решение об организации «зерновых фабрик» в чрезвычайных масштабах и в чрезвычайном порядке все-таки было принято.

Сегодня известна и цена такого решения: как указывают специалисты-аграрники, через четыре-пять лет, когда новые совхозы по плану уже должны были заработать на полную мощность, недород и голод 1932–1933 гг. сильнее всего поразили именно районы их размещения [3, с. 20].

Кто же одержал победу в ходе девятидневного политического противостояния на Июльском пленуме? Главный вопрос, вынесенный на обсуждение пленума ЦК, – о хлебозаготовках – завершился принятием резолюции, близкой по содержанию к тезисам группы Рыкова – Бухарина. Возможность продолжения новой экономической политики как доказавшей свою эффективность была признана участниками пленума.

Однако Сталин и его сторонники упорно отстаивали иное мнение. Прикрываясь резолюциями по первому, «коминтерновскому», вопросу, они использовали тезис об обострении классовой борьбы для обоснования потенциальной возможности применения чрезвычайных мер. Вопреки решениям пленумов, вне официальной политики правящей партии, начиняя с первых месяцев 1928 г. нарастает управляемая Сталиным кампания насилия со стороны органов ОГПУ и представителей местных советских и партийных структур. Это приводило к вполне определенным результатам: частнохозяйственные формы торговли и промышленности приобрели остаточный характер [3, с. 19].

Тем не менее значение Июльского пленума велико. На нем была продемонстрирована реальная альтернатива левацкому курсу – вариант осуществления индустриализации страны и преобразования крестьянской экономики на принципах новой экономической политики. Пленум продемонстрировал способность части большевистского руководства к восприятию рационального пути развития экономики, способность понять и осознать выводы ученых-экономистов, просто проявить прагматизм исходя из опыта хозяйствования в регионах. В открытом и честном бою сталинизм не выдержал испытания.

Исключительная сложность реализации альтернативного сталинизму варианта развития СССР не вызывает сомнения. Вырваться из-под притяжения идеологических догм было предельно трудно [9, с. 419].

Прагматизм, однако, не был чужд марксистам в критические минуты их деятельности. Если осмысление практики сопоставлялось с доводами ученых – появлялась возможность пройти и через «бутылочное горлышко» истории. И это – урок для современной России. Не осмыслив пути решения проблем НЭПовской экономики в конце 1920-х годов, она вновь сталкивается со слож-

нейшими задачами взаимодействия «социального» государства и частного предпринимательства в условиях раннего капитализма.

Библиография

1. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.

2. Гимпельсон Е.Г. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). М.: Собрание, 2004. 303 с.

3. Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Введение // Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5 т. М.: МФ «Демократия», 2000. Т. 2: Пленум ЦК ВКП (б) 4–12 июля 1928 г. С. 4–25.

4. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке // Данилов В.П. Избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 863 с.

5. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5 т. М.: МФ «Демократия», 2000. Т. 2: Пленум ЦК ВКП (б) 4–12 июля 1928 г. 719 с.

6. Кислицын С.А. Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов: Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920–1930-е годы. М.: ЛЕНАНД, 2014. 264 с.

7. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 350 с.

8. Кун М. Бухарин – его друзья и враги. М.: Республика, 1992. 480 с.

9. Панцев А.В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 558 с.

10. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926–27–1930–31 гг.: Материалы Центральной комиссии по пятилетнему плану / Под ред. С.Г. Струмилина. М.: Госплан СССР, 1927. 699 с.

11. Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний перспективный план на пятом съезде советов госпланов). М.: Плановое хозяйство, 1929. 647 с.

12. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М.: Прогресс, 1990. 480 с.

13. Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Дело, 2012. 344 с.

References

Vert N. Istorija Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991. Moscow: Progress: Progress-Akademija, 1992. 480 p.

Gimpel'son E.G. Novaja jekonomicheskaja politika Lenina – Stalina. Problemy i uroki (20-e gg. XX v.). Moscow: Sobranie, 2004. 303 p.

Danilov V.P., Vatlin A.Ju., Hlevnjuk O.V. Vvedenie // Kak lomali Njep. Stenogrammy plenumov CK VKP (b) 1928–1929 gg. V 5 t. Moscow: MF «Demokratija», 2000. Vol. 2: Plenum CK VKP (b) 4–12 ijulja 1928 g. P. 4–25.

Danilov V.P. Istorija krest'janstva Rossii v XX veke // Danilov V.P. Izbrannye trudy: v 2 ch. Moscow: ROSSPJeN, 2011. Chast' 1. 863 p.

Kak lomali NJeP. Stenogrammy plenumov CK VKP (b) 1928–1929 gg. V 5 t. Moscow: MF «Demokratija», 2000. Vol. 2: Plenum CK VKP (b) 4–12 ijulja 1928 g. 719 p.

Kislicyn S.A. Predsedatel' Sovnarkoma Sovetskoj Rossii Sergej Syrcov: Iz istorii formirovanija antistalinskogo soprotivlenija v sovetskom obshhestve v 1920–1930-e gg. Moscow: LENAND, 2014. 264 p.

Kondrashin V.V. Hlebozagotovitel'naja politika v gody pervoj pjatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.) Moscow: ROSSPJeN, 2014. 350 s.

Kun M. Buharin – ego druz'ja i vragi. Moscow: Respublika, 1992. 480 p.

Pancev A.V. Djen Sjaopin. Moscow: Molodaja gvardija, 2013. 558 p.

Perspektivy razvertyvanija narodnogo hozjajstva SSSR na 1926–27–1930–31 gg.: Materialy Central'noj komissii po pjatiletnemu planu / Pod red. S.G. Strumilina. Moscow: Gosplan SSSR, 1927. 699 p.

Problemy rekonstrukcii narodnogo hozjajstva na pjatiletie (pjatiletnij perspektivnyj plan na pjatom s'ezde sovetov gosplanov). Moscow: Planovoe hozjajstvo, 1929. 647 p.

Taker R. Stalin. Put' k vlasti. 1879–1929. Istorija i lichnost'. Moscow: Progress, 1990. 480 p.

Jasnyj N. Sovetskie jekonomisty 1920 godov. Dolg pamjati. Moscow: Delo, 2012. 344 p.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.15

Р.Т. Нуриев

ОСОБЫЕ КОНСТРУКТОРСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ БЮРО («ШАРАШКИ») г. КАЗАНИ В 1940-х гг. ПО МЕМУАРАМ И СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННИКОВ

Аннотация. *В статье рассматривается повседневность казанских «шарашек» – Особого конструкторского бюро на Авиационном заводе № 16 и Особого технического бюро № 40 на Казанском пороховом заводе, где в 1940-х годах работали заключенные специалисты. За время их работы здесь были созданы новые виды вооружения, которые стали важным вкладом в победу в Великой Отечественной войне и положили начало современным военным разработкам. В казанских «шарашках» наряду с простыми заключенными специалистами работали такие видные инженеры: С.П. Королев, В.П. Глушко, Б.С. Стечкин, Г.Н. Лист, А.Д. Чаромский, В.В. Шнегас. Статья базируется на архивных документах и воспоминаниях людей, работавших в этих спецучреждениях.*

Ключевые слова: *заключенные специалисты, особое конструкторское / техническое бюро, «шарашка», химическая промышленность, авиаконструкторы, мемуары.*

Нуриев Руслан Тагирович – студент Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: ruslan.nuriev.aiesec@gmail.com

R.T. Nuriev. Special Design and Technical Bureaus («Sharashki») in Kazan in the 1940. According to Memoirs and Testimonies of Contemporaries

Abstract. *The paper, based on archive sources, addresses professional activities and everyday life of special design departments in Kazan («sharashkas»). These departments were located at the 16th Kazan aviation factory and the Kazan powder factory. Among the prisoners-scientists who worked in 1940-s at these institutions were such famous engineers: S.P. Korolev, V.P. Glushko, B.S. Stechkin, H.N. List, A.D. Charomskiy, V.V. Shnegas, all of them contributing to the development of new types of arms.*

Keywords: *prisoners-engineers, special design department, chemical industry, aircraft designers, memories, «sharashka».*

Nuriev Ruslan Tagirovich – student, Kazan (Volga region) federal university. E-mail: ruslan.nuriev.aiesec@gmail.com

История становления советской промышленности тесно связана с историей ГУЛАГа и во многом перекликается с ней. Руками заключенных строились заводы, каналы, железные дороги, целые промышленные центры. Отдельное место в судьбах страны занимает деятельность репрессированной научно-технической интеллигенции и особых конструкторских и технических бюро, в которых работали эти люди. Вклад репрессированных специалистов в развитие советской науки и техники требует детального изучения. Целью статьи стало исследование конструкторской деятельности и повседневной жизни заключенных спецтюрем на примере казанских Особых конструкторских и технических бюро.

Изучение деятельности Особых конструкторских и технических бюро (ОКБ, ОТБ) сопровождает ряд трудностей. Во-первых, многие архивные документы, связанные с этой проблемой, до сих пор не рассекречены. Во-вторых, темы, связанные с деятельностью «шарашек», долгое время находились под запретом, что сказалось на степени изученности проблемы. Только на рубеже 80–90-х годов XX в., под влиянием общественных процессов и благодаря усилиям журналистов и литераторов, началась разработка вопросов, касающихся ОКБ. Однако даже в этот период проблемы экономической деятельности исправительной системы СССР и ее влияния на развитие военно-промышленного комплекса страны не стали предметом изучения историков. Лишь в 1990–2000-х годах исследователи подробно заинтересовались вопросами, касающимися ГУЛАГа и его места в пенитенциарной системе Советского Союза [4], описанию отдельных исправительно-трудовых лагерей [8; 13; 20] и системы органов госбезопасности [11; 21; 29].

На сегодняшний день в отечественной историографии достаточно трудов, которые затрагивают проблему ОКБ. Однако при их детальном изучении становится ясно, что этот вопрос рассмотрен фрагментарно [14]. В исследованиях часто не уделяется должного внимания данному феномену, о нем говорится лишь вскользь, а работы, которые касаются проблемы Особых конструкторских бюро, изучают систему в целом и очень редко останавливаются на истории отдельных ОКБ и региональной специфики их работы. Лакуны помогают заполнить исследования, в которых рассматривается история развития региональной промышленности и отдельных предприятий, например Казанского порохового завода [5]. Однако даже в этих случаях Особые конструкторские бюро остаются только страницей в чужой истории.

Конечно, в историографии присутствуют труды, посвященные феномену развития спецтюрем в регионах СССР. Разработкой истории ОКБ в Пермском крае занимается С.А. Шевырин [22; 23; 24]. Международное историко-просветительское общество «Мемориал» ведет проект «Москва: топография террора» [28], который, помимо всего прочего, нацелен на исследование истории отдельных спецтюрем Москвы и Московской области. Ряд исследо-

вателей также изучают историю «шарашек» Московской области [10; 17]. Специальных работ по казанским ОТБ и ОКБ, к сожалению, пока нет.

Ввиду недостаточной историографической базы большую важность для изучения Особых конструкторских и технических бюро представляют архивные источники и источники личного происхождения. Однако, как было указано выше, доступ к архивным документам по этой проблеме частично закрыт. Мемуары и свидетельства современников в этой ситуации становятся материалом, который помогает не только идентифицировать ОКБ и их род занятий, но и исследовать региональную специфику этих заведений, узнать их внутреннюю структуру, оценить взаимоотношение между людьми, работавшими в них, увидеть этот мир глазами репрессированных специалистов, которые прошли через «шарашки».

В статье были использованы дела из Архива истории ГУЛАГа [18; 25; 26]. Два дела представляют собой воспоминания заключенных казанских ОКБ и их родственников [25; 26]. Третье дело – воспоминание К.С. Синилобова [18]. Хотя оно повествует о шарашке в Торжке, но помогает нам лучше разобраться во внутренней структуре казанских спецтюрем и сделать некоторые предположения относительно их функционирования. Всего в данном архиве находится около 200 дел, касающихся деятельности особых конструкторских бюро. Также были изучены опубликованные воспоминания В.В. Лапшина [9], М.М. Мурдуховича [12] и книга воспоминаний о С.П. Королеве [7]. Все они работали в казанских «шарашках».

Интересно, что само слово «шарашка», которое сегодня используется исключительно в негативном контексте и относится к сомнительным научным или образовательным заведениям, пришло к нам из тюремного языка и обозначало засекреченный научно-исследовательский институт или конструкторское бюро, где под контролем органов госбезопасности работали ученые и инженеры [16]. Сложно определить этимологию этого выражения, но можно предположить, что негативная коннотация термина возникла из-за непринятия заключенными такой формы эксплуатации умственного труда и пренебрежительного отношения к администрации Особых конструкторских бюро. Эту теорию подтверждают мемуары, авторы которых, заключенные, называли между собой представителей администрации спецтюрем «Васьками» и «Петьками», т.е. по именам и часто в пренебрежительной форме. Таким образом, они ставили себя выше своих надзирателей в профессиональном плане, даже несмотря на их научные степени.

В результате крупных процессов, таких как «Шахтинское дело», «Дело промпартии», ряда дел в оборонной промышленности, враждебного отношения к беспартийным специалистам, Советский Союз столкнулся с ситуацией, когда многие представители научно-технической интеллигенции оказались в заключении. Необходимо было обеспечить этот контингент соответствующей

работой, тем более что перед страной стояли большие задачи: за десять лет необходимо было пройти путь развития, на который у капиталистических стран уходило 50–100 лет [19, с. 39]. Поэтому после ликвидации в 1928–1929 гг. «контрреволюционных» организаций ОГПУ стало привлекать осужденных специалистов для работы. Так, уже в 1930 г. при Транспортном отделе Народного комиссариата путей сообщения СССР было организовано Особое техническое бюро (ОТБ), где проектировали элементы, необходимые для реконструкции железнодорожного транспорта. К этой работе были привлечены осужденные специалисты. Похожая работа проводилась по реконструкции водного транспорта [11, с. 320–321] и была важной частью советской модернизации военно-промышленного комплекса.

1 апреля 1931 г. был подписан приказ ОГПУ № 160/96 об организации пятого Специально-технического отделения, которое использовало труд осужденных специалистов. Именно этот документ положил начало «масштабированию» ОТБ [17, с. 37]. К концу 1930-х годов Особые конструкторские бюро функционировали на предприятиях и в научно-исследовательских институтах Москвы, тюрьмах Ленинграда, в Ростове-на-Дону, Харькове, Западной Сибири, под Суздалем и в других уголках СССР. В это же время такие учреждения появляются и в Казани.

За годы существования этого феномена только в Москве и Московской области было открыто 16 подобных учреждений, а на всей территории Советского Союза удалось обнаружить 38 «шарашек», не считая трех немецких, расположенных в советской зоне оккупации на территории Германии. Количество ОКБ в Москве в несколько раз превышало число подобных заведений в других городах Советского Союза. Например, в Казани работали только две «шарашки»: Особое конструкторское бюро на заводе № 16 и Особое техническое бюро № 40 на Казанском пороховом заводе. Ситуация несколько изменилась после начала Великой Отечественной войны, когда вместе с научно-исследовательскими институтами (НИИ), промышленными предприятиями, эвакуировались и «шарашки». Возникла необходимость обезопасить важные военно-промышленные объекты, особенно те, в которых велась разработка новых видов вооружений. Таким образом, в Иркутск было перевезено Центральное конструкторское бюро № 39, в Пермь – ОКБ-172 и Болшевское ОТБ НКВД. В Казань же перебазировалась большая часть Академии наук СССР, авиа- и машиностроительные заводы. Сюда были направлены ученые и инженеры, в том числе и заключенные. Как раз в 1941 г., когда в город были перевезены осужденные химики, при Казанском пороховом заводе открывается ОТБ-40. В это же время к уже существовавшему ОКБ-16 Казанского авиационного завода присоединилось ОТБ Тушинского авиационного завода № 82. Можно сделать вывод, что Великая Отечественная война способствовала распространению феномена «шарашек» по территории СССР. Почему

в Казань не направили большее число «шарашек»? Дело в том, что в Казани в этот период было всего два крупных военных предприятий, которые могли стать базой для работы Особых конструкторских и технических бюро.

В мае 1939 г. в четвертом спецотделе НКВД СССР началась разработка проекта мощного 24-цилиндрового мотора МБ-100. В августе 1940 г. ОКБ 4-го спецотдела было переведено на завод № 27 в г. Казань для организации постройки и доводки мотора МБ-100, а также оказания технической помощи предприятию в строительстве, монтаже и освоении серийной продукции мотора МБ-105 [1, л. 7]. Так в Казани появилась первая «шарашка». Для работы в ней по всему ГУЛАГу начинают искать специалистов соответствующего профиля.

Одним из них был В.В. Лапшин – инженер-технолог по холодной обработке металлов. 17 ноября 1936 г. его арестовали, два года шло следствие, после был объявлен приговор: пять лет исправительно-трудовых лагерей. Наказание он отбывал в лагере в Котласе, а затем этап – сначала в Горький, а потом в Бутырскую тюрьму в Москве [9, с. 253–289].

Все время функционирования «шарашек» Бутырская тюрьма (Бутырка) играла роль распределительного центра, куда свозились специалисты со всего Советского Союза, которые затем отправлялись для работы в отдельные ОКБ. Другой осужденный – П.С. Щипанов – описал свое пребывание в Бутырке и последующее распределение на работу в Специальное конструкторское бюро (г. Рыбинск) следующим образом: «Здесь я попадаю в камеру, где находились специалисты, главным образом конструкторы из различных лагерей Сибири, Дальнего Востока, Урала и Европейского севера… Беседа была короткая, обращение вежливое. Все данные о нашей квалификации и образовании у них были, они как бы уточняли» [26, л. 44]. Таким образом, к началу 1930-х годов уже была налажена система поиска и распределения специалистов, находящихся в системе ГУЛАГа. Причем персонифицированный запрос на таких специалистов присылался из наркоматов, контролировавших оборонную или авиационную промышленность.

Перед дальнейшей отправкой заключенного в ОКБ с ним происходила поразительная внешняя метаморфоза, призванная скрыть последствия тяжелых условий пребывания в тюрьме / лагере. Тот же В.В. Лапшин описывал ее так: «Привезли меня в тюрьму и стали приводить в порядок. Побрили, помыли, лагерное обмундирование сменили на приличный костюм» [9, с. 259]. Затем заключенных привозили непосредственно на место работы, где им предстояло, отбывая срок, вносить свою лепту в научно-техническое развитие страны.

На Казанском авиационном заводе ОКБ занимало третий и четвертый этажи завода. По словам В.В. Лапшина, в «помещении было все, что нужно для жизни и работы: оборудованные чертежные залы, спальни с кроватями

под белым накрахмаленным бельем, столовая, душ, библиотека» [9, с. 259]. Жилые комнаты напоминали заводское общежитие: железные кровати с металлическими сетками, прикроватные тумбочки. Заключенные не убирались в своих комнатах, для этого был отдельный вольнонаемный персонал. При распределении заключенных администрация старалась учесть их возраст и характер. «Подбирались люди по возрасту и тождественности привычек и наклонностей. В нашей комнате I находился наиболее великовозрастный состав… мне было около 45 лет, и я был младшим. …Нашу комнату более молодые и подвижные зеки именовали “паноптикумом восковых фигур”», – вспоминает К.С. Синилобов о своей жизни в «шарашке», которая находилась в Торжке [18, л. 26–27]. К сожалению, неизвестно существовала ли подобная практика в казанских учреждениях. Можно предположить, что да, ведь от этого зависели многие факторы, в том числе продуктивность работы ученых.

Особо мемуаристы отмечали богатую библиотеку при ОКБ: «Была она с таким великолепным набором книг, какой не всякая библиотека имеет. Периодически она полностью обновлялась» [9, с. 260]. Заключенные не только получали всю необходимую техническую литературу на различных языках, но и литературу художественную.

Питание, как это было принято в таких заведениях, было на высшем уровне и сильно контрастировало с лагерным: «Питание было хорошее. К чаю – печенье, булочки, пряники. Ежедневно каждому давали по пачке папирос “Беломорканал”» [9, с. 279]. Тогда как в лагерях в 1944 г., даже с учетом, что с этого времени условия питания были значительно улучшены по сравнению с 1930-ми годами, заключенные получали всего лишь 550 гр. хлеба, 15 гр. мяса и мясопродуктов, 8 гр. сахара и ряд других продуктов. Да и то только при условии 100% выработки дневной нормы [27, с. 227].

На третьем этаже находилась столовая, такая как на небольших предприятиях: обеденный зал был отгорожен от кухни стеной с окном, через которое выдавалась еда. Набор посуды тоже был обычным (тарелки, ложки и вилки), за исключением того, что здесь имелись даже ножи, что совсем не типично для мест лишения свободы.

Почти все конструкторы для работы снабжались чертежными досками, оборудованными новыми по тем временам чертежными приборами – кульманами. Как и в других ОКБ, в казанском при подписании чертежей указывались номера заключенных авторов, а не их фамилии. Например, у В.П. Глушко был 800-й номер. В то же время вольнонаемные подписывались собственными именами. В частности, чертежи и трафареты, выполненные в группе под руководством В.П. Глушко, были подписаны следующим образом: «проектировал – Эдельман, главный конструктор – 800», где фамилией был обозначен вольнонаемный А.И. Эдельман, под номером значился руководитель группы [7, с. 170].

С началом Великой Отечественной войны в Казань были эвакуированы Московский самолетостроительный завод (№ 22) и Московский агрегатно-моторный завод (№ 219). Объединенное предприятие получило название «Завод № 16» и было размещено на базе бывшего завода № 27. Тогда же была перевезена «Тушинская шарашка» – ОТБ-82. В связи с объединением трансформировалась структура Особого конструкторского бюро. Теперь оно состояло из трех конструкторских бюро: КБ-1 по бензиновым моторам, КБ-2 по реактивным двигателям и группа № 5 по установке реактивного двигателя на самолете [1, л. 2].

Конструкторское бюро № 1 имело в своем составе девять групп, куда входило 28 техников и конструкторов, в том числе и «спецсостав», т.е. заключенные. За время существования в ОКБ-16 были разработаны авиационные моторы МБ-100 и МБ-102. Сотрудники Конструкторского бюро № 2 за время своей работы создали реактивные двигатели РД-1, РД-2, РД-3 [4, л. 74–75, 77–79]. Главным конструктором этой группы был назначен В.П. Глушко. «Работа… была выполнена в результате упорного творческого труда коллектива конструкторов, экспериментаторов и производственников. Принципиальная новизна поставленных задач, отсутствие в технике даже подобных работоспособных конструкций привели к необходимости самостоятельного и оригинального решения этих задач на основе строго научной разработки проблемы, тщательного расчета и продуманного конструирования, базирующегося на эксперименте» [1, л. 18], – утверждал начальник 4-го спецотдела НКВД, комиссар В.А. Кравченко. Именно такую оценку КБ, возглавляемое заключенным В.П. Глушко, получило за успешно проделанную работу от НКВД. Разумеется, для самого заключенного гораздо большее значение имел указ о досрочном освобождении, подписанный 27 июля 1944 г.

8 января 1943 г. в составе этого же ОКБ появилась группа № 5, главным конструктором которой был назначен С.П. Королев. В ее задачу входило обеспечение разработки и сдачи чертежей реактивной установки (РУ-1) на самолете Пе-2 [15, л. 2]. «Эта работа, являющаяся технически новой и оригинальной, проводилась впервые в авиационной технике, при отсутствии какого-либо постороннего опыта» [1, л. 23]. И действительно, полученный опыт на Пе-2 затем применялся на других семействах бомбардировщиков и использовался при разработке скоростных истребителей С.А. Лавочкина (Ла-7 Р), А.С. Яковлева (Як-3 Р) и П.О. Сухого (Су-7).

Во время войны привычный распорядок жизни заключенных изменился: «Газет нам читать не давали, но отдельные сведения извне все-таки проникали к нам. На небольшие работы стали допускать вольнонаемных сотрудниц. В уже почти готовые цеха эвакуировался самолетостроительный завод из Москвы, переехал к нам и Воронежский моторостроительный завод. Начался усиленный монтаж станочного оборудования, предназначенного для выпуска

серийного авиадвигателя. Конструкторское бюро работало над мощным двигателем под руководством главного конструктора А.М. Добротворского и над реактивным двигателем под руководством главного конструктора Глушко. Готовые моторы устанавливались на самолеты соседнего завода и эшелонами отправлялись на фронт», – вспоминал инженер В.В. Лапшин. Интересно и то, что заключенные специалисты сами просили отправить их на фронт, на что получали неизменный ответ: «Таких на фронт не берут, у нас народу много и без вас» [9, с. 280].

На заводе № 16 «шарашка» просуществовала до середины 1944 г. В мае того года (согласно приказу 00446/262 от 18.04.1944 г.) она была передана в Наркомат авиационной промышленности, а заключенные прекратили свою работу на этом объекте [1, л. 1]. За время существования ОКБ-16 здесь работали такие известные инженеры, как В.П. Глушко, С.П. Королев, Б.С. Стечкин, Г.Н. Лист, А.Д. Чаромский [12, с. 90]. Кроме В.П. Глушко, который в 1940 г. был отправлен в Казань специально для разработки и запуска производства жидкостных ракетных двигателей, другие конструкторы оказались в Казани только из-за начавшейся войны. Волею судьбы или благодаря тонким расчетам НКВД ОКБ-16 пополнилось ведущими авиаконструкторами, основателями советского ракетостроения.

Существовала также практика, когда нескольких заключенных инженеров из «шарашки» могли отправить на завод для решения срочных технических задач. Подобная ситуация произошла на Зеленодольском судостроительном заводе, где в годы войны выпускались суда-охотники за подводными лодками. В 1941 г. здесь началось производство новой продукции – судовых двигателей, для которых предполагалось использовать отработавшие свой ресурс и снятые с самолетов авиационные моторы. «Не хватало звена – муфты между двигателем и мотором. Для разработки новой конструкции и ее производства по распоряжению заместителя министра НКВД Чернышева в КБ судостроителей перевели конструктора Шарапова и меня. Шарапов разработал конструкцию муфты, а я техпроцессы на детали» [9, с. 280]. В этом случае нельзя говорить о полноценном ОКБ, но факт применения труда осужденных специалистов налицо. Благодаря отработанной системе «шарашек» заключенные снимались с одного объекта и оперативно перебрасывались на другой для решения неотложных технических задач.

Помимо ОКБ, на заводе № 16 в Казани существовало Особое техническое бюро на Казанском пороховом заводе (ОТБ-40). Однако появилось оно несколько позже – осенью 1941 г., когда на восток страны были эвакуированы многие предприятия, в том числе и предприятия химической промышленности. Многие из них далеко не сразу приступили к выпуску продукции на новом месте. Большие сложности были и в пороховой промышленности: «Из семи заводов, производивших пироксилиновые пороха, осенью 41-го работали

только два: завод № 40 и комбинат № 39, а единственный завод, снабжавший баллиститным[1] порохом "Катюшу", был выведен из строя в связи с оккупацией Украины» [25, л. 81].

Перед специалистами по пороховому делу была поставлена задача срочно создать ракетные заряды из пироксилиновых порохов. Решением этой проблемы были заняты ОТБ-40 и НИИ-6. В это время в Казань присылают Владимира Владимировича Шнегаса (1876–1943), в первые годы советской власти работавшего техническим директором Казанского порохового завода. Парадоксальным образом жизнь В.В. Шнегеса завершилась на любимом заводе, но уже не в статусе директора, а заключенного. Последние годы он работал в ОТБ завода над одной из важнейших проблем – разработкой пороха для реактивных установок «Катюша».

Коллектив «шарашки» на пороховом заводе был небольшим: вместе с вольнонаемными сотрудниками составлял чуть больше 40 человек. Работами руководил главный инженер ОТБ, репрессированный Н.П. Путимцев, бывший главный инженер Всесоюзного порохового треста. «ОТБ-40 сразу же было загружено научно-исследовательской работой по созданию новых марок порохов, зарядов, новых технологий и видов специального оборудования. Руководство завода обращалось к специалистам ОТБ-40 за консультациями и рекомендациями по различным производственно-техническим вопросам. Некоторые специалисты сопровождались в Москву в Наркомат боеприпасов для обсуждения отдельных вопросов на технических советах» [25, л. 81].

За годы войны заводом было отработано валовое производство пироксилинового пороха к системам М-8 и М-13, пироксилиновых порохов к минометам, была освоена технология изготовления коллоксилина, налажено его производство [5, л. 248]. Разработки ОТБ были внедрены на других химических производствах СССР.

Заключенные в ОТБ-40 жили на территории завода, а на свидания их привозили в городскую тюрьму. Они могли заказать любую литературу и посещать любой цех завода, но только в сопровождении конвоира или – как было принято называть его в «шарашке» – «свечки». Условия жизни и работы для специалистов были созданы неплохие, но режим спецтюрьмы был очень строгим. «Самые незначительные отклонения от особой инструкции поведения наказывались лишением суточного положенного питания и выдачей только 200 гр. хлеба. Более серьезные нарушения наказывались лишением нормированной переписки и свиданий. Самой исключительной мерой была отправка в зону» [2, с. 226].

1. Одно из названий бездымных порохов, использовавшихся в реактивных снарядах.

В 1943 г. работы по пороху были закончены. 13 августа 1943 г. пришло решение Президиума Верховного Совета СССР о награждении Н.П. Путимцева орденом Красной Звезды, его досрочном освобождении, а также амнистии членов рабочей группы Путимцева. Позже он продолжил свою работу в этом же ОТБ в качестве вольнонаемного сотрудника [3]. В.В. Шнегас не дожил до этого постановления месяц. В своих воспоминаниях его внучка Светлана Шнегас писала, что «дедушка умер 12 июля 1943 года. Во время обеда, когда все заключенные были в столовой, им сказали, что поскольку работа закончена, всех должны освободить и наградить. Дедушке тут же стало плохо, он упал и почти сразу скончался» [25, л. 67]. Для него, как и для других заключенных специалистов, главной мотивацией работать по 10–12 часов ежедневно была возможность получить досрочное освобождение и вернуться к своей семье.

История существования ОТБ-40 не ограничивается военными годами. Осенью 1947 г. в Казань к химикам в составе ОТБ-40 был переведен П.С. Щипанов, осужденный на восемь лет лишения свободы: «…16 сентября 1947 г., поздно вечером, меня привезли на новое место заключения, в Казанскую спецтюрьму, которая находилась на территории порохового завода» [26, л. 56]. По профессии П.С. Щипанов был инженером-механиком, конструктором. До войны он преподавал в Сталинградском механическом институте в должности доцента, а накануне ареста (8 апреля 1944 г.) преподавал на кафедре танков Академии бронетанковых и механизированных войск в Москве.

В ОТБ-40 было два отдела: химико-технологический и конструкторский, а также экспериментально-механическая мастерская. В это время, как и в 1941 г., в ОТБ работали сравнительно немного людей. «В конструкторском отделе работало человек двенадцать, из них заключенных половина. В основном это были самостоятельные конструкторы, а вольнонаемные были копировщицы и чертежницы, в основном женщины. Если конструкторов было пять-шесть человек, то химиков было в два раза больше, в основном инженеры с Шосткинского порохового завода», который располагался на территории нынешней Сумской области Украины. Еще пять человек трудились в экспериментальной мастерской. Конструкторский отдел ОТБ занимался проектированием оборудования для изготовления порохов, разработкой новых видов пороха и применения их в оборонной промышленности [26, л. 56–57].

Пожалуй, одной из наиболее важных частей жизни обитателей тюрем, лагерей или «шарашек» были взаимоотношения между людьми. Однако в отличие от других мест отбывания наказания Особые конструкторские бюро отличались тем, что рядом с заключенными работали вольнонаемные специалисты. Несмотря на постоянный надзор охраны и запрет на общение между этими двумя группами на какие-либо темы, кроме профессиональных,

отношения между заключенными и вольнонаемными сотрудниками складывались довольно теплые. Простых граждан не пугал статус врага народа, опасного контрреволюционера, политического преступника, которым государство наградило представителей технической интеллигенции. Вольнонаемные сотрудники всячески старались помочь заключенным: передавали письма родным и близким, узнавали информацию о родственниках. Заключенные, в свою очередь, также старались помочь вольнонаемным сотрудникам, так как положение последних на воле иногда было хуже, чем заключенных в спецтюрьмах. В своих мемуарах П.С. Щипанов вспоминал об одном таком случае: «У нас в тюрьме работала уборщицей татарка Шура. Нас уводили на работу, а она приходила убирать наши камеры. Она растила двух детей, муж погиб на фронте. У нас оставался хлеб, и мы оставляли его на тумбочках, а ей передавали, чтобы она его забирала. И вот однажды начальник тюрьмы Халфин обнаружил у нее наши куски хлеба. Он вызвал ее к себе в кабинет, отобрал хлеб, выбросил его в ее помойное ведро, ругался площадной бранью (по-татарски) и предупредил, если она еще возьмет хоть грамм хлеба, он ее отдаст под суд. Она плакала и говорила, что ей надо кормить двух детей, что ее муж погиб, защищая Родину. Все это она рассказала нам, обливаясь слезами. Мы были сыты, нас еще подпитывали в ИТРовской[2] столовой из-за вредности химического производства от завода. Мы там, в заводской столовой, устроили ей тайничок, и она продолжала брать наш хлеб» [26, л. 56–57].

С конца 1940-х годов количество заключенных постепенно уменьшалось. У многих специалистов, работавших в Особых конструкторских бюро, заканчивался срок заключения. Некоторые инженеры оставались и продолжали работать на заводах в качестве вольнонаемных сотрудников. Постепенно «шарашка» ОТБ-40 прекратила свое существование, а после смерти И.В. Сталина немногие оставшиеся в СССР подобные заведения стали закрываться. Государство начало процесс реабилитации осужденных специалистов.

Подводя итоги, хочется отметить, что условия жизни и работы в «шарашках», в том числе казанских, сильно отличались от тюремных / лагерных. Специалисты занимались только трудом, соответствующим их высокой квалификации, для всего остального был отдельный вольнонаемный персонал. Заключенные «шарашек» подчас питались лучше, чем обычные граждане. И все же для своих обитателей «шарашка» была золотой клеткой, из которой они всеми силами старались вырваться на свободу.

История казанских «шарашек» тесно связана с историей развития военно-промышленного комплекса Советского Союза. За годы работы в ОКБ-16 заключенными были созданы новые виды авиационных двигателей: МБ-100,

2. Столовая для инженерно-технических работников.

МБ-102, МБ-105, реактивные двигатели: РД-1, РД-2, РД-3, была выполнена установка реактивных двигателей на самолет Пе-2. В ОТБ-40 химиками и инженерами была разработана система валового производства пироксилинового пороха к реактивным снарядам М-8 и М-13, системам залпового огня «Катюша». В казанских «шарашках» самоотверженно трудились видные ученые и инженеры: С.П. Королев, В.П. Глушко, Б.С. Стечкин, Г.Н. Лист, А.Д. Чаромский, В.В. Шнегас. Их разработки стали бесценным вкладом в победу в Великой Отечественной войне и положили начало современным видам вооружения. Однако историкам предстоит еще большая работа по изучению роли «шарашек» в развитии военно-промышленного комплекса СССР.

Библиография

1. Акт приема и сдачи дел ОКБ на заводе № 16 // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 81. 80 л.

2. Докладная записка директора завода № 16 М.М. Лукина народному комиссару авиационной промышленности СССР А.И. Шахурину о работе завода в 1942–1943 гг. // Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ) Ф. Р-5940. Оп. 1. Д. 161. Л. 74, 75, 77–79.

3. Докладная записка директора завода № 40 А.П. Якушева в казанский городской комитет ВКП (б) об оборонной продукции завода и работе по ее усовершенствованию // НА РТ. Ф. Р-1062. Оп. 17. Д. 702. Л. 248.

4. Исаев В.И. Эхо шахтинского процесса в Сибири: Жизнь и смерть инженера Жаркова // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 2009. № 9. С. 47–61.

5. Казаков В.С. 210 лет на службе Родине. Казань: Экополис, 1998. 368 с.

6. Казаков В.С. Первый директор Казанского порохового завода // Ленинец. Казань, 1997. № 17.

7. Королева Н.С. Отец: в 3 кн. М.: Наука, 2007. Кн. 2: 1938–1956 годы. 314 с.

8. Кузнецов И.Н. Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. 262 с.

9. Лапшин В.В. Я родом из Васильсурска // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (1918 год – 80-е годы). СПб.: Ретро, 1994. Вып. 7. С. 253–289.

10. Малых В.И. Болшевская «шарашка» // Валентиновка [Электронный ресурс]. URL: http://www.valentinovka.com/sites/default/files/bolshevskaya_sharashka_0.pdf (Дата обращения: 17.04.2018.)

11. Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 448 с.

12. Мордухович М.М. Наказание без преступления // Наука и жизнь. 1990. № 3. С. 96–105; № 4. С. 88–94.

13. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 гг. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1997. 190 с.

14. Моруков М.Ю. Деятельность хозяйственных подразделений ОГПУ-НКВД и оборона СССР 1929–1941 гг. М.: РГБ, 2004. 174 с.

15. Приказ по Особому конструкторскому бюро завода № 16 об организации в особом конструкторском бюро группы реактивных установок. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ) // Ф. Р-5940. Оп. 2. Д. 8. Л. 2, 2 об.

16. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991. Ч. 1. 376 с.

17. Симоненко В. Шарашки. Инновационный проект Сталина. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 192 с.

18. Синилобов К.С. [Воспоминания] // Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 2. Д. 79. 29 л.

19. Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. 473 с.

20. Уйманов В.Я. Боль людская... Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. 439 с.

21. Хлевнюк О.В. 1937: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 270 с.

22. Шевырин С.А. Изобретатели в ГУЛАГе в годы Великой Отечественной войны // Третьи Кремлевские чтения. Казань: «Фэн» АН РТ, 2012. Ч. 2: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Региональные аспекты исследования». С. 130–137.

23. Шевырин С.А. Конструкторские бюро в ГУЛАГе // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Место УИС во взаимодействии власти и общества в России: История и современность (к 130-летию образования Главного тюремного управления)»: «Гуманитарно-пенитенциарный вестник». № 4. Рязань, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/konstruktorskie-byuro-v-gulage.html (Дата обращения: 17.04.2018.)

24. Шевырин С.А. Топография террора. Пермь. История политических репрессий. Пермь: Маматов, 2012. 310 с.

25. Шнегас В.В. [Воспоминания] // Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6897. 108 л.

26. Щипанов П.С. 10 лет моей жизни. Воспоминания // Архив истории ГУЛАГа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 140. 101 л.

27. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. М.: АСТ; CORPUS, 2017. 688 с.

28. Это прямо здесь: Москва. Топография террора // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: https://topos.memo.ru (Дата обращения: 17.04.2018.)

29. Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИР-ХХ, 2003. 352 с.

References

Akt priema i sdachi del OKB na zavode N 16 // Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv e`konomiki (RGAE`). F. 69. Op. 1. D. 81. 80 l.

Dokladnaya zapiska direktora zavoda N 16 M.M. Lukina narodnomu komissaru aviacionnoj promy`shlennosti SSSR A.I. Shaxurinu o rabote zavoda v 1942–1943 gg. // Nacional`ny`j arxiv Respubliki Tatarstan (NA RT.) F. R-5940. Op. 1. D. 161. L. 74, 75, 77–79.

Dokladnaya zapiska direktora zavoda N 40 A.P. Yakusheva v kazanskij gorodskoj komitet VKP (b) ob oboronnoj produkcii zavoda i rabote po ee usovershenstvovaniyu // NA RT. F. R-1062. Op. 17. D. 702. L. 248.

E`pplbaum E`. GULAG. Moscow: AST; CORPUS, 2017. 688 p.

E`to pryamo zdes`: Moskva. Topografiya terrora // Mezhdunarodnoe istoriko-prosvetitel`skoe, blagotvoritel`noe i pravozashhitnoe obshhestvo «Memorial» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://topos.memo.ru (Data obrashheniya: 17.04.2018.)

Isaev V.I. E`xo shaxtinskogo processa v Sibiri: zhizn` i smert` inzhenera Zharkova // E`KO: E`konomika i organizaciya promy`shlennogo proizvodstva. 2009. N 9. P. 47–61.

Kazakov V.S. 210 let na sluzhbe Rodine. Kazan`: E`kopolis, 1998. 368 p.

Kazakov V.S. Pervy`j direktor Kazanskogo poroxovogo zavoda // Leninecz. Kazan`, 1997. N 17.

Koroleva N.S. Otecz: v 3 kn. Moscow: Nauka, 2007. Kn. 2: 1938–1956 gody`. 314 p.

Kuzneczov I.N. Repressii 30–40-ch gg. v Tomskom krae. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1991. 262 p.

Lapshin V.V. Ya rodom iz Vasil`surska // Uroki gneva i lyubvi: Sb. vospominanij o godax repressij (1918 god – 80-e gody`). Saint Petersburg: Retro, 1994. Vy`p. 7. P. 253–289.

Maly`x V.I. Bolshevskaya «sharashka» // Valentinovka [Jelektronnyj resurs] [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.valentinovka.com/sites/default/files/bolshevskaya_sharashka_0.pdf (Data obrashheniya: 17.04.2018.)

Mozoxin O.B. VChK-OGPU. Karayushhij mech diktatury` proletariata. Moscow: Yauza, E`ksmo, 2004. 448 p.

Morduxovich M.M. Nakazanie bez prestupleniya // Nauka i zhizn`. 1990. N 3. P. 96–105; N 4. P. 88–94.

Morozov N.A. GULAG v Komi krae. 1929–1956 gg. Sy`kty`vkar: Izd-vo Sy`kty`vkar. un-ta, 1997. 190 p.

Morukov M.Yu. Deyatel`nost` xozyajstvenny`x podrazdelenij OGPU-NKVD i oborona SSSR 1929–1941 gg. Moscow: RGB, 2004. 174 p.

Prikaz po osobomu konstruktorskomu byuro zavoda N 16 ob organizacii v osobom konstruktorskom byuro gruppy` reaktivny`x ustanovok. Nacional`ny`j arxiv Respubliki Tatarstan (NA RT) // F. R-5940. Op. 2. D. 8. L. 2, 2 ob.

Rossi Zh. Spravochnik po GULAGu. Moscow: Prosvet, 1991. Ch. 1. 376 p.

Simonenko V. Sharashki. Innovacionny`j proekt Stalina. Moscow: E`ksmo, Algoritm, 2011. 192 p.

Sinilobov K.S. [Vospominaniya] // Arxiv istorii GULAGa. F. 2. Op. 2. D. 79. 29 l.

Stalin I.V. Sochineniya. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoj literatury`, 1951. T. 13. 473 p.

Shevy`rin S.A. Izobretateli v GULAGe v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` // Tret`i Kremlevskie chteniya. Kazan`: «Fe`n» AN RT, 2012. Ch. 2: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: regional`ny`e aspekty` issledovaniya». P. 130–137.

Shevy`rin S.A. Konstruktorskie byuro v GULAGe // Materialy` V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Mesto UIS vo vzaimodejstvii vlasti i obshhestva v Rossii: istoriya i sovremennost` (k 130-letiyu obrazovaniya Glavnogo tyuremnogo upravleniya)»: «Gumanitarno-penitenciarny`j vestnik». N 4. Ryazan`, 2009 [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/konstruktorskie-byuro-v-gulage.html (Data obrashheniya: 17.04.2018.)

Shevy`rin S.A. Topografiya terrora. Perm`. Istoriya politicheskix repressij. Perm`: Mamatov, 2012. 310 p.

Shnegas V.V. [Vospominaniya] // Arxiv istorii GULAGa. F. 2. Op. 1. D. 6897. 108 l.

Shhipanov P.S. 10 let moej zhizni. Vospominaniya // Arxiv istorii GULAGa. F. 2. Op. 1. D. 140. 101 l.

Ujmanov V.Ya. Bol` lyudskaya... Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1994. 439 p.

Xlevnyuk O.V. 1937: Stalin, NKVD i sovetskoe obshhestvo. Moscow: Respublika, 1992. 270 p.

Yunge M., Binner R. Kak Terror stal «Bol`shim». Sekretny`j prikaz N 00447 i texnologiya ego ispolneniya. Moscow: AIR-XX, 2003. 352 p.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.16

А.К. Аликберов

КОНЦЕПЦИИ НАЧАЛА И КОНЦА ИСТОРИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. *Настоящая статья представляет собой краткий историографический обзор научных (исторических, политологических, философских) и религиозных концепций начала и конца истории, которые рассматриваются в призме нового системно-коммуникативного подхода. Для определения водораздела между прошлым и будущим этот метод берет за основу измерения самого времени, которое делится на прошлое, настоящее и будущее. Прошлое во временно́м измерении – это свершившееся настоящее, поэтому только настоящий момент является границей между историей, в том числе современной, и не-историей.*

Ключевые слова: *начало истории, конец истории, граница между историей и современностью, современная история, постистория.*

Аликберов Аликбер Калабекович – кандидат исторических наук,
заместитель директора Института востоковедения РАН, Москва.
E-mail: alikberov@mail.ru

A.K. Alikberov. Concepts of the Beginning and the End of History: Historiographic Review

Abstract. *This article is a brief historiographic review of the historical, political, philosophical and religious concepts of the beginning and the end of history, which are considered in the prism of a new system-communicative approach. Striving to locate the watershed between the past and the future, this method is based on measuring time itself, which is divided into past, present and future. The past in the time dimension is an accomplished present, therefore only the present moment is the boundary between history and non-history.*

Keywords: *the beginning of history, the end of history, the boundary between history and modernity, modern history, post-history.*

Alikberov Alikber Kalabekovich – Candidate of Historical Sciences,
Deputy Director of the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: alikberov@mail.ru

Концепциям начала и конца истории посвящено множество работ, как научных (исторических, философских, политологических и др.), так и религиозных. Первоначально исторические подходы к этим двум разным проблемам, тесно связанным друг с другом, в значительной степени определялись господствовавшей религиозной традицией, которая начало истории возводила к сотворению мира, а ее конец – к концу света. Подобный подход мы видим в некогда чрезвычайно авторитетных трудах историка и епископа Жака Боссюэ (1627–1704) [24] и профессора Эдинбургского университета Александра Тайтлера (1747–1813) [44; 45; 19]. Боссюэ начал свое описание истории с Адама и Евы, затем перешел к Ною и его потомкам [24, p. 8–11], но при этом признал «отцом истории» Геродота, который «начал писать историю» [24, p. 69]: здесь зарождение истории как исторического процесса противопоставляется появлению истории как науки, изучающей прошлое.

В новейшей истории дискуссия по этой теме актуализировалась после появления нашумевшей концепции Фрэнсиса Фукуямы о конце истории, которую Массимо де Анджелис назвал манифестом неолиберализма и глобализации. Против этой концепции выступают простые люди (антиглобалисты, «зеленые» и др.). Де Анджелис пришел к противоположному выводу: движение народных масс за судьбы планеты раскрывает другую реальность, а именно – история только начинается [26].

Автор статьи предлагает рассмотреть данную проблему в системной парадигме, которая не ставит своей задачей оспаривать существующие концепции истории, а лишь пытается структурировать их в системе научного знания. Если говорить более предметно, то используется системно-коммуникационный метод, который относится к числу формирующихся и работает преимущественно в парадигме социальных систем, выделенных Толкоттом Парсонсом и Никласом Луманом.

Концепции начала истории

Поскольку история (от *др.-греч.* ἱστορία – *исследование*) в своем исходном значении означает исследование прошлого на основе изучения нарративов, а не исторический процесс, то начало истории большинство историков и философов связывает с изобретением письменности: в частности в предисловии к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» 1884 г. Фридрих Энгельс противопоставлял «нашей писаной истории» ее доисторическую основу [16, с. 8–9]. Согласно такой интерпретации, письменно зафиксированная история начинается около XXX в. до н.э., когда появляется шумерская клинопись [25, p. 146]. Однако такое понимание истории, которое восходит к «отцу истории» Геродоту (ок. 484–425 гг. до н.э.), является далеко не единственным, особенно если различать историю как науку

и историю как прошлое человечества [10]. В этом втором значении под историей можно понимать весь исторический процесс, который безусловно выходит за пределы 5 тыс. лет письменной истории.

Если различать общество от первобытного общества, а человека – от первобытного человека, то возникает вопрос, какой именно момент можно считать водоразделом, или какой период времени считать переходным между ними, учитывая то, что в различных регионах этот переход осуществлялся в разное время? Между первобытным обществом и началом письменной истории, связанной с формированием ранних государственных образований, лежит огромный период времени, чрезвычайно важный для понимания механизмов взаимодействия различных аспектов социальности. Речь идет о периоде, когда в первобытных общинах начинается социальное расслоение, появляются права собственности, разделение труда, натуральный товарообмен. Этот период полностью исчезает из поля зрения исследователей, если фрагментировать единый исторический процесс на основании одного из критериев, а именно – способа фиксации событий прошлого. Подобный подход игнорирует не только устную историю (*Oral History*), или устную историческую традицию, сохранившуюся до нашего времени как альтернатива письменной, но и продолжительный период пиктографического протописьма в Месопотамии, послужившей основой для шумерской клинописи [25, p. 146].

Деление народов на древние и сравнительно молодые подразумевает наличие у первых более древней письменно зафиксированной истории, а не хронологию завершения процессов этногенеза, которые у каждого народа происходили по-разному. Историю одних народов часто описывали другие, соседние, и такие описания имеют не меньшее значение, чем если бы они были местного происхождения: как правило, для Средневековья и Нового времени этническая принадлежность письменности имеет меньшее значение по сравнению с информацией, которую эта письменность содержит. Если говорить об истории как памяти о прошлом, запечатленной не только в буквенных знаках, но и в материальных свидетельствах иного вида (археологическом материале, петроглифике, наскальной живописи и др.), то за пределами теории этногенеза деление народов на древние и не очень древние и вовсе теряет всякий смысл. Начало истории народа не имеет ничего общего ни с возникновением письменности, которое представляет лишь веху, пусть и чрезвычайно важную, в его жизни, ни с народными календарями, ни с принятием новой веры, как это принято считать в религиозных концептах, ни с системой летосчисления.

Немаловажным фактором, который приходится учитывать в теоретических исследованиях, является объективная ограниченность наших знаний об историческом процессе. Добывая новые факты, история как наука постоянно упирается в пределы установленного знания. Область неизвестного о прошлом

гораздо больше области известного, особенно на ранних, более продолжительных этапах истории. Признание неполноты нашего знания о прошлом не только в теоретическом, но и в фактологическом смысле – одна из важнейших исходных посылок данного исследования, которая позволяет увидеть всю картину исторического процесса целиком, с его условными белыми пятнами.

Большинство народов мира, прежде всего христианских, но не только, сегодня живут в 2017 г. У мусульман на дворе всего 1439 г., а у иудеев – все 5773. Традицию начинать историю с сакральной даты (сотворения мира, рождения или основоположения) заложили догматические религии, для которых история – всего лишь небольшой промежуток между сотворением мира и Судным днем, началом и «концом времен». Первочеловек Адам был сотворен сразу после сотворения мира, после грехопадения у него и Евы родились три сына – Каин, Авель и Сиф.

Считая период первобытного общества *доисторическим*, многие историки тем не менее называют его *историей* первобытного общества, или *древнейшей историей* человечества, что, безусловно, представляет собой определенный парадокс. И не только потому, что определение первобытного общества в ряде культур, например западных, во многом оценочно: оно подразумевает «примитивное общество» (*primitive society*); оценочность, впрочем, не всегда означает уничижительного отношения к архаичным культурам, поскольку ни одна культура не могла избежать в своей эволюции этой начальной стадии. Небезупречно и определение доисторических обществ (*Prehistoric Societies*) [24]: о каких обществах можно говорить, если стада антропоидов на этапе антропосоциогенеза были разрозненными? Оценочно также и деление на историю и предысторию (преисторию) и даже протоисторию [1, с. 8]: не случайно К. Ясперс относил к истории «все то время, о котором мы располагаем документальными данными» [17, с. 54], а это начало палеолита; в то же самое время доисторией он считал «время, когда произошло становление человеческой природы» [17, с. 57]. Однако потребность в отделении периода антропогенеза, когда человек и системы культуры находились в зачаточном состоянии, от сознательного хода истории все еще сохраняется.

Это противоречие было успешно решено советской исторической наукой, которая разделила историю каменного века на дородовую (первобытную) и родовую (первобытно-общинную); такое разделение перекочевало и в востоковедение [5, с. 68–69]. По отношению к последующим стадиям истории продолжительный период дородового первобытного общества может считаться предысторией. В западной историографии этот период называется *human prehistory*, который так или иначе совпадает с палеолитом [23; 42]. Это повествование о процессе происхождения и становления человека [41, p. 3].

Не углубляясь в проблематику антропогенеза, отметим, что с самого начала истории человечество оказывается единым, так же как и человеческая природа, и исторический процесс[1].

В предыстории человечества археологи уделяют основное внимание методикам абсолютного и относительного датирования, изучению каменных орудий, а также первобытных общин охотников и собирателей [43, p. 101–122]. В таком случае начало истории, по крайней мере устной, могло бы быть соотнесено с появлением оседлых земледельческих культур (после неолитической революции), развитием земледелия, животноводства, ремесел, в том числе гончарного и металлообработки, классового (имущественного) расслоения, ранних государственных образований[2]. Все эти важнейшие для человека изменения происходили в переходный период от позднего каменного века к бронзовому, который также называют энеолитом (IV–III тыс. до н.э). Однако, если древние люди, пользовавшиеся только каменными орудиями и еще не совершавшие перехода к производящему хозяйству даже в его начальной форме, собрались в одном месте и в течение нескольких столетий воздвигали многотонное культовое сооружение, можно ли отказать им в истории? Будучи охотниками и собирателями, не зная металлов и протописьменности, они еще в середине X тыс. до н.э. строили грандиозные культовые сооружения [15]. С другой стороны, может быть прав и Юваль Харари, который вел отсчет истории не с неолитической (XII тыс. до н.э.), а с когнитивной революции, которая, как считает исследователь, началась 70 тыс. лет назад – с появления, благодаря речи, способности воображать нечто несуществующее, как, например, человека-льва (пещера Штадель, 30 тыс. лет до н.э.) [32].

По мнению Харари, человек старше истории. *Homo sapience* начал развивать свое воображение около 70 тыс. лет до н.э., в результате этой революции начинает зарождаться культура, и «дальнейшей судьбой человеческих культур занимается история» [32, p. 3]. Предшествовавший период развития предковых форм, насчитывающий 1,5–2 млн лет, многие исследователи предлагают интерпретировать в понятиях естествознания. По мнению Б.Ф. Поршнева, «переходный процесс становления человека занимает отрезок, начинающийся с поздних палеоантропов и включающий ранних нео-

1. О единстве человечества и его истории повествует и библейская версия начала истории, если, конечно, воспринимать священный текст не буквально, а аллегорически. Как известно, история человечества в Библии связана с сотворения Адама – первочеловека, или человеческого рода, – после того, как был сотворен мир, появились «разные виды растений, приносящих семя, и все виды деревьев, приносящих плод с семенем внутри» (Быт 1:11).

2. Более детально о неолитической революции см.: [21; 38].

антропов» [11, с. 113–116]. Однако когда Б.Ф. Поршнев делал этот вывод, наука еще ничего не знала о «денисовском человеке».

Таким образом, история, изначально устная, берет свои истоки, по всей видимости, с того времени, как человек научился передавать и хранить знания о прошлом, или воображать то, чего еще не было, в том числе будущее. Это произошло после того, когда стада «формирующихся людей» (архантропов и палеоантропов), промышлявших охотой и собирательством, превратились в первобытные общины и стали осознавать себя объединением родственников, связанных друг с другом кровным родством. Это был переход от предка человека к самому человеку, от дородового первобытного общества к раннеродовому первобытнообщинному строю, от труда инстинктивного к труду сознательному, притом что «отличие инстинктивного труда от сознательного состоит не в самом факте орудийной деятельности, а во включении сознания и, следовательно, речи, ибо вне речи сознания не существует» [10, с. 3].

По мере своего развития в раннеродовых общинах первобытные люди стали обретать особые обычаи и правила, прежде всего систему запретов (табу), заложившую основы первобытной этики, общий язык, верования, а затем и культы. Первоначальная иерархия в раннеродовых сообществах вряд ли существенно отличалась от стадной иерархии, состоявшей из системы отношений вожака (лидера) и рода, а первоначальное социальное разделение очевидно имело в своей основе половозрастные признаки, как в некоторых сообществах животных, однако это был громадный шаг вперед: появляется община, первоэлемент человеческого общества, структурно важнейший элемент социальной организации, накладывающий на индивида особые социальные функции.

Древнейшие очаги археологических культур локализуются в Анатолии, Месопотамии, Египте, долине Инда, Китае, на Кавказе и Балканах. В энеолите появляется петроглифика, протописьмо, на основе которого в течение последующих эпох, по-разному в различных географических ареалах, одновременно с появлением общественных классов, бюрократии и политических структур как раз и возникает письменность. На место устной истории постепенно приходит история письменная, или историописание.

Религиозные и философские концепции конца истории

Существует множество концепций конца истории, от религиозных до философских [8, с. 12–20]. В монотеистической традиции, в частности в христианской и исламской эсхатологии, ближе к концу света придет Антихрист (ад-Даджжал), которого победит Иисус Христос (‘Иса б. Марйам), после чего

наступит конец истории в традиционном смысле и тысячелетний период небесного царства. Традиционные сценарии конца света в общих чертах общеизвестны, хотя в каждой религиозной традиции существуют свои особые толкования: они хорошо прослеживаются в богословских комментариях к библейской истории о Гоге и Магоге и кораническому рассказу о Йа'джудже, Ма'джудже и Зу-л-Карнайне [2, с. 279–356].

Опираясь на христианскую эсхатологию, Св. Августин пришел к выводу, что история характеризуется нераздельностью добра и зла; конец истории наступит после того, когда всепожирающий огонь поглотит зло и наступит царство добра. По Канту, конец истории связан с идеей, что «историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество» [7, с. 26–27].

Владимир Соловьёв сформулировал идею конца истории в своей «Повести об Антихристе»: после завершения истории, творимой человеком, в империи Антихриста происходит еще один, на этот раз истинный, эсхатологический конец истории [35, S. 17]. Философскую концепцию конца истории предложил также А. Кожев (Кожевников), который опирался не столько на идеи Вл. Соловьёва, сколько на собственные трактовки «Феноменологии духа» Гегеля, выработанные им во время чтения лекций по этой теме [40, S. 105]. К концу истории человечество достигает завершенной целостности своего исторического развития, высшего идеала совершенного человека, и понимает, что именно эту целостность, гармонию и совершенство оно называло Богом, или Абсолютным духом. На самом деле этот дух – не Бог, а пространственно-временна́я тотальность природной и человеческой действительности, или «человек-в-мире» [34, S. 278]. Полагают, что именно концепция А. Кожева оказала большое влияние на все последующие концепции постистории, а также на философию постмодернизма [6, с. 397–401].

В марксизме история считалась предысторией коммунизма – идеального общественного строя. С достижением этого идеала подлинная история только начинается: «Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [9, с. 7–8]. Однако к этому ли стремилось человечество? Возможна ли полноценная свобода личности в таком программируемом, планомерно развивающемся мире? Одним из первых такой вопрос поставил Вильем Флюссер, который в своей «Постистории» еще в 1983 г. пришел к выводу, что полная победа коммунизма будет означать не начало истории, а ее конец [27].

Распад СССР в 1991 г. некоторые мыслители на Западе восприняли как окончательную победу либеральной демократии. После крушения коммунизма

уже никто не сможет составить ей конкуренцию, в том числе и ислам. Этот подход Фрэнсис Фукуяма сначала детализировал в статье (1989), а в 1992 г. – в книге «Конец истории и последний человек»: «Времена культурных завоеваний ислама, похоже, прошли: он может вернуть на свою сторону отпавших приверженцев, но вряд ли найдет отклик у молодых людей в Берлине, Токио или Москве. И хотя около миллиарда человек, одна пятая населения Земли, принадлежит к исламской культуре, бросить вызов либеральной демократии на ее собственной территории на уровне идей ислам не может» [28; 14, с. 96][3]. Таким образом, в истории Фукуяма видел общее направление и конечную точку [32, p. 35–48, 140–168]. В этот период выражение «конец истории» получило распространение в самых различных областях гуманитарного знания [22, p. 47–75].

Последовавшие за этим события и обоснованная критика со всех сторон [20, p. 350–355; 37; 12, с. 509–510 и др.] уже через пять лет заставили Фрэнсиса Фукуяму уточнить свою концепцию, что он и сделал, сославшись на эмпирические и номинативные положения в его книге: «Провозглашение “конца истории” является номинативным, но не эмпирическим: оно означает не то, что “конец истории” это свершившийся факт, что наступил конец войнам, голоду, этническим и религиозным конфликтам; а то, что в плане идей и теорий нет больше жизнеспособных альтернатив либеральной демократии» [18; 29, p. 27–43][4]. Как пояснил Кристофер Хьюз, постмодернистские подходы, представленные в нашумевшей концепции Ф. Фукуямы, рассматривают либеральную демократию как конец истории, однако это означает не что иное, как переход на завершающий, высший этап истории [33, p. 49–67, 140–168].

С философской идеей конца истории генетически связана, хотя и не линейно, модная ныне концепция постистории, которая опирается на постулаты теории постмодернизма. В 1989 г. Лютц Нитхаммер практически одновременно с Фукуямой выступил с философским обоснованием конца истории, опираясь на творческое наследие А. Кожева. В своей книге «Постистория. Подошла ли история к концу?» он прямо противопоставил постисторию и конец истории, хотя и в метафизическом смысле [39].

Свое новое, постмодернистское, содержание концепция получила в трудах Юргена Хабермаса и Жана Бодрийяра. Постистория у Хабермаса – это качество истории в постиндустриальном обществе, когда традиционное линейное понимание событийности, развивающегося из прошлого в будущее, сменяется установкой на интерпретационную плюральность нарративной

3. После терактов 11 сентября 2001 г. эти взгляды Фукуямы оказались устаревшими, зато укрепились позиции Сэмуэля Хангтинтона, предсказавшего столкновение цивилизаций – западной и исламской.

4. Всесторонний научный анализ такой рефлексии см.: [39].

истории. Концепция постистории изобилует дискурсами (или «нарративной связностью дискурса»), не признает линейную концепцию времени и линейное видение социальной динамики. Она отказывается от логоцентризма и презумпции трансцендентального означаемого, поскольку считает невозможной интерпретацию текста источника извне, без «деструкции» этого текста. И в связи с этим возникает парадокс «двойного прошлого» (*A Double Past*) [30].

Бодрийяр считал народные массы «молчаливым большинством», которое своим безразличием уничтожает всякий смысл, а значит, и информацию. Масса не может быть ни объектом, ни субъектом истории. По его мнению, социальное в одно и то же время и создается, и разрушается: «Социальное, безусловно, существовало, но сейчас его больше нет. Оно существовало как связное пространство, как основание реальности» [4, с. 90–91]. Очевидно, этот «конец социального» и является постисторией.

Граница между историей и не-историей, прошлым и настоящим

Историческая наука не признает концептов конца истории, хотя дискурсы постистории некоторым образом все же проникают в академическую науку, обогащая инструментарий исследователя. Господствующая точка зрения исходит из того, что история человечества будет продолжаться до тех пор, пока существует само человечество как вид. Вместе с тем мы не можем обойти вниманием проблему конечного рубежа истории. Эта проблема имеет два аспекта: внешний и внутренний.

Внешний аспект проблемы имеет в своем основании тезис о том, что в исторической науке нет четкого, однозначно признаваемого всеми историками водораздела между прошлым и современным. Это достаточно непростая дилемма, учитывая широкое использование определений вроде «новейшей истории», «современной истории», «исторической памяти» (имея в виду живую коллективную память ныне живущих людей и различных сообществ о событиях далекого прошлого) и даже «исторического будущего» (по Шпенглеру).

Объективных критериев, с какого момента событие можно считать историей, не существует. Поэтому системно-коммуникативный метод позволяет взять за основу измерения самого времени, которое делится на прошлое, настоящее и будущее. Прошлое во временно́м измерении – это свершившееся настоящее, поэтому только настоящий момент может служить водоразделом между прошлым и будущим.

Внутренний аспект проблемы учитывает, что исторический процесс:

1) непрерывен;

2) он связан с настоящим и будущим в своем временно́м измерении;

3) история не заканчивается настоящим, все исторические процессы имеют продолжение, хотя они в настоящее время уже не являются историей;

4) каждый миг настоящего – это потенциальное прошлое, которое не возникает ниоткуда, а только из настоящего. Этот процесс историотворчества также непрерывен, как и исторический процесс.

В практической плоскости эти теоретические положения заставляют нас полнее учитывать фактор времени. Исследователи относятся к этногенезу, политогенезу и другим процессам как историческим явлениям, имевшим определенные хронологические рамки: они возникли и завершились в определенных исторических условиях. Такой подход исходит из тезиса о неизменности сущности социальных связей и отношений, а также социальных институтов, что вряд ли можно считать корректным, учитывая их изменчивость в историческом процессе.

Человек по своей природе не только эгоцентричен, но и хроноцентричен по отношению к настоящему времени: он все оценивает с точки зрения сегодняшнего дня, текущего момента: знаний, жизненного опыта, возраста. Масштаб исторического процесса, системный подход и формализованные, обезличенные требования информационного подхода заставляют смотреть на историю как на неоконченный роман, который мы продолжаем читать в настоящее время. Финал каждого из известных нам эпизодов истории так или иначе разрешится, но в будущем. Человек продолжает развиваться и меняться; это означает, что и трансформация социальных систем, связанных с ним, будет продолжаться. По этой причине принципы методологии истории должны быть одинаково применимы как к историческим, так и к современным событиям, когда и где бы они ни происходили.

С точки зрения системного подхода история представляет собой не только непрерывный, но и многоаспектный процесс социального взаимодействия, в котором одни события сменяются другими, переплетаясь друг с другом и руководствуясь своей логикой – как внутренней, так и логикой взаимодействия. При этом реальное социальное взаимодействие, реальные события и реальное их переплетение друг с другом происходят не в истории, а только в настоящее время. В истории ничего не происходит, поскольку ее составляют только свершившиеся факты и события, которые, в свою очередь, становятся историческими только тогда, когда они в сознании наблюдателей отрываются от ткани настоящего и переходят в категорию прошлого. А это происходит не в процессе совершения события, а только тогда, когда оно 1) логически завершается, 2) перестает быть актуальным настоящим. А поскольку каждое событие человек воспринимает индивидуально, то для одного событие может стать прошлым, в то время для другого оно продолжает оставаться частью настоящего.

Согласно Лесли Уайту, все социальные связи – прошлые, настоящие и будущие – образуют единую систему [13, с. 109]. Непрерывность социального существования человечества, связывающая прошлое с настоящим, обеспечивает единство исторического процесса. Именно по этой причине Дьёрдь Лукач, стараясь добиться понимания единства и целостности человеческого бытия, предлагал рассматривать проблему настоящего как историческую [36, p. 261]. Для обеспечения такого единства желательно объединять прошлое и настоящее вместе, чтобы получить эвристическое броделевское *longue duree*. Достаточно ли для этого не разрывать логические связи между прошлым и настоящим, используя один и тот же язык социального описания, как это делают исследователи в рамках современной истории [3] – вопрос, требующий отдельного изучения. В связи с этим небезынтересна попытка Юваля Харари написать краткую историю будущего, объединив ее с прошлым и настоящим [31].

Библиография

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. Изд. 6-е. М.: АСТ – Астрель, 2007. 350 с.

2. Аликберов А.К. К источникам и историческим основаниям коранического рассказа о Йа'джудже, Ма'джудже и Зу-л-Карнайне //Ars Islamica: В честь Станислава Михайловича Прозорова / Сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов. М.: Наука – Восточная литература, 2016. С. 279–356.

3. Бибиков Г.Н., Бибикова Л.В. Методология современной истории: Историографический очерк. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 208 с.

4. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Перевод на русский Н.В. Суслова. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 96 с.

5. Дьяконов И.М. Пути истории. С древнейших времен до наших дней. Изд. второе. М.: КомКнига, 2007. 382 с.

6. Жубара А. Идея конца истории: Вл. Соловьёв и А. Кожев // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьёва и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 397–401.

7. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собрание сочинений. Юбил. изд., 1794–1994: В 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 26–27.

8. Малахов В.С. Еще раз о конце истории // Вопросы философии. 1994. № 7/8. С. 12–20.

9. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Гос. из-во полит. лит-ры, 1959. Т. 13. С. 1–167.

10. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.

11. Поршнев Б.Ф. Возможна ли сейчас научная революция в приматологии? // Вопросы философии. 1966. № 3. С. 113–116.

12. Семёнов Ю.И. Конец истории? // Философия истории. Изд. 2-е. М.: Современные тетради, 2003. С. 509–510.

13. Уайт Л. Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 47–472.

14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с.

15. Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе / Пер. с нем. А.С. Пащенко. СПб.: Алетейя, 2011. 319 с.

16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Гос. из-во полит. лит-ры, 1961. Т. 21. С. 23–178.

17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Из-во полит. лит-ры, 1991. 528 с.

18. After history? Francis Fukuyama and his critics / Ed. by Timothy Burns. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1994. 265 p.

19. Anderson Bernhard W. The Beginning of History: Genesis. London: Lutterworth Press, 1963. 96 p.

20. Anderson Perry. The Ends of History // A Zone of Engagement. London – New York: Verso, 1992. P. 350–355.

21. Bailey D. Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic. London: Routledge Publishers, 2005. 243 p.

22. Barker F. Which dead? Hamlet and the Ends of History // Uses of History: Marxism, Post-modernism, and the Renaissance / Ed. by Barker F., Hulme P., Iversen M. Manchester; New York: Manchester University Press, 1991. P. 47–75.

23. Bell J.A. Reconstructing Prehistory: Scientific Method in Archaeology. Philadelphia: Temple University Press, 1994. 358 p.

24. Bossuet, Jacques B. An Universal History, from the Beginning of the World, to the Empire of Charlemagne. Transl. from the 13th Ed. of the original by Mr. Elphinston. In 2 Volumes. London: The Bible and Crown, Little Tower-Hill, 1767. 324 p.

25. The World's Writing Systems / Ed. by Peter T. Daniels and William Bright. New York – Oxford: Oxford University Press, 1996. 921 p.

26. De Angelis M. The Beginning of History: Value Struggles and Global Capital. London: Pluto Press, 2007. 320 p.

27. Flusser V. Post-History. Transl. by Rodrigo Maltez Novaes. University of Minnesota Press, 2013. 167 p.

28. Fukuyama F. Das Ende der Geschichte. Wo stehen wir? München: Kindler, 1992. 510 S.

29. Fukuyama F. Reflections on the End of History, Five Years Later // History and Theory. 1995. Vol. 34. N 2. P. 27–43.

30. Habermas J. A Berlin Republic: Writings on Germany / Transl. by Steven Rendall; Intr. by Peter Uwe Hohendahl. Frankfurt am Main: Polity Press, 2015. 187 S.

31. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. London: Harvill Secker, 2016. 448 p.

32. Harari Y.N. Sapiens: A Brief History of Humankind. London: Harvill Secker, 2014. 464 p.

33. Hughes C. Liberal Democracy as the End of History: Fukuyama and Postmodern Challenges. London – New York: Routledge, 2011. 225 p.

34. Kojeve A. Hegel. Eine Vergegenwärtigung seines Denkens: Kommentar zur Phänomenologie des Geistes. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. 339 S.

35. Koschewnikoff A. Die Geschichtsphilosophie Wladimir Solowjews. Bonn: Friedrich Cohen, 1930. 20 S.

36. Lukács G. History and Class Consciousness. Studies in Marxist Dialectics / Transl. by Rodney Livingstone. Cambridge, MA: The MIT Press; London: Merlin Press, 1971. 356 p.

37. Meyer M. Ende der Geschichte? München: Carl Hanser, 1993. 248 S.

38. The Neolithic Demographic Transition and its Consequences / Ed. by Jean-Pierre Bocquet-Appel and Ofer Bar-Yosef. Dordrecht: Springer, 2008. 544 p.

39. Niethammer L. Posthistoire. Ist die Geschichte zu Ende? Reinbek / Hamburg: Rowohlt Verlag, 1989. 187 S.

40. Pinard-Legry J.-L., Kojeve A. Zur französischen Hegel-Rezeption // Vermittler (Deutsch-französisches Jahrbuch) / Band 1. Jürgen Sieß (Ed.). Frankfurt am Main: Syndikat, 1981. S. 105–117.

41. Renfrew C. Prehistory: The Making of the Human Mind. London: Weidenfeld & Nicolson, 2007. XIV; 254 p.

42. Stone Tools: Theoretical Insights into Human Prehistory / Ed. by George H. Odell. New York: Springer Science – Business Media, 2013. 402 p.

43. Thacker P.T. Hunter-Gatherer Lithic Economy and Settlment Systems: Understanding Regional Assemble Variability in the Upper Paleolithic of Portuguese Estremadura // Stone Tools: Theoretical Insights into Human Prehistory / Ed. by George H. Odell. New York: Springer Science – Business Media, 2013. P. 101–122.

44. Tytler A.F. Universal history, from the Creation of the World to the Beginning of the Eighteenth Century. In Two Volumes. Boston: Hilliard, Gray, and Co., 1839. Vol. 1. 548 p.

45. Tytler A.F. Universal history, from the Creation of the World to the Beginning of the Eighteenth Century. In Two Volumes. Boston: Hilliard, Gray, and Co., 1839. Vol. 2. 549 p.

References

After history? Francis Fukuyama and his critics / Ed. by Timothy Burns. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1994. 265 p.

Alekseev V.P., Pershic A.I. Istorija pervobytnogo obshhestva. Izd. 6-e. Moscow: AST – Astrel', 2007. 350 p.

Alikberov A.K. K istochnikam i istoricheskim osnovanijam koranicheskogo rasskaza o Ja'dzhudzhe, Ma'dzhudzhe i Zu-l-Karnajne //Ars Islamica: V chest' Stanislava Mihajlovicha Prozorova / Sost. i otv. red. M.B. Piotrovskij, A.K. Alikberov. Moscow: Nauka – Vostochnaja literatura, 2016. P. 279–356.

Anderson Bernhard W. The Beginning of History: Genesis. London: Lutterworth Press, 1963. 96 p.

Anderson Perry. The Ends of History // A Zone of Engagement. London – New York: Verso, 1992. P. 350–355.

Bailey D. Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic. London: Routledge Publishers, 2005. 243 p.

Barker F. Which dead? Hamlet and the Ends of History // Uses of History: Marxism, Post-modernism, and the Renaissance / Ed. by Barker F., Hulme P., Iversen M. Manchester; New York: Manchester University Press, 1991. P. 47–75.

Bell J.A. Reconstructing Prehistory: Scientific Method in Archaeology. Philadelphia: Temple University Press, 1994. 358 p.

Bibikov G.N., Bibikova L.V. Metodologija sovremennoj istorii: Istoriograficheskij ocherk. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2011. 208 p.

Bodrijar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo. Perevod na russkij N.V. Suslova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'sk. un-ta, 2000. 96 p.

Bossuet, Jacques B. An Universal History, from the Beginning of the World, to the Empire of Charlemagne. Transl. from the 13th Ed. of the original by Mr. Elphinston. In 2 Volumes. London: The Bible and Crown, Little Tower-Hill, 1767. 324 p.

D'jakonov I.M. Puti istorii. S drevnejshih vremen do nashih dnej. Izd. vtoroe. Moscow: KomKniga, 2007. 382 p.

De Angelis M. The Beginning of History: Value Struggles and Global Capital. London: Pluto Press, 2007. 320 p.

Flusser V. Post-History. Transl. by Rodrigo Maltez Novaes. University of Minnesota Press, 2013. 167 p.

Fukujama F. Konec istorii i poslednij chelovek / Frjensis Fukujama; per. s angl. M.B. Levina. Moscow: AST, 2007. 588 p.

Fukuyama F. Das Ende der Geschichte. Wo stehen wir? München: Kindler, 1992. 510 S.

Fukuyama F. Reflections on the End of History, Five Years Later // History and Theory. 1995. Vol. 34. N 2. P. 27–43.

Habermas J. A Berlin Republic: Writings on Germany / Transl. by Steven Rendall; Intr. by Peter Uwe Hohendahl. Frankfurt am Main: Polity Press, 2015. 187 S.

Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. London: Harvill Secker, 2016. 448 p.

Harari Y.N. Sapiens: A Brief History of Humankind. London: Harvill Secker, 2014. 464 p.

Hughes C. Liberal Democracy as the End of History: Fukuyama and Postmodern Challenges. London – New York: Routledge, 2011. 225 p.

Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii. Moscow: Iz-vo polit. lit-ry, 1991. 528 p.

Jengel's F. Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Marks K. i Jengel's F. Sochinenija. Izd. 2-e. Moscow: Gos. iz-vo polit. lit-ry, 1961. Vol. 21. P. 23–178.

Kant I. Ideja vseobshhej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane // Kant I. Sobranie sochinenij. Jubil. izd., 1794–1994: V 8 t. / Pod obshh. red. A.V. Gulygi. Moscow: ChORO, 1994. Vol. 8. P. 26–27.

Kojeve A. Hegel. Eine Vergegenwärtigung seines Denkens: Kommentar zur Phänomenologie des Geistes. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. 339 S.

Koschewnikoff A. Die Geschichtsphilosophie Wladimir Solowjews. Bonn: Friedrich Cohen, 1930. 20 S.

Lukács G. History and Class Consciousness. Studies in Marxist Dialectics / Transl. by Rodney Livingstone. Cambridge, MA: The MIT Press; London: Merlin Press, 1971. 356 p.

Malahov V.S. Eshhe raz o konce istorii // Voprosy filosofii. 1994. N 7/8. P. 12–20.

Marks K. K kritike politicheskoj jekonomii // Marks K. i Jengel's F. Sochinenija. Izd. 2-e. Moscow: Gos. iz-vo polit. lit- ry, 1959. T. 13. P. 1–167.

Meyer M. Ende der Geschichte? München: Carl Hanser, 1993. 248 S.

Niethammer L. Posthistoire. Ist die Geschichte zu Ende? Reinbek / Hamburg: Rowohlt Verlag, 1989. 187 S.

Pinard-Legry J.-L., Kojeve A. Zur französischen Hegel-Rezeption // Vermittler (Deutsch-französisches Jahrbuch) / Band 1. Jürgen Sieß (Ed.). Frankfurt am Main: Syndikat, 1981. S. 105–117.

Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii (Problemy paleopsihologii). Moscow: Mysl', 1974. 487 p.

Porshnev B.F. Vozmozhna li sejchas nauchnaja revoljucija v primatologii? // Voprosy filosofii. 1966. N 3. P. 113–116.

Renfrew C. Prehistory: The Making of the Human Mind. London: Weidenfeld & Nicolson, 2007. XIV; 254 p.

Semjonov Ju.I. Konec istorii? // Filosofija istorii. Izd. 2-e. M.: Sovremennye tetradi, 2003. P. 509–510.

Shmidt K. Oni stroili pervye hramy. Tainstvennoe svjatilishhe ohotnikov kamennogo veka. Arheologicheskie otkrytija v Gjobekli Tepe / Per. s nem. A.S. Pashhenko. Saint Petersburg: Aletejja, 2011. 319 p.

Stone Tools: Theoretical Insights into Human Prehistory / Ed. by George H. Odell. New York: Springer Science – Business Media, 2013. 402 p.

Thacker P.T. Hunter-Gatherer Lithic Economy and Settlment Systems: Understanding Regional Assemble Variability in the Upper Paleolithic of Portuguese Estremadura // Stone Tools: Theoretical Insights into Human Prehistory / Ed. by George H. Odell. New York: Springer Science – Business Media, 2013. P. 101–122.

The Neolithic Demographic Transition and its Consequences / Ed. by Jean-Pierre Bocquet-Appel and Ofer Bar-Yosef. Dordrecht: Springer, 2008. 544 p.

The World's Writing Systems / Ed. by Peter T. Daniels and William Bright. New York – Oxford: Oxford University Press, 1996. 921 p.

Tytler A.F. Universal history, from the Sreation of the World to the Beginning of the Eighteenth Century. In Two Volumes. Boston: Hilliard, Gray, and Co., 1839. Vol. 1. 548 p.

Tytler A.F. Universal history, from the Sreation of the World to the Beginning of the Eighteenth Century. In Two Volumes. Boston: Hilliard, Gray, and Co., 1839. Vol. 2. 549 p.

Uajt L. Jevoljucija kul'tury. Razvitie civilizacii do padenija Rima // Uajt L. Izbrannoe: Jevoljucija kul'tury. Moscow: ROSSPJeN, 2004. P. 47–472.

Zhubara A. Ideja konca istorii: Vl. Solov'jov i A. Kozhev // Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebrjanogo veka: K 150-letiju Vl. Solov'jova i 110-letiju A.F. Loseva. Moscow: Nauka, 2005. P. 397–401.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.17

О.А. Симонова

ОБРАЗ НЕСТОРА МАХНО В ВОСПОМИНАНИЯХ А.А. САКСАГАНСКОЙ. ВПЕЧАТЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ, СЛУХИ, СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ*

Аннотация. *В статье рассматриваются слухи и свидетельства о Н.И. Махно, приводимые в неопубликованных воспоминаниях писательницы А.А. Саксаганской «Махно. Под черным флагом». Анализ воспоминаний позволяет восстановить циркулировавшие в городской среде того времени представления о Махно, его военных операциях и тактике. Махно предстает бесстрашным героем, жестоким убийцей и «хитрым мужичком», которому удается обмануть своих противников. В статье показано, как реальные факты интерпретируются мемуаристкой.*

Ключевые слова: *Гражданская война, Екатеринослав, образ Махно, военная тактика Махно, городские слухи.*

Симонова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН). E-mail: osimonova@yandex.ru

O.A. Simonova. The Image of Nestor Makhno in the Memoirs of A.A. Saksaganskaya. Impression of the Writer, Rumors, Eyewitness Accounts

Abstract. *The paper deals with the rumors and evidence facts about Nestor Makhno that are provided by writer A.A. Saksaganskaya in her unpublished memoir «Makhno. Under the black flag». The image of Makhno, his military tactics and some military operations had certain representation in the urban society of the time. The analysis of the memoir allows to restore this representation. Makhno appears to be a fearless hero, a cruel murderer, and a sly peasant who manages to trick his adversaries.*

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-84-01005 а (ц). Автор благодарит Юрия Павловича Кравца за ценные консультации во время подготовки статьи к публикации.*

Keywords: *Civil war, Ekaterinoslav, image of Makhno, military tactics of Makhno, the city rumors.*

Simonova Olga Alekseevna – Candidate of Philological Sciences,
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAN), Senior Researcher.
E-mail: osimonova@yandex.ru

Писательница Анна Абрамовна Саксаганская (урожд. Немировская, 1868[1]–1939) оставила два мемуарных текста о Гражданской войне, написанные в конце 1920-х – начале 1930-х годов: «В тылу» о времени оккупации немцами Украины при гетмане П.П. Скоропадском в 1918 г. и «Махно. Под черным флагом» о деятельности армии Нестора Махно в Екатеринославе (совр. назв. Днепр) в 1919 г.

Автор воспоминаний родилась в Верхнеднепровске Екатеринославской губернии в богатой купеческой семье. В 1903 г., выйдя замуж, переехала в Петербург, где активно занималась общественной и литературной деятельностью, была членом Российской лиги равноправия женщин. Она печаталась в екатеринославской и столичной периодике (газетах «Екатеринославские ведомости», «Приднепровский край», «Днепровская молва», «Киевская мысль», «Биржевые ведомости» и в журналах «Артист и сцена», «Обозрение театров», «Театр и искусство», «Родина», «Огонек», «Новь», «Женщина» и др.). Тема многих произведений писательницы – «проблема бесправного и зависимого положения женщины в семье и обществе» [7, с. 452]. В женских журналах Саксаганская публиковала короткие рассказы-миниатюры. Основное место в ее творчестве заняли пьесы (в большинстве своем короткие комедии и водевили), которые печатались в Петербурге отдельными изданиями, однако ставились лишь на любительской и полупрофессиональной сценах.

В 1918 г. писательница уезжает из голодного Петрограда в Екатеринослав, где проводит почти три года. Этому времени как раз и посвящены воспоминания, в которых автор красочно рассказывает о некультурности немцев и жестокости махновцев. Вернувшись в Петроград, Саксаганская возобновляет литературную деятельность, однако большинство ее произведений не увидели свет. Последним делом ее жизни стала помощь Бонч-Бруевичу в формировании собрания Государственного литературного музея, она бескорыстно выполняла обязанности ленинградского агента музея, помогала в приобретении материалов из архивов И.И. Ясинского, И.А. Гриневской, С.С. Кондурушкина, П.П. Гнедича и др. [7, с. 452–453].

1. Год рождения А. Саксаганской установлен Ю.П. Кравцом по именным гильдейским спискам александровских коренных купцов за 1904–1907 гг. (Государственный архив Запорожской области).

Неопубликованные воспоминания Саксаганской (переплетенные тетради машинописи с авторской правкой) хранятся в архиве Горького ИМЛИ РАН [12; 14] и в РГАЛИ [11; 13; 15; 16]. Автору не удалось их опубликовать, хотя она делала попытки. Первоначально писательница послала мемуары о Махно в журнал «Новый мир», редактируемый в то время А.В. Луначарским. Сохранился положительный отзыв редакции, датированный маем 1930 г., в котором отмечалось, что очерки махновского движения даны интересно, но они не подходят для журнала. Писательнице был дан совет опубликовать мемуары «в каком-либо специальном историко-революционном журнале» [15, л. 2].

В 1932 г. Саксаганская посылает рукописи В.Д. Бонч-Бруевичу, с которым они были знакомы еще до революции. Он, будучи руководителем издательства «Жизнь и знание», планировал издать в 1918 г. «Рассказы» Саксаганской. Поначалу отнесшийся скептически к мемуарам писательницы, Бонч-Бруевич оставил положительную рецензию, прочитав очерки о Махно: «Очень интересные, живо написанные воспоминания, облеченные плотью и кровью махновщины. Ценные как исторический документ. <…>» [3, л. 1]. Он планировал опубликовать их в сборнике «Звенья», однако и это не было осуществлено.

По-видимому, издать воспоминания о Махно в начале 1930-х годов уже было невыполнимой задачей. С теми же трудностями столкнулся и А.Н. Толстой, который опубликовал в упомянутом «Новом мире» вторую часть трилогии «Хождение по мукам», но, опасаясь обвинений «в кулацкой идеологии», не решился в это время печатать роман «1919-й год», где был выведен образ Махно [5, с. 267–268].

Воспоминания «Под черным флагом» – текст, наполненный слухами о Махно и впечатлениями от общения с махновцами. По воспоминаниям Саксаганской, возможно восстановить представления о Махно, существовавшие в городской среде того времени, когда достоверной информации практически не было, и любое событие обрастало домыслами. Характерно, что настоящие участники и очевидцы событий, оставившие воспоминания о махновском движении (Н.И. Махно, П.А. Аршинов, В.М. Волин, А.В. Чубенко, В.Ф. Белаш и др.), практически не описывают те эпизоды, которые приводит писательница. С одной стороны, о махновском движении распространялись всевозможные слухи: «Было такое множество всевозможных трюков, что трудно было отличить быль от придуманного» [1, с. 40]. С другой стороны, представляется, что многие описываемые Саксаганской события и есть городские легенды, созданные на основе реальных фактов.

Видимо, Саксаганская, зная что личность Махно окружена ореолом легенд, осознавала гротескность приводимых ею эпизодов. В письмах Бонч-Бруевичу писательница неоднократно настаивает на том, что все описанное ею – правда, так как она землячка Махно и у них есть общие знакомые.

В любом случае введение в научный оборот воспоминаний Саксаганской существенно расширяет наши представления о Махно, его военной тактике, составе его армии, конкретизирует военную стратегию атамана, показывая отдельные операции и др. Попробуем на основе некоторых эпизодов мемуаров показать, как устроен этот текст, как действительное в нем переплетается с вымышленным.

«Под черным флагом» – очень насыщенный текст, структурно состоящий из двух частей. Первая часть написана в жанре мемуарного портрета. Писательница красочно описывает Махно и его «банду» по рассказам ее знакомых – очевидцев событий и по слухам. Здесь присутствуют лишь небольшие вкрапления личных воспоминаний. Вторая часть больше по объему. В ней описываются те события, которым сама автор была свидетельницей. Она передает разговоры махновцев, живших в ее доме, описания их зверств, рисует пьяные дебоши, которые они устраивали в ее доме. В целях спасения себя и своей семьи она вынуждена была начать сотрудничать в анархистской газете «Путь свободе», но, по ее словам, так и не успела опубликовать ни одного рассказа. В конце повествования мемуаристка описывает, как в ее доме был устроен прием с обедом и танцами, который продолжился гулянием махновцев с проститутками. За кульминацией действия наступает развязка – в разгар празднества город внезапно подвергается обстрелу, наступают белые. Махновцы, спешно отступая, хотят взять писательницу с собой, но ей удается вовремя закрыть дверь на крюк и остаться в городе.

Мы сосредоточимся на анализе первой части текста, которая состоит из ярких фрагментов, объединенных личностью Махно. Слухи были основным источником информации для горожан во время Гражданской войны: «Что касается нас – граждан, то мы исключительно жили городскими, местного характера, военными новостями. Новости эти сообщались смельчаками, умудрявшимися каким-то образом под визг пуль пробираться в центр города и разведывать о событиях. Конечно, многое было преувеличено, но все же немало отыскивалось правды» [14, л. 4].

Саксаганская по слухам набрасывает биографию Махно. По ее словам, он был «крестьянин Екатеринославской губернии, Александровского уезда, села Гуляй-Поле, из середняков. Отец его и три брата умерли от запоя; выжил только, несмотря на свою хрупкость и алкоголизм, Нестор Иванович Махно» [14, л. 10–11]. Как видим, несмотря на частичную точность в передаче фактов, уже биографическая справка о Махно обнаруживает гиперболичность слуха. Рано умер только отец Нестора Иван Родионович (1846–1889) [10, с. 191], из четырех старших братьев Емельян был расстрелян австрийцами в 1918 г., Поликарп умер от избиений казаками в 1919 г., Савелий (Савва) и Григорий были соратниками Нестора в его борьбе и погибли на фронте [10, с. 823]. Но Саксаганская подчеркивает исключительность Нестора: он един-

ственный – не отличающийся здоровьем – выжил. Такая избранность делает из него сказочного героя, сразу же подразумевая его дальнейшую судьбу.

Писательница продолжает: «Учился он в сельском местном училище. Крестьянин-хлебопашец, он уже с юношеских лет занимался экспроприациями, с такими же головорезами, как и он сам. Хотя Махно не заходил в дома, опасаясь быть узнанным, благодаря своему маленькому росту, но все прекрасно знали, откуда тянутся нити грабежей и кто наводчик этих экспроприаций. Грабители оставались неуловимыми вплоть до 1905 года, когда, наконец, Махно попался при налете на Бердянский банк, причем был убит пристав. Он был сослан в Сибирь, и его дело разбиралось как обыкновенное дело бандитизма. Свою же ссылку он впоследствии объяснял как воздействие за идею анархизма. Находясь в Сибири, он сошелся с политическими ссыльными и под их влиянием много читал по социальным вопросам. Память имел изумительную. Он знал наизусть весь “Капитал” Маркса, но, невзирая на знакомство с социальными вопросами, он остался тем же Махно, каким был до ссылки» [14, л. 11].

Как видим, здесь также реальность переплетается с домыслами. Махно действительно отучился несколько классов в училище, потом участвовал в бандитских нападениях, но отнюдь не был их главарем, будучи еще несовершеннолетним. Даже позднее, в 1917 г., в начале организации отряда, Махно «ничем не проявлял себя и был как все, маленький и равный» [1, с. 34]. Арестовали его в 1908 г. за разбойничьи нападения, а осудили в 1910 г., наказание Махно отбывал в Бутырской тюрьме в Москве, где сошелся с анархистом П.А. Аршиновым, под влиянием которого много читал, но сам впоследствии не называл его своим учителем [9, с. 46]. Таким образом, Саксаганская, не имея точных сведений, достраивает биографию Махно. Писательница опирается на существующие в культуре стереотипы: бандитские экспроприации привязываются ко времени Первой русской революции (1905–1907), ссылка подразумевает Сибирь, выдающееся преступление – ограбление большого банка. По-видимому, слух об ограблении какого-то финансового учреждения курсировал в то время, его приводит Н.В. Герасименко, утверждая, что в начале 1906 г. Махно организовал нападение на Бердянское уездное казначейство, совершив тройное убийство [8, с. 14]. Однако подобные сведения не соответствуют действительности. Саксаганская снова героизирует образ Махно, преувеличивая его роль в преступлениях, лишь в общих чертах следуя реальной канве его жизни.

Другие приводимые Саксаганской факты кажутся более сомнительными: «Настоящего Махно редко кто видал без грима. Маскарад проделывался с целью обезопасить себя от покушения.

Девять махновцев, походивших на него, были загримированы под Махно. Покушавшийся убивал мнимого, а настоящий собственноручно убивал покушавшегося. Подобные случаи были неоднократно.

Собираясь в поход, Махно брал полный чемодан грима, другой чемодан наполнял любимым ликером, который ему изготовляли Гуляй-польские провизора» [14, л. 11–12].

Такие утверждения не встречаются у других мемуаристов. Но, как мы увидим ниже, Махно – действительно гримировался, исполняя роли в своих военных мероприятиях. Сама писательница была очевидицей того, как Махно просил на своем складе для жены «10 флаконов самых лучших духов, одеколона, мыла» [14, л. 69]. Возможно, этот факт закрепил в Саксаганской уверенность в повышенном внимании Махно к преображению своего внешнего вида, которое проявилось в таком гиперболическом виде – постоянной гримировке, имевшей, впрочем, прагматическую цель – оставаться неузнанным. Настоящий Махно предстает в воспоминаниях писательницы без театральной бутафории: «Преимущественно он одевался в генеральскую шинель, без погон. В этом наряде я его видела два раза. Из достоверных источников знаю, что это был настоящий Махно» [14, л. 12].

Писательница воспроизводит слухи об особой жестокости Махно: «Сам Батька личными поступками служил примером своему войску. Он никогда не задумывался и по всякому вздорному подозрению собственноручно убивал людей и тут же спокойно, даже не умыв рук, садился за еду. Его преступления были такими же бессмысленными и жестокими, как и его детей: напр<имер>, он не любил людей с золотыми зубами, этого было достаточно, чтобы жизнь человека была предрешена» [14, л. 9–10]. Подчеркивается хладнокровность «Батьки» (после убийства ел, «не умыв рук») и специфические пристрастия (не любил людей с золотыми зубами), позволяющие, казалось бы, индивидуализировать портрет персонажа, но картинность и даже шаблонность приведенных характеристик наводит на мысль о том, что писательница просто воспроизводит типичные по ее представлениям характеристики бандита.

Биографические подробности жизни Махно Саксаганская дополняет многочисленными описаниями его военной изобретательности. Интересен случай обмана махновцами неприятеля под видом свадьбы: «Дорога занята была красными. Махновцы очутились в безвыходном положении. Подле заставы, устроенной красными, греясь в лучах утреннего летнего солнца, сидели красноармейцы и курили, пристально следя за дорогой. Неожиданно послышалась музыка, и множество подвод с подвыпившими крестьянами приблизились к заставе. На одном из возов сидела красавица-невеста с женихом, сватами, дружками, на других родичи, знакомые, все пьяно горланили песни. Подъехали к заставе. Красноармейцы окружили их и, будучи сами

крестьянами, естественно, заинтересовались свадебной процессией. Невеста и жених поднесли им по чарочке водки, также и командиру, угостили всех и, кланяясь по украинскому обычаю, просили пропустить их и гостей в следующую деревню погулять.

Подумал, подумал командир, посоветовался с политруком, и решили, чего ради лишать молодых удовольствия? Пропустили.

Через короткое время раздался по заставе залп, второй, третий. Красные, не будучи подготовленными, отступили.

Махно врезался прямо в тыл и начал бомбардировать заставу, заняв выгодную позицию. Только тогда красные догадались, что это была за свадьба – снова маскарад, благодаря чему пропущен был враг, а для Махно это послужило победой» [14, л. 23–24].

Эта же история получает у других мемуаристов других действующих лиц. В воспоминаниях белогвардейца А.В. Бинецкого речь уже идет не о Махно, а о «батьке Правде», и действие происходит не в стане красных, а у белых. «Батька Правда» собрал молодцов, девок, музыкантов и поехал в деревню, где была кадетская застава. Кадеты подумали, что это свадьба и пропустили их, а те открыли пулеметный огонь [6, с. 812].

Наконец, отрывочный вариант истории приводит в своем дневнике 20 августа 1921 г. художник А.Н. Бенуа: «Недавно опять большой отряд махновцев прошел под видом Красной дивизии с музыкой, с развевавшимся красным знаменем у самого носа заставы, устроенной для уловления батьки» [2, с. 281]. Ключевые моменты слуха: обман махновцами противника, продуманное переодевание и театрализация, наличие музыки. При этом противник и действующие лица из армии Махно указываются разные.

Сын начальника штаба махновской армии В.Ф. Белаша приводит самую невероятную версию: «Ну, например, удачно разыгрывалась такая картина. Засыпанная снегом деревня занята сильным отрядом противника. Дороги на околице перекрыты постами, секретами. В село ни зайти, ни выйти. И вдруг в середине дня едет свадебный поезд. На первых санях мальчик с иконой, жених и невеста. Дальше дружки, с перевязанными через плечо полотенцами, сватовья, гости. Гармошки, бубен, нарядное платье, радостные лица. Песни с гиканием и присвистом – свадьба. Пост не останавливает, а если возникает заминка, его без звука, прихватывают с собой. Кавалькада приближается к штабу противника. Ребята на ходу соскакивают с саней и врываются в штаб. По сигналу к селу подходят главные силы отряда. Лишенный управления и руководства, отряд противника редко оказывал сопротивление. Невестой обычно наряжался Махно» [1, с. 40]. Словам Белаша вторит гуляйпольская учительница Н. Сухогорская: «Махно был то торговцем на базаре, то нищим и даже раз венчался в церкви, удачно изображая собой невинную невесту» [17, с. 50].

Таким образом, наиболее достоверные источники воспроизводят самую фантастическую версию, по которой переодетой невестой оказывается Махно, а сама военная хитрость повторяется неоднократно. Привлекает внимание и следующий красочный эпизод, о котором рассказал Саксаганской махновский командир. Махновцы были окружены белыми и красными. Дело было безвыходное, но тут командира позвали к штабу, где стояло несколько тачанок, на них гробы. Они поехали к лагерю белых, размахивая белым платком, попросили похоронить своих покойников. Белые ругались, долго их не пропускали, потом открыли гробы, и в одном из них увидели самого Махно, все лицо которого было в крови. В итоге белые пропустили махновцев. Когда те отъехали, крышка одного из гробов открылась, и «мертвый» «Батька» свистнул: «Эй, хлопцы, воскресай!». Махновцы поехали по деревням, собрали войско и ударили по белым уже с другой стороны, откуда те не ожидали удара [14, л. 20–21]. Характерно, что подобные истории циркулировали как городские легенды, Саксаганская нанизывает подобные эпизоды, всегда утверждая достоверность информации, указывая на участника события, сообщившего ей это.

Известно, что опора на крестьян всегда помогала Махно. Крестьяне пользовались свободой передвижения, чем Махно неизменно пользовался. Один из захватов Екатеринослава произошел, когда махновцы средь бела дня ввезли в город арбы с сеном, образовав затор у стратегических пунктов, под сеном оказались пулеметы, и ночью махновцы выбили петлюровцев из города. Саксаганская рассказывает, как потом многие вспоминали, что за несколько дней до захвата города на Озерном базаре невзрачного вида крестьянин продавал молочные продукты, балагурил с покупателями и усмехался: «Кто сыр и сметану покупал, тот Махно видал». Оказывается, это был сам Махно [14, л. 2–3].

Этот слух, который отлился в словесную формулу «Кто <молочные продукты> покупал, Махно повидал», появляется и в воспоминаниях Бинецкого. Белогвардейский офицер приводит другой вариант этой легенды со слов некоего крестьянина. Комендант Александровска, узнав, что Махно недалеко, приказал своим солдатам во что бы то ни стало его поймать. К коменданту пришел мужичок, предлагавший масло, тот его купил, а в нем обнаружил записку: «Кто покупал масло, тот видел батьку Махно» [4, с. 784]. Различается как география (Екатеринослав / Александровск), так и коммуникация в легенде (Махно говорит покупателям / Махно пишет записку коменданту). Однако одинаковы сюжетные элементы легенды: 1) Махно переодевается в простого крестьянина; 2) продает молочные продукты; 3) сообщает, что это он; 4) остается неузнанным и непойманным. Основной особенностью слуха является его остросюжетность: Махно может быть схвачен в любой момент, но он чудесным образом ускользает от противников. Таким образом, в слухе, облеченном в остроумную поговорку, выразились основные представления

о Махно – хитром мужичонке, который предстает бесстрашным героем: ему удается обвести своих преследователей вокруг пальца. Саксаганская поясняет способности Махно: «Сила его успехов заключалась, помимо личного ума, еще в изумительной хитрости. Он сам о себе говорил: – Таких умных, как я, богато, но таких хитрых мабуть нема» [14, л. 19].

Таким образом, отсутствие достоверной информации от непосредственных участников событий и вместе с тем невообразимые военные мероприятия армии Махно послужили тому, что вокруг этой фигуры возникло множество слухов, которые стали основой для первой части воспоминаний Саксаганской «Махно. Под черным флагом». Соотнесение приводимых писательницей фактов с мемуарами других лиц позволяет сделать выводы о том, что она не выдумывает эпизоды, а воспроизводит циркулировавшие в городской среде слухи о Махно, которые во многих случаях восходят к реальным событиям.

Библиография

1. Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно: Историческое повествование. Киев: РВЦ «Проза», 1993. 592 с.

2. Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924. М.: Захаров, 2010. 810 с.

3. Бонч-Бруевич В.Д. Рецензии на рукописи Саксаганской А.А. «В тылу», [«Махно. Под черным флагом»] // НИОР РГБ. Ф. 369. К. 74. Д. 27. 2 л.

4. Борьба с Махно в районе Александровска (из воспоминаний белогвардейского офицера А.В. Бинецкого) // Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 772–800.

5. Воронцова Г.Н. Образ Нестора Махно на страницах трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам»: Документы и материалы // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 4. С. 250–269.

6. В плену у батьки Махно (Воспоминания А.В. Бинецкого) // Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 800–822.

7. Гамула И.П. Саксаганская Анна Абрамовна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая рос. энц., 2007. Т. 5. С. 452–453.

8. Герасименко Н.В. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М.: Интеграф Сервис, 1990. 128 с. (Воспроизведение издания 1928 г.)

9. Махно Н.И. Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. Ответ на кн. М. Кубанина «Махновщина». Париж: Б-ка махновцев, 1928. 62 с.

10. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.

11. Саксаганская А.А. Воспоминания о своей жизни на Украине в г. Екатеринославе в период оккупации его немцами, казаками, генералом Шкуро и Петлюрой во время Гражданской войны // РГАЛИ. Ф. 1511. Оп. 1. Ед. хр. 25. 45 л.

12. Саксаганская А.А. В тылу: Воспоминания // Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-изд. 21/14/1. 47 л.

13. Саксаганская А.А. «В тылу», «Махно под черным флагом». Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1511. Оп. 1. Ед. хр. 24 а. 133 л.

14. Саксаганская А.А. «Под черным флагом». Воспоминания // Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-изд. 21/15/1. 83 л.

15. Саксаганская А.А. Под черным флагом: Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1511. Оп. 1. Ед. хр. 46. 145 л.

16. Саксаганская А.А. [«Под черным флагом»] – воспоминания о своей жизни на Украине в городе Екатеринославе в период его захвата бандой Махно во время Гражданской войны. «В тылу», «Махно под черным флагом». Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1511. Оп. 1. Ед. хр. 24. 82 л.

17. Сухогорская Н. Воспоминание о махновщине // Кандальный звон. Историко-революционный сборник. Одесса: [б. и.], 1927. № 6. С. 37–67.

References

Belash A.V., Belash V.F. Dorogi Nestora Mahno: Istoricheskoe povestvovanie. Kiev: RVC «Proza», 1993. 592 p.

Benua A.N. Dnevnik. 1918–1924. Moscow: Zaharov, 2010. 810 p.

Bonch-Bruevich V.D. Recenzii na rukopisi Saksaganskoj A.A. «V tylu», [«Mahno. Pod chernym flagom»] // NIOR RGB. F. 369. K. 74. D. 27. 2 p.

Bor'ba s Mahno v rajone Aleksandrovska (iz vospominanij belogvardejskogo oficera A.V. Bineckogo) // Nestor Mahno. Krest'janskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921: Dokumenty i materialy. Moscow: ROSSPJeN, 2006. P. 772–800.

Gamula I.P. Saksaganskaja Anna Abramovna // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskij slovar'. Moscow: Bol'shaja ros. jenc., 2007. Vol. 5. P. 452–453.

Gerasimenko N.V. Bat'ko Mahno. Memuary belogvardejca / Vosproizvedenie izdanija 1928 yr. Moscow: Integraf Servis, 1990. 128 p.

Mahno N.I. Mahnovshhina i ee vcherashnie sojuzniki-bol'sheviki. Otvet na kn. M. Kubanina «Mahnovshhina». Parizh: B-ka mahnovcev, 1928. 62 p.

Nestor Mahno. Krest'janskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921: Dokumenty i materialy. Moscow: ROSSPJeN, 2006. 1000 p.

Saksaganskaja A.A. Vospominanija o svoej zhizni na Ukraine v gor. Ekaterinoslave v period okkupacii ego nemcami, kazakami, generalom Shkuro i Petljuroj vo vremja grazhdanskoj vojny // RGALI. F. 1511. Op. 1. Ed. hr. 25. 45 p.

Saksaganskaja A.A. «V tylu». Vospominanija // Arhiv A.M. Gor'kogo IMLI RAN. KG-izd. 21/14/1. 47 p.

Saksaganskaja A.A. «V tylu», «Mahno pod chernym flagom». Vospominanija // RGALI. F. 1511. Op. 1. Ed. hr. 24 a. 133 p.

Saksaganskaja A.A. «Pod chernym flagom». Vospominanija // Arhiv A.M. Gor'kogo IMLI RAN. KG-izd. 21/15/1. 83 p.

Saksaganskaja A.A. «Pod chernym flagom». Vospominanija // RGALI. F. 1511. Op. 1. Ed. hr. 46. 145 p.

Saksaganskaja A.A. [«Pod chernym flagom»] – vospominanija o svoej zhizni na Ukraine v gorode Ekaterinoslave v period ego zahvata bandoj Mahno vo vremja grazhdanskoj vojny. «V tylu», «Mahno pod chernym flagom». Vospominanija // RGALI. F. 1511. Op. 1. Ed. hr. 24. 82 l.

Suhogorskaja N. Vospominanie o mahnovshhine // Kandal'nyj zvon. Istoriko-revoljucionnyj sbornik. Odessa: [b.i.], 1927. N 6. P. 37–67.

Voroncova G.N. Obraz Nestora Mahno na stranicah trilogii A.N. Tolstogo «Hozhdenie po mukam»: Dokumenty i materialy // Studia Litterarum. 2017. T. 2. N 4. P. 250–269.

V plenu u bat'ki Mahno (Vospominanija A.V. Bineckogo) // Nestor Mahno. Krest'janskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921: Dokumenty i materialy. M.: ROSSPJeN, 2006. P. 800–822.

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.18

О.А. Хлопов

КОНЦЕПЦИЯ СДЕРЖИВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *В статье описывается эволюция и современное состояние концепций ядерного сдерживания в США и СССР в XX в., а также современное состояние этих концепций. Делается вывод о том, что ядерное сдерживание не потеряло своей актуальности и в XXI в., а современной России и США необходимо возобновить диалог по проблемам сокращения ядерных вооружений.*

Ключевые слова: *ядерное сдерживание, международная безопасность, разоружение, военная доктрина, ядерное оружие, национальные интересы, российско-американские отношения, Россия, США.*

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). E-mail: rggu2007@rambler.ru

O.A. Khlopov. Concept of Nuclear Deterrence and Nuclear Security in Russia-American Relations

Abstract. *The article deals with the evolution and current state of nuclear deterrence concepts in the USA and the USSR in the XX century and the current state of these concepts. The author concludes that nuclear deterrence has not lost its relevance in the XXI st century, and modern Russia and the United States should resume the dialogue on nuclear arms reduction.*

Keywords: *nuclear deterrence, international security, disarmament, nuclear weapons, military strategy, national interests, Russian-American relations, Russia, USA.*

Khlopov Oleg Anatolyevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU). E-mail: rggu2007@rambler.ru

Ядерное оружие как инструмент сдерживания. Теория и практика

В процессе формирования новой «постбиполярной» мировой системы, когда обостряются противоречия между США и Россией, возрастает интерес к механизмам, которые могут стать основой новой глобальной системы безопасности XXI в. Одним из таких механизмов является *ядерное сдерживание*. Этим термином обозначают военную доктрину, согласно которой врага следует удерживать от применения ядерного оружия под угрозой нанесения ответного удара.

В условиях идеологического противостояния СССР и США эта доктрина постоянно изменялась. Одной из первых была сформулирована концепция *первого удара*, согласно которой одна из сторон нейтрализует ядерный потенциал другой стороны, лишает ее возможности нанести ответный удар. Термин *массированное возмездие* (massive retaliation) был впервые упомянут американским госсекретарем Дж. Даллесом в январе 1954 г. [12]. Суть этой стратегии сводится к тому, что если против США, их союзников будет совершено нападение с применением обычного оружия, США могут ответить ядерным ударом. Содержание следующего этапа эволюции ядерного оружия неразрывно связано с концепцией *взаимного гарантированного уничтожения* (mutually assured destruction) [14]. Согласно этой концепции, в условиях обладания сторонами большого количества ядерных боезарядов их применение приведет к полному уничтожению обеих сторон.

Идеи *ограниченного применения ядерного оружия* и *ограниченного ядерного конфликта* появились в конце 1950-х годов. Американские военные эксперты разрабатывали три сценария использования ядерного оружия. Согласно первому сценарию, необходимо нанести устрашающий, демонстративный ядерный удар, когда противник ставится перед выбором: война или мир. Задача второго сценария – нанести удар по военным объектам противника, чтобы лишить его возможности произвести ответный удар. Третий сценарий предполагает направить ядерный удар на ликвидацию политического и военного руководства противника. Администрации президентов США Р. Никсона и Дж. Форда, подвергая сомнению концепцию *взаимного гарантированного уничтожения*, разработали документ «NSDM-242», согласно которому появлялась возможность применять «ограниченные ядерные удары» – наносить ядерные удары исключительно по военным целям [9].

Установившийся к 1970-м годам стратегический паритет (в обеих странах приняты на вооружение межконтинентальные баллистические ракеты наземного и морского базирования) позволил двум странам пойти на достижение военно-политических договоренностей. Именно возможность взаимного уничтожения стала основой советско-американского сотрудничества

в области ядерной безопасности и заложили основы политики разрядки в 1970-е годы.

В 1972 г. между СССР и США были подписаны первый «Договор об ограничении стратегических вооружений» (ОСВ-1) и «Договор по ограничению систем противоракетной обороны» (ПРО), которые ограничивали количество баллистических ракет и пусковых установок СССР и США уровнем начала 1972 г. Сторонам не разрешалось иметь развернутые системы ПРО космического, воздушного и морского базирования. Таким образом, США и СССР лишались возможности сбивать баллистические ракеты друг друга и их территории становились уязвимыми для ядерных ударов. Однако дополнительный протокол, подписанный в 1974 г., разрешал сторонам иметь по одной системе ПРО на своей территории.

Следующий президент США Дж. Картер и советник по вопросам национальной безопасности Зб. Бжезинский тем не менее продолжили рассматривать возможности гибкого применения ядерного оружия. Была разработана *стратегия «компенсации»* (countervailing), направленная на то, чтобы сделать войну психологически немыслимой для Советского Союза. Новая технология наблюдения позволяла применять тактику «взгляд – удар – взгляд», когда США определяли бы цели, проводили ядерный удар и затем проверяли, было ли нападение успешно. Многие эксперты считали «Директиву PD59» излишне опасной [8], и в 1979 г. США пошли на подписание Договора ОСВ-2, согласно которому к 1981 г. стороны обязывались сократить количество стратегических носителей до 2150 единиц.

Администрация следующего президента, Р. Рейгана, внесла несколько главных изменений в ядерную стратегию Дж. Картера. Согласно документу «NSDD-13», США могли выиграть ядерную войну, а не только гарантировать потери советской стороны. С этой целью было заявлено о создании *Стратегической оборонной инициативы (СОИ),* системы противоракетной обороны, разработанной для перехвата летящих боеголовок [7]. В период правления президента Рейгана произошла существенная модернизация вооруженных сил и ядерного оружия, с одновременным подписанием с Советским Союзом соглашений о контроле над стратегическими вооружениями.

Перестройка и новое мышление в СССР, провозглашенные М. Горбачёвым, позволили США и СССР пойти на дальнейшее сокращение арсеналов ядерного оружия. В декабре 1987 г. в Вашингтоне М.С. Горбачёв и Р. Рейган подписали бессрочный «Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности» (РСМД). Согласно договору, обе стороны обязались не производить, не испытывать и не развертывать крылатые и баллистические ракеты наземного базирования средней (от 1 тыс. до 5500 км) и малой (от 500 до 1 тыс. км) дальности. В 1991 г. между Горбачёвым и Дж. Бушем был подписан «Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений» (СНВ-1).

Согласно договору, каждая сторона обязывалась до 1999 г. сократить свои ядерные заряды до 6 тыс. единиц [7].

Из-за распада СССР, когда ядерное оружие оказалось на территории других государств: Беларуси, Казахстана и Украины, реализация договора стала затруднительной. В связи с этим в 1992 г. в Лиссабоне США, Россией, Украиной, Казахстаном и Беларусью был подписан дополнительный протокол к СНВ-1 – Лиссабонский договор, по которому Украина, Казахстан и Беларусь были признаны сторонами договора СНВ-1, а все ядерное оружие, находящееся на территории этих четырех государств, после роспуска СССР подлежало уничтожению или передаче под контроль России. Эти государства согласились присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Новое российское руководство продолжило курс на сокращение запасов ядерного оружия. В 1993 г. между Б. Ельциным и Дж. Бушем был подписан «Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений» (СНВ-2), который предусматривал, что каждая сторона сократит количество своих ядерных боеголовок до 3500 к 2003 г. Несмотря на все сложности, которые стали появляться в российско-американских отношениях, российская Госдума все же ратифицировала договор в 2000 г.

Но в 2002 г. США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО. В ответ на это российское руководство приняло решение выйти из договора СНВ-2. На его основании был подписан новый «Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов» (СНП). С прекращением действия договора по ПРО утратил динамику процесс создания региональных зон, свободных от ядерного оружия, обострились военно-политические противоречия между США и Россией, но продолжался поиск компромиссов по дальнейшему сокращению количества ядерных боезарядов. В 2009 г. президент Б. Обама в Праге произнес речь, призывая покончить с ядерным оружием. Б. Обама заявил, что для преодоления угроз ядерного терроризма и распространения ядерного оружия США будут «искать мир и безопасность без ядерного оружия» [13].

8 апреля 2010 г. Россия и США подписали в Праге новый «Договор о сокращении наступательных вооружений» (СНВ-3), который вступил в силу 5 февраля 2011 г. Это соглашение сроком на десять лет обязывает стороны сократить число развернутых ядерных боезарядов на межконтинентальных баллистических ракетах до 1550 единиц, ракеты морского и наземного базирования и стратегические бомбардировщики до 700 единиц [16].

В целом, несмотря на все сложности и трудности, Россия и США получили большой опыт как в области ограничения наступательного ядерного оружия, так и в области нераспространения оружия массового поражения. Этот опыт и стал фундаментом глобальной ядерной стабильности.

Программа Нанна–Лугара как позитивное решение проблемы ядерной безопасности

В 1991 г. США выступили с инициативой оказать Москве содействие в сохранении контроля над ядерным потенциалом. Начать программу относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения оружия предложили сенаторы Сэмьюэл Нанн и Ричард Лугар. Год спустя было подписано «Соглашение между РФ и США относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия» [1, с. 119].

Законы «Об уменьшении советской военной угрозы» от 12 декабря 1991 г. и «О совместном уменьшении угрозы» от 11 октября 1993 г. предусматривали выделение из бюджета США значительных средств для сокращения ядерного арсенала СССР / России. В целом до 1999 г. было выделено 1,7 млрд долл., в том числе России – 1,22 млрд долл., Украине – 521 млн долл., Казахстану – 172,8 млн долл., Беларуси – 83,5 млн долл., Грузии – 1,3 млн долл. [17]. Соглашения охватывали два важных аспекта – безопасность хранения ядерного оружия и безопасность его утилизации и вывоза с территории Украины, Казахстана, Грузии [5].

В июне 2013 г. соглашение по программе Нанна–Лугара было продлено с изменениями. Американские эксперты лишались полного доступа на ядерные объекты РФ, было сокращено количество российско-американских проектов в атомной отрасли. После кризиса на Украине в 2014 г. США прекратили сотрудничество по физической защите российских атомных производств.

Программу Нанна–Лугара, несмотря на ряд ее недостатков, следует считать наиболее успешным примером сотрудничества России и США в области ядерной безопасности. Программа соответствовала содержанию ядерной политики как США, так и России, отвечала целям минимизировать ядерную угрозу, сократить количество ядерных боезарядов, сузить географию их размещения.

Современные подходы к ядерной политике США и России

Сегодня в американских экспертных, аналитических и академических кругах по-прежнему ведется дискуссия о роли ядерного сдерживания в международных отношениях.

После распада Советского Союза ядерная стратегия для США стала одной из ключевых проблем национальной безопасности. Главный стратегический противник, который инициировал окончание холодной войны, в одностороннем порядке отказался от своего геополитического присутствия в Восточной Европе и других регионах мира, и, как показалось многим, пере-

стал существовать. У американских военных стратегов сразу же возникли вопросы относительно того, кого считать своим противником и против кого использовать ядерное оружие. На эти и другие вопросы США попытались ответить в новом документе под названием «Обзор ядерной политики» (Nuclear Posture Review), который уже выдержал несколько изданий – 1993, 2002, 2010 и 2018 гг.

Последний из этих «Обзоров», опубликованный Пентагоном в феврале 2018 г., анализирует уровень ядерной безопасности в мире; значительное внимание в нем уделяется России и Китаю. Отмечается, что Соединенные Штаты не хотят считать ни Россию, ни Китай своими противниками и стараются поддерживать стабильные отношения с обеими странами. В документе подчеркивается, что ядерные силы и средства США не могут предотвратить конфликт во всех без исключения случаях, но они способствуют сдерживанию агрессии как с применением, так и без применения ядерного оружия. По сути, в «Обзоре» 2018 г. сформулирована новая ядерная концепция *оптимизированного и расширенного сдерживания,* согласно которой Соединенные Штаты будут применять гибкий подход к эффективному сдерживанию, в зависимости от вида противника, характера угроз и конкретной ситуации. В документе подчеркивается, что США «взяли на себя официальные обязательства по расширенному сдерживанию», которое гарантируют безопасность союзников в Европе, Тихоокеанском регионе и Азии.

В официальных документах стратегического характера («Национальной военной стратегии» и «Стратегии национальной безопасности» 2015 г., «Стратегии национальной обороны» 2018 г. и др.) отражаются изменения ядерной политики США на современном этапе [10; 11]. Из этих документов следует, что, во-первых, ядерное сдерживание все же остается необходимым в отношении Китая и России. Во-вторых, ядерное оружие не является для США единственным инструментом реагирования на новые угрозы и вызовы. В-третьих, стремление США к сокращению ядерного арсенала вызвано ставкой на развитие инновационных технологий, которые позволяют создавать и совершенствовать новые типы оружия.

В Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной В.В. Путиным в 2000 г., на основании анализа военных угроз (первый этап расширения НАТО, использование США и их союзниками в одностороннем порядке военной силы в Югославии) излагались четкие позиции России в отношении ядерного оружия. Россия оставляла за собой право использования ядерного оружия в ответ на угрозу применения против нее и (или) ее союзников химического, бактериологического и ядерного оружия, а также в ответ на агрессию с применением обычного оружия в ситуациях, которые она будет считать критическими для безопасности государства [3]. Последняя редакция Военной доктрины Российской Федерации была принята в 2014 г. В ней

утверждается, что в основе военной политики Российской Федерации лежит идея недопущения ядерного военного конфликта [4].

Таким образом, концепция ядерного сдерживания не потеряла свою значимость и в XXI в., что подтверждается выводами ведущих российских экспертов в области ядерной безопасности и политики [см., напр.: 1; 2; 5; 6]. Важной мыслью, которую разделяет экспертное сообщество как в России, так и в США, является мысль о необходимости возобновления международно-правовой практики заключения соглашений по сокращению (без полного уничтожения) стратегических ядерных вооружений.

Библиография

1. Александрия О.М. Ядерная безопасность и российско-американское взаимодействие // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 4. С. 116–127.

2. Арбатов А.Г. До основания, а затем… // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. 2017. № 3. URL: http://globalaffairs.ru/number/Do-osnovaniya-a-zatem-18807 (Дата обращения: 02.02.2018.)

3. Военная доктрина Российской Федерации [2000 г.] // Президент России: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/15386 (Дата обращения: 14.02.2018.)

4. Военная доктрина Российской Федерации [2014 г.] // Российская газета [Электронный ресурс]. 2014. 30 дек. URL:https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (Дата обращения: 14.02.2018.)

5. Дворкин В.З. Краткие комментарии к прекращению программы Нанна–Лугара // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]. 2015. 6 февр. URL: http://carnegie.ru/2015/02/06/ru-pub-58994 (Дата обращения: 04.02.2018.)

6. Караганов С.А. О новом ядерном мире // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. 2017. № 2. 4 апр. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644 (Дата обращения: 29.01.2018.)

7. Daryl G. Kimball, Looking Back: The Nuclear Arms Control Legacy of Ronald Reagan // Arms Control Association: Official Website [Электронный ресурс]. 2004. 1 July. URL: https://www.armscontrol.org/act/2004_07-08/Reagan (Дата обращения: 14.03.2018.)

8. Jimmy Carter's Controversial Nuclear Targeting Directive PD-59 Declassified // The National Security Archive [Электронный ресурс]. 2012. Sept. 14. URL: http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb390/ (Дата обращения: 28.02.2018.)

9. Kunsman D.M., Lawson D.B. A Primer on U.S. Nuclear Strategic Policy: Sandia Report 2001–0053 // Sandia National Laboratory [Электронный ресурс]. 2001. Jan. URL: http://prod.sandia.gov/techlib/access-control.cgi/2001/010053.pdf (Дата обращения: 05.03.2018.)

10. National Military Strategy of the Unites State of America: Unites State Millitary's Contribution to National Security. June 2015 // National Security Strategy Archive [Электронный ресурс]. URL: http://nssarchive.us/NMS/2015.pdf (Дата обращения: 07.02.2018.)

11. National Security Strategy. 2015. February // National Security Strategy Archive [Электронный ресурс]. URL: http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf (Дата обращения: 07.03.2018.)

12. Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. 2013. June 19 // The White House. President Barack Obama [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.

gov/the-press-office/2013/06/19/fact-sheet-nuclear-weapons-employment-strategy-united-states (Дата обращения: 15.01.2018.)

13. Remarks by President Barack Obama In Prague. 2009. April 5 // The White House. President Barack Obama [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered (Дата обращения: 08.02.2018.)

14. Schelling Th. The Strategy of Conflict, Harvard University Press, Cambridge, 1960. In paperback: Oxford University Press, New York, 1963. Harvard University Press paperback, 1980. 309 p.

15. The Strategy of Massive Retaliation. Speech of Secretary of State John Foster Dulles before the Council on Foreign Relations. 1954. 12 January // Free Public [Электронный ресурс]. URL: http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1556858/posts (Дата обращения: 02.02.2018.)

16. Treaty Between The United States of America And The Russian Federation On Measures For The Further Reduction And Limitations of Strategic Offensive Arms // U.S. Department of State: Official Website [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/documents/organization/140035.pdf (Дата обращения: 25.03.2018.)

17. Woolf A.F. Nonproliferation and Threat Reduction Assistance: U.S. Programs in the Former Soviet Union. CRS Report for Congress // Federation of American Scientists. 2012. March 6. URL: http://www.fas.org/sgp/crs/nuke/RL31957.pdf (Дата обращения: 15.03.2018.)

References

Aleksandrija O.M. Jadernaja bezopasnost' i rossijsko-amerikanskoe vzaimodejstvii // Mezhdunarodnye processy. 2014. Vol. 12. N 4. P. 116–127.

Arbatov A.G. Do osnovanija, a zatem… // Rossija v global'noj politike [Jelektronnyj resurs]. 2017. N 3. URL: http://globalaffairs.ru/number/Do-osnovaniya-a-zatem-18807 (Data obrashhenija: 02.02.2018.)

Daryl G. Kimball, Looking Back: The Nuclear Arms Control Legacy of Ronald Reagan // Arms Control Association: Official Website [Jelektronnyj resurs]. 2004. 1 July. URL: https://www.armscontrol.org/act/2004_07-08/Reagan (Data obrashhenija: 14.03.2018.)

Dvorkin V.Z. Kratkie kommentarii k prekrashheniju programmy Nanna-Lugara // Moskovskij centr Karnegi [Jelektronnyj resurs]. 2015. Feb. 6. URL: http://carnegie.ru/2015/02/06/ru-pub-58994 (Data obrashhenija: 04.02.2018.)

Jimmy Carter's Controversial Nuclear Targeting Directive PD-59 Declassified // The National Security Archive [Jelektronnyj resurs]. 2012. Sept. 14. URL: http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb390/ (Data obrashhenija: 28.02.2018.)

Karaganov S.A. O novom jadernom mire // Rossija v global'noj politike [Jelektronnyj resurs]. 2017. N 2. 4 apr. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644 (Data obrashhenija: 29.01.2018.)

Kunsman D.M., Lawson D.V. A Primer on U.S. Nuclear Strategic Policy: Sandia Report 2001–0053 // Sandia National Laboratory [Jelektronnyj resurs]. 2001. Jan. URL: http://prod.sandia.gov/techlib/access-control.cgi/2001/010053.pdf (Data obrashhenija: 05.03.2018.)

National Military Strategy of the Unites State of America: Unites State Millitary's Contribution to National Security. June 2015 // National Security Strategy Archive [Jelektronnyj resurs]. URL: http://nssarchive.us/NMS/2015.pdf (Data obrashhenija: 07.02.2018.)

National Security Strategy. 2015. February // National Security Strategy Archive [Jelektronnyj resurs]. URL: http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf (Data obrashhenija: 07.03.2018.)

Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. 2013. June 19 // The White House. President Barack Obama [Jelektronnyj resurs]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/

the-press-office/2013/06/19/fact-sheet-nuclear-weapons-employment-strategy-united-states (Data obrashhenija: 15.01.2018.)

Remarks By President Barack Obama In Prague. 2009. April 5 // The White House. President Barack Obama [Jelektronnyj resurs]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered (Data obrashhenija: 08.02.2018.)

Schelling Th. The Strategy of Conflict, Harvard University Press, Cambridge, 1960. In paperback: Oxford University Press, New York, 1963. Harvard University Press paperback, 1980. 309 p.

The Strategy of Massive Retaliation. Speech of Secretary of State John Foster Dulles before the Council on Foreign Relations. 1954. 12 January // Free Public [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1556858/posts (Data obrashhenija: 02.02.2018).

Treaty Between The United States of America And The Russian Federation On Measures For The Further Reduction And Limitations of Strategic Offensive Arms // U.S. Department of State: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.state.gov/documents/organization/140035.pdf (Data obrashhenija: 25.03.2018.)

Voennaja doktrina Rossijskoj Federacii [2000 g.] // Prezident Rossii: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/15386 (Data obrashhenija: 14.02.2018.)

Voennaja doktrina Rossijskoj Federacii [2014 g.] // Rossijskaja gazeta [Jelektronnyj resurs]. 2014. 30 dek. URL: https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (Data obrashhenija: 14.02.2018.)

Woolf A.F. Nonproliferation and Threat Reduction Assistance: U.S. Programs in the Former Soviet Union. CRS Report for Congress // Federation of American Scientists. 2012. March 6. URL: http://www.fas.org/sgp/crs/nuke/RL31957.pdf (Data obrashhenija: 15.03.2018.)

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.19

Е.В. Журавлева, С.В. Фурсов

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье речь идет о задачах и методах популяризации науки в среде современной молодежи. Как один из наиболее успешных рассматривается проект «Академический (Научно-технологический) класс в московской школе».*

Ключевые слова: *молодежь, популяризация науки, Российская академия наук, проект «Академический (Научно-технологический) класс в московской школе».*

Журавлева Екатерина Васильевна – доктор сельскохозяйственных наук, профессор РАН.
E-mail: zhuravla@yandex.ru

Фурсов Сергей Викторович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.
E-mail: fursov74@mail.ru

E.V. Zhuravleva, S.V. Fursov. Promoting Science in Modern Russia

Abstract. *The article addresses the problems and methods of popularization of science among today's youth. The project «Academic (Scientific and technological) class at the Moscow school» is presented as one of the most successful.*

Keywords: *youth, popularization of science, Russian Academy of Sciences, project «Academic (Scientific and technological) class in Moscow school».*

Zhuravleva Ekaterina Vasilievna – Doctor of Agricultural Sciences, Professor of RAN.
E-mail: zhuravla@yandex.ru

Fursov Sergey Viktorovich – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, the Institute of Economics RAN.
E-mail: fursov74@mail.ru

Дальнейшее совершенствование государственной политики, проводимой в области образования и науки, крайне необходимо для устойчивого опережающего развития России в XXI в. Решение качественно новых по объему и сложности научно-технологических задач, а также повышение результативности выполняемых исследований и разработок возможно лишь при постоянном притоке молодых специалистов в науку. Таким образом, перед государством остро стоит задача заинтересовать молодежь, замотивировать ее на получение в будущем профессий, ориентированных на наукоемкие и высокотехнологические отрасли экономики.

«Старение» российской науки необходимо преодолевать не с помощью административных мер, таких как, например, введение возрастных цензов и сокращение ученых пожилого возраста в научно-исследовательских учреждениях, а путем привлечения в науку талантливой молодежи. Стимулировать интерес к науке в обществе можно с помощью целого набора различных инструментов: публикаций в СМИ, Интернете, проведения научно-практических форумов, конференций, конкурсов проектов, круглых столов, дней открытых дверей в научно-исследовательских учреждениях, дней знаний, фестивалей науки, демонстрации музейных и выставочных экспозиций, а также проведения различного рода образовательных мероприятий [1; 5; 7]. Иными словами, задача привлечения молодежи в науку решается с помощью популяризации науки, т.е. распространения научных знаний в современной и доступной для широкого круга людей форме [2].

Среди основных функций популяризации науки следует отметить информационную (распространение научных знаний в современной и доступной форме) и мировоззренческую (формирование образа науки как одной из наиболее привлекательных форм человеческой деятельности, а также научного подхода к окружающей действительности) [3]. Популяризация науки может быть направлена как на общество в целом, так и на определенную его часть – в частности на молодежь.

Популяризация науки базируется на ряде принципов:

– принцип научной глубины, предусматривающий систематизацию данных, наличие информации о последних достижениях науки и о методе исследования;

– принцип осмысления, предполагающий, что содержание информации составляют не только результаты исследований, но и процесс их получения;

– принцип доступности, предусматривающий соответствие изложения информации особенностям целевой аудитории с учетом уровня ее подготовленности, возрастных и образовательных особенностей (материал, с одной стороны, не должен быть упрощен, с другой – перегружен специальной, глубоко научной информацией);

– принцип занимательности, предполагающий возникновение интереса аудитории к излагаемой информации, определяющегося содержанием, актуальностью и практическим значением рассматриваемой научной проблемы [4].

В СССР система всестороннего развития детей и молодежи не ограничивалась простым обучением в школе. Популяризация научных знаний среди подрастающего поколения проводилась путем массового вовлечения школьников в различные кружки, открытые по всей стране во дворцах и домах пионеров, на станциях юных техников и юных натуралистов, в школах детского технического творчества.

В современной России успешным примером популяризации науки среди школьников могут служить мероприятия, проводимые в рамках проекта «Академический (Научно-технологический) класс в московской школе», участниками которого стали учителя и учащиеся ряда московских школ, сетевые учреждения Департамента образования города Москвы и научно-исследовательские учреждения, проводящие исследования в области химии, биологии, биотехнологии, сельского хозяйства и ряда других направлений науки.

Образовательные программы академических (научно-технологических) классов содержат элементы предпрофессионального образования, знакомят учащихся с применением научных знаний и результатов научных исследований в реальной жизни и основаны на погружении в научно-исследовательскую (проектную) деятельность для осознанного выбора учащимися современных профессий в наукоемких и высокотехнологических отраслях экономики [6].

Под руководством известных ученых Российской академии наук учащиеся знакомятся на практике с достижениями современной науки: осваивают передовые методы научных исследований, самостоятельно получают новые научные знания; выдвигают и верифицируют гипотезы, оценивают и рассчитывают достоверность и значимость полученных результатов, проводят поисковые работы, принимают участие в школьных научных обществах и конференциях совместно с учащимися из других классов и образовательных учреждений, получают начальный опыт коммуникации в научной среде.

Проект «Академический (Научно-технологический) класс в московской школе» был запущен ФАНО России совместно с Департаментом образования г. Москвы в декабре 2016 г. В настоящее время в проекте принимают участие 17 научно-исследовательских учреждений и десять московских школ. Прообразом проекта стала проводимая с 2016 г. работа с учащимися 6–11 классов в рамках обучающих мероприятий проекта «Наука как профессия» по направлению «Картофелеводство».

4–5апреля 2018 г. в Институте общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова Российской академии наук в рамках этого проекта состоялась вторая научно-практическая конференция «Наука для жизни»,

ставшая действенным инструментом координации между научными коллективами, учащимися и преподавателями московских школ. Гостями и участниками конференции стали около тысячи человек. Учащиеся старших классов московских школ представили 75 устных и 72 стендовых доклада с результатами исследований, проведенных под руководством как педагогических работников школ, так и научных сотрудников академических институтов. Награды, полученные учащимися, будут учитываться вузами – партнерами проекта; школьники, участвовавшие в проекте, получат при поступлении в институт дополнительные баллы.

В настоящее время наряду с проектом «Академический (Научно-технологический) класс в московской школе» успешно действуют «Курчатовский проект», медицинский и инженерный классы.

В парке «Зарядье», открытом для посетителей в сентябре 2017 г. в Москве, для взрослых и детей проводятся различные программы по генетике, биотехнологиям и микробиологии, в проектной форме рассказывающие о многообразии жизни и науки. На таких занятиях школьники находят ответы на самые интересные и неожиданные вопросы: как возникает и функционирует вулкан, нужна ли растениям почва, что такое клонирование и ДНК, как и почему светятся живые существа и мн. др. При этом школьники ощущают себя настоящими учеными, работают с современным оборудованием и приборами, проводят эксперименты, учатся мыслить системно.

Мероприятия, проводимые в целях популяризации науки, должны носить систематический, постоянный и целенаправленный характер, осуществляться объединенными усилиями органов государственной власти (Миннауки, Минпросвещения, Минкультуры, Минпромторг и др.), Российской академии наук, научно-исследовательских и образовательных учреждений. Необходима также помощь различных фондов и бизнес-структур. Только при выполнении этих условий станет возможными не просто вовлечение молодежи в исследования и разработки, расширение возможностей профессиональной самореализации молодых специалистов, но и повышение спроса на квалифицированные научно-технические кадры, «омоложение» российской науки. Это наверняка будет способствовать достижению мирового уровня отечественных исследований и разработок и повышению конкурентоспособности страны.

Библиография

1. Вознесенская Н.В., Хвастунов Н.Н. Популяризация научно-технического творчества посредством организации конкурсов по робототехнике // Учебный эксперимент в образовании. 2015. № 4. С. 28–34.

2. Гурова Е.К. Популяризация науки: Задачи, стратегии, технологии: Методическое пособие для журналистов. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 102 с.

3. Макарова Е.Е. Популяризация науки в Интернете: Содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. 2013. Серия 10. Журналистика. № 2. С. 98–104.

4. Питерова А.Ю. Популяризация науки в СМИ // Университетское образование: Сборник статей XV Международной научно-методической конференции (г. Пенза, 6–7 апреля 2011 г.) / Под ред. В.И. Волчихина, Р.М. Печерской. Пенза: Изд-во ПГУ, 2011. С. 363–365.

5. Пушкарева Л.Г. Всероссийские образовательные акции как современный формат популяризации научных знаний // Научные труды СибГУФК. 2017. Т. 20. № 1. С. 84–89.

6. Сайт проекта «Академический (Научно-технологический) класс в московской школе». [Электронный ресурс] // URL: http://profil.mos.ru/ntek/o-proekte.html / (Дата обращения: 28.05.2018.)

7. Челтыбашев А.А., Курляндская И.П. Популяризация науки как средство повышения интереса молодежи к исследовательской деятельности // Фундаментальные исследования. 2014. № 5. С. 1325–1328.

References

Voznesenskaja N.V., Hvastunov N.N. Populjarizacija nauchno-tehnicheskogo tvorchestva posredstvom organizacii konkursov po robototehnike // Uchebnyj jeksperiment v obrazovanii. 2015. N 4. P. 28–34.

Gurova E.K. Populjarizacija nauki: Zadachi, strategii, tehnologii: Metodicheskoe posobie dlja zhurnalistov. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova. 102 p.

Makarova E.E. Populjarizacija nauki v Internete: Soderzhanie, formy, tendencii razvitija // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2013. Serija 10. Zhurnalistika. N 2. P. 98–104.

Piterova A.Ju. Populjarizacija nauki v SMI // Universitetskoe obrazovanie: Sbornik statej XV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii (g. Penza, 6–7 aprelja 2011 g.) / Pod red. V.I. Volchihina, R.M. Pecherskoj. Penza: Izd-vo PGU, 2011. P. 363–365.

Pushkareva L.G. Vserossijskie obrazovatel'nye akcii kak sovremennyj format populjarizacii nauchnyh znanij // Nauchnye trudy SibGUFK. 2017. Vol. 20. N 1. P. 84–89.

Sajt proekta «Akademicheskij (Nauchno-tehnologicheskij) klass v moskovskoj shkole». [Jelektronnyj resurs] // URL: http://profil.mos.ru/ntek/o-proekte.html (Data obrashhenija: 28.05.2018.)

Cheltybashev A.A., Kurljandskaja I.P. Populjarizacija nauki kak sredstvo povyshenija interesa molodezhi k issledovatel'skoj dejatel'nosti // Fundamental'nye issledovanija. 2014. N 5. P. 1325–1328.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.20

В.Н. Бабенко, Т.Г. Биткова,
А.В. Манойло, Т.Г. Пархалина, Ф.О. Трунов,
Л.Н. Шаншиева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ЦЕНТРА НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНИОН РАН

Аннотация. *В статье рассматриваются основные тенденции внутриполитического развития стран Восточной Европы, в первую очередь рост поддержки правых сил. Особое внимание уделяется в этой связи наиболее крупным странам региона – Польше и Румынии, а также Венгрии и Украине в период ее сближения с «коллективным Западом». Выделены этапы развертывания военного присутствия НАТО в Восточной Европе, особенности каждого из них.*

Ключевые слова: *Восточная Европа, Польша, Румыния, Украина, «историческая политика», НАТО, безопасность, военно-политические инициативы.*

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.
E-mail: vasbabenko@mail.ru

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.
E-mail: tgbitkova@mail.ru

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, профессор факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Пархалина Татьяна Глебовна – кандидат исторических наук, заместитель директора, руководитель Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем Института научной информации

**по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: parkhalina@inion.ru**

**Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы
и Америки ИНИОН РАН. E-mail: 1 trunov@mail.ru**

**Шаншиева Лариса Николаевич – кандидат философских наук,
заведующий сектором Восточной Европы Отдела Европы
и Америки ИНИОН РАН. E-mail: shlara@rambler.ru**

V.N. Babenko, T.G. Bitkova, A.V. Manoylo, T.G. Parhkalina, Ph.O. Trunov, L.N. Shanshieva. Political and Military-Political Features of the Situation Development in Eastern Europe. Methodical Seminar of Center of Scientific Information Studies on Global and Regional Issues INION RAN

Abstract. *The article demonstrates the main tendencies of the internal political development of Eastern Europe, first of all, the growth of support of right-wing forces. The paper pays special attention to the largest countries of the region (Poland and Romania) and also Hungary and Ukraine during the period of its rapprochement with the West. The article highlights the stages of NATO's military presence deployment in Eastern Europe and the specific features of each stage.*

Keywords: *Eastern Europe, Poland, Romania, Ukraine, «historical policy», NATO, security, military-political initiatives.*

**Babenko Vasily Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher, Sector of Eastern Europe,
Department of Europe and America, INION RAN, Moscow.
E-mail: vasbabenko@mail.ru**

**Bitkova Tatyana Georgyevna – Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher, Sector of Eastern Europe,
Department of Europe and America, INION RAN, Moscow.
E-mail: tgbitkova@mail.ru**

**Manoylo Andrey Viktorovich – Doctor of Political Sciences,
Leading Researcher, Department of Europe and America,
INION RAN, Professor, faculty of politology, Moscow State University.
E-mail: cyberhurricane@yandex.ru**

**Parkhalina Tatyana Glebovna – Candidate of Historical Sciences,
Deputy Director, Head of the Center for Scientific Information Studies
of Global and Regional Problems, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN), Moscow. E-mail: parkhalina@inion.ru**

Shanshieva Larisa Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Eastern Europe Division, Department of Europe and America, INION RAN, Moscow. E-mail: shlara@rambler.ru

Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Department of Europe and America, INION RAN, Moscow. E-mail: 1 trunov@mail.ru

Открывая семинар, его участники отметили: как исторически, так и на современном этапе Восточная Европа является весьма значимым для России регионом. Одной из отличительных черт внешней политики стран региона в нынешних реалиях является стремление к «игре мускулами» и демонстрации своей «особости». Как указывалось участниками семинара, это было обусловлено длительным историческим отсутствием своей субъектности и, соответственно, стремлением вернуть ее. Хотя еще один из основоположников геополитики Х.Дж. Маккиндер указывал, что по своему потенциальному положению Восточная Европа – стратегический хартланд. Территории стран региона, особенно в новой и новейшей истории – до окончания Первой мировой войны – в основном входили в состав более могущественных соседей, что не могло не вызывать недовольства. Так, венгерские феодалы и в целом широкие слои населения исторически находились в оппозиции к австрийским Габсбургам, которые захватили их земли к XVII в. В 1683 г. венгерские повстанцы массово вливались в состав войск Османской империи, предпринявших вторую осаду Вены, а венгерское восстание 1848 г. вкупе с выступлениями других национальных меньшинств поставило Дунайскую империю на грань развала.

Еще одной яркой иллюстрацией является историческое развитие Польши, претендовавшей (особенно после Люблинской унии 1569 г., включавшей в ее состав Великое княжество Литовское) на роль ведущей католической державы Восточной Европы и даже занявшей Москву в 1610–1612 гг. Однако в итоге Польша оказалась поделена согласно разделам 1772, 1793 и 1795 гг. между Австрией, Пруссией и Россией. После распада трех империй «черных орлов» (Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов) образовавшиеся на их бывшей территории восточноевропейские государства стали называться лимитрофами (т.е. государствами, вновь возникшими на территории бывшей Российской империи, главным образом из западных губерний), впервые войдя в орбиту внешней политики «западных демократий» – в первую очередь Франции. В предвоенный период и годы Второй мировой войны страны Восточной Европы или были покорены Третьим рейхом, или превратились в его сателлитов (Венгрия, Румыния, Болгария, Словакия), но отнюдь не стали

полноправными союзниками, играя по правилам, установленным официальным Берлином.

После освобождения от «коричневой чумы» и возвращения независимости страны региона стали частью социалистического лагеря. С его распадом открылась современная политическая история государств Восточной Европы, а также стран Балтии. Участники семинара отметили интересную деталь: эти три республики де-юре и де-факто одними из первых вышли из состава Союза ССР – сразу после выступления ГКЧП (19–21 августа 1991 г.). Уже с этого момента им оказывалась активная политическая поддержка странами Запада, в первую очередь ФРГ. Именно эти государства стали пионерами по установлению дипломатических отношений с государствами – членами ЕС и НАТО.

Участники семинара сошлись во мнении, что двумя стратегическими ошибками внешней политики постсоветской России были досрочный и слишком поспешный «уход» из Восточной Европы уже в самом начале 1990-х годов и последующий недостаточный интерес со стороны Москвы к региону вплоть до современного момента – особенно на официальном уровне. Безусловно, оба данных фактора сужали возможности для академических исследований военно-политических и особенно политических трендов развития обстановки в регионе, что отчетливо проявляется в настоящее время.

Применительно к первой ошибке показателен следующий факт, приведенный участниками семинара: после распада социалистической системы представители стран Восточной Европы приезжали в Москву и задавали вопрос о возможных гарантиях безопасности, на что им отвечали, что с ними будут разговаривать через Брюссель и Вашингтон, и они обратились к руководству ведущих стран-участниц и институтов коллективного Запада. С точки зрения участников семинара, это ощущение «брошенности» вкупе с полным выводом российского (советского) военного присутствия (к 1992 г.) и свертыванием до минимума экономического сотрудничества и стали тем триггером, который обусловил процесс вхождения стран региона в Североатлантический альянс и Европейский союз.

В 1990-е – начале 2000-х годов широкие массы населения стран Восточной Европы, ожидая вступления в евро-атлантические институты и в первые годы после вступления в них, стали верить в либеральные ценности, ожидая качественного улучшения уровня жизни и благ. Вступление в ЕС и НАТО воспринималось многими в качестве «возвращения в Европу», возвращались через «дверь» НАТО, поскольку это было гораздо проще.

Однако, как отмечалось участниками семинара, уже в этот период стало ясно, что политические реформы, схема которых напоминала «качание маятника» влево – вправо, по скорости и масштабу существенно опережали преобразования экономические. Это было обусловлено нехваткой ресурсов и опыта. Так, идя по пути частичного разрушения тяжелой промышленности,

страны Восточной Европы не смогли восполнить потери рабочих мест необходимым объемом роста других отраслей. Кроме того, отчетливо проявился «кризис ожиданий» в отношении Запада, который не предоставил странам региона масштабной экономической (в первую очередь, финансовой) помощи. Исключение составила лишь Польша: 45% ее долга времен холодной войны (свыше 33 млрд долл. (!)) была списана Парижским клубом уже в 1991 г. [15], кроме того, только в 2007–2013 гг. РП получила для целей внутреннего развития 56 млрд ф. ст. (63 млрд евро) от ЕС в виде субсидий [10]. Эти средства в основном были выделены на реконструкцию транспортной системы страны, а также увеличение числа социальных объектов (школы, дошкольные учреждения, больницы) и спортивную инфраструктуру [там же]. Фактически лишь в отношении польской стороны был реализован очередной «план Маршалла» – она получила в ценах 1950-х годов столько же средств, как и вся Западная Европа в 1947–1951 гг. [там же]. Это во многом способствовало тому, что Польша де-факто единственная из стран региона продемонстрировала весьма успешное преодоление мирового экономического кризиса (с 2008 г.) и его последствий. Однако пример Польши стал исключением из правил – большинство стран региона были разочарованы небольшими объемами помощи со стороны «старых» государств – членов НАТО.

Особое отношение Запада к Польше было обусловлено ее значительной ресурсной базой (в частности, почти 40-миллионым населением и достаточно мощными вооруженными силами) и, соответственно, ее потенциалом как ведущего игрока в регионе. Для польской стороны характерно сохранение достаточно высокой рождаемости, что обусловлено не только консервативными (высокой степенью приверженности католическим ценностям) настроениями польского общества, но и значительной поддержкой многодетных семей со стороны государства – так, социальные выплаты семьям за каждого второго (третьего и т.д.) ребенка составляют 500 злотых (или около 120 евро) [16], что существенно стимулирует рождаемость.

«Кризис ожиданий» в отношении старых стран – участниц НАТО и ЕС со стороны новых стал проявляться, согласно наблюдениям участников семинара, с середины – второй половины 2000-х годов. Усилению этой тенденции способствовала глобализация, от которой в первую очередь проигрывают малые и средние государства, не успевшие завершить переход к сбалансированной рыночной модели развития, особенно на фоне мирового экономического кризиса. Этот тренд, а также в еще большей степени углубление взаимосвязей внутри ЕС объективно способствуют увеличению реального веса держав – в первую очередь Германии, которая стремится использовать наднациональный уровень интеграционного объединения для продвижения национальных интересов. Данное положение весьма негативно воспринимается истеблишментом и общественным мнением стран региона.

Развитие этих тенденций стало одной из ключевых причин усиления правоконсервативных настроений в обществах стран Восточной Европы. Его компонентами выступают евроскептицизм (вплоть до призывов к отделению от ЕС) и национализм. Изменение общественных воззрений привело и к «поправению» ряда партий: так, партия «Фидес», возглавляемая В. Орбаном (премьер-министр Венгрии в 1998–2002 гг. и с 2010 г.), создавалась как либеральная, став правоконсервативной к началу 2010-х годов. Несмотря на благополучную в целом ситуацию в Польше, «поправела» и польская партия «Право и справедливость», занимающая в настоящий момент лидирующие позиции в польском Сейме. Главная причина этого, по мнению участников семинара, – рост национализма в Польше как составляющей самоутверждения в качестве полновесной региональной державы.

Пример подъема польского национализма особенно примечателен, как отмечалось участниками семинара. В принципе национализм характерен для разделенных наций – такая проблема применительно к Восточной Европе существует в Словакии, Венгрии и Румынии, но отнюдь не в Польше, где подавляющее большинство населения относят себя к этническим полякам: согласно опросам, в 2002 г. 96,7% опрошенных причисляли себя к титульной нации. Возможно, одной из причин подъема националистических настроений является их роль как компоненты самоидентификации Польши в качестве региональной державы Восточной Европы, стремящейся оказывать влияние на своих соседей. Показательно, что Польша – единственная из стран Восточной Европы стремится развернуть свои войска на территории сопредельных стран: Войско Польское направило свои подразделения в состав батальона сил передового развертывания НАТО в Латвии (см. табл. 2).

Важную роль в современной общественно-политической жизни играет «историческая политика», т.е. постоянное обращение к периодам наивысшего расцвета могущества Польши – в частности, ее небезуспешным попыткам в XVI–XVII вв. стать державой от «можа до можа», т.е. простираться от Балтийского до Черного морей. Исторически Польша, особенно в период зрелости Речи Посполитой, воспринимала себя как огромный восточный бастион католического Запада, боровшегося одновременно с православной Россией (Московией) и исламской Османской империей. «Исторической политикой», с точки зрения участников семинара, в значительной степени обусловлено и стремление Польши к всемерному усилению своего влияния на постсоветском пространстве – особенно в Украине, значительная часть территорий которой входила в состав Речи Посполитой. Так, в 2007–2008 гг. именно Польша поддержала Швецию, выступившую с инициативой запуска программы «Восточного партнерства», главным инструментом которой являлось заключение соглашений об ассоциации со странами постсоветского пространства. Несмотря на факты «волынской резни» (1943), когда до 100 тыс. этнических

поляков были «вырезаны» боевиками ОУН-УПА, а также вооруженные стычки между украинскими националистами и «Армией Крайовой» в годы войны (и даже после ее окончания, когда обе структуры были в подполье) [5, с. 247], официальная Варшава не стремится к «погашению» волны крайне правого радикализма на Украине.

В современных реалиях восточноевропейские страны – участницы ЕС по ряду ключевых политических и экономических вопросов выступают «диссидентами», демонстрируя свое несогласие со «старыми» государствами – членами объединения. Так, по настоянию Венгрии, раскритиковавшей официальный Киев за нарушение прав венгерского меньшинства в Закарпатье, было отложено проведение очередного заседания Совета НАТО – Украина. Страны «Вышеградской четверки» (Венгрия, Словакия, Чехия, Польша) последовательно отстаивают особую позицию в сфере миграционной политики, не проявляя готовности принимать по квотам беженцев из стран Магриба и Северной Африки. Кроме того, часть стран данной группы, в первую очередь Венгрия и Чехия, не считают в принципе правильным ужесточение санкций в отношении России.

Отличительным политическим трендом развития Восточной Европы является также и то, что в регионе в середине – второй половине 2010-х годов упрочились позиции праворадикальных политических сил, в то время как в Западной Европе волна правового ультраконсерватизма была в целом успешно «погашена». Вместе с тем по принципиальным пунктам политики в рамках ЕС и НАТО страны региона все же демонстрируют солидарность с партнерами. Так, они поддержали автоматическое продление санкций ЕС в отношении РФ (декабрь 2017 г.) на два года. В ноябре 2017 г. все страны Восточной Европы также приняли участие в запуске инициативы PESCO (*англ*. Permanent Structured Cooperation – постоянное структурированное сотрудничество) по углублению военно-технического и военно-политического сотрудничества на базе Европейского союза, хотя существовали серьезные опасения в отношении готовности Польши присоединиться к этому проекту в принципе.

Вместе с тем, как справедливо отмечалось в ходе семинара, изначальное согласие восточноевропейских государств на реализацию стратегических решений не означает отсутствие возможности критики этих проектов, порой достаточно жесткой, в дальнейшем. Так, на Уэльском саммите НАТО (4–5 сентября 2014 г.), проходившем на фоне развития украинских событий, восточноевропейские государства поддержали увеличение доли расходов на военные нужды для каждой страны – участницы Альянса до 2% от ВВП к 2024 г. Однако постепенно стала нарастать критика целесообразности столь больших вложений в военную сферу в ущерб остальным сферам (особенно социальной) государственного бюджета со стороны Чехии, Словакии, а также

Венгрии. Показательно, что к 2017 г. эти страны тратили на военные цели лишь 1,0–1,1% – существенно меньше, чем даже к началу 2010-х годов, и не проявляют готовности к изменению данной динамики (см. табл. 1).

Напротив, Польша уже в 2015 г. «перевалила» за отметку в 2%. Наращивание военных расходов характерно и для стран Балтии – Эстония уже вышла на плановый пороговый показатель, а Литва и Латвия демонстрируют готовность выйти на него уже в 2020 г. Более медленный рост военных расходов наблюдается в Румынии и Болгарии. Безусловно, как отметили участники научного семинара, в целом данная закономерность обусловлена бóльшим стремлением к росту военных расходов со стороны государств, расположенных вблизи восточной сухопутной границы зоны ответственности НАТО, а также Черного и Балтийского морей. При этом, как было подмечено, применительно к отдельным странам скорость роста военных расходов находилась *в прямо пропорциональной зависимости* от масштаба размещения на их территории военных контингентов США и старых государств – членов Альянса. Так, именно страны Балтии, Польша и Румыния стали основными реципиентами прямой военной помощи (в виде войск и военной техники) со стороны НАТО – в основном в соответствии с решениями Варшавского саммита блока (8–9 июля 2016 г.). Стремясь сохранить и увеличить масштаб данной поддержки, они демонстрируют повышенную заинтересованность в выполнении решений Уэльского саммита НАТО. Одной из ключевых причин этого является стремление к наращиванию ресурсного потенциала евро-атлантической региональной подсистемы перед лицом роста угроз на ее периферии – в частности, в условиях развития вооруженного конфликта на востоке Украины.

С момента прекращения юридического существования СССР независимая Украина стремилась найти свое место в системе европейской безопасности. В 1990-е годы официальный Киев параллельно участвовал в деятельности структур СНГ (хотя и не ратифицировал его Устав 1993 г.) и развивал сотрудничество с ЕС. В 1998 г. при президенте Л. Кучме была утверждена «Стратегия интеграции Украины в Европейский союз». В свою очередь, на Хельсинкском саммите ЕС 10 декабря 1999 г. была принята «Общая стратегия ЕС в отношении Украины». Однако на практике это не привело к доминированию евро-атлантического вектора во внешней политике Украины в начале XXI в. Как указывал Д. Табачник, в 1994–1996 гг. занимавший пост руководителя администрации президента Украины, официальный Киев в начале 2000-х годов продолжал «балансировать» между ЕС и Россией и ее союзниками на пространстве СНГ [6, с. 5]. При этом амплитуда «качания маятника» во внешней политике Украины возрастала: после «оранжевой революции» (2004) президент В. Ющенко интенсифицировал деятельность по сближению Украины с ЕС и НАТО, одновременно идя на беспрецедентное

ослабление отношений с Россией. При этом негативное отношение значительной части населения страны (особенно на юге и востоке) к вопросу вступления Украины в НАТО и ЕС де-факто были проигнорированы администрацией В. Ющенко [3, с. 49–50].

К концу 2009 г. стало очевидно, что попытки замены многовекторной внешней политики Украины при Л. Кучме на приверженность исключительно западному вектору не дали желаемых результатов: Украина не стала полноправным членом евро-атлантической региональной подсистемы, одновременно ослабив связи (в том числе политические и экономические) с Россией. Во многом, как указали участники семинара, это привело к победе В. Януковича на президентских выборах 2010 г.

1 июля 2010 г. Верховная Рада приняла Закон «Об основах внутренней и внешней политики». В нем был зафиксирован внеблоковый статус Украины, что фактически означало ее отказ от вступления в НАТО. Тем не менее в законе указывалось, что Украина будет продолжать конструктивное партнерство с НАТО и другими военно-политическими блоками в вопросах, представляющих взаимный интерес. Кроме того, в нем подчеркивалось, что важной целью ее внешней политики является вступление в Европейский союз.

Таким образом, «качание маятника» осталось отличительной чертой внешней политики Украины при администрации В. Януковича. Де-факто отказавшись от попыток придания русскому языку государственного статуса, в 2012–2013 гг. администрация В.Ф. Януковича осуществляла подготовку к подписанию соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Однако на Вильнюсском саммите «Восточного партнерства» (2013) президент Украины отказался подписывать документ, вновь демонстрируя интерес к сближению с евразийскими структурами. Демонстративный шаг по торможению сближения с ЕС стал отправной точкой для протестов украинской оппозиции, в первую очередь в Киеве.

Вопреки договоренностям о примирении президента В.Ф. Януковича и оппозиции во главе с А. Яценюком и В. Кличко от 21 февраля 2014 г., гарантами которого стали ФРГ, Франция и Польша, уже 22 февраля оппозиционные силы пришли к власти в стране. Избрание евро-атлантического вектора внешней политики как единственно приоритетного вкупе с резким ростом радикальных настроений привело к фактическому расколу Украины.

Не останавливаясь подробно на процесс присоединения Крыма и развития вооруженного конфликта на востоке Украины (что выходит за рамки тематики семинара), участники постарались выделить общую схему политики страны в сфере международной безопасности. С одной стороны, Украина последовательно продолжила развивать отношения с Евро-Атлантическим сообществом. Ключевым событием стало подписание новыми украинскими властями 27 марта 2014 г. соглашения об ассоциации с ЕС (вступило в силу

1 июля 2016 г.). При этом вероятность вступления Украины в ЕС и особенно НАТО в обозримой перспективе крайне низка [1; 2]. С другой стороны, страна сталкивается с проблемой серьезного сокращения ресурсной базы внешней политики (особенно экономических возможностей), что тесно связано с ростом внутренней дестабилизации. Вооруженный конфликт на востоке Украины представляет собой серьезную угрозу безопасности не только для самой страны, но и России и Евро-Атлантического сообщества. При этом процесс урегулирования данной проблемы превратился в «гордиев узел», «развязывание» которого может одновременно стать отправной точкой для серьезного потепления отношений РФ и коллективного Запада, так и постепенного выхода самой Украины из состояния затяжного многомерного внутреннего кризиса. Одной из его составляющих является укрепление позиций праворадикальных сил, что может оказать влияние на политический ландшафт Восточной Европы.

Подводя итоги блоку вопросов по Украине, участники сошлись во мнении, что нельзя недооценивать угрозу со стороны действующих, как и прекращенных, но не урегулированных, вооруженных конфликтов на пространстве СНГ.

Оказывать влияние на обстановку на постсоветском пространстве, в частности, как на Украине, так и в зоне «замороженного» приднестровского конфликта, стремится и Румыния, вторая (после Польши) страна по численности населения в Восточной Европе (около 20 млн человек).

Современная румынская политическая история своей отправной точкой имеет силовую смену власти в 1989 г. В отличие от «бархатных революций» в других странах Восточной Европы коммунистический режим в этой стране был свергнут в результате народного восстания, а бывший лидер Н. Чаушеску казнен. В Румынии, в отличие от СССР, в условиях жестких политических гонений на внесистемных оппозиционеров, не было диссидентства. Поэтому первым президентом постсоциалистической Румынии стал И. Илиеску, находившийся в мягкой фронде к режиму Чаушеску и стремительно потерявший позиции внутри румынской номенклатуры после несогласия с центральной властью по строительству Дунайского канала. И. Илиеску знали на Западе, а потому этот политик, возглавивший «Фронт национального спасения», стал идеальной фигурой для переходного периода.

Уже в первые месяцы после свержения режима Н. Чаушеску в Румынии была запрещена и, что не менее важно, делегитимизирована коммунистическая партия. Самыми «левыми» на политическом ландшафте Румынии стали социал-демократы, последовательно «открещивавшиеся» от связей с коммунистами и специальными службами. Второй влиятельной политической силой (наряду с социал-демократами) стали силы праволиберального лагеря, ориентированные на последовательное развитие и углубление евро-атлантических связей. Националисты также заняли определенный сегмент политиче-

ского пространства, однако он существенно у́же, чем у Национал-либеральной и Демократической партий – до середины 2000-х годов националисты набирали до 10% голосов на выборах различного уровня, в последующее десятилетие их влияние, несмотря на высокий уровень зрелости партийных институтов, стало падать.

Чем это обусловлено? Как отмечалось участниками семинара, исторически в Румынии были сильны правоконсервативные и праворадикальные тенденции – особенно в предвоенный период, на который пришлось время расцвета «Железной гвардии». Показательно, что националисты активно обращаются к «исторической политике», особенно временно́му отрезку 1918–1940 гг., когда в Румынию вошла не только Трансильвания, но и Бессарабия, а потому уместно с известной долей условности говорить о понятии «Великая Румыния». Ветераны-«железогвардейцы», бывшие в эмиграции, восторженно восприняли силовую смену власти в 1989 г. Однако, вопреки их ожиданиям, первый глава постсоциалистической Румынии И. Илиеску не стал разыгрывать «националистическую карту», предпочтя сфокусироваться на евро-атлантической интеграции при сохранении ровных отношений с официальной Москвой. Весьма показателен в этой связи факт, приведенный участниками семинара: в 1990 г., во время возникновения вооруженного конфликта в Приднестровье, эмиссары из Кишинева обратились к И. Илиеску с вопросами, касающимися возможного «воссоединения» с Румынией. Такой сценарий укладывался бы в логику «великорумынской политики», однако И. Илиеску в принципе отверг такое решение, в том числе из-за дружественной позиции в отношении М.С. Горбачёва.

После ухода с поста президента (1996) И. Илиеску продолжил возглавлять социал-демократический лагерь. В результате непростых, проходивших в два тура, президентских выборов 2000 г., он вернул себе пост главы страны, ключевой своей целью поставив подготовку Румынии к вступлению в евроатлантические институты. Показательно, что во время нового (2000–2004) президентства И. Илиеску румынские вооруженные силы активно включились в проведение операций под эгидой НАТО в Афганистане, Ираке (уже после окончания войны 2003 г.), а также на Балканах. При этом, продолжая линию на сохранение нормальных отношений с Москвой, И. Илиеску стал ключевым лоббистом подписания «большого договора» (об основах взаимоотношений) с Россией, парафированного еще в 1990 г. – документ был подписан в 2003 г.

Опора на праволиберальный лагерь, представитель которого Э. Константинеску занимал президентский пост в 1996–2000 гг., была продолжена вновь избранным президентом Румынии Т. Бэсеску (2004–2014), воспринимавшимся в определенной степени как «политический клоун». После вступления Румынии в НАТО (2004) и ЕС (2007) произошел резкий спад поддержки нацио-

налистического лагеря, что участники семинара связали как со стратегически грамотно выстроенной линией И. Илиеску, так и с привлечением электората националистов на сторону Т. Бэсеску, который славился яркой популистской риторикой. Внешняя политика Т. Бэсеску имела весьма серьезное отличие от И. Илиеску – он проявил готовность к ослаблению диалога с Москвой, считая, например, что проникновение «Газпрома» в Европу является бóльшим злом по сравнению со вступлением Красной армии в европейские страны. Подобное мнение приобретает особое звучание в условиях обращения к «исторической памяти» Румынии, когда освободительный поход РККА летом 1940 г. в Бессарабию, отторгнутую от России в 1918 г., квалифицировался президентом Т. Бэсеску как «агрессивная» акция.

Новый внешнеполитический курс Т. Бэсеску проявился и в поддержке «встраивания» Европейского союза в урегулирование приднестровского конфликта. Вслед за официальным Брюсселем румынский истеблишмент стал неразрывно связывать сам процесс урегулирования конфликта с обеспечением сближения обеих его сторон с ЕС через подписание соглашения о стабилизации и ассоциации, что неприемлемо для Приднестровья.

Евро-атлантический вектор приобрел при Т. Бэсеску качественно новое измерение и в военной плоскости. С 2005 г. на территории Румынии стали создаваться военно-воздушные базы США (всего четыре). С 2008 г. порты Румынии стали активно использоваться оперативными группировками ВМС стран – участниц НАТО.

Дислокация американских ВВС на территории Румынии не ограничилась обычными военными базами. 13 сентября 2011 г. был подписан договор о размещении здесь базы американских ракет-перехватчиков (элементов системы ПРО). Это соглашение предусматривало создание комплекса противоракетной обороны, который включает и развертывание радиолокационной станции. После начала ввода в эксплуатацию в 2015 г. он находится под командованием и управлением НАТО.

Принцип евро-атлантической солидарности как ключевая компонента румынской политики еще более усилился при вновь избранном президенте Румынии К. Йоханнисе (с 2014 г.), который воспринимается как в Румынии, так и за рубежом как «классический» представитель западного истеблишмента. Символом этого является его немецкое происхождение, а также постоянно проживающие в Германии родители, эмигрировавшие из румынской Трансильвании еще в 1992 г. Показательно также, что сдержанная риторика нового румынского главы теснейшим образом сопряжена с высказываниями официальных лиц ЕС и НАТО – в частности, по вопросам усиления военного присутствия США и «старых» европейских стран – участниц Альянса в отношении роли Румынии в Черноморском регионе.

Выступая на Парламентской ассамблее Альянса в Бухаресте 9 октября 2017 г., К. Йоханнис заявил: «Необходимо усилить присутствие на восточном фронте, особенно на юге, в Черном море, во всех измерениях». Вместе с тем он сказал: «Наша цель не война, а мир, НАТО не является угрозой для России. В отношении России необходима комплексная стратегия союзников. Она должна предусматривать диалог» [11].

Какова географическая направленность, динамика и промежуточные результаты процесса усиления военного присутствия НАТО вблизи ее восточных рубежей (т.е. у границ России и Беларуси)? Участники семинара выделили три основных этапа в развитии данного процесса. *Первый* из них охватывает период с 2004 по 2013 г., т.е. с момента вступления большинства стран региона в НАТО и до начала украинских событий. На данном временно́м отрезке США и «старые» государства – члены Альянса создали лишь морские и воздушные, но отнюдь не наземные инструменты присутствия в Восточной Европе и особенно прилегающих акваториях.

В 2004 г., учитывая настоятельные просьбы стран Балтии и Польши, были созданы три механизма: 1-я постоянная морская группа (ПМГ), 1-я постоянная контрминная группа (ПКМГ), т.е. группировки военно-морских сил, и Миссия по патрулированию воздушного пространства стран Балтии. Обе оперативные морские группировки оперировали в акваториях Балтийского моря, Финского, Рижского и Ботнического заливов, а также в стратегически важных проливах Зунд (Эресунн), Каттегат и Скагеррак от шести до девяти месяцев в году, остальное время находясь в Северном море и прилежащих бассейнах. 1-я ПМГ обычно включала в себя два-три фрегата и один-два корвета, 1-я ПКМГ – до четырех-пяти минных тральщиков. Суда выделялись на ротационной основе (на пять-семь месяцев) «старыми» странами – участницами НАТО, чья территория омывалась морями Европы с севера: Германией, Великобританией, Нидерландами, Норвегией и Данией. Кроме того, в состав обеих групп боевые вымпелы выделялись национальными ВМС Польши и стран Балтии. Помимо «демонстрации флага» (особенно в портах Эстонии и Латвии), обе военно-морские группы активно участвовали в учениях с участием флотов стран – участниц НАТО в регионе, а также условно нейтральных Швеции и Финляндии, тем самым существенно повышая тактико-оперативную совместимость с ними. При необходимости 1-я ПМГ и 1-я ПКМГ, дополненные также ранее бывшими (и предназначенными к использованию) в их составе судами, могут составить «ядро» оперативных эскадр НАТО.

В интересах Миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии к началу 2010-х годов были реконструированы два больших военных аэродрома: Эмари в Эстонии (вблизи Таллинна) и Шауляй в Литве. На каждом из них базируются по четыре истребителя, предоставляемых на ротационной основе (каждые пять-восемь месяцев) двумя «старыми» европейскими

странами – участницами НАТО. Кроме того, аэродромы используют до одного-двух звеньев ВВС США (в том числе самолеты ДРЛО), официально не входящие в состав Миссии. Согласно подсчетам участников семинара, на каждом из аэродромов может быть в случае необходимости размещено не менее одного авиакрыла (60–80 боевых самолетов) ВВС НАТО.

С 2008 г., после операции РФ по принуждению Грузии как агрессора в отношении Южной Осетии к миру, были созданы 2-я ПМГ и 2-я ПКМГ, основными акваториями оперирования которых стали Черное, а также Средиземное и Мраморное моря, проливы Босфор и Дарданеллы. Они в основном комплектовались на ротационной основе из судов ВМС южноевропейских стран – участниц НАТО, а также Турции и Канады. Обе морские группы совершают регулярные визиты в порты Констанцы, Варны, Бургаса, отрабатывая взаимодействие (в том числе на учениях) с ВМС Румынии и Болгарии. Их средняя продолжительность пребывания в акватории Черного моря – тришесть месяцев в году.

Из наземных войск до 2014 г. вблизи восточной границы зоны ответственности НАТО располагались лишь вооруженные силы восточноевропейских государств. Даже после вступления в Альянс, как отметили участники семинара, парки их боевой техники (особенно тяжелой) состояли в основном из единиц еще советского производства, выпущенных в 1970–1980-е годы. Частичным исключением в этой связи выступало Войско Польское: так, для него была закуплена партия танков германского производства типа «Леопард 2» (которые были списаны с вооружения бундесвера). Однако в целом «старые» государства-члены не проявляли готовность участвовать в модернизации вооруженных сил восточноевропейских государств.

Необходимо также отметить, что на данном этапе США был поднят вопрос о размещении Третьего позиционного района ПРО в Европе, элементы которого (радары, ракеты-перехватчики) планировалось разместить в Чехии, Польше (согласно планам «позднего Буша» и «раннего Обамы»), а также Румынии (к середине 2010-х годов).

Второй этап занимает временно́й отрезок с февраля 2014 г., когда начались украинские события, и до июля 2016 г., когда был проведен Варшавский саммит блока. Главной характеристикой этого временно́го отрезка является резкая интенсификация военно-тренировочной деятельности стран – участниц блока, которую уместно охарактеризовать следующими ключевыми чертами:

– участием в учениях (в первую очередь, на территории Польши) сил быстрого реагирования Альянса. Их численность была увеличена, согласно решению Уэльского саммита НАТО (4–5 сентября 2014 г.), с 15 тыс. до 30 тыс. военнослужащих [17], а вслед за этим 24 февраля 2015 г., на основании решения глав военных ведомств стран – участниц блока, до 40 тыс. солдат

и офицеров [14]. Ключевая роль в учениях отводилась бригаде сверхповышенной боевой готовности (около 5 тыс. солдат и офицеров) в составе СБР Альянса. Как подчеркнули также участники семинара, в этот период на территории региона – от восточных земель ФРГ до Эстонии – было развернуто шесть штабов для принятия командования бригадами сверхповышенной боевой готовности. Согласно сложившейся в Альянсе практике, комплектование СБР происходит в рамках семилетних циклов: каждые 12 месяцев (с сентября по август) три-четыре страны-участницы (в том числе одна средняя или крупная) выделяют свои контингенты, в том числе бригаду как соединение сверхповышенной боевой готовности. Соответственно, всего в НАТО имеется не менее семи (в том числе шесть потенциальных) подобных бригад – под каждую из них (исключая действующую) и был создан штаб. Это позволяет Альянсу оперативно развернуть вблизи своих восточных границ 30–40 тыс. военнослужащих в течение нескольких дней [14];

– осуществлением в ходе учений выбросок тактических десантов (до 2,5 тыс. военнослужащих), а также интенсивных тренировок сил специальных операций;

– привлечением к проведению учений (особенно в Эстонии) значительных сил резервистов.

Формально «потолок» одного военного учения, проводившегося Североатлантическим альянсом в данный период, не превышал 13 тыс. военнослужащих. Однако в реальности, учитывая факт одновременного проведения трех-четырех учений и их географической сонаправленности, этот показатель был превышен. В этот период на территории стран Балтии, Польши и Румынии были размещены лишь небольшие дополнительные силы (батальонная тактическая группа (БТГ)), причем исключительно из состава армии США.

Отправной точкой *третьего* этапа рассматриваемого на семинаре процесса укрепления позиций НАТО в Восточной Европе является проведение Варшавского саммита Альянса 8–9 июля 2016 г. [18]. Само место встречи (столица Польши как один из главных апологетов наращивания военного присутствия НАТО) и время (незадолго до крупнейших учений «Анаконда-2016» с участием 31 тыс. военнослужащих) [13] – символичны. На основании решений саммита началось развертывание полномасштабного наземного военного присутствия Альянса, что, по мнению участников семинара, уместно охарактеризовать следующими чертами:

– развертыванием двух механизированных соединений армии США на территории стран Балтии, Польши и Румынии: 3-й бронетанковой бригады 4-й пехотной дивизии [7] и 1-й бронетанковой бригады 3-й пехотной дивизии [18]. Каждая из них имеет полный комплект тяжелой техники, в том числе по 108 штатных танка. При этом личный состав второго из указанных соеди-

нений размещен в Германии, но может быть в течение 2-х часов переброшен в Восточную Европу [18];

– дислоцированием четырех батальонных тактических групп, укомплектованных в основном контингентами «старых» стран – участниц НАТО (см. табл. 2). По одной БТГ было дислоцировано на территориях Эстонии, Латвии, Литвы и Польши [2];

– созданием крупных складов военной техники, вооружений и обмундирования в глубине территорий указанных государств. Это позволяет перебросить сюда (в том числе в штатской одежде) контингенты военнослужащих, обеспечив их всем необходимым на месте;

– развертыванием разветвленной штабной инфраструктуры: на территории Польши был развернут штаб корпуса «Северо-Восток», Румынии – дивизии «Юго-Восток». Первый из них может принять командование над межвидовой группировкой численностью до 70–80 тыс. военнослужащих, второй – до 20–25 тыс. Их основу могут составить уже размещенные войска (эквивалентные не менее чем трем «тяжелым» бригадам), бригады сверхповышенной боевой готовности (до семи), дополнительные силы, использующие технику со складов, а также формирования вооруженных сил стран Восточной Европы.

Наиболее мощными вооруженными силами располагает Польша, основная масса войск которой размещается на севере (вблизи Калининградской области) и востоке, а также Румыния, значительная группировка войск которой дислоцирована в северо-восточной части страны. Остальные государства региона располагают относительно небольшими (от 5 тыс. до 30 тыс. военнослужащих). При этом показательно, что государства региона стали с 2014 г. стремиться к увеличению численности своих вооруженных сил (см. табл. 3). В авангарде этого движения, как и в случае с ростом военных расходов, находятся государства, на территории которых размещены наиболее крупные группировки войск НАТО.

С одной стороны, участники семинара отмечали серьезное – и количественное, и качественное – наращивание военного присутствия НАТО вблизи ее восточных рубежей. С другой стороны, эти силы, даже в случае усиления их войсками СБР, недостаточны для обеспечения равенства (не говоря уже о превосходстве) с войсками РФ, дислоцированными в западных субъектах страны. При нынешней боевой мощи группировки НАТО в Восточной Европе способны выполнять лишь функции прикрытия и «демонстрации флага». При этом основная масса войск Североатлантического альянса продолжает дислоцироваться на территории «старых» стран – участниц НАТО. Так, согласно информации германских «левых», в Восточную Европу планировалось перебросить до 250 танков армии США, в то время как только в Германию, т.е. зону второго стратегического эшелона, – 550 (!) [12, с. 1].

Показательно также, что масштабные учения «Анаконда-2016» проводились не в восточных, а в самых западных воеводствах Польши и восточных землях ФРГ. Это свидетельствовало в пользу того, что их главной задачей была отработка прикрытия основной массы войск стран НАТО, размещенных в Центральной и Западной Европе – в том числе портов Германии, через которые прибывают войска и особенно военная техника США.

В тесной связи с развитием военно-политической обстановки в Восточной Европе и особенно акватории Балтийского моря находятся вопросы военно-политического позиционирования Швеции и Финляндии. С момента вступления в ЕС (1995 г.) их нейтралитет, учитывая обязательства по координации усилий в области внешней политики и обороны, является условным. На современном этапе наблюдается тенденция сближения обоих североевропейских стран с Североатлантическим альянсом. Де-юре пиком развития взаимодействия стало подписание на полях Уэльсского саммита НАТО 4–5 сентября 2014 г. соглашения о взаимопонимании Швеции и Финляндии с блоком, создавшим расширенные юридические рамки для сотрудничества сторон [9]. Де-факто финские и особенно шведские ВМС участвуют практически во всех учениях под эгидой НАТО в морях, омывающих с севера Европу, и в Атлантическом океане. Кроме того, Швеция присоединилась к подготовке СБР НАТО и активно поддерживает на своей территории совместные усилия Альянса. Однако, формально войти в состав Организации Североатлантического договора Швеция и Финляндия не стремятся – общественное мнение этих государств против этого шага. Помимо стремления избежать резкого ухудшения отношений с Россией, это обусловлено также стремлением сохранить свою «особость», связанную с нейтральным статусом. Швеция располагает собственным весьма развитым военно-промышленным комплексом, способным производить конкурентную на мировом уровне морскую, наземную и воздушную боевую технику. Вступление же в блок может привести к частичному удушению шведского производителя более мощными концернами США и Европы. Кроме того, как подчеркнули участники семинара, шведские и финляндские вооруженные силы «заточены» исключительно под использование на специфическом по своим тактико-оперативным характеристикам североевропейском театре военных действий. При этом при использовании на других направлениях их боевые характеристики существенно ниже, что отнюдь не будет способствовать получению Швецией и Финляндией того военно-политического веса в НАТО, который они потеряют, перестав быть условно нейтральными странами.

* * *

Страны региона Восточной Европы – как малые, так и средние (прежде всего Польша и в несколько меньшей степени Румыния) – находятся в поисках своей геополитической субъектности. Своей активной внешней политикой они среди прочего стремятся «компенсировать» ее отсутствие на длительных исторических отрезках. О стремлении к достижению этой цели свидетельствуют три основных тренда. Первый из них – это рост влияния правых, в том числе праворадикальных, политических сил, которые объединяет стремление к усилению элементов «державности», особенно во внешнеполитическом курсе. Второй, тесно связанный с первым, тренд – это огромная роль «исторической политики» во внутри- и внешнеполитическом позиционировании стран Восточной Европы. С одной стороны, политические силы правого толка активно обращаются к периодам, когда страны региона (особенно Польша) были влиятельными игроками, ставя своей целью достижение сопоставимого веса на современном этапе, с другой – ко временам «геополитического притеснения», особенно когда требуется получить помощь (в том числе военную) со стороны партнеров. Наконец, третий тренд – это стремление позиционировать Восточную Европу как ключевое для НАТО направление и, соответственно, развернуть здесь сопоставимое по масштабам с территорией «старых» государств – участников Альянса военное присутствие в условиях фатального ухудшения отношений России и Запада. Развертывание группировок из состава «внешних» по отношению к Восточной Европе государств – членов НАТО является фактором компенсации относительной слабости вооруженных сил, которыми располагают региональные участники Альянса.

Таблица 1

ДОЛЯ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СТРАН БАЛТИИ В 2009–2016 гг. ОТ ВВП (в %)

Страна	*2009*	*2010*	*2011*	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*	*2016*
Чехия	1,52	1,29	1,07	1,06	1,03	0,96	1,06	1,04
Словакия	1,52	1,27	1,09	1,10	0,99	0,99	1,14	1,16
Венгрия	1,14	1,04	1,05	1,04	0,95	0,87	0,94	1,01
Польша	1,71	1,77	1,72	1,74	1,72	1,85	2,23	2,00
Литва	1,07	0,88	0,79	0,76	0,76	0,88	1,14	1,49
Латвия	1,21	1,06	1,02	0,89	0,93	0,94	1,04	1,45
Эстония	1,80	1,70	1,68	1,89	1,90	1,94	2,07	2,16
Болгария	1,75	1,67	1,33	1,35	1,46	1,32	1,29	1,35
Румыния	1,33	1,24	1,28	1,22	1,28	1,35	1,45	1,48
В среднем по европейским странам – участницам НАТО	1,70	1,64	1,56	1,53	1,51	1,46	1,45	1,46
В среднем по всем странам – участницам НАТО	3,30	3,04	2,98	2,82	2,66	2,50	2,41	2,43

Составлено авторами на основе: [8].

Таблица 2

ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ СМЕШАННЫХ БАТАЛЬОНОВ НАТО В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (РОТАЦИЯ 2016–2017 гг.)

Восточноевропейская страна, принимающая батальон	*Страна НАТО, создающая рамочную основу сил батальона*	*Государства, дополнительно предоставляющие подразделения в состав батальона*
Эстония	Великобритания	Франция, Дания
Латвия	Канада	Италия, Польша, Дания, Словения
Литва	Германия	Франция, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Хорватия
Польша	США	Великобритания и Румыния

Составлено авторами на основе: В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе [2].

Таблица 3

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ЛИЧНОГО СОСТАВА СТРАН – УЧАСТНИЦ НАТО В 2009–2016 гг. (тыс. военнослужащих)

Страна	*2009*	*2010*	*2011*	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*	*2016*
Ведущие европейские державы НАТО								
Великобритания	195	198	191	184	179	169	163	161
Франция	239	234	227	219	213	207	207	208
Германия	247	235	205	192	184	179	180	180
Италия	197	193	192	189	189	183	182	182
Малые и средние государства – «старые» члены НАТО								
Бельгия	36	34	32	31	31	31	31	29
Люксембург	0,9	0,9	0,9	0,8	0,9	0,8	0,9	0,9
Нидерланды	48	48	45	44	42	41	41	41
Испания	132	131	127	125	122	122	121	121
Португалия	40	43	35	34	33	31	31	31
Норвегия	18	19	21	21	20	21	21	20
Дания	19	19	19	19	18	17	16	16
Греция	135	128	117	110	110	107	106	106
Турция	495	495	495	495	427	423	426	411
Новые страны – участницы (регион Восточной Европы и государства Балтии)								
Латвия	5	5	5	5	5	5	5	5
Литва	8	8	8	8	8	9	12	13
Эстония	5	5	6	6	6	6	6	6
Польша	99	100	97	98	100	99	103	103
Чехия	24	24	22	22	20	20	21	22
Словакия	15	14	13	13	12	12	12	13
Венгрия	19	20	19	19	18	17	17	18
Болгария	32	30	29	26	28	27	27	31
Румыния	67	67	66	66	66	65	64	70
Новые страны – участницы (Балканы)								
Албания	11	11	10	8	7	7	6	7
Хорватия	16	16	16	16	16	15	15	15
Словения	7	7	7	7	7	7	7	7
Всего по европейским странам-участницам	1497	1488	1493	1450	1404	1387	1375	1379
Канада	60	61	68	68	68	66	66	65
США	1418	1427	1425	1400	1382	1338	1311	1305
Всего	**3589**	**3572**	**3497**	**3423**	**3312**	**3226**	**3198**	**3163**

Составлено авторами на основе: [8].

Библиография

1. Азаров Н.Я. Уроки Майдана. Украина после переворота. М.: Вече, 2017. 320 с.

2. В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // РБК [Электронный ресурс]. 2016. 16 октября. URL: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Дата обращения: 25.12.2017.)

3. Итоги саммита Украина–ЕС: с без визой и ассоциацией, но без перспективы членства в ЕС и НАТО // Сегодня [Электронный ресурс]. 2017. 13 июня. URL: <https://www.segodnya.ua/ukraine/itogi-sammita-ukraina-es-s-bezvisom-i-associaciey-no-bez-perspektivy-chlenstva-v-es-i-nato.html> (Дата обращения: 25.12.2017.)

4. Моро К. Украина: В чем ошиблась Франция. М.: Фонд исторической перспективы, 2016. 150 с.

5. Мотыка Г. От волынской резни до операции «Висла»: Польско-украинский конфликт 1943–1947 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. 336 с.

6. Табачник Д. Украина: Политика упущенных возможностей // 2000: Еженедельник. Киев, 2008. № 42. 17–23 октября. С. 5.

7. 4th ID begins convoy across Germany to Poland // US Army [Электронный ресурс]. 2017. Jan. 09. URL: <http://www.army.mil/article/180449/4th_id_begins_convoy_across_germany_to_poland> (Дата обращения: 25.12.2017.)

8. Defence Expenditures of NATO Countries (2009–2016). Communiqué PR/CP (2016) 116. 4.07.2016 // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160704_160704-pr2016-116.pdf> (Дата обращения: 25.12.2017.)

9. Finland and Sweden sign Memorandum of Understanding with NATO (2014) // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shape.nato.int/finland-and-sweden-signing-a-memorandum-of-understanding-with-nato-for-operational-and-logistic-support> (Дата обращения: 25.12.2017.)

10. How the EU transformed Poland // The Guardian [Электронный ресурс]. 2014. May 01. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/01/eu-poland-10-years-economic> (Дата обращения: 25.12.2017.)

11. Klaus Iohannis: NATO nu este o amenințare pentru Rusia // Sputnik [Электронный ресурс]. 2017. Oct. 09. URL: <https://www.realitatea.net/iohannis-participa-la-adunarea-parlamentara-nato-i-il-prime-te-la-cotroceni-pe-jens-stoltenberg_2111228.html> (Дата обращения: 25.12.2017.)

12. Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, Jörn Wunderlich und der Fraktion DIE LINKE.Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015. 15 S.

13. NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war // The Guardian [Электронный ресурс]. 2016. June 06. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (Дата обращения: 25.12.2017.)

14. NATO Response Force // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm> (Дата обращения: 25.12.2017.)

15. The Paris Club's unprecedented debt write-off for Poland is... // UPI. [Электронный ресурс]. 1991. Apr. 04. URL: <https://www.upi.com/Archives/1991/04/02/The-Paris-Clubs-unprecedented-debt-write-off-for-Poland-is/2145670568400/> (Дата обращения: 25.12.2017.)

16. Polish child benefit,, Rodzina 500 Plus… // Just Ask [Электронный ресурс]. 2017. July16. URL: <https://www.justaskpoland.com/polish-child-benefit-rodzina-500-plus/> (Дата обращения: 25.12.2017.)

17. Wales Summit Declaration, 5 September 2014 // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm> (Дата обращения: 25.12.2017.)

18. Warsaw Summit Communiqué, 8–9 July 2016 // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm> (Дата обращения: 25.12.2017.)

19. US army tanks arrive in Poland as Russia starts military drills on country's border // The Independent [Электронный ресурс]. 2017. Sept. 16. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/us-tanks-poland-russia-war-games-military-drills-belarus-putin-trump-a7949906.html> (Дата обращения: 25.12.2017.)

References

Azarov N.Ja. Uroki Majdana. Ukraina posle perevorota. Moscow: Veche, 2017. 320 p.

Defence Expenditures of NATO Countries (2009–2016). Communiqué PR/CP (2016) 116. 4.07.2016 // NATO: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160704_160704-pr2016-116.pdf> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Finland and Sweden sign Memorandum of Understanding with NATO (2014) // NATO: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.shape.nato.int/finland-and-sweden-signing-a-memorandum-of-understanding-with-nato-for-operational-and-logistic-support> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

4th ID begins convoy across Germany to Poland // US Army [Jelektronnyj resurs]. 2017. Jan. 09. URL: <http://www.army.mil/article/180449/4th_id_begins_convoy_across_germany_to_poland> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

How the EU transformed Poland // The Guardian [Jelektronnyj resurs]. 2014. May 01. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/01/eu-poland-10-years-economic> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Itogi sammita Ukraina–ES: S bezvizom i associaciej, no bez perspektivy chlenstva v ES i NATO // Segodnja [Jelektronnyj resurs]. 2017. June 13. URL: <https://www.segodnya.ua/ukraine/itogi-sammita-ukraina-es-s-bezvisom-i-associaciey-no-bez-perspektivy-chlenstva-v-es-i-nato.html> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Klaus Iohannis: NATO nu este o amenințare pentru Rusia // Sputnik [Jelektronnyj resurs]. 2017. Oct. 09. URL: <https://www.realitatea.net/iohannis-participa-la-adunarea-parlamentara-nato-i-il-prime-te-la-cotroceni-pe-jens-stoltenberg_2111228.html> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, Jörn Wunderlich und der Fraktion DIE LIN-KE.Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015. 15 S.

Moro K. Ukraina: V chem oshiblas' Francija. Moscow: Fond istoricheskoj perspektivy, 2016. 150 p.

Motyka G. Ot volynskoj rezni do operacii «Visla»: Pol'sko-ukrainskij konflikt 1943–1947 gg. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklo-pedija, 2014. 336 p.

NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war // The Guardian [Jelektronnyj resurs]. 2016. June 06. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-

launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (Data obrashhenija 25.12.2017.)

NATO Response Force // NATO: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Polish child benefit,, Rodzina 500 Plus… // Just Ask [Jelektronnyj resurs]. 2017. July 16. URL: <https://www.justaskpoland.com/polish-child-benefit-rodzina-500-plus/> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Tabachnik D. Ukraina: Politika upushhennyh vozmozhnostej // 2000: Ezhenedel'nik. Kiev, 2008. N 42. Oct. 17–23. P. 5.

The Paris Club's unprecedented debt write-off for Poland is... // UPI. [Jelektronnyj resurs]. 1991. Apr. 04. URL: <https://www.upi.com/Archives/1991/04/02/The-Paris-Clubs-unprecedented-debt-write-off-for-Poland-is/2145670568400/> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

US army tanks arrive in Poland as Russia starts military drills on country's border // The Independent [Jelektronnyj resurs]. 2017. Sept. 16. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/us-tanks-poland-russia-war-games-military-drills-belarus-putin-trump-a7949906.html> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

V NATO zajavili ob uchastii 16 stran v rotacii sil v Vostochnoj Evrope // RBK [Jelektronnyj resurs]. 2016. Oct. 16. URL: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Wales Summit Declaration, 5 September 2014 // NATO: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Warsaw Summit Communiqué, 8–9 July 2016 // NATO: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.21

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

«ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ПРЕДЧУВСТВИЙ». Рец. на сб.: «Социальные, культурные и политические контексты современных конфликтов: Материалы XVII Международных Лихачёвских научных чтений, 18–20 мая 2017 г.: Препринт» (СПб.: СПбГУП, 2017. 102 с.)

Аннотация. *В рецензии характеризуется тематика и проблематика статей, вошедших в сборник «Социальные, культурные и политические контексты современных конфликтов: Материалы XVII Международных Лихачёвских научных чтений, 18–20 мая 2017 г.: Препринт» (СПб.: СПбГУП, 2017. 102 с.).*

Ключевые слова: *современные конфликты, новый миропорядок, мультикультурализм, глобализация, безопасный мир.*

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва. E-mail: kianoks@inbox.ru

Фельдман Давид Маркович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). E-mail: dmfeld@inbox.ru

O.I. Kiyanskaya, D.M. Feldman. «A Time of Great Foreboding». Review on: «Social'nye, Kul'turnye i Politicheskie Konteksty Sovremennyh Konfliktov: Materialy XVII Mezhdunarodnyh Lihachevskih Nauchnyh Chtenij, 18–20 Maja 2017 g.: Preprint» (St. Petersburg: SPbGUP, 2017. 102 p.)

Abstract. *The paper reviews the themes and problems of articles presented in the scientific collection «Social'nye, kul'turnye i politicheskie konteksty sovremennyh konfliktov: Materialy XVII Mezhdunarodnyh Lihachevskih nauchnyh chtenij, 18–20 maja 2017 g.: Preprint» (St. Petersburg: SPbGUP, 2017. 102 p.)*

Keywords: *modern conflicts, new world order, multiculturalism, globalization, safe world.*

Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU);
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: kianoks@inbox.ru

Feldman David Markovich – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU).
E-mail: dmfeld@inbox.ru

В мае 2017 г. при Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов состоялись XVII Международные Лихачёвские чтения. По итогам работы секции «Социальные, культурные и политические контексты современных конфликтов» был издан одноименный сборник.

Открывает сборник статья ректора СПб. ГУП, профессора А.С. Запесоцкого – «Будущее глобального мира: тенденции, системные сдвиги, конфликты». Автор утверждает, что современный мир столкнулся с новыми и весьма серьезными вызовами.

Прежде всего, идея мультикультурализма оказалась постольку несостоятельной, поскольку обнаружились противоречия между разными культурами. И даже цивилизациями.

Кроме того, глобализационные процессы начали, по выражению автора статьи, «сворачиваться». Зато усилилась дифференциация различных цивилизаций.

Автор статьи указывает и причины, обусловившие отмеченные им явления. По его словам, «механизмы демократии оказались недостаточно эффективными в условиях развития технологий манипулирования общественным мнением и индивидуальным сознанием», кризис охватил многие экономические институты и – в целом – современную цивилизацию [1, с. 6, 7].

Запесоцкий настаивает, что одна из главных задач современной науки – осмыслить складывающийся новый мировой порядок, попытаться проанализировать последствия современных конфликтов и противоречий. Задачу сборника он видит как раз в том, чтобы собрать воедино мнения современных конфликтологов. Цель – «лучше подготовится к событиям будущего» [1, с. 8].

С обозначенной тематикой и проблематикой корреспондирует статья заведующего кафедрой социологии Белорусского государственного университета, профессора А.Н. Данилова – «Глобальный хаос в бесполюсном мире: на пути к новому миропорядку». По мнению автора, старый порядок разрушен, новый лишь строится, и в перспективе – отсутствие пресловутых полюсов [1, с. 57].

Согласно Данилову, «бесполюсный мир» опасен. Потому что подразумевается хаос, значит – «борьба всех против всех». А главное, продуцируется ситуация, превращающая личность в управляемого и безвольного «человека массы» [1, с. 53–57].

Можно сказать, что статьи Запесоцкого и Данилова обозначают специфику нынешних политологических разысканий. Исследователи пытаются определить, будет ли новый мировой порядок сопряжен с прежними угрозами, удастся ли мировому сообществу преодолеть конфликты и не допустить возникновения новых, какие акторы политики станут наиболее значительными, что за изменения возможны на уровне геополитической карты.

В этом аспекте весьма примечательна статья Президента Киргизской Республики (1990–2005), профессора А.А. Акаева – «О перспективах становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций».

По мнению автора статьи, относительная стабильность прежней геополитической ситуации обусловливалась соблюдением принципов, сформулированных на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Именно там «были выработаны основы послевоенного многополярного мироустройства и создания ООН, определившие сравнительно устойчивый миропорядок почти на пять десятилетий» [1, с. 17].

Соответственно, Акаев описывает модель устойчивого многополярного мироустройства. Она была представлена автором цитируемой статьи – совместно с профессором Ю.В. Яковцом – на VII Международной конференции в Ялте в октябре 2016 г. Для осмысления современной ситуации и будущего многополярного мира в декабре того же года был создан «Ялтинский клуб». Обсуждение новой модели планируется на Саммите цивилизаций в 2020 г. и в ООН [1, с. 16–21].

Однако не все авторы соглашаются с определением прежнего миропорядка в качестве многополярного. Например, его характеризует как биполярный министр образования Польши (1996–1997), депутат польского Сейма (1991–1997, 2001), профессор Е.Й. Вятр – в статье «К новому мировому порядку XXI века».

По мнению автора статьи, идеологические различия исключили саму возможность долгосрочного сотрудничества двух блоков государств, и так называемый ялтинский мир распался. Ликвидировать конфронтацию попытался М.С. Горбачёв, но в итоге не стало СССР, и вместо прежних конфликтов возникли новые [1, с. 41–42].

Тем не менее, подчеркивает Вятр, они могут быть решены за столом переговоров. Кроме разве что «конфликта между радикальным исламизмом и остальным человечеством» [1, с. 42].

Теме международных конфликтов посвящена и статья заместителя министра иностранных дел РФ, Чрезвычайного и Полномочного Посла Г.М. Гатилова «О некоторых новых вызовах и угрозах в глобальном мире на современном этапе».

К описываемым в статье «вызовам и угрозам» относятся так называемый сирийский кризис, новые террористические методы и разразившийся в Западной Европе и США «кризис доверия широких слоев населения к космополитическим элитам» [1, с. 43–44].

Проблеме так называемого антропологического вызова посвящена статья генерального директора Института экономических стратегий РАН, профессора А.И. Агеева – «“Рысканье по аттрактору”, или стратегические задачи России в эпоху смены гегемона».

Как доказывает Агеев, в современном мире возникают технологические возможности, позволяющие формировать заранее определенное состояние массового сознания, а также структуру общества. Именно немыслимое ранее количество инноваций и вызывает беспокойство политических элит мира, в значительной мере обусловливающее кризис. Что еще и усугубляется утверждаемой США «валютной гегемонией» [1, с. 8–12].

По мнению Агеева, Россия может и должна стать гарантом сохранения системы балансов – и мировых, и региональных. Соответственно, многократно возрастает роль БРИКС «как субъекта суверенной политики, альтернативной развязыванию новой мировой войны» [там же].

Впрочем, не все авторы сборника согласны с такой оценкой. Так, британский экономист и социолог Г. Литтлджон в статье «Новая стратегия противодействия странам БРИКС» настаивает, что этот союз выгоден Китаю и России, но для Индии, ЮАР и Бразилии подразумевает своего рода экономический дискомфорт [1, с. 74–79].

Несколько иной проблематике посвящена статья представителя Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), профессора С.Ю. Ивановой – «Культурный кризис современного мира».

Как и некоторые другие авторы статей, вошедших в сборник, Иванова считает кризисными факторами так называемые информационные войны небывалых ранее масштабов и социальные сети – ресурс подобного рода конфликтных состояний [1, с. 72–74].

Проблемы международной безопасности и угрожающие мировому сообществу деструктивные процессы рассматриваются в статье директора Института Европы РАН, члена-корреспондента РАН Ал.А. Громыко – «Глобальная (не) безопасность: Национальные интересы России».

Как утверждает автор статьи, деструктивные процессы создают ситуацию уязвимости мирового сообщества. В качестве одного из таких факторов

указан способствующий возникновению новой холодной войны развивающийся «конфликт между Россией и “коллективным Западом”» [1, с. 49–53].

Однако, по мнению автора статьи, есть и реальная альтернатива новой холодной войне. Это «структурная конкуренция на условиях конструктивного полицентризма» [1, с. 53].

Немалая часть материалов в рецензируемом сборнике посвящена судьбе отдельных стран и регионов. Такова и статья профессора Университета Любляны (Словения) А. Беблера – «Балканы и европейская безопасность».

Как правило, Балканские страны соотносятся с понятием «Юго-Восточная Европа», Беблер же рассматривает феномен нестабильности Балкан, обусловленной конфликтами интересов не только сопредельных государств, но и гораздо более далеких. И при этом формулирует вполне оптимистический вывод: регион уже не является, как прежде его характеризовали, «пороховой бочкой», так что перспектива – безопасность [1, с. 23–29].

Подводя итоги, стоит подчеркнуть: в большинстве своем авторы сборника акцентируют: региональные и глобальные войны можно предотвратить. Именно переговоры – наиболее конструктивный метод предотвращения.

Но, как признает большинство авторов сборника, это вариант желательный, а не единственно возможный. Общее же настроение более точно выражает суждение, сформулированное Даниловым: «Мир замер в ожидании нового прочтения истории, утверждении мирового порядка в большой шахматной игре. Наступает время великих предчувствий…» [1, с. 53–57].

Библиография

1. Социальные, культурные и политические контексты современных конфликтов: Материалы XVII Международных Лихачёвских научных чтений, 18–20 мая 2017 г.: Препринт. СПб.: СПбГУП, 2017. 102 с.

References

Social'nye, kul'turnye i politicheskie konteksty sovremennyh konfliktov: Materialy XVII Mezhdunarodnyh Lihachevskih nauchnyh chtenij, 18–20 maja 2017 g.: Preprint. Saint Petersburg: SPbGUP, 2017. 102 p.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2018 г.

Памяти Владимира Алексеевича Виноградова ..... № 1, с. 6

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А.Б. Асташов. Переселенческая политика военных властей России во время «великого отступления» 1915 г. ..... № 1, с. 63
И.И. Глебова. Россия–1917: Проблема исторического выбора ..... № 1, с. 78
И.И. Глебова. Россия – 1917: Славная революция запасных ..... № 3, с. 6
А.Г. Готовцева. «Он всегда будет жертвой политических интриг»: Придворная борьба Александровской эпохи ..... № 1, с. 8
В.В. Дамье. Русский генерал и китайские радикалы ..... № 3, с. 30
А.А. Ильин. А.И. Герцен о проблеме политического насилия ..... № 1, с. 47
С.С. Ипполитов. «Я видел мертвых…»: Российское общество Красного Креста и Американский Красный Крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. ..... № 1, с. 100
Л.В. Климович. Общество бывших воспитанников Императорского Александровского лицея и его архив в эмиграции (1920–1930-е гг.) ..... № 2, с. 18
М.В. Кротова. Осмысление революции 1917 г. в среде русской эмиграции в Китае ..... № 3, с. 52
А.С. Панов. Восстание декабристов и перспективы модернизации России в восприятии американцев в 1820-х гг. ..... № 1, с. 29
В.А. Соболев. Ф.М. Бурлацкий и становление прав и свобод человека в России ..... № 4, с. 19
А.А. Терещук. Испанские правые о революции в России ..... № 4, с. 7
Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения ..... № 4, с. 30
В.Н. Чернега. Россия между прошлым и будущим. Об уроках истории ..... № 2, с. 6

М.А. Ядова. Пожар в ИНИОН РАН глазами волонтеров (Опыт социологического исследования) ..... № 2, с. 32

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

С.А. Бокерия, И. Пеич. Россия и Сербия: Пути взаимодействия ..... № 3, с. 92
Д.О. Вакарчук. Роль стран Центрально-Восточной Европы в процессе становления внешней энергетической политики Европейского союза (2005–2007)..... № 2, с. 76
Л.Б. Вардомский. Состояние и перспективы взаимных экономических отношений Беларуси, России и Украины в контексте их идентичности ..... № 3, с. 103
Н.И. Васильева, И.А. Кашуро. Конкурентные преимущества экспорто- и импортоориентированных секторов российской экономики в современных условиях ..... № 4, с. 54
Ю.А. Гринева. Миграционная политика Италии в первом десятилетии XXI в.: Опыт для России ..... № 1, с. 139
Ю.К. Князев, Н.В. Фейт. Современные тенденции в экономических отношениях России со странами Центрально-Восточной Европы ..... № 2, с. 64
Н.А. Коновалова. Внешняя политика России в рамках современной международной системы ..... № 1, с. 126
А.О. Ковалева. Развитие Дальневосточного региона как геостратегическая задача. На примере СССР и современной России..... № 4, с. 46
Е.А. Крылова. Россия в программах парламентских партий ФРГ в 2017 г..... № 3, с. 86
Д.С. Кукушкин, А.К. Жихарева. Опыт регулирования потока прямых иностранных инвестиций в мировых интеграционных группировках ..... № 2, с. 119
А.В. Малов. Продовольственный суверенитет как фактор современного миропорядка..... № 1, с. 146
Я.В. Мищенко. О конкурентоспособности России в контексте «японизации» рынков энергетического машиностроения ..... № 2, с. 129
Я.В. Мищенко. Стратегическое партнерство России и Вьетнама в области энергетики в аспекте конкуренции с Японией ..... № 4, с. 82

Г.А. Монусова. Интеграция иммигрантов в России: Уравнение со множеством неизвестных ..... № 3, с. 118
Е.А. Мосакова. Рождаемость в контексте гендерного неравенства (на примере стран СНГ и БРИКС) ..... № 4, с. 93
А.А. Оносов, А.Т. Гаспаришвили. Русские в Московском регионе: Этнический абрис в актуальной динамике ..... № 2, с. 47
Ю.Г. Павленко. Социальное государство и инновационная экономика ..... № 4, с. 129
Е.В. Пинюгина. Россия и формирование евразийских межгосударственных транспортных проектов ..... № 1, с. 157
М.А. Положихина. Регулирование процесса цифровизации экономики: Европейский и российский опыт ..... № 4, с. 64
Н.В. Попова. Перспективы развития объединения «БРИКС плюс» ..... № 2, с. 110
Б.А. Сереков. Китайский проект «Один пояс – один путь»: Проблемы и перспективы реализации ..... № 3, с. 138
И.С. Синицина, Н.А. Чудакова. Современная Польша и российско-польские экономические отношения ..... № 2, с. 89
Ф.О. Трунов. Проблемы и перспективы взаимодействия ФРГ и РФ в урегулировании вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве ..... № 3, с. 66
Т.Б. Уварова. Новое российское пограничье: Постсоветская Беларусь в социально-антропологическом ракурсе ..... № 1, с. 172
В.Н. Чернега. Франция и Россия в эпоху Э. Макрона: Возможно ли реальное сближение? ..... № 1, с. 113
Г.Г. Шаламов. Китайское присутствие в Африке: Уроки для России ..... № 4, с. 112
М.А. Ядова. Молодежь в современном мире: Тенденции взросления ..... № 4, с. 104

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Г.Н. Воронцова. «Нами убит известный атаман Григорьев»: К истории гибели одного из руководителей повстанческого движения на Украине в годы Гражданской войны ..... № 3, с. 164
А.А. Гончаренко. Фильм братьев Васильевых «Чапаев» как произведение социалистического реализма: По материалам обсуждения 29 ноября 1934 г. ..... № 3, с. 174

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман. «Я приветствую вас, освободители от большевистского ига!!»: Из материалов персонального дела Владимира Нарбута ..... № 2, с. 157
Р.Т. Нуриев. Особые конструкторские и технические бюро («шарашки») г. Казани в 1940-х гг. По мемуарам и свидетельствам современников ..... № 4, с. 185
Е.А. Папкова. «Бронепоезд 14–69» Всеволода Иванова: История и вымысел ..... № 4, с. 156
М.А. Фельдман. Кем была одержана победа? К вопросу о результатах дискуссии на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) ..... № 4, с. 169
П. Чони. Социал-демократическая критика Октябрьской революции: М. Горький и «Новая жизнь» ..... № 3, с. 151
М.Л. Федоров, Т.И. Шевченко. «Красная Финляндия» в оценке И.А. Киреева и Демьяна Бедного (По архивным материалам ОР ИМЛИ РАН) ..... № 4, с. 142
А.Л. Юрганов. Конкурирующие модели пролетарской культуры в СССР 1920-х годов ..... № 2, с. 137

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

О.Ю. Адамс. Антикоррупционное законодательство КНР в 1995–2015 гг. ..... № 1, с. 206
А.К. Аликберов. Концепции начала и конца истории: Историографический обзор ..... № 4, с. 199
М.Р. Деметрадзе. Модернизация Тайваня в правление президента Чан Кайши: Опыт для постсоветских государств ..... № 3, с. 181
Д.А. Добрынин. «Международная амнистия» и чехословацкое правозащитное движение 1977–1989 гг. ..... № 3, с. 196
И.Ю. Жилина. Экономические аспекты современного терроризма ..... № 1, с. 188
Е.В. Журавлева, С.В. Фурсов. Популяризация науки в современной России ..... № 4, с. 233
И.О. Зайцев. Российская информационная кампания в период вооруженного противостояния на востоке Украины в 2014–2015 гг. ..... № 3, с. 213
Р.М. Мамараев. Политические предпочтения дагестанского электората накануне выборов депутатов в 2016 г. ..... № 3, с. 223

М.Е. Попов. Творчество русских художников в Берлине 1920-х годов ..... № 2, с. 208
Г.Т. Сардарян. Политическая доктрина папы Бенедикта XVI и европейский политический позитивизм ..... № 2, с. 215
О.А. Симонова. Образ Нестора Махно в воспоминаниях А.А. Саксаганской. Впечатление писательницы, слухи, свидетельства очевидцев ..... № 4, с. 214
Л.В. Скворцов. Понятие гетеротопии и современный мировой порядок: К постановке проблемы ..... № 1, с. 219
А.С. Хворостяная. Олимпийские игры: Стратегическое влияние на агентов индустрии моды ..... № 3, с. 230
О.А. Хлопов. Концепция сдерживания и проблемы ядерной безопасности в российско-американских отношениях ..... № 4, с. 224
А.С. Ципко. За красотой идеала скрывается ад (Размышления об истоках нашей неиссякаемой русской веры в возможность невозможного) ..... № 2, с. 182

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

В.Н. Бабенко, Т.Г. Биткова, А.В. Манойло, Т.Г. Пархалина, Ф.О. Трунов, Л.Н. Шаншиева. Политические и военно-политические особенности развития ситуации в Восточной Европе. Методический семинар Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН ..... № 4, с. 238
А.В. Белинский. Основные принципы российской политической элиты: Право, правда, общее благо и насилие. (Реферат) ..... № 1, с. 247
И.К. Богомолов. Жизнь в революции. Городские коммуны и советский социализм, 1917–1932. (Реферат) ..... № 3, с. 238
Е.Б. Калоева. Радикальная мысль. Феноменология политического радикализма. (Реферат) ..... № 2, с. 240
О.И. Киянская, Д.М. Фельдман. «Время великих предчувствий»: Рец. на сб.: «Социальные, культурные и политические контексты современных конфликтов: Материалы XVII Международных Лихачёвских научных чтений, 18–20 мая 2017 г.: Препринт» (СПб.: СПбГУП, 2017. 102 с.) ..... № 4, с. 261
Т.Н. Красавченко. Евгений Евтушенко и его время в англоязычной критике ..... № 2, с. 225

В.П. Любин. Русские эмигранты в Италии в XX в.: Новые исследования..... № 1, с. 233
Т.Г. Пархалина, В.Н. Смирнов, Е.П. Тимошенкова, С.В. Погорельская, А.В. Цвык, Л.Н. Шаншиева, Ф.О. Трунов, А.В. Белинский. «Выборы в Германии – 2017: Перспективы внутренней и внешней политики». Методический семинар центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН ..... № 2, с. 245
Ю.В. Чайников. За Путина и за шариат. Дагестанские мусульмане о России и исламском государстве. (Реферат)..... № 3, с. 247

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п.л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотренаа специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла представленной информации. Автор несет ответственность за содержание своей работы, за точность цитат, за корректность цитирования и отсутствие в тексте плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится краткая аннотация и ключевые слова, употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова (не более 10) и сведения об авторе (авторах) даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке под номерами. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные; нумерация сплошная. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы должен быть транслитерирован латинскими буквами; на английский язык переводятся только названия городов в библиографическом описании и буква р. – обозначение страницы. Транслитерированной список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту, но без нумерации. Для транслитерации допускается использование специализированных сайтов в сети Интернет, например: http://translit.net/

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

В транслитерированном виде описание выглядит так: 1) Ivanov I.I. Problemy nauki. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; 2) Petrov P.P. K voprosu o… // Rossiya i sovremenny mir. Moscow, 2011. N 4. P. 5–25.

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: 1) Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; 2) Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп 2. Д. 3. 3 л.; 3) Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: 1) Bagritskaya L.G. Pismo V.P. Kataevy, 7.10.1947 г. // RGALI. F. 1399. Op. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; 2) Javoronkov B.I. Slovo o Moscovskom Gosudarstvennom istorico-arhivnom institute // GARF. F. R8370. Op. 2. D. 3. 3 p.; 3) Ugolovnoe delo A.N. Harry // CA FSB. D. P-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: 1) Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.12.2015.); 2) Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka. 1948. URL: http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html (Data obrashheniya: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов даются в оригинальном написании.

В тексте статьи ссылки на каждую позицию списка приводятся в скобках, где указывается номер ссылки и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Например: [5, с. 38]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [1, с. 23–33; 2, с. 15]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [8].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 4 – 2018 (101)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 30.11.2018 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 22,2 Уч.-изд. л. 17,0
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 149

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл.,
г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У